

Научно-популярное издание

Вниманию оптовых покупателей!

Книги различных жанров можно приобрести по адресу: 129348, Москва, ул. Красной Сосны, д. 24, издательство «Вече».

Телефоны: (095) 188-88-02, 188-16-50, 182-40-74;
т/факс: 188-89-59, 188-00-73.

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>,
www.100top.ru

Филиал в Нижнем Новгороде
«ВЕЧЕ-НН»
тел. (8312) 64-93-67, 64-97-18

Филиал в Новосибирске
ООО «Опткнига-Сибирь»
тел. (3832) 10-18-70

Филиал в Казани
ООО «ВЕЧЕ-КАЗАНЬ»
тел.: (8432) 71-33-07

С лучшими книгами издательства «Вече»
можно познакомиться на сайте
www.100top.ru



ПРЕДИСЛОВИЕ

Нынешние Сибирь и Дальний Восток занимают более трех четвертей территории современной России. Бескрайние просторы Сибири таят в своих недрах колоссальные запасы нефти, газа, угля, золота, алмазов, железа, цветных и редких металлов. Природа Сибири во всем поражает: это и величайшие реки Евразийского континента, протяженные равнины и низменности, высокие горные хребты и обширные плоскогорья, безбрежные полосы тундры и тайги, которые протянулись на тысячи километров, колоссальные запасы чистого воздуха и чистойшей в мире байкальской воды. Необычна сама протяженность сибирской земли с запада на восток на восемь часовых поясов и с севера на юг в среднем более чем на 3000 км.

Эту колоссальную страну открыли миру русские люди. Последняя треть XVI в. и первая половина XVII в. считаются вторым, завершающим периодом эпохи великих географических открытий, который характеризуется, в первую очередь, открытием русскими людьми Сибири и дальневосточных земель, достижением ими естественных границ Западной и Восточной Сибири на севере и северо-востоке, а также берегов Берингова и Охотского морей.

Английский ученый Дж. Бейкер писал по этому поводу: «Продвижение русских через Сибирь в течение XVII в. шло с ошеломляющей быстротой. Успех русских отчасти объясняется наличием таких удобных путей сообщения, какими являются речные системы Северной Азии, хотя преувеличивать значение этого фактора не следует, и если даже принять в расчет все природные преимущества для продвижения, то все же на долю этого безвестного воинства достается такой подвиг, который навсегда останется памятником его мужеству и предприимчивости и равному которому не совершил никакой другой европейский народ» (1, с. 231, 232).

Поразительно также то, что в целом мирный характер присоединения Сибири к Руси и освоения Сибири русскими людьми очевиден для любого непредвзято настроенного исследователя. Поэтому в названии книги уместнее было бы заменить «покорение» на «присоединение». Мы говорим о «покорении Сибири» только с учетом образа мышления представителей московской власти XVI–XVII вв. Как вполне справедливо отметил современный историк Н.И. Никитин, «в Сибири со всей полностью раскрывалось одно из давно подмеченных качеств русского народа – «необыкновенная способность... уживаться с людьми»... «Причины этой уживчивости многие видят в особенностях русского национального характера. По мнению некоторых исследователей, одной из его отличительных черт являлось «отсутствие высокомерного презрения и вражды к населению колонизируемых стран» и «житейская уступчивость». Еще в дореволюционной литературе отмечалось, что «духом нетерпимости по отношению к инородцам русские переселенцы в Сибири никогда не были проникнуты», что «они смотрят на вогула, самоеда, остяка (манси, ненца, ханта. – М.Ц.) и татарина прежде всего как на человека и только с этой стороны определяют к ним свои жизненные отношения» (2, с. 140).

В ранний период открытия и освоения Сибири довольно широкое распространение среди казаков и промышленников-первопроходцев получили смешанные браки с крещеными «иноземками». По словам известного этнографа Б.О. Долгих, во второй половине XVII в. «на всем огромном пространстве юкагирской земли от Лены до Анадыря и у служилых, и у промышленных людей были жены юкагирки» (3, с. 440). Знаменитый отечественный первопроходец XVII в. казак Семен Дежнев, чье имя навсегда осталось на географической карте России, был дважды женат, и оба раза на якутках.

Важно, что в Сибири того времени крещеные дети от всех смешанных браков получали все права детей служилых людей и становились проводниками русского влияния среди местного туземного населения. В этом отношении поведение русских первопроходцев-казаков и промышленников в корне отличались, например, от поведения англичан в Индии и Америке, где они как бы стеной отгораживались от туземного населения, особенно в личностных отношениях.

Присоединение Сибири и дальневосточных земель, примыкающих к побережьям Берингова и Охотского морей, привело к грандиозному расширению границ Российского государства и явилось, на наш взгляд, одной из важных предпосылок к образованию Российской империи.

Можно с уверенностью сказать, что если реформы Петра I и победа в Северной войне со Швецией, позволившая распахнуть окно в Европу и в кратчайшие сроки преодолеть отсталость допетровской Руси во многих сферах, явились главным фактором создания Российской империи, то не менее важным обстоятельством в этом деле служило присоединение Сибири.

В ходе присоединения Сибири определилась основная территория России. За Россией закрепились богатые природными ресурсами земли, овладение и освоение которых дали уже в XVII в. колоссальный приток средств (в первую очередь, за счет поступления в казну большого количества ценных мехов – этой «мягкой валюты» XVI–XVII вв.), что позволило лучше оснастить армию и укрепить оборону страны, вести активную дипломатическую деятельность для отстаивания национальных интересов Российской державы. Для русского купечества присоединение Сибири раскрыло новые грандиозные возможности для увеличения торговых оборотов и создания новых промышленных предприятий.

Современные россияне не должны забывать о подвигах известных и неизвестных первопроходцев Сибири, которые ценою невероятных страданий от холода и голода, ценою гибели многих казаков и промышленников открыли миру эту колоссальную страну, основали многие сибирские города и поселения. Наши предки подарили современным россиянам эту богатейшую страну, и мы обязаны знать историю открытия и освоения Сибири и Дальнего Востока. Автор надеется, что знакомство с этой славной историей поможет укрепить в читателях патриотические чувства и подвигнет их на дела и поступки, направленные на укрепление и процветание нашего Отечества.

ПЕРВЫЕ ПОХОДЫ ЧЕРЕЗ «КАМЕНЬ»

Да горы мои, горы Уральские,
 Не забыть вас, горы, да во все века.
 Да через вас, горы, ой, лежала дорожка,
 Лежала большая, да Сибирский шлях.

Русская народная песня

Когда впервые русские люди прошли через «Камень» (так называли Уральские горы в летописях) в Сибирь? Точную дату этого знаменательного события определить трудно. Нестор, автор «Повести временных лет», датирует рассказ новгородского боярина Гюрата Роговича о посылке дружинников за данью в северные области, услышанный летописцем за четыре года до этого, 1096 годом: «Я послал своего отрока (дружинника. — М.Ц.) в Печору — это люди, дающие дань Новгороду, и оттуда он поехал в Югру, соседящую на Севере с самоедами. Югорцы рассказали моему отроку о том, что три года тому назад они обнаружили чудо на берегу океана: там, где огромные горы, возвышающиеся до небес, подходят к заливу океана («в луну моря»), был услышан говор и крик многих людей... Язык их был нам неизвестен, но они, указывая на наше железное оружие, жестами просили отдать его им. И если кто-нибудь давал им нож или топор, то они взамен давали ему меха... Путь к этим горам лежит через непроходимые пропасти, через снега и леса; поэтому мы не всегда доходили туда; кроме того, мы знаем, что есть люди и еще далее на север» (4, с. 527).

Приведенный выше отрывок из «Повести временных лет» взят из Лаврентьевской летописи, одного из позднейших списков «Повести» (1377 г.). А в Ипатьевской летописи (список «Повести» начала XV в.) летописец повествует, что в 1114 г. он посетил г. Ладогу на р. Волхове и там беседовал с ладожанам-

ми и ладожским посадником Павлом, рассказавшими ему о северных странах. Посадник сообщил ему, что «еще мужи старии ходили за Югру и Самоядь», то есть ходили на северо-восток за пределы постоянного обитания югры — предков современных манси и хантов и самоедов-ненцев (5, с. 244).

Знаменитый русский историк Николай Михайлович Карамзин, анализируя эти летописные рассказы, считал, что новгородцы проникли за Урал уже в XI в. С ним согласен и ряд современных историков. Но на Руси до XVI в. «Югрой» называли как район расселения угорских племен вогулов и остяков (теперь их называют манси и ханты), так и самих его жителей. Эти племена являлись южными соседями «самояди» (ненцев) на обоих склонах Уральских гор и в лесном Приобье. Так что по приведенному выше отрывку из «Повести временных лет» нельзя, на наш взгляд, точно утверждать, что новгородские дружинники собирали дань не в Подкаменной, а именно в Закаменной Югре, то есть к востоку от Урала.

Во второй половине XII в. в летописях отмечено два похода новгородцев за данью в Югру. Так согласно летописи в 1187 г. печорскими и югорскими данниками было убито сто именитых новгородцев из состава отряда, прибывшего для сбора дани. В 1193 г. туда ходил новгородский воевода Ядрей. Он собрал дань серебром, соболями и изделиями из кости (видимо, из моржовых клыков). Согласно летописи, в том году югра и новгородские купцы, торговавшие с местными жителями Югры, объединились и нанесли тяжелое поражение новгородскому отряду во главе с воеводой, посланному властями Великого Новгорода для сбора дани. Так что конкуренция между властями Великого Новгорода и купцами — частными предпринимателями принимала в Югре временами довольно острый характер. В середине XIII в. новгородские летописцы называли среди северных, подвластных Великому Новгороду, областей Пермь, Печору и Югру.

Пушные богатства северных районов привлекли к себе внимание князей русских северо-восточных княжеств. Недалеко от устья р. Юг на пути новгородцев в Печорскую и Югорскую земли ростовские князья в 1218 г. основали г. Устюг (затем г. Великий Устюг), который как клин врезывался в новгородс-

кие владения. Оттуда стали совершаться набеги на новгородских сборщиков печорской и югорской дани. А новгородские бояре не прекращали посылку для сбора дани на Печору и Югру отрядов добровольцев – «путников», как их называет летопись, набравшихся из «детей боярских и удалых людей», то есть шаек ушкуйников (6, с. 75).

С присоединением в XIV в. Устюга к великому княжеству Московскому давление устюжских князей на новгородских сборщиков дани при поддержке Москвы усилилось. Устюжане не раз перекрывали новгородцам свободный проход в Югру, и особенно на обратном пути, когда те с грузом ценных мехов пытались пройти мимо Устюга на запад по Сухоне в Новгород. Впервые об этом поведали новгородские летописи за 1323 г., когда новгородские дружины были пленены, а собранную ими дань отправили в Москву. С этого времени вплоть до середины XV века между Великим Новгородом и Великим Устюгом с переменным успехом не прекращается кровавая борьба, в ходе которой то новгородцы успешно прорываются домой, погромив Устюг, то устюжанам удается отобрать «меховую казну».

Но и по всем этим летописным сведениям XII – первой половины XIV вв. нельзя категорически утверждать, что речь идет о походах новгородских дружинников за «Камень». Впервые об этом абсолютно ясно сказано в Новгородской четвертой летописи, где за 1364 г. отмечено: «Теи зимы с Югры новгородцы приидоша дети боярския и молодые люди и воеводы Александр Абакунович, Степан Ляпа, воевавшие по Обе реки до моря» (7, с. 9).

Оба склона Северного Урала – Печорский и Югорский – имели важное значение для новгородских купцов, в первую очередь из-за богатства «соболми и горносталми и черными кунами и песцы и белыми волкы и рыбьими зубы», которые исключительно высоко ценились на Руси и в Прибалтике. В середине XIV в. новгородские купцы, торговавшие с Югрой, даже объединились в особую корпорацию «Югорщину», центром и охранительницей которой стала построенная в 1365 г. каменная церковь Св. Троицы на Редятиной улице в Новгороде (6, с. 138; 8, с. 367, 368).

Отечественные историки географических открытий И.П. Магидович и В.И. Магидович считают, что отряды новгородцев могли пройти за Урал по двум дорогам: подняться по Усе, правому притоку Печоры, а затем перейти через Полярный Урал на Сось, левый приток Оби, либо пройти за Урал более южным маршрутом по р. Щугор, правому притоку Печоры, а затем перевалить через Северный Урал и выйти к верховьям Северной Сосьвы, притоку Оби. В результате этих походов район Нижней Оби на какое-то время стал новгородской волюстью, а его жители платили Новгороду дань (9, с. 220).

Последний большой поход новгородцев на Югру отмечен летописью под 1445 г. На этот раз за Урал направились двинские ратники во главе с Василием Шенкурским и Михаилом Яроль. После этого похода Югра фактически перестала быть подвластной Новгороду.

Московские летописцы в 1408 г. впервые употребили для обозначения зауральских земель слово «Сибирь» и записали: «Тохтамыш (хан Золотой Орды. – М.Ц.) убит в Сибирской земле близ Тжмени» (8, с. 36).

По поводу происхождения слова «Сибирь» ученые не пришли к единому мнению. Наиболее обоснованными являются две гипотезы. Часть ученых выводит слово «Сибирь» от монгольского «Шибир» («лесная чаща») и полагает, что со времен создания монгольской империи Чингисхана и его потомков (XIII в.) так называлась монголами граничащая с лесостепью полоса тайги в Северной Азии. Монгольские конные отряды не смогли проникнуть в эти таежные районы, непреодолимыми препятствиями для них были болота и таежный гнус (2, с. 7).

Эти ученые считают, что в Западной Европе слово «Шибир» впервые стало известно из рассказов Марко Поло и других европейских путешественников, побывавших в самом сердце монгольской империи и в завоеванном монголами Китае.

Вторая из наиболее обоснованных гипотез происхождения названия «Сибирь» связывает это слово с самоназванием племен, населявших лесостепное Прииртышье («сабирь» либо «савиры» или «сипыры» – все это племена, родственные грозным гуннам, чуть не сокрушившим войска Западной Римской империи в V в. н.э.). (2, с. 7; 11, с. 15). Так известный отечествен-

ный историк Л.Н. Гумилев утверждал, что слово «Сибирь» бытует с V в. н.э.: «Так назывались угорские племена, населявшие бассейн Оби и ее притоков, в частности манси (вогулы). Название «Сибир» фигурирует в титулатуре двух тюркских ханов: Сыби-хан и Шиби-хан» (9, с. 221).

В Западной Европе «Сибирь» впервые появилась на Каталонской карте 1375 г. в начертании «Себур». И.П. и В.И. Магидовичи считают, что это начертание перенято у арабских и персидских авторов первой половины XIV в. («Сибир и Абир», «Ибир-Шибир»). А на известной круговой карте мира венецианского картографа монаха Фра-Мауро, составленной в 1457–1459 г., «Sibir» обозначает страну, расположенную к северу от «Азиатской Сарматии» и отделенную от нее горами (9, с. 221).

Уже по Яжелбицкому договору, заключенному между Великим Новгородом и московским великим князем в 1456 г., Югорская земля перешла в сферу влияния Москвы. Прибирая к своим рукам северные «волости» Великого Новгорода, Иван III решил послать в Югру отряд ратных людей. Устюжанин Василий Скряба по поручению Москвы сформировал в Устюге отряд добровольцев («хотячих людей») и выступил с ним в поход 9 мая 1465 г. «Вожями» – проводниками в отряде были вымичи – жители бассейна р. Вымь, правого притока Вычегды со своим князем Василием. В результате похода два угорских «князька» (племенные вожди) Калпик и Течик приняли русское подданство. Им был поручен сбор дани с окрестных племен и передача ее в казну Ивана III.

В 1472 г. в Югру направился еще более крупный отряд во главе с князем Федором Пестрым. В результате приуральские районы рек Колвы и верхнего течения Вишеры, населенные угорскими племенами, были окончательно включены в состав Московского государства. Таким образом, в руках московских властей оказались новые, более удобные пути за «Камень» (5, с. 248; 8, с. 368).

Но не все «княжества» Югорской земли перешли в московское подданство. Часть предводителей югорских племенных объединений совершали набеги на селения коми и русских в Приуральском районе. Племена коми, в свою очередь, вторгались в Зауралье, разоряли селения мансийского «княжества»

Асыки, расположенного в бассейнах рек Лозьва и Пельм.

После полного присоединения в 1478 г. к Московской Руси Великого Новгорода и всех его северных владений великий князь Московский Иван III послал войска за Урал, чтобы закрепить свою власть на Обских землях.

Для этого великий князь воспользовался ожесточенной борьбой за спорные территории на Каме между татарскими ханствами – Казанским и Сибирским (или Тюменским), ставшими независимыми после распада Золотой Орды. Борьба между ними особо усилилась после захвата сибирскими татарами земель по реке Туре, которые ранее принадлежали Казанскому ханству. Иван III принял сторону Казани и организовал в 1483 г. поход русских войск в Сибирь.

Русские отряды были сформированы в Поморье из устюжан, вычегжан, вымичей, сысоличей и пермяков. Во главе их были поставлены московские воеводы – князь Федор Курбский-Черный и Иван Иванович Салтык-Травин. 9 мая 1483 г. русские войска вышли из Устюга Великого в Сибирь. Они прошли через Прикамье, поднялись вверх по притоку Камы р. Вишере и, перевалив Уральские горы, совершили первый исторически доказанный переход через Средний Урал. Путь Камой и Вишерой мимо Чердыни стал доступен московскому войску после присоединения к Московскому княжеству Перми в 1472 г. На восточных склонах Урала русские воины вступили на территорию «княжества» Асыки.

В устье р. Пельм, притока Тавды, объединенный отряд русских и зырян (коми) разгромил войско вогульского вождя пельмского «князя» Юшана, враждебно настроенного к русским. Затем воеводы с войском спустились на стругах «вниз



Великий князь Иван III, организатор первых походов русских дружин в Зауралье

по Тавде... мимо Тюмени в Сибирскую землю; воевали, идучи, добра и полону взяли много. А от Сибири шли по Иртышу... вниз, воюючи, да на Обь реку великую в Югорскую землю, и князей югорских воевали и в полон вели» (9, с. 221).

И.П. и В.И. Магидовичи считают, что в «Устюжном летописном своде», откуда взята предыдущая цитата, летописец слово «Сибирь» употребил в качестве названия определенного города. На наш взгляд, слова летописца «Сибирская земля» можно понять как название всего района Нижнего Иртыша и Нижнего Тобола с правыми притоками. Ясно одно, по мере проникновения русских все далее на восток за Урал понятие «Сибирская земля» стало обозначать всю территорию Северной Азии на восток от Уральских гор вплоть до побережья Охотского и Берингова морей.

При сплаве вниз по Тавде русский отряд плыл мимо Тюменского ханства. В 80-е гг. XV в. с тюменским ханом Ибрагимом Ибаком, потомком Чингисхана, Москва установила дипломатические отношения, поэтому русские воины проследовали на Иртыш и Обь, в земли, населенные югорскими племенами. В Устюжном летописном своде при описании этого похода точно указывается местоположение Югорской земли: она находилась севернее устья Иртыша, то есть там, где заканчивались все новгородские экспедиции за «Камень», прибывшие туда северным, печорским путем.

Поход русских в Зауралье завершился в Кодской земле на восточных притоках Оби. Кодский князь Молдан и двое сыновей князька Екмычя попали в плен и были уведены в Москву. Югорские князьки вступили в переговоры с Иваном III, воспользовавшись посредничеством пермского епископа.

В результате похода 1483 г. подданными великого князя Московского стали несколько вогульских и югорских племенных вождей из Кодской и Югорской земель и даже один из сибирских татарских князей. Кодские князья подтвердили клятву на верность священным обрядом — «с золота воду пили». При заключении мира югорские «князья» совершили магические обряды и дали клятвы, при которых фигурировали ель, шкура медведя, жаба, рыба, хлеб и оружие. Епископ, представлявший в переговорах особу Ивана III, велел отслужить молебн.

На следующий год весной в Москву приехали представители югорской знати: Юмшан и Калпа от племен манси, Лятик от Сибирской земли, заселенной угорскими племенами, подвергшимися сильному влиянию татар и их культуры, и Пыткей от Кодского «княжества» по Нижней Оби, населенного хантами. Послы доставили в Москву сибирские «поминки» в виде ценных мехов и просили освободить пленных князьков. Они, признавая себя подданными Московского государя, обязались ежегодно поставлять в казну дань мехами. Иван III выслушал послы милостиво и отпустил в Сибирь князя Молдана и сыновей Екмычя (8, с. 369; 12, с. 433, 434).

Правда, никаких русских постоянных опорных пунктов на Нижней Оби создано не было и поэтому в тот раз присоединение нижнеобских земель к Московскому государству было вообще-то условным.

В конце 1499 г. Иван III вновь послал за Урал свое войско в составе более 4000 воинов, из них почти 2000 — жители Поморья. Один отряд под командой князя Петра Федоровича Ушатого, состоявший в основном из двинян, пинежан и важан, поплыл из Вологды по Сухоне и Северной Двине до устья Пинеги. Далее он поднялся по Пинеге и по Пинежскому волоку перешел на р. Кулой, по которой спустился к Мезенской губе Белого моря. Поднявшись вверх по Мезени и ее притоку Пезе, отряд перешел на верхнюю Цильму, приток Печоры, спустился по ней до устья и по Печоре поднялся до устья р. Усы, ее правого притока.

Затем в ноябре туда подошли отряды воинов под командой князя Семена Федоровича Курбского и Василия Ивановича Гаврилова-Бражника, получивших приказ идти «на Югорскую землю в Коду», а по пути занять Ляпинское княжество на левом берегу Оби. Этот отряд состоял в основном из устюжан и вымичей и направлялся на Печору, по-видимому, через Вымский волок.

В устье Усы воины построили небольшую деревянную крепость Усташ. Считается, что воины именно этих отрядов участвовали также в строительстве на берегах устьевого части Печоры (вероятно, на месте другого стоявшего там промышленного зимовья) укрепленного поселка, впоследствии названного Пустозерский острог (6, с. 78; 13, с. 11).

21 ноября отряды направились к «Камню» (Уральскому хребту). Воеводы ехали на оленях, воины — на собаках (по другим источникам — они шли на лыжах). Одна часть войска во главе с Гавриловым-Бражником прошла по Усе до ее верховьев и далее через «Камень» так называемым Югорским переходом в северной части Уральских гор. Это была дорога, хорошо известная русским промысловикам и торговцам, которую они активно использовали при торговле с югорскими племенами.

Другая часть войск во главе с Курбским и Ушатъм перешла «Камень» южнее. Спустя две недели отряды подошли к Уральским горам и через горный проход («через Камень щелью») вышли в область бассейна Нижней Оби, пройдя с начала похода 4650 верст. Переход через горы был труднейшим участком пути: «А камени (гор. — М.Ц.) в облаках не видати, — вспоминали воины по возвращении домой, — только ветрено, ино (ветры. — М.Ц.) облака раздирают» (12, с. 434).

Первые столкновения с местными жителями — самоядью — начались еще на перевале через горы. Русские захватили у них 200 оленей, которые в дальнейшем использовали для перевозки грузов и людей. От перевала воины двинулись вдоль течения р. Сылвы, притока Северной Сосьвы, и через неделю подошли к укрепленному югорскому «городку» Ляпин. Захватив его, отряд пошел вниз по Северной Сосьве. Вскоре на оленях из устья Оби прибыли представители местных племенных вождей (обдорских и югорских «князей»), которые заявили о желании стать подданными великого князя Московского и платить ему дань. Кроме Ляпина воеводы С.Ф. Курбский и П.Ф. Ушатый «поймали» еще «33 городы (поселений. — М.Ц.), да взяли 1009 лутших людей, да 50 князей (племенных вождей. — М.Ц.) привели. Да Василей же Бражник взял 50 городов... и пришли к Москве на Велик-день (пасху. — М.Ц.) к Государю, все бог дал здорово» (5, с. 249). Отряды благополучно возвратились из Сибири весной 1501 г.

Любопытно отметить, что в «Разрядной книге», где сохранилось довольно подробное описание этого похода, указано, что «Камень» простирается «от моря до моря». Таким образом, уже в то время на Руси знали, что Уральские горы тянутся от Студеного моря до Каспийского, то есть с севера далеко на юг.

Результаты этих походов за «Камень» уже при сыне Ивана III — Василии нашли отражение в титуле великого князя Московского, в который с 1514 г. включили в числе других титул князя Кондинского и Обдорского, то есть в титул вошли названия двух областей, расположенных за «Камнем»: Обдории (район р. Полуй, правого притока Оби) и Кондии (район р. Конды, левый приток Иртыша) (9, с. 222, 223; 10, с. 36, 37).

Сборы дани и доставка ее московским властям являлись обязанностью югорских «князцов» и ненецких старейшин. Итальянец Рафаэль Барберини, побывавший в Москве в середине XVI в., отметил: «Я разговаривал и даже ел с двумя такими звероловами, которые были при дворе по случаю привоза своей обычной дани государю. Дань эта состояла в разном пушном товаре в большом количестве» (8, с. 369).

А с середины XVI в. Москва стала посылать в Югру сборщиков дани — «данщиков» для доставки мехов в Москву. Безопасный проезд по Югорской земле этих людей обеспечивали югорские «князцы» и ненецкие старейшины. Правда, размер дани так и не был точно определен. «Данщики» привозили в Москву столько мехов, сколько удавалось собрать «князцам» с местных охотников.

В XVI в. возрос поток русских и коми-зырянских промышленников, которые промышляли ценные меха и торговали с коренным населением на Нижней Оби и в районах, примыкавших к северным берегам Западной Сибири. Река Обь, Обская губа изображены уже на карте Антония Вида, изданной в Литве в 1555 г., а затем и в Голландии. Причем после прочтения латинской и польской частей легенды этой карты стало ясно, что Вид является не столько автором карты, сколько собирателем русских географических чертежей, доставленных ему из Москвы стольником Иваном Ляцким, бежавшим в Литву еще до 1533 г., то есть до кончины Василия III и, значит, составленных еще ранее (14, с. 379).

В сочинениях и на картах западноевропейских географов и картографов второй половины XVI — первого десятилетия XVII в. появляются названия рек «Енисей», «Пяси́на», некоторые сведения о Таймыре. Ясно, что эти сведения были ими получены из русских источников. Так что промышленное ос-

воение северных районов Западной Сибири русские люди начали еще до включения всего региона в состав Московской Руси.

В XVI в. торговые связи русских с народами Зауралья окрепли. Этому способствовало активное заселение русскими людьми Северо-Восточного Поморья, особенно бассейна Печоры и ее притоков. Вдоль речных и сухопутных участков северных дорог, ведущих за «Камень», возникли русские селения и опорные пункты: Пустозерский острог, Усть-Цилемская слобода, Роговой городок и др. Русские торговцы все в большем числе следовали в Зауралье с товарами, которые обменивали там на пушнину.

Известный исследователь истории Сибири член-корреспондент Академии наук СССР С.В. Бахрушин отмечал, что «торгами с пустозерской и закаменной самоядью» не ограничивалась деятельность печорского населения за Уралом. Очень рано, уже в XVI в., вымчи и пустозерцы стали приходить «во все сибирские города (как указывается в грамоте царя Бориса Годунова, который ссылается на факт, имевший место «преж сего») ... со всякими товарами и торговали во всей Сибирской земле и по волостям, и по юртам, и по лесам с татары и с остяки, и с вагуличи, и с самоядью» (6, с. 80, 81).

Промышленники и торговцы из Русского Поморья не раз оставались зимовать в Зауралье, основывая там поморские зимовья, которые со временем превращались в места активного торгового обмена, где русские товары обменивались на сибирскую пушнину. Все это позволяло русским промышленникам и торговцам осваивать местные приемы езды на собаках и оленях, использовать местные охотничьи приемы, туземную одежду, отлично приспособленную к суровым условиям сибирской погоды. В свою очередь югорские и ненецкие племена быстро осознали преимущества применения русских железных изделий (наконечников стрел, ножей, топоров и др.) и сумели с их помощью усовершенствовать приемы охоты в тундре, тайге и на море, а также рыбной ловли.

В начале XVI в. произошли существенные изменения во властных структурах татарского государства Западной Сибири. Около 1495 г. погиб в борьбе с татарскими князьками тюменский хан Ибрагим Ибак, один из потомков Чингисхана. По

татарским преданиям – его убил Мамет (или Махмет), татарский князек из влиятельного «Тайбутина рода».

Последний объединил татарские улусы по Тоболу и Среднему Иртышу и сделал своей столицей старинное укрепленное селение югорцев на берегу Иртыша, носившее название «Сибирь», или «Кашлык». Поэтому новое государственное объединение татарских улусов стали называть Сибирским ханством. В первом десятилетии XVI в. Тюмень перестала существовать, и ее земли вошли в состав Сибирского татарского ханства, раскинувшегося на огромной территории от низовья Оби и берегов Ледовитого моря до северных границ Казахского ханства.

В свое время основатели Золотой Орды – монголы подчинили себе половцев (кыпчаков), кочевавших в Прииртышских и Барабинских степях. Но монголы растворились среди кыпчаков, приняли половецкий язык и культуру. Сибирские татары, потомки половцев и монголов, вели кочевой образ жизни. Татарские мурзы владели лучшими пастбищами, на которых паслись большие табуны лошадей, и многочисленными рабами – «ясырем». Мурзы и беки, владельцы отдельных улусов, широко использовали в хозяйстве труд «ясырей» и обедневших (зависимых) общинников.

Эти общинники – «черные» улусные люди составляли дружины улусных предводителей и платили ежегодные «дары» мурзе или беку рыбой, пушшиной или продуктами скотоводства. Кроме того, «черные люди» татарских улусов и покоренные татарами хантыйские и мансийские племена, а также зауральские башкиры обязаны были платить хану ежегодный ясак, главным образом пушшиной, и в качестве воинов участвовать в военных действиях, если хан объявлял военный поход. Так что хан и его приближенные угнетали и собственный «черный народ», и покоренные племена.

Хан имел своего главного советника-визиря – «карачу», свои войска и слуг. Из своей столицы он посылал во все улусы сборщиков ясака – «даруг». Знатные мурзы управляли своими улусами и при проведении ханом военных походов участвовали в них со своими воинскими отрядами. За участие в походах мурзы получали часть добычи. Война обогащала татарских мурз и беков за счет добычи и продажи пленных в рабство.

В середине XVI в., когда Сибирским ханством правили хан Едигер и его брат Бекбулат из рода тайбутинов, на ханство напал Кучум, сын бухарского правителя Муртазы. Русские документы того времени называли Кучума внуком тюменского хана Ибака. Войско Кучума составляли узбекские и ногайские отряды, а также башкирские воины. Едигер и Бекбулат в борьбе с Кучумом решили опереться на московского царя Ивана IV.

В январе 1555 г. в Москву прибыли Тягрул и Панъяды — послы сибирского хана. Они поздравили царя со взятием Казани и с успешными действиями царских воевод в районе Астрахани. Послы «били челом государю ото князя Едигера и ото всей земли, чтобы государь их князя и всю землю Сибирскую взял на свое имя, и от сторон ото всех заступил (оборонил. — М.Ц.), и дань свою на них наложил, и даругу своего прислал, кому дань собирать» (8, с. 371). Царь милостиво объявил, что принимает Сибирь «под свою руку». Теперь он прибавил к своему титулу «всеа Сибирския земли повелитель» (12, с. 436).

В Москве послы Едигера обещали платить дань царю с каждого «черного» человека по соболю, а даруге (сборщику дани) — по белке с человека. Дьякам Посольского приказа удалось установить из опросов членов посольства и их свиты, что «черных» людей в ханстве 30 700 человек. Значит, ежегодная дань должна была составлять 30 000 соболей, и послы согласились с таким объемом ежегодной дани.

Царским представителем в столице Сибирского ханства был назначен Дмитрий Куров Непейцын, который отправился в Зауралье с «жалованным ярлыком» царя и там привел Едигера, Бекбулата и их главных советников к присяге (шерти) на верность московскому царю. Правда, провести перепись сибирского населения с целью точного определения размера ежегодной дани послу не позволили. Вскоре Едигер прислал в Москву посла Баянду с данью — всего 700 соболиными шкурками, чем сильно разгневал царя, который повелел заточить посла в тюрьму (12, с. 437).

Отправил царь в Югру к князьку Певкею посланника и повелел ему собрать по соболю с человека и сразу же везти дань в Москву. За это он обещал защитить Югру от любых захватчиков. Так как Кучум продолжал теснить отряды Едигера, то

последний послал в Москву грамоту о своей присяге в верности царю, присовокупив к ней дань — 1000 соболей и даругжскую пошлину 160 соболей вместо белок.

В 1563 г. Кучум с помощью бухарского хана разгромил Едигера, взял его вместе с братом и близкими родственниками в плен, а затем убил. В живых остался только спасшийся бегством и нашедший убежище в Средней Азии сын Бекбулата Сеид-Ахмат (Сейдяк).

Через несколько лет Кучум окончательно сломил сопротивление татарской знати и племенных югорских князьков. Он окружил себя отрядами узбеков и ногайцев и стал усиленно насаждать мусульманство. По просьбе Кучума бухарский хан Абдулла в 1572 г. прислал в Сибирское ханство представителей мусульманского духовенства для утверждения в нем ислама. Через несколько лет хан Абдулла отправил «к Сибирскому народу для наставления его в вере» новую миссию, в состав которой включили самых авторитетных мусульманских богословов и ученых. Так что к началу 80-х годов XVI в. вся татарская знать приняла новую религию.

Вероятнее всего, «черные» люди татарских улусов и остальное большинство жителей Прииртышья и Приобья смотрели на Кучума, который именовал себя ханом тюменским и сибирским, как на пришельца и завоевателя. Выдающийся отечественный публицист А.Н. Радищев в исследовании, посвященном присоединению Сибири к Московскому царству, отметил, что Кучуму «чужестранцу, oprичь пришедших с ним, повиновались из одной только боязни, как то бывает всегда в завоеванных странах» (8, с. 366).

Сломив сопротивление местных правителей и несколько укрепив свою власть, Кучум стал готовиться к войне с Русью, прикрывая подготовку к нападению письмами к царю и присылкой в 1571 г. в Москву посольства с данью — 1000 соболями, которое подтвердило договор, заключенный Едигером. Кучум даже принял в Кашлыке царского посла Третьяка Чубукова и обязался вносить дань в царскую казну и подписать присяжную грамоту.

Объектом нападения Кучума должна была стать, в первую очередь, Пермская земля, набеги на которую совершали еще тюменские татары. Они в свое время под водительством цареви-

ча Кутлук-салтана, сына Ибака, о котором упоминалось ранее, разорили Усолье на Каме, «русаков вывели» и перебили (6, с. 99).

Соляные богатства Пермской земли раньше всех оценил Аника Строганов, мужик с Русского Севера, основатель богатейшего торгового дома. Много лет главным центром соляной промышленности Строгановых была Соль Вычегодская. Со временем Аникой были построены солеварни в Пермском крае. В 1558 г. царь дал Строгановым разрешение искать там источники рассола и ставить солеварницы и дворы, поднимать целину на пустых местах по р. Каме.

А Строгановы взяли обязательство оборонять места по Каме от нападения ногайцев и других иноземцев. Для этого им было разрешено царем поставить городок Канкор на Пыскорском мысу в 15 верстах от Усоляя Камского, «где бы место было крепко и усторожливо, и на городе пушки и пищали учинити и пушкарей, и пищальников, и воротников... устроить собою для береженья от ногайских людей и от иных орд». А в 1564 г. они добиваются разрешения в 15 верстах выше Канкора поставить на Орлове наволоке другой городок – Кердеган, или Орел, для защиты вновь поставленных солеварниц: «стены сажень по 30, а с приступную сторону для низи и к варницам ближе в глины место каменье закласти, а пищальники и сторожки для береженья... собою ж держати, а наряд скорострельной в тех городах устроить ему собою ж». В это приблизительно время был построен и третий городок, Яйвенский, на устье р. Усолки, впадающей в Яйву, приток Чусовой.

В 1568 г. Яков Строганов получил такое же разрешение рядом с новым соляным промыслом вверх по Чусовой «крепости поделати и городок поставити» и содержать там воинов и артиллерию. Так возник Нижне-Чусовский городок, а позже, с обнаружением рассола в верховьях Чусовой, – Верхне-Чусовский городок. Затем был построен укрепленный городок на Сылве, а в 1597 г. – Очерский острожек для охраны рыбной ловли на Очере (6, с. 99, 100). Все это Строгановы делали за счет доходов от торговли солью, которая в то время давала громадные доходы, большие даже, чем доходы от торговли вином.

Аника и три его сына Яков, Григорий и Семен, служили в опричнине, заведенной царем Иваном IV. Подобно всем оприч-

никам они были приведены к особой присяге на верность царю и поклялись верно ему служить, не замышлять против него заговоров и выдавать ему всех изменников.

Строгановы пользовались всеми привилегиями доверенных царских слуг, что позволило им в эти годы увеличить свое огромное богатство. После сожжения московского посада крымскими татарами в 1571 г. появилась реальная опасность нападения на Пермскую землю со стороны Ногайской и Сибирской орд.

Строгановы решили усилить гарнизоны своих городков и не позднее весны 1572 г. наняли к себе на службу тысячу волжских казаков. Сохранилось предание, что в числе этой тысячи был и атаман Ермак Тимофеевич, который служил на Каме не менее двух лет. Правда, это маловероятно, так как под страхом опалы царь потребовал от Строгановых направить все нанятые ими казацкие отряды на запад для отражения нового нападения Крымской орды.

Но угроза нападения войск сибирского хана и ногайцев заставила царя разрешить Строгановым построить укрепленный острог на р. Сылве вблизи уральских перевалов. А затем они основали опорный пункт-поселение даже за Уралом в Тахчях в районе р. Туры на ранее принадлежавших ногайцам землях.

Положение осложнилось, когда агенты Кучума начали подстрекать черемисов и башкир к восстанию против Москвы, обещая помощь от сибирского хана. В 1572 г. восставшие черемисы, башкиры и ханты разграбили торговые караваны на Каме, «побиша русских торговых людей 87 человек» (8, с. 357). Летом 1573 г. сибирское войско во главе с племянником Кучума ханом Маметкулом перевалило Урал и разграбило русские поселения на р. Чусовой, левом притоке Камы. Пострадали и манси-подданные царя, мужчин которых, как и русских, убивали, а женщин и детей уводили в плен.

Маметкулу в пути удалось захватить и убить сына боярского (так называли находившихся на государственной службе мелких землевладельцев – потомков младших членов княжеских дружин или измельчавших боярских родов) Третьяка Чубукова, который направлялся послом в Казахскую орду. После этого примирение с Москвой стало невозможным.

Так как восстание в Казанском крае разгоралось, то царь объявил сбор дворянского ополчения по всей Руси. Но острый Маметкул остановился в пяти верстах от строгановского городка и выслал вперед разведывательные дозоры. Узнав о сосредоточении русских войск в Поволжье, а также о появлении у Строгановых не менее 1000 волжских казаков, Маметкул ушел за Урал. Не получив помощи от сибирского хана, восставшие сложили оружие и принесли присягу на верность царю.

Результатом пермского похода Маметкула была ликвидация строгановского поселения в Тахчеях. В этом районе князьком местных хантов был Чигирь. Его убили воины Маметкула. Но местные ханты, жившие «круг Тахчеи» и имевшие давние связи с русскими, не хотели подчиняться сибирским татарам и послали гонца к русским властям с просьбой защитить их от Кучумовых слуг.

Строгановы не переставали думать о захвате зауральских земель. После убийства царского посланника Чубукова им не трудно было добиться от московских властей новых привилегий. В 1674 г. Строгановы получили царскую жалованную грамоту, гласящую: «Якова да Григория Оникиевых детей Строганова по их челобитью пожаловал: на Тахчеях и на Тоболе реке крепости им поделати, и снаряд вогняной, и пушкарей, и пищальников, и сторожей от сибирских и от ногайских людей держати, и около крепостей, у железного промысла... дворы ставити... и угодьи владети» (12, с. 458).

Строгановы обязались обеспечить царским послам безопасный проезд в Сибирь и в Казахскую орду. И для этого царь разрешил им многое, в частности: «Также пожаловали мы Якова и Григория: на Иртыше, и на Оби, и на других реках, где пригодится для обереганья и охочим людям для отдыха строить крепости, держать сторожей с огненным нарядом, ловить рыбу и зверя безоброчно до исхода урочных двадцати лет» (15, с. 670).

Значит, московские власти твердо нацеливали Строгановых на освоение не только пермских, но и зауральских областей. Но пока Строгановым приходилось думать об обороне своих Чусовских городков, а не о походе за Урал.



СТРАНИЦЫ ДРЕВНЕЙШЕЙ ИСТОРИИ СИБИРИ

История Сибири, следовательно, есть история не только огромной страны, не только колоссальных ее пространств и их освоения, но и всего этого разноязычного и разнокультурного множества племен и народов. А вместе с тем история их сложных связей и отношений с народами не только соседних, но нередко и весьма отдаленных стран Востока и Запада. Короче, это неотъемлемая, значительная часть всемирной истории.

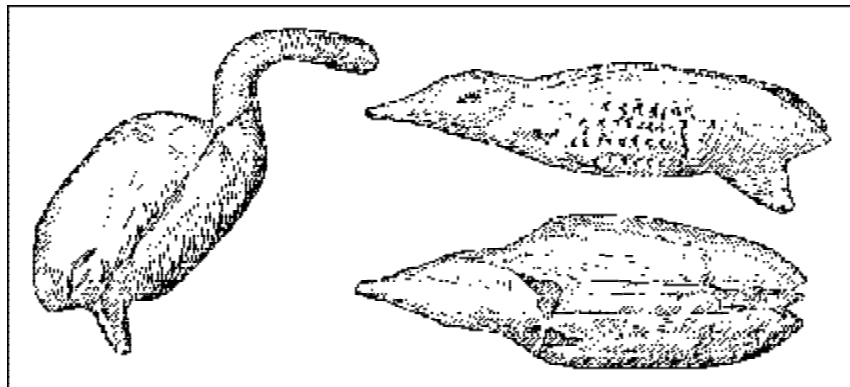
А.А. Окладников, «Открытие Сибири»

Русские люди пришли в Сибирь не на пустое место. Там уже проживало множество народов, у каждого из которых была своя сложная история, свои верования и мифы, своя самобытная культура.

Когда появились в Сибирь люди и как они расселились по необъятным сибирским просторам? Пока это для науки является во многом загадкой. Ясно одно: заселение Сибири человеком было длительным процессом и должно было происходить из различных областей Азии и Европы. Но раз начавшись, расселение древних людей — первобытных охотников на север и восток Азии — уже не прекращалось. При описании древнейшей истории Сибири мы будем использовать в основном сведения из источников 8 и 11.

СИБИРСКИЕ ОХОТНИКИ ЗА МАМОНТАМИ

Люди эпохи палеолита (древнего каменного века) расселились в течение многих десятков тысяч лет из обжитых облас-



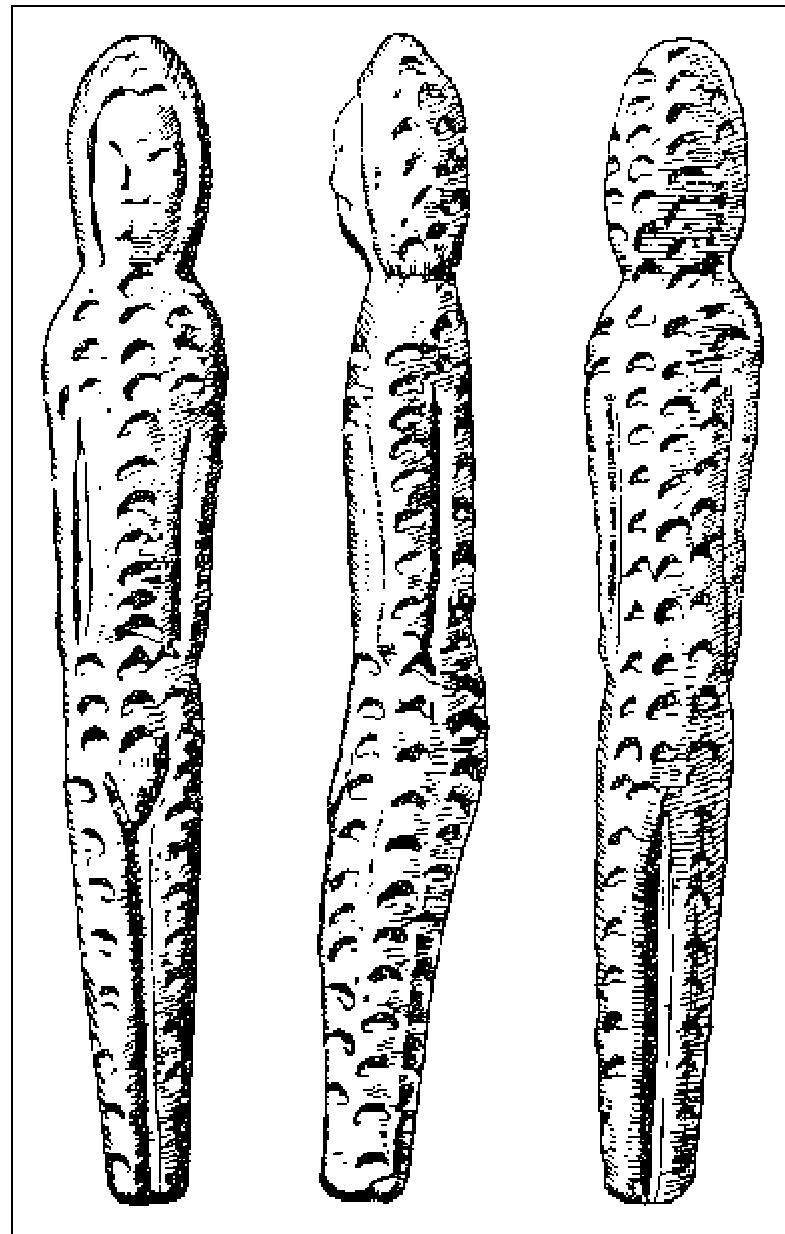
Скульптурки птиц из Мальты – древнего становища на берегу р. Белой, притока Ангары

тей в глубь сибирских просторов по нескольким путям: из Средней Азии (Прикаспийская низменность, подножие хребта Копетдаг и Иранского плато, бассейны Амударьи и Сырдарьи) вдоль горных цепей Памира и Тянь-Шаня; с юга из монгольских степей на север; с запада из областей Западного Приуралья и Русской равнины.

Так что, вероятнее всего, заселение Сибири людьми палеолита шло как минимум из трех центров, по трем направлениям: из Центральной и Юго-Восточной Азии, из Восточной Европы и из Средней Азии. Ученые уже нашли остатки охотничьих лагерей, стоянок или стойбищ людей палеолита на Ангаре между Иркутском и Балаганском, на Енисее в районе Красноярска и Минусинской котловины, на Алтае в бассейне р. Катунь, на Верхней Лене и в Забайкалье в бассейне р. Селенги.

Яркие примеры необычной культуры охотников верхнего (то есть позднего) палеолита дали находки в древних поселениях Мальта (у старинного села того же названия на левом берегу р. Белой, левом притоке Ангары вблизи Иркутска) и Буреть (на правом берегу Ангары у другого старинного сибирского села Нижняя Буреть), расположенных в нескольких километрах друг от друга.

В этих поселениях 25 тыс. лет тому назад проживали охотники за мамонтами, шерстистыми носорогами и северными оле-



Статуэтка женщины из становища Буреть на берегу Ангары

нями. Причем, как выяснили ученые, эти охотники жили своеобразным полуоседлым бытовым укладом, что вообще-то противоречит устоявшемуся мнению о бродячей жизни охотников каменного века. Они строили для проживания в зимний период целые поселки с прочными жилищами, размещавшимися рядом друг с другом вдоль берега реки (в Бурети обнаружены остатки четырех таких жилищ).

Особенностью этих жилищ было широкое использование в качестве строительного материала костей мамонта и носорога и рогов северных оленей. Лучше остальных сохранилось одно из жилищ в Бурети. Так вот в нем 12-ю «столбами-упорами», — основой, на которую опирались стены и крыша, были вертикально установленные бедренные кости и бивни мамонта, черепа мамонта и носорога, вкопанные в землю нижними концами и закрепленные внизу для устойчивости плитами известняка.

Ученые выяснили, что, вероятнее всего, куполообразная крыша такого жилища имела основу в виде сетки из рогов оленей, перекрещенных и взаимно сплетенных друг с другом. Безусловно, использование для строительства жилищ костей крупных животных было не случайным. Дело в том, что в то время по берегам Ангары лежали степи и тундра, а леса не было. Эскимосы и оседлые чукчи, жившие на берегах Берингова пролива, еще в XIX — начале XX вв. также строили свои зимние жилища из выброшенного морем плавника и частей скелета китов.

Внутри этих жилищ находился очаг, на костре которого готовили пищу. Именно около таких костров мастера палеолита каменными инструментами изготавливали свои замечательные скульптуры из мамонтовой кости.

В Мальте и Бурети были найдены уникальные скульптурные изображения женщин, обнаженных и одетых в меховую одежду. На этих скульптурах ученые увидели древнейшее в мире изображение шитой одежды. На статуэтке, найденной в 1936 г. в Бурети, виден шитый меховой комбинезон шерстью наружу, плотно облегающий тело молодой женщины с головы до ног. Первобытный скульптор обозначил мех, из которого сшит комбинезон, полукруглыми ямками и насечками, расположенными в определенном ритмическом порядке по всей поверхности статуетки.

Именно эта статуэтка из Бурети выделяется, по мнению академика Алексея Павловича Окладникова, «особенной жизненностью передачи лица». Он, как всегда в его работах эмоционально и удивительно точно, описал это замечательное произведение искусства древнего мастера: «Ее продолговатая и овальная голова сужена кверху. Лоб маленький и выпуклый, щеки и скулы очерчены вполне определенно, они выступают вперед. Подбородок округлый, нежно моделированный. Рот не обозначен, но он «угадывается», и отсутствие его не бросается в глаза. Несколько расплывшийся, мягко очерченный нос резко ограничен уступом снизу. Глаза узкие и раскосые, переданы в виде миндалевидных углублений. Впечатление от них такое, что они сразу же вызывают в памяти черты лица определенной расы — монгольской» (8, с. 50).

Обнаженные женские статуэтки прекрасно передают все тот же устойчивый и постоянный «почти канонический» в своей законченности образ женщины, изображенной чаще всего стоящей во весь рост со сложенными на груди руками. Волосы женщин на этих статуэтках «то падают на груди сплошной массивной грудой, то уложены параллельными друг другу горизонтальными рядами; в других случаях они лежат зигзагообразными уступами» (8, с. 48). Причем обнаженное женское тело изображено палеолитическими мастерами правдиво и точно. Это обычно тело зрелой женщины с пышными массивными бедрами, большими животом и грудями. Именно такими являются изображения «палеолитических Венер», найденных в Западной и Восточной Европе, созданные первобытными мастерами на основе представлений о женщине-прародительнице, связанных с культом плодородия и материнского начала.

В Мальте и Бурети найдены также искусно вырезанные из бивня мамонта фигурки водоплавающих птиц — гусей и гагар. Древние мастера умело изготавливали из мамонтовой кости различные украшения. Под полом одного из мальтинских жилищ ученые обнаружили захоронение младенца, на шее которого висело когда-то богатое ожерелье из узорчатых бус, вырезанных из бивня мамонта. Ожерелье заканчивалось фигуркой в виде стилизованной летящей птички из мамонтовой кос-

ти. В этом же захоронении были найдены резные диадема, браслет и бляха, служившая амулетом-оберегом.

Вот какие искусные и талантливые мастера населяли Южную Сибирь еще в эпоху верхнего палеолита. Но каково их происхождение? Как они появились на Ангаре? Академик А.П. Окладников (и с ним согласны многие ученые) писал по этому поводу: «Общий вывод из наличных данных, следовательно, таков: 20 000 лет (дата Бурети – 21 тысяча лет) назад маленькими струйками, своего рода «атомами» палеолитического общества с запада через Урал проникли на Ангару охотники на мамонтов. Они сделали остановку на месте нынешнего Ачинска (там обнаружено поселение первобытных охотников за мамонтами, культура которых подобна древним мальтинцам и бурьянам и одновременно схожа с культурой палеолитических охотников Запада. – М.Ц.). Дошли до Томска, где убили и съели мамонта. Затем прочно осели в Бурети и Мальте, где построили свои поселки из костей мамонта и носорога» (11, с. 61).

ПЕРВОБЫТНЫЕ РЫБОЛОВЫ СИБИРИ

Дальнейшее развитие людей первобытного общества Сибири происходило на фоне окончания последнего оледенения. Исчезают материковые льды, леса наступают на тундры и степи. Это послеледниковое смягчение климата происходило в период от 8 до 4 тыс. лет тому назад. Этот период в развитии человека называется мезолитом (средним каменным веком).

В Сибири среди многих племен эпохи мезолита дальнейшее развитие получило изготовление орудий охоты. Именно в сибирских мезолитических захоронениях найдены одни из наиболее ранних в мире пластинчатых наконечников стрел. А их появление предполагает наличие лука – орудия охоты, которое позволило сделать решающий шаг в развитии охотничьего хозяйства каменного века.

В этот период большую роль в жизни людей наряду с охотой приобрело и рыболовство. Первым специальным орудием рыболовства явились гарпуны, а также искусно изготовленные костяные рыболовные крючки. Находки в поселениях людей

мезолита специальных каменных тесел из галек и крупных кусков кремня позволили предположить, что охотникам-рыболовам Прибайкалья были уже известны лодки.

По мнению отечественных ученых, именно с эпохи сибирского мезолита (мезолитические находки в Приморье) «естественно вести первых насельников островного мира Восточной и Юго-Восточной Азии, Японских островов, Курильской островной гряды, Алеутской цепи островов и, наконец, самого материка Северной Америки» (8, с. 91).

Около 6–5 тыс. лет тому назад в Сибири начинается эпоха неолита (нового каменного века). В это время природа в этом обширном регионе приобрела в основном современный облик. Вдоль берегов морей Северного Ледовитого океана простиралась полоса тундры. Южнее ее лежала зона лесотундры, где вдоль речных долин леса вторгались в тундру. Южнее расстилась громадная полоса сибирской тайги.

В эпоху неолита люди жили уже на всей территории Сибири и Дальнего Востока. Но население Сибири тогда было еще очень редким. В Западной Сибири по берегам многочисленных полноводных рек и ряда озер в эпоху неолита жили различные племена, культура которых характеризуется наличием глиняных сосудов и шлифованных каменных орудий (в том числе долот, ножей, тесел, скребков, наконечников стрел и копий и многого другого).

В эпоху неолита жители Приобья жили в основном рыболовством. Ведь огромный бассейн реки предоставлял людям постоянный источник пищи, определял тип хозяйства. Во-первых, этим объясняется относительная оседлость этих племен, которые проживали в основном в землянках. Этим же объясняется такая особенность их культуры, как пошив одежды из рыбьих шкур, и это вплоть до XIX в. «Одежда их, – писал в начале XVIII в. о хантах, живших по берегам Оби и ее притоков, Г. Новицкий, – обще из кож рыб, наипаче с налима, иже подобан сому, тот де осетра и стерлядей одерше кожу только трудами своими умягчает, яко могут все одеяния себе из них сошиты, обще же из налимей кожи-кожаны, с иных же чулки, сапоги утворяют». (8, с. 97). Видимо, так же было и в эпоху неолита.

НЕБЕСНЫЙ ЛОСЬ СИБИРСКИХ ОХОТНИКОВ НЕОЛИТА

Ученые нашли на неолитических стоянках в бассейне Оби многие прекрасные произведения древнего искусства, например костяные скульптуры летящих птиц, фигуры зверей. Особо прославилась среди ученых фигура медведя из неолитического могильника Самуськи. «Медведь изображен в спокойной позе, с передними лапами, по-человечески подобранными и сложенными на груди. У зверя огромная лобастая голова с длинной, типично медвежьей мордой. На голове животного рельефно моделированы круглые плоские уши, ямками обозначены маленькие глазки, тщательно прорезан длинный рот. От всей фигуры веет умиротворенностью и спокойствием» (8, с. 101). А на неолитических писаницах на скалах по берегам рек бассейна Верхней Оби можно видеть изображения бегущих медведей и лосей, стремительно летящих птиц.

И это не случайно. Ибо культура западносибирских племен эпохи неолита была близка культуре племен, проживавших в северных лесах между Балтийским морем и Уралом. И там, и в бассейне Оби проживали народы большой этнографической группы каменного века — уральской, угорской.

Медведь занимал видное место в мировоззрении, в мифологии и верованиях финно-угорских племен. То же можно сказать и о роли уток в их мифологии. Ведь и мир в эпосе финских племен возник из яйца, снесенного в море гигантской уткой.

Ученые выделяют племена, создавшие в IV—III тысячелетиях до н.э. на берегах Ангары и Верхней Лены, а также в низовьях Селенги своеобразную байкальскую неолитическую культуру. Более всего люди этих племен занимались охотой на крупных таежных животных: лосей, оленей, медведей и кабанов.

Именно потребности охоты вызвали в это время создание новых, более совершенных предметов охотничьего вооружения. Появились наконечники стрел больших размеров и сравнительно большого веса. А для стрельбы стрелами с такими наконечниками на достаточно большое расстояние были изобретены луки большого размера. Ученые предполагают, что такие луки

достигали длины 1,7–1,8 м, а концы их изогнутых деревянных дуг стягивала тугая тетива.

Ясно, что стрелы, выпущенные из таких луков, летели на значительно большее расстояние, чем ранее, и имели большую убойную силу. Для поражения животных на близком расстоянии использовались копья с длинными и тяжелыми наконечниками, изготовленными из кремня и кремнистого сланца.

Первобытному охотнику неолита прирученная собака помогала выискивать зверя, преследовала его, участвовала в облавах. Собака играла такую важную роль в жизни охотника неолита, что о ней заботились так, как ни о каком другом животном. На поселениях неолита в Прибайкалье были обнаружены специальные захоронения собак. Может быть, с ними были связаны определенные ритуальные действия, которые должны были обеспечить успешную охоту.

Особо важную роль в духовной жизни неолитических племен Прибайкалья, на берегах Ангары и Верхней Лены и в ряде других районов Восточной Сибири, в их мировоззрении и мифологии играл образ лося — могучего лесного исполина. Поэтому часто в высеченных на скалах писаницах во множестве рисунков там присутствует образ лося.

Как метко заметил академик А.П. Окладников, «лесные охотники видели в лосе не только источник пищи, но нечто несравненно большее. Мифический зверь лось был в их глазах самой вселенной, которая, как это ни удивительно для современного человека, мыслилась как живое существо, как лосиха. Все три мира вселенной: небо, средний мир — наша земля, воображае-



Скульптура медведя из могильника Самуськи эпохи неолита у г. Томска

мая подземная страна мертвых – преисподняя, представлялись в образе лося (11, с. 75).

Даже восход и заход солнца представлялись первобытным людям неолита как результат непрерывно повторяющейся охоты мифического охотника за «божественным небесным» лосем, во время которой лось погибает, а затем вновь рождается и появляется на небе в образе солнца.

С образом лося охотники прибайкальского неолита связывали также культ предков людей их рода. Скалы с нарисованными или выбитыми рисунками лосей являлись, видимо, местами проведения культовых праздников, целью которых было обеспечение роду благополучия, охотникам рода – удачной охоты, всему району проживания племени – бурного размножения зверей и их изобилия.

КАК БЫЛА НАЙДЕНА ДРЕВНЕЙШАЯ В МИРЕ БЛЕСНА

Неолитическая культура с ее характерными признаками: наличием множества керамических изделий в быту, лука со стрелами у охотников и, вообще, шлифованных каменных орудий, – сложилась на территории Дальнего Востока около 5000 лет тому назад. На Верхнем Амуре основой хозяйства людей неолита стала охота и только отчасти рыболовство. На Среднем Амуре и в Приморье помимо рыболовства и охоты жители занимались и земледелием. Не случайно в этом районе ученые обнаружили при раскопке древних поселений детали приспособлений для растирания зерна. Именно там русские казаки в XVII в. увидели искусных земледельцев в лице племен дауров и дочеров.

А на Нижнем Амуре культура местных племен развивалась довольно своеобразно. Именно здесь наблюдался массовый ход красной рыбы из океана в реки, и в результате получилось, что вся хозяйственная деятельность местных племен оказалась в основном связанной с рыболовным промыслом.

И календарь у их потомков, жителей Нижнего Амура еще в середине XIX в., наглядно демонстрирует деятельность этих истинных «ихтиофагов», питающихся в основном рыбой. На-

звание мая, когда впервые появляется тень, связано именно с этой рыбой. Июнь называется по горбуше, так как в это время ее количество в реках максимально. Август характерен самым большим ходом рыбы и называется «великий рыбный месяц», или «великий месяц». В июле ход проходной рыбы небольшой, и он называется «малый рыбный месяц».

Амурские племена и одежду изготавливали из рыбьей шкуры. Значение для них рыболовства нашло отражение и в местной мифологии, и в местном фольклоре. Среди каменных изделий эпохи неолита на Амуре ученые обнаружили непонятного назначения просверленные круглые камни, каменные палицы и кастеты. Назначение этих предметов стало понятно только после разъяснения стариков – местных жителей ульчей и гилаков. Оказывается, эти изделия и в эпоху неолита, и в не совсем давнем прошлом предназначались для добывания раненных ударом гарпуна пойманных в сеть или на крючок огромных рыб – осетров или калуг. Учитывая, что амурские рыбаки неолита плавали на довольно легких лодках, другой способ для этого было трудно придумать.

Характерны для рыбаков эпохи неолита и крупные грузила, имевшие форму, подобную гире. Видимо, эти большие грузила эффективно использовались на Амуре и других реках с быстрым течением для оснащения и сетей, и тяжелого невода. В 1961 г. на Среднем Амуре у села Новопетровки руководитель археологической экспедиции академик А.П. Окладников нашел при раскопках поселка эпохи неолита оригинальную блесну из нефрита, самую древнюю из найденных при раскопках блесен.

Ученик Окладникова, член-корреспондент Академии наук СССР Анатолий Пантелеевич Деревянко рассказал об этой находке, свидетельствующей о мастерстве и изобретательности древних рыболовов: «Из нефрита древние амурские мастера делали различные украшения. Из него изготовлены и блесны нежного беловатого цвета со светло-зелеными прожилками. Форма блесны имеет вид желобчатой пластины: одна сторона ее вогнутая, другая выпуклая. Конец блесны овальный и слегка приострен. К противоположному концу блесны слегка утолщена. На одном конце есть сверленное отверстие для лесы».

Когда Окладников нашел первую блесну, «было много предположений о назначении этого орудия, но все они по разным причинам отвергались. Блесна долго лежала у Алексея Павловича на столе. Как-то раз к нему зашел его молодой сосед по квартире. Увидев изделие, удивленно воскликнул: «Откуда, Алексей Павлович, у вас такая роскошная блесна?!» Это и решило судьбу неизвестной по назначению находки. Немедленно была налита в ванну вода, к блесне приделана нитка, и блесна действительно заиграла в воде точно так же, как играют ее современные сестры-блесны на спиннингах у рыболовов» (58, с. 307).

Заготовка больших запасов сушеной и квашеной рыбы давала возможность прокормить в зимний период большое количество людей. Появились крупные поселки рыбаков, где проживали сотни людей в полуподземных зимних домах площадью по 100 кв. м и более. Рядом размещались амбары для хранения запасов, сушила для рыбы, а также летние жилища — домики на сваях.

Люди неолита в бассейне Нижнего Амура создали свое оригинальное искусство, выражающее в ряде проявлений культ плодородия и женщин-прародительниц, возникший еще в эпоху материнского рода. Ученые обнаружили неподалеку от Комсомольска-на-Амуре на небольшом скалистом островке посреди богатого ранее рыбой озера Болонь-Оджаль древнее святилище культа плодородия, где из камня были высечены пластические знаки мужского и женского начала (8, с. 134).

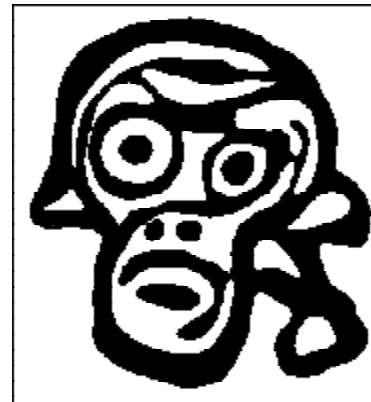
Паразительны наскальные изображения — «личины», созданные людьми неолита на Амуре и Уссури, совершенно самобытные и не похожие на писаницы Сибири и Северной Европы. Во второй половине XIX в. на берегу Амура около старинного нанайского селения Сакачи-Алян были обнаружены и частично описаны валуны с выбитыми на них масками-личинами. Как отметил академик А.П. Окладников, который на месте лично изучал эти личины, «рисунки на валунах Сакачи-Аляна несут в себе признаки глубокой древности. Они нередко сглажены и стерты до такой степени, что на глаз трудно определить контуры отдельных фигур и их детали. В ряде случаев желобки рисунков удастся проследить сначала только пальца-

ми, осязанием, на ощупь. Выбита в древности поверхность камня ровнее и глаже, чем первоначальный фон на валуне, не тронутый рукой человека, неровный и шероховатый» (11, с. 120).

Всего в Сакачи-Аляне обнаружили около 150 подобных рисунков. Много рисунков найдено на скалистом правом берегу р. Уссури выше села Шереметьева и на скалах в долине р. Кия по дороге из Хабаровска во Владивосток.

Эти оригинальные маски — «личины» — напоминают то изображение человеческого черепа, то головы с узкими, раскосыми глазами, увенчанной густыми волосами, на некоторых изображениях можно выделить пышную бороду и густые усы. Подобные же личины были обнаружены на найденных на берегу Амура обломках глиняных сосудов эпохи неолита. Причем здесь личины были уже с туловищами, руками и ногами, заканчивавшимися не пальцами, а скорее, острыми когтями, как на медвежьих лапах. Видимо, эти личины появились в качестве образов из первобытной мифологии, созданной людьми неолита для объяснения окружающего мира.

А в Кондоне — поселении оседлых рыболовов неолита на Нижнем Амуре (его возраст по радиоуглеродному анализу, произведенному в 60-х гг. прошлого века 4520±20 лет (58, с. 319) была найдена замечательная глиняная статуэтка. Снова дадим слово замечательному археологу, руководителю работ в Кондоне академику А.П. Окладникову, сказавшему по поводу этой находки: «Из мглы веков встает не просто обобщенный этнический образ женщины древнего народа, но, скорее портретное ее изображение. Неолитический скульптор с удивительным чувством реальности и искренней теплотой передал в глине черты определенного человеческого лица. Первое, что схватывает глаз зрителя, это, конечно, нежно очерченный широкий



Наскальное изображение «личина». Сакачи-Алян, Нижний Амур

овал лица с обычными для монголоидов широкими и выпуклыми скулами. Затем миниатюрный подбородок и такие же миниатюрные, удивительно выпуклые, вытянутые вперед губы. Столь же примечателен нос, узкий и длинный, как у североамериканских индейцев. Утрированно узкие и длинные глаза в виде дугообразных щелей, глубоко прорезанные в мягкой пластичной глине... Может быть, самое неожиданное в кондонской статуэтке легкий наклон головы и тонкой хрупкой шеи вперед, к зрителю. Он сразу напомнил нам что-то столь же близкое, как и далекое. Уж не знаменитую ли египетскую царицу? В тот же час она получила от студентов-раскопщиков имя амурской Нефертити!» (11, с. 126).

ПЕРВЫЕ СКОТОВОДЫ И МЕТАЛЛУРГИ СИБИРИ

Во второй половине III тысячелетия до н.э. у племен, населявших южные районы Сибири, Алтай и Минусинскую котловину, появились металлические (медные) орудия. Впервые разведение скота стало постоянной отраслью их хозяйства. Археолог Сергей Александрович Теплоухов назвал этот период в истории древних племен Саяно-Алтая по месту первых находок памятников этой эпохи в 1920–1929 гг. в погребальных сооружениях – земляных курганах близ села Батени под горой Афанасьевской периодом афанасьевской культуры. На основании раскопок древних могил он сумел впервые установить последовательность развития культуры древнеенисейских племен от конца III тысячелетия до н.э. до монгольского времени (XIII–XIV вв.) (54, с. 49). Хронологическая схема Теплоухова, уточненная, развитая, местами исправленная, сохранила в главных чертах свою значимость до конца XX столетия.

Афанасьевские племена продолжали широко использовать каменные орудия – топоры, песты, наконечники дротиков и стрел. Но металл уже применяется для изготовления украшений в виде серег и браслетов, для изготовления игл, шильев и небольших ножей. Причем украшения изготавливались как из меди, так и из золота, серебра и даже метеоритного железа.

Период развития человеческого общества, когда для изготовления орудий труда употребляются камень и металл, называется энеолитом или медным веком.

Важно, что афанасьевцы не только разводили овец, коров и лошадей, но и приступили к овладению началами земледелия. Правда, о занятии афанасьевцев земледелием точных данных нет. Но ученые считают, что оно всегда начинает развиваться вместе с началом разведения домашнего скота. Вполне возможно, что найденные в афанасьевских погребениях каменные песты и колотушки служили для растирания зерен злаков. Кто же были эти афанасьевцы, населявшие не только степи Енисея, но и Горный Алтай, откуда они пришли? Большинство ученых считают, что они представляли собой крайнюю восточную ветвь европеоидных племен Евразии и, значит, пришли с запада, а все их северные и восточные соседи были монголоидами.

С начала II тысячелетия до н.э. в Минусинской котловине жили племена окуневской культуры (название дано по месту раскопок С.А. Теплоуховым первых захоронений людей этих племен у Окунева улуса на юге Хакасии). Могильники этих племен находят по берегам рек Енисея и Абакана и их притоков Уйбату, Камыште, Черновой. Окуневцы пришли на Енисей позже афанасьевцев и вытеснили последних с этих мест. По физическому облику пришельцы отличались от афанасьевцев. Они были высокими, с европеоидными чертами лица. Но окуневцы – не чистые европеоиды, в них чувствуется значительное монголоидное влияние.

Уже точно установлено, что главным занятием у них было скотоводство – разведение овец и крупного рогатого скота. Ведь недаром на плитах, составлявших стенки могильных ящиков, часто встречаются нацарапанные острым предметом рисунки быков и коров. Так как пастухи вынуждены были подолгу откочевывать из дома, то это стало основным занятием мужской части окуневцев. А женщины занимались домашними делами и воспитывали маленьких детей. Их важными занятиями были прядение шерсти, ткачество и изготовление одежды, а также глиняной посуды.

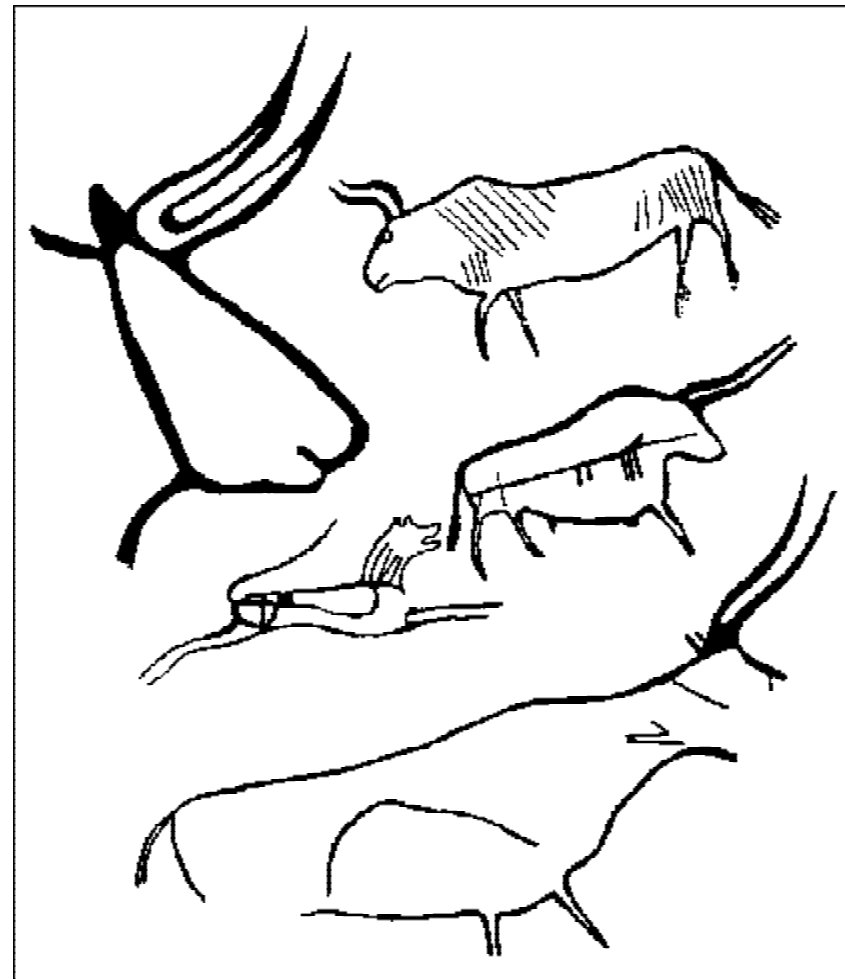
У окуневцев обработка металлов получила дальнейшее развитие, и в могильниках медные и бронзовые рыболовные крючки, ножи, иголки, украшения встречаются довольно часто. Наряду с изделиями, изготовленными из раскованных пластинок металла, появляются и литые изделия, например медные топоры.

Ученых поразили произведения искусства окуневцев: каменные изваяния с человеческими лицами, маленькие каменные головки, костяные пластинки с выгравированными на них женскими лицами, вырезанные из кости и камня изображения птиц и зверей, фантастические хищные звери, выбитые на плитах и изваяниях. Ранее уже упоминалось о реалистически вырезанных тонкими штрихами на каменных плитах изображениях коров и быков. Ученые высказали предположения, что окуневцы пришли в Минусинскую котловину «скорее всего из лесов севера, может быть откуда-то со Среднего Енисея» (8, с. 169).

Кстати, именно такое происхождение, по мнению ряда ученых, объясняет своеобразный дуализм художественных образов в произведениях искусства (и, видимо, в религии) окуневцев: образы фантастических хищных зверей — это отголоски древнего охотничьего образа жизни в тайге, старых традиций, а человеческие изображения и изображения быков и коров — это уже проявления новых традиций, связанных с образом жизни скотоводов.

В середине II тысячелетия до н.э. на смену окуневцам в Минусинскую котловину с запада пришли другие племена, культуру которых называли андроновской. Ученые установили, что основная область распространения племен этой культуры — это Приуралье и Казахстан, так что Минусинская котловина составляла лишь самую восточную часть этой области. Памятники андроновской культуры находили во всей степной и отчасти лесостепной Южной Сибири. Таким образом, по мнению авторов «Истории Сибири», единая андроновская культура была распространена от Приуралья до Енисея (8, с. 272).

Главная особенность этой культуры в том, что в это время скотоводство (крупный рогатый скот, овцы, лошади; видимо, они в первую очередь использовались как тягловые животные, а также как источник мяса) и примитивное земледелие достиг-



Изображение животных на плитах из могильника Окуневской культуры

ли значительного развития и стали полностью определять характер жизни андроновских племен.

Широко развивалось бронзолитейное дело. Ученые считают, что именно с этого времени началась широкая добыча из неглубоких шахт медных руд, которые затем переплавлялись в специальных примитивных печах. Металл плавился в тиглях

и далее разливался в формы. После отливки следовала проковка рабочей части орудия, а лезвия затачивались. Известно, что наряду с медью андроновцы добывали и золото. Возможно, в андроновских поселках появились мастера по производству бронзовых изделий, для которых изготовление орудий было главным занятием в жизни, то есть, скорее всего, у андроновцев произошло общественное разделение труда.

Жизнь андроновских племен определялась, в первую очередь, заботой о стадах крупного рогатого скота. Для коров и быков нужны были удобные водопой, и у андроновцев появились постоянные жилища, расположенные вблизи воды. Да и заготовка кормов на зиму возможна при определенной степени оседлости. Так как их поля располагались в основном в долинах рек, на определенных местах, то и это способствовало установлению оседлого образа жизни. Зимой при морозах андроновцам приходилось забирать в свои жилища и домашних животных, которые до этого находились в специальных загонках.

В андроновском обществе усилилась роль мужчин, пастухов и воинов. Ученые считают, что именно с этого времени наступает эпоха патриархата, при котором стада оказываются во владении отдельных семей во главе с мужчиной, стремящимся передать свои богатства детям.

Установлено, что андроновцы были людьми европеоидного типа. Ученые предполагают, что андроновцы вытеснили местные племена и заняли их земли. Скорее всего, они пришли в Южную Сибирь из Казахстана и распространились по ней в XVI–XIV вв. до н.э.

Затем наступает время карасукской культуры, названной по месту раскопок в долине р. Карасук («Черная вода») — период расцвета в истории развития культур эпохи бронзы Южной Сибири, Казахстана и Монголии. Установлено, что карасукская культура сложилась на основе андроновской культуры. Но ее связи распространяются далеко на восток — в Забайкалье, Монголию, Западный Китай. Вместе с тем она оказала сильное влияние на культуры соседних племен лесостепи и леса.

Оседлые пастушеско-земледельческие племена этого региона перешли к полукочевому образу жизни. Цикл их хозяй-

ственной деятельности был следующий: весной, после посева зерновых, они перемещались со стадами скота на летние пастбища, а осенью возвращались обратно для сбора урожая и на зимовку. Таким образом, зимние поселения устраивались в районе зимних пастбищ, а летние — в районе летних.

Племена карасукской культуры начали использовать лошадь для верховой езды. В могильниках ученые нашли первые, еще примитивные узды с костяными псалиями, но без жестких удил. Человек стал наездником на коне, и это сразу создало возможности для большей подвижности воинских отрядов и всего племени в целом, особенно с учетом того, что как тягловое животное лошадь использовалась уже в андроновское время. Так что появились все предпосылки для обеспечения «переселения народов», массового перемещения племен и целых племенных союзов на значительные расстояния к новым местам проживания. Однако пока карасукцы имели постоянные поселения, в которых они жили, по мнению ученых, только зимой.

Карасукская культура характеризуется высоким уровнем мастерства литейщиков. По всему региону распространения племен этой культуры известны многочисленные древние медные рудники. Особенное мастерство карасукские мастера проявляли при изготовлении художественных изделий. Мастера научились использовать двухстворчатые литейные формы, сделанные из камня или глины. Широко распространилось фигурное литье в сложных формах. Проведенные анализы показали, что карасукские литейщики использовали при отливке бронзовых изделий специальные присадки — мышьяк или олово, но изготавливались литые вещи и из чистой меди.

ИСТОРИЯ СИБИРСКИХ СКИФОВ

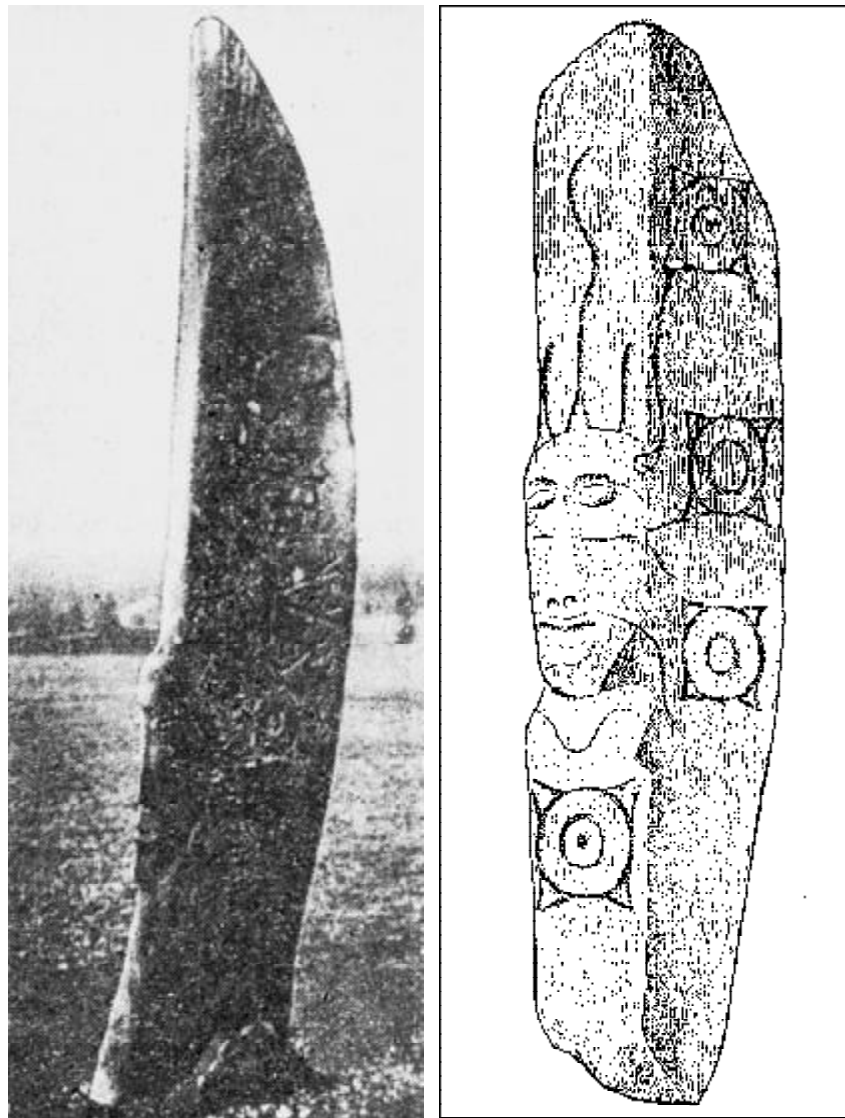
В степях Восточной Европы и Азии в VIII–VII вв. до н.э. совершился переход пастушеско-земледельческих племен, проживавших там, к кочевому скотоводству. Этот переход оказал существенное влияние на ход мировой истории, он привел к образованию новых племенных союзов и к развитию новых очень своеобразных культур. Но у всех племен этой степной

зоны Евразии возникли в общих чертах сходные, родственные культуры, которые получили название скифского, скифо-сарматского или скифо-сибирского типов.

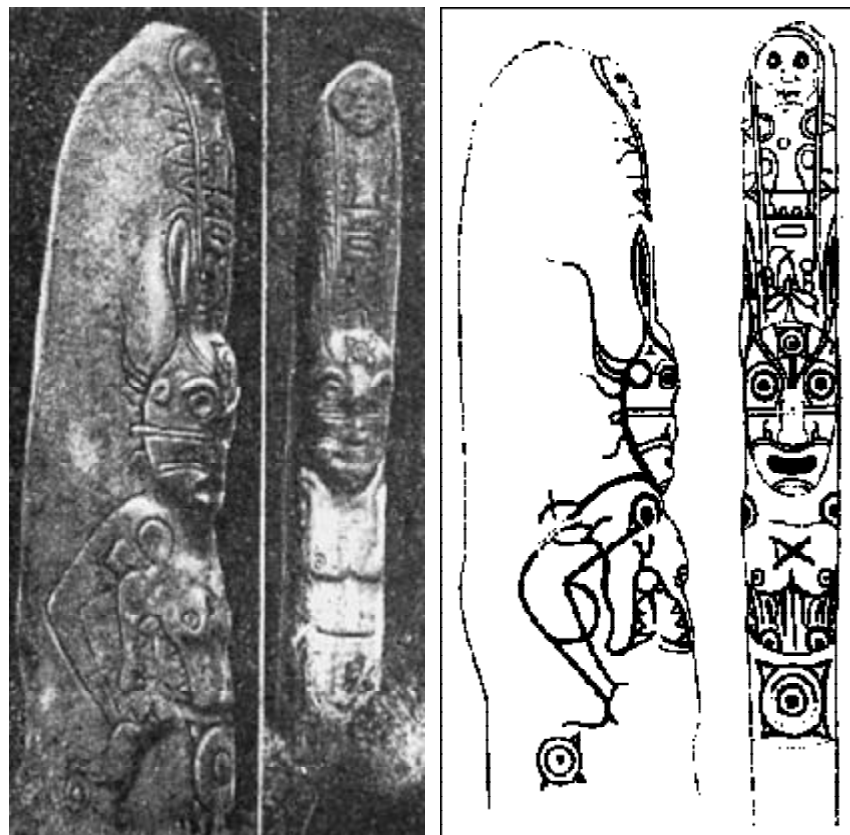
Определенная изоляция степей Среднего Енисея, вызванная наличием на их периферии горных хребтов и непроходимых лесов, привела к тому, что карасукские племена не перешли к кочевому образу жизни. Но развитие культуры этих племен привело к тому, что в Минусинской и Чульмо-Енисейской степных котловинах сформировалась новая своеобразная культура, известная под именем тагарской. Так ее назвали по Тагарскому острову, находившемуся возле Минусинска, а теперь ставшего частью города, где в конце XIX в. археологами-любителями А.В. Адриановым, Д.А. Клеменцем и И.П. Кузнецовым-Красноярским, первыми начавшими систематические научные раскопки в Минусинской котловине, было раскопано более 30 могил того времени.

В степях Среднего Енисея находится множество тагарских курганов. В научных целях в России первым был раскопан именно курган тагарской культуры в районе острога Абаканского, расположенного в 60 верстах от устья Абакана на правом берегу Енисея. Это сделал в январе 1722 г. ученый Д.Г. Мессершмидт, посланный Петром I в Сибирь для научных исследований. С тех пор 6 января 1722 г. — день первой раскопки кургана — принято считать началом сибирской археологии. Как потом объясняли участники раскопок: «заставил же доктор копать здесь потому, что хотел узнать, каким образом эти язычники в старину устраивали свои могилы. С этой целью он набросал также небольшой эскиз могилы» (54, с.12, 13).

Значительно позднее ученые установили, что тагарская культура существовала с VII по I в. до н.э., пройдя в своем развитии несколько этапов, продолжительностью каждый до 200 лет. Во II—I в. до н.э. у племен тагарской культуры явно прослеживается выделение племенной знати, так как ученые столкнулись с двумя типами погребений: в общих могильниках и в индивидуальных, расположенных в насыпных курганах. В это время при погребенных уже не находят бронзовых орудий. В захоронениях ученые обнаружили железные ножи, кинжалы, тесла и др. Начинался железный век.



Каменное изваяние из Минусинской степи



«Ширинская баба» из Абаканского музея

Видимо, племенная знать при захоронении подвергалась мумифицированию, в связи с чем делалась трепанация для удаления мозга из черепной коробки. Появился обычай удалять мягкие покровы лица, обмазывать череп глиной и покрывать лицо умершего гипсовой маской, расписанной красками, которая довольно реально передавала черты лица умершего. В последующие века этот обычай получил на Енисее широкое распространение.

Несмотря на некоторую изоляцию племен тагарской культуры из-за наличия естественных преград по периферии региона, ученые все же обратили внимание на то, что контакты с

другими степными племенами у них были, что, безусловно, объясняет развитие культур тагарцев и других степняков по сходным путям.

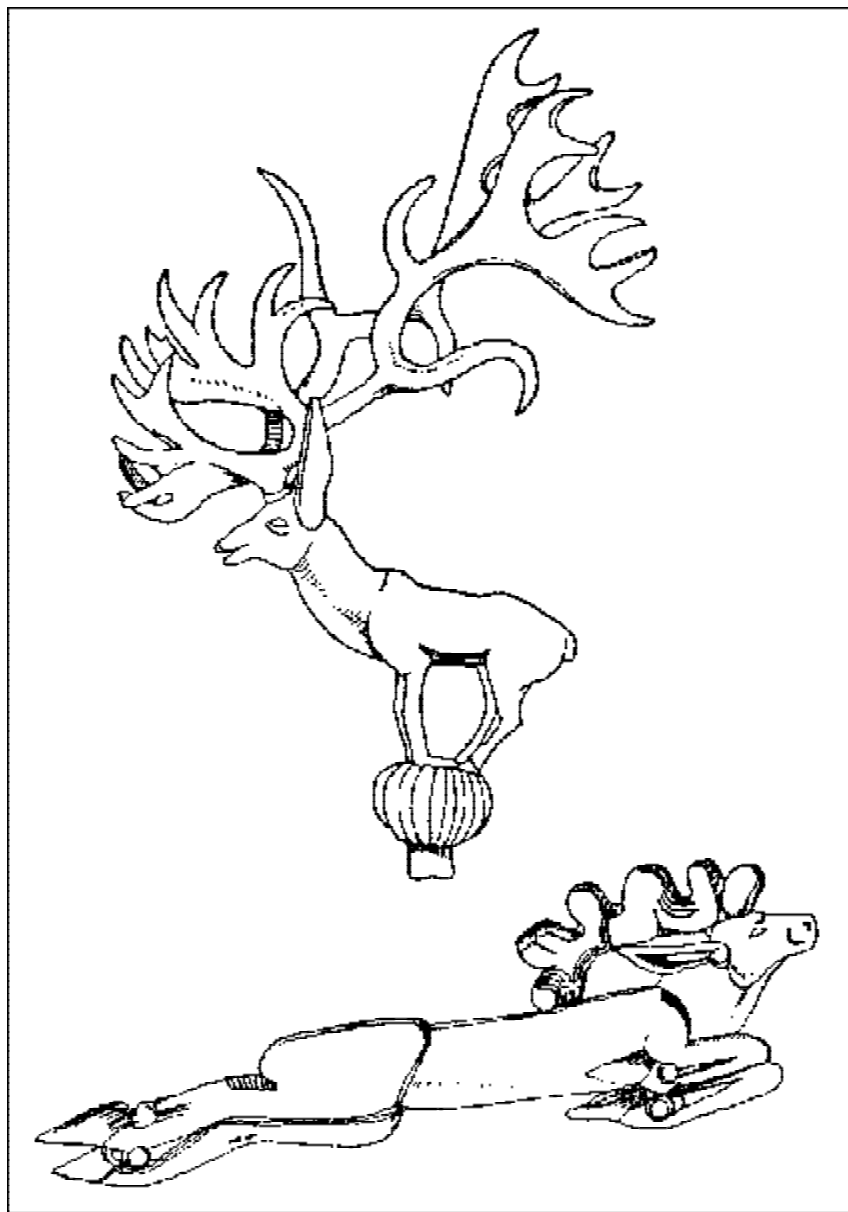
Ярким проявлением такого сходства явилось сходство оружия тагарцев (кинжалы, стрелы и чеканы) и форм их конской сбруи не только с оружием и конской сбруей соседних племен Тывы (Тувы) и Алтая, но и скифских племен Восточной Европы. Особенно ярко это сходство проявилось в художественном творчестве, в так называемом «скифо-сибирском зверином стиле», о котором подробнее скажем далее. Академик А.П. Окладников предполагает, что тагарцы говорили на восточно-иранском языке. Об этом свидетельствует, по его мнению, ряд названий рек в этом регионе, хотя бы название реки Обь, что у таджиков означает «вода» (11, с. 83).

Теперь остановимся на истории племен скифской культуры на Алтае и в Тыве, где расцвет культуры скифского времени приходится, по классификации ученика С.А. Теплоухова видного историка М.П. Грязнова на период V–III вв. до н.э., который назван Пазырькским этапом развития. Такое название это время получило по месту раскопок на Алтае больших курганов в долине Пазырька. Эти, а также проведенные в Тыве раскопки неразграбленных и не поврежденных ранее могильников сыграли важнейшую роль в изучении культуры скифского времени.

Выдающуюся роль в изучении древних культур Южной Сибири сыграла одна из самых крупных в СССР экспедиций такого рода Красноярская экспедиция Ленинградского отделения Института археологии Академии наук СССР, которой в течение ряда лет руководил профессор М.П. Грязнов. Сотрудники этой экспедиции в 60–70-е гг. XX в. проделали огромную работу по изучению древних курганов Южной Сибири.

Исключительно важно и то, что при раскопках древних могильников на Алтае и в Тыве выяснилась высокая степень сохранности предметов из дерева, кожи, войлока, тканей благодаря наличию подкурганной мерзлоты, позволившей полностью сохранить древние могилы.

Радиоуглеродные анализы дерева из пазырькских курганов дали датировку захоронений 2240+50 и 2350+140 лет. Ясно, что



Деревянные фигуры оленей из погребения скифского времени на Алтае

это именно могильники племен скифской культуры, которые заселяли в те времена Алтай, Тыву и ряд областей Центральной Азии и Восточного Казахстана.

Основным занятием этих племен было кочевое скотоводство. Племена скифской культуры Алтая и Тывы разводили мясных курдючных овец. Из шерсти овец изготавливали ткани, валяли кошмы. Помимо овец разводили молочный скот и лошадей. Можно считать, что земледелие у них было побочным занятием. Историк А.Д. Ткач подтверждает важную роль охоты в жизни пазырыкских племен. В раскопанных курганах были найдены охотничьи амулеты: клыки медведя, кабана, кабарги, марала и изображения зверей. Отсюда делается вывод, что племена скифского времени в этом регионе охотились на горного козла, горного барана, марала, лося, антилопу, кабана и хищников (8, с. 228).

Эти племена проживали в войлочных юртах, правда у них существовали и бревенчатые рубленые дома. Ясно, что пазырыкцы были хорошими наездниками, пользовались они и повозками для перевозки грузов.

Во главе объединений этих племен стояли могущественные вожди, которых хоронили в высоких курганах. Сооружение таких грандиозных усыпальниц производилось с огромной затратой труда и времени. Меньшие по размеру курганы воздвигались для захоронения представителей племенной знати.

Жизнь племен скифской культуры проходила в непрерывных войнах между отдельными племенами и племенными союзами, в первую очередь за выгодные пастбища, за овладение главным богатством — стадами скота. В ходе таких столкновений конных отрядов победители захватывали чужие земли. Любопытно, что при этом они в первую очередь разрывали усыпальницы вождей племенных объединений и родовой знати. Такое осквернение могил считалось у них, видимо, тягчайшим оскорблением и способом мести.

Тела умерших вождей скифы бальзамировали. В усыпальницы клали и тела умерщвленных при захоронении приближенных вождей, наложниц или младших жен. Тела погребенных часто помещали в колоды — деревянные саркофаги, выдолбленные из стволов сибирских лиственниц.

В захоронениях вождей и знати ученые нашли останки лошадей, причем в зависимости от знатности покойника в кургане хоронили от двух до 10–14 коней. А в большом каменном кургане у поселка Аржан в Тыве, где в центральной камере были похоронены, видимо, вождь племенного объединения с женой, ученые обнаружили останки не менее 160 верховых коней разной масти в богатом убранстве: с бронзовыми удилами, золотыми налобными бляшками, цветными камнями, подвесками из клыков кабана. Хвосты коней опоясаны золотыми полосками. Особенно богато были убраны те кони, которых положили рядом с останками вождя (54, с. 82).

Любопытно, что у скифов Алтая и Тывы были лошади местной породы – низкорослые и выносливые, а также кони, явно завезенные скорее всего из Средней Азии, – высокие, стройные, быстроногие скакуны.

Основным оружием племен Алтая и Тывы скифского времени были лук со стрелами, кинжал и чекан, или клевец. Наконечники стрел, кинжалы отливали из бронзы, а носили их у пояса в деревянных составных ножнах, крытых кожей и часто украшенных аппликацией. Воины, видимо, отлично владели массивными бронзовыми чеканами, насаженными на деревянные рукоятки длиной до 70 см, второй конец которых вдевался в бронзовый остроконечник – вток. Чекан, одно из самых смертоносных по тем временам рубящее и колющее оружие, носили также у пояса, обычно прикрыв его кожаным футляром. Воины имели щиты, изготовленные из деревянных планок, скрепленных полосками кожи.

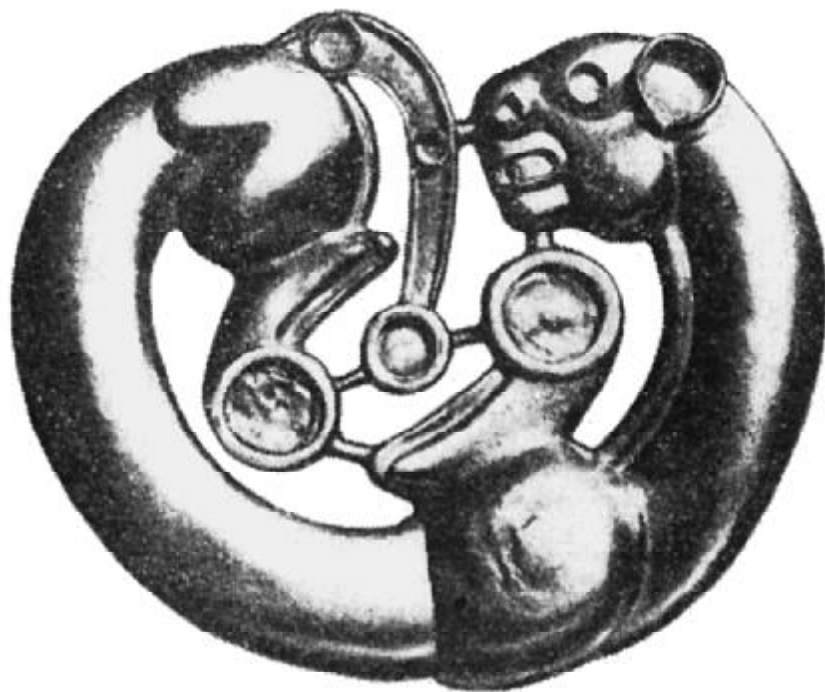
Пазырыкские мастера создали замечательные произведения искусства из дерева, кости, рога, бронзы и золота, кожи, меха, войлока, выполненные в «скифо-сибирском зверином стиле». Причем главным для мастера была не цена материала, а совершенство самого произведения. Историк А.Д. Грач, производивший раскопки могильника скифского времени Саглы в Тыве, отмечает, что там «бережно хранились выдающиеся по мастерству исполнения предметы из рога лося и благородного оленя. Меньше ценились часто грубые по форме золотые поделки. Основное содержание этих произведений искусства – об-

разы животных, неудержимых в беге горных козлов и баранов, благородных оленей, антилоп и косуль, тяжеловесных величественных лосей, быстроногих лошадей и различных хищников, в основном кошачьих, а также фантастических существ, например грифонов» (8, с. 237).

Чем же примечательны эти древние произведения искусства? Почему они и через 2500 лет после их создания продолжают восхищать людей? Что это за чудо такое – «степной «скифосибирский» звериный стиль»? Трудно выразить это в нескольких строках. Видимо, дело в том, что в этом искусстве древних обитателей Алтая и Тывы, в этом стиле, гармонично сочетались две, казалось бы, противоположные особенности – острая стилизация и реализм. «В нем, – по словам академика А.П. Окладникова, – контрастно сочетаются два противоположных качества: реалистически точная передача тех или иных признаков формы животного и необычная их стилизация. Наблюдается смелое сочетание обыденного и фантастического. Произведения этого стиля отмечены динамизмом, наполнены борьбой и страстью. В них нет и следа ясного спокойствия, той былой уравновешенности, которая наполняет бесчисленные композиции неолитического времени на скалах и в тайге» (11, с. 82, 83).

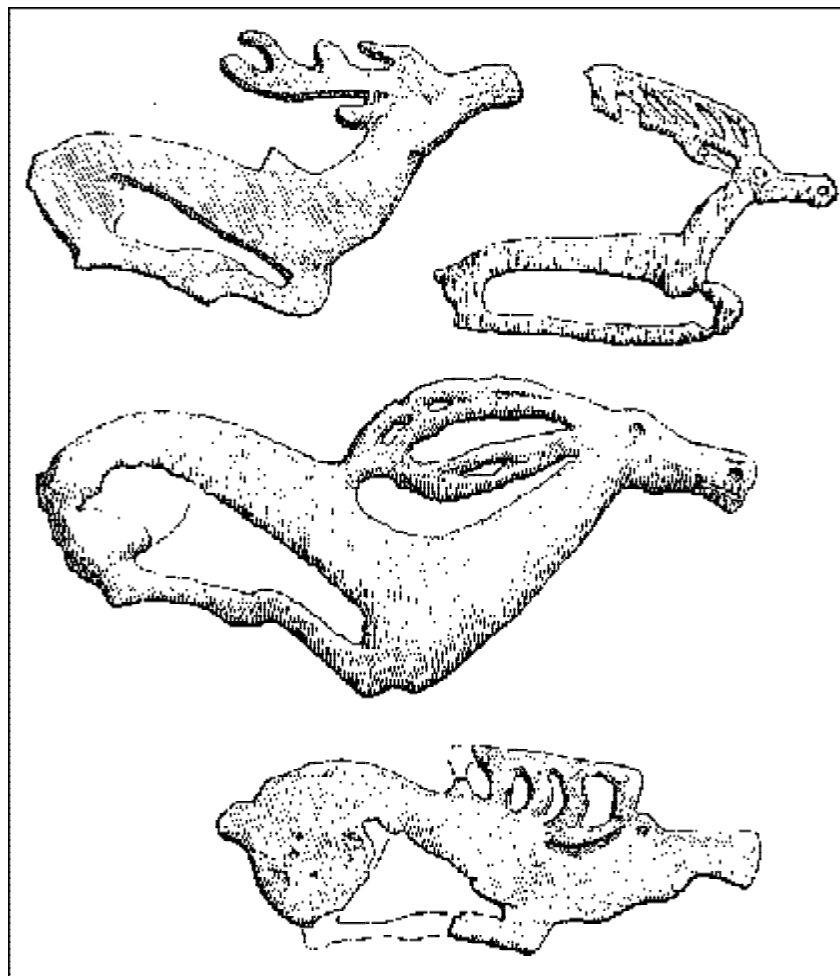
Мы видим, что главным сюжетом в произведениях искусства «скифо-сибирского» стиля является борьба зверей. Видимо, это явное отражение повседневной жизни скифских племен, наполненной набегами, боевыми схватками, проявлениями силы и беспощадности к врагу. По утверждению профессора М.П. Грязнова, в ряде произведений искусства кочевников Алтая и Тывы, где изображены богатыри и женщины, нашли отражение мотивы героического богатырского эпоса. Он считает, что позднейший героический эпос тюркских и монгольских народов уходит своими корнями в эпоху ранних кочевников (8, с. 232).

В настоящее время многие уникальные изделия мастеров скифского времени хранятся в Эрмитаже, где находится знаменитое собрание художественных золотых изделий, известное под названием «Сибирская коллекция Петра I». Все эти



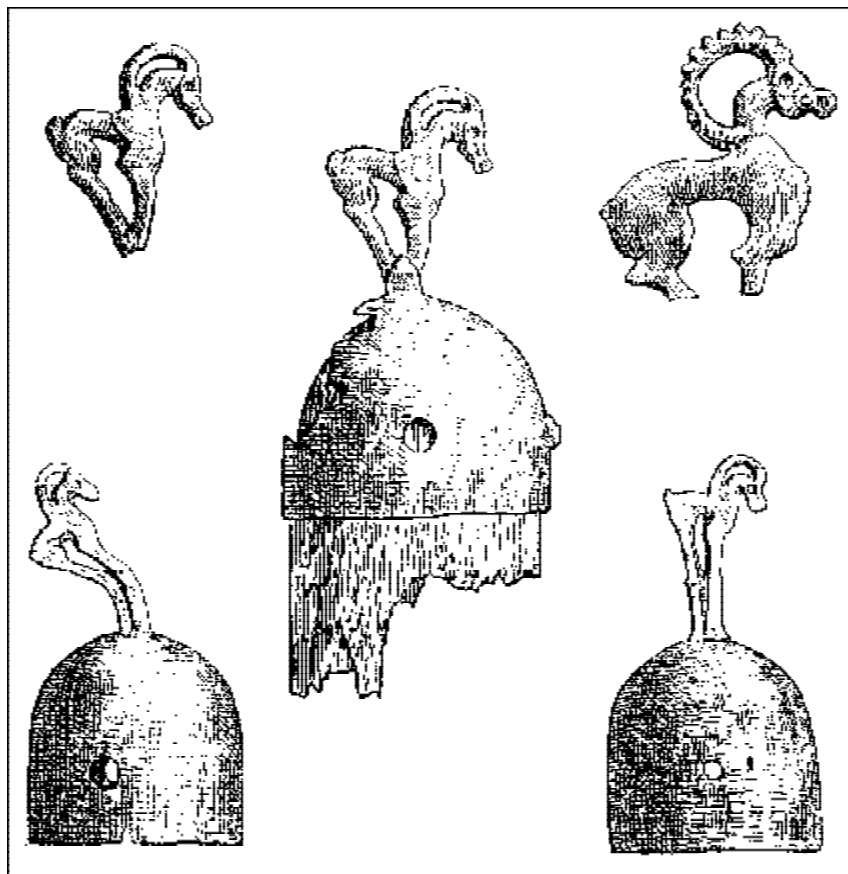
Золотая пантера, выполненная в «скифско-сибирском зверином стиле» из Сибирской коллекции Петра I

предметы из коллекции, изготовленные мастерами VII–II вв. до н.э., найдены в курганах Южной Сибири. В эту коллекцию вошли гривны, поясные бляхи и другие украшения с изображениями зверей. В 1715 г. Никита Демидов, известный предприниматель и основатель уральских горных заводов, преподнес в дар царице Екатерине «богатые золотые могильные сибирские вещи». Этот дар состоял из литых блях с изображением борьбы зверей и шейных гривн с фигурками зверей на концах. Царь высоко оценил золотые сибирские древности и распорядился о дальнейшем их приобретении. Уже через два месяца сибирский губернатор князь Гагарин прислал 10 древних золотых предметов, а спустя год из Сибири прибыло еще более 100. Золотые вещи мастеров скифского времени поступали из Сибири в императорскую коллекцию и в дальнейшем.



Бронзовое изображение оленей из кургана скифского времени у с. Тесь на р. Тубе, правом притоке Енисея

Многое узнали ученые по истории культуры племен скифского времени Алтая и Тывы, изучая петроглифы – древние наскальные изображения, в первую очередь Онюрские комплексы Тывы – скопления петроглифов на месте посещавшегося в течение многих столетий святилища кочевых племен. На скалах изображены в основном дикие животные и сцены охо-



*Колоколоподобные навершия стоек погребального ложа
из кургана скифского времени у р. Тесь*

ты на них. Ясно, что нанесение таких рисунков на скалы связано с магическими действиями для обеспечения максимального успеха в охоте.

Поражают и такие памятники древнего искусства, как так называемые «оленные камни» — стелы с изображением мчащихся оленей и других животных, которые обнаружены в Тыве, Монголии и Забайкалье.

В те времена Сибирь и Центральная Азия имели культурные и экономические связи со странами передовых цивилиза-



*Погребальная маска из захоронения скифского времени
в Минусинской степи*

ций древнего мира. В курганах Алтая и Тывы находят бусы западного происхождения, шелковые ткани и зеркала из Китая, иранские ткани и изделия из шкуры гепарда, раковины каури с берегов Индийского океана.

В одном из курганов Алтая найден месопотамский, или персидский, ковер, древнейший из известных в мире. Такие ковры выделяли в I тысячелетии до н.э. в Вавилоне, Ассирии, Мидии и Персии. Этот многоцветный ковер размером 1,83 × 2 м, извлеченный из могильника в кургане, заполнен изображениями пятнистых оленей, всадников, орнаментальными фигурами и крылатыми грифонами.

Местные мастера перенимали иноземные сюжеты и использовали их в своей работе. Так в могильниках было найдено два больших настенных войлочных полотна размером 6,5 × 4,5 м. На одном полотнище с помощью аппликации изображена бо-

гиня с вечнозеленым деревом жизни. Перед нею всадник на коне, по облику представитель явно средиземноморской расы. На втором полотнище изображен крылатый сфинкс (8, с. 233).

Культурные связи кочевников Алтая и Тывы с западом и востоком сигнализировали о приближении времени начала движения крупных масс кочевников на новые места поселения, о приближении времени великого «переселения народов» в эпоху существования древнетюркских кочевых государств.

ИСТОРИЯ ГУННСКОЙ ДЕРЖАВЫ В ЮЖНОЙ СИБИРИ, МОНГОЛИИ И КИТАЕ

В конце I тысячелетия до н.э. в степях Монголии и Забайкалья исчезают могильники племен скифской культуры, они сменяются памятниками гуннских племен. Впервые эти памятники в конце XIX в. открыл в Забайкалье и правильно определил их принадлежность именно к гуннским древностям Ю.Д. Талько-Грынцевич. Историк М.И. Рижский приводит его высказывание по поводу раскопок древних захоронений в Ильмовой пади и других местах: «Не суть ли похороненные в срубках те из тюркских племен, которые в середине III в. до Рождества Христова сплотились в одно могущественное государство Хунну?» (8, с. 242).

Мы много знаем о жизненном укладе гуннов и истории образования гуннского государства из сочинения «Исторические записки» древнего китайского историка Сыма Цяня (155–88 гг. до н.э.), обширная часть которого переведена на русский язык известным отечественным китаеведом Н.Я. Бичуриным.

Вот как Сыма Цянь описывает жизнь гуннов – кочевников-скотоводов (в китайских летописях их называли хунну): «Обитая за северными пределами Китая, они переходят со своим скотом с одних пастбищ на другие. Из домашнего скота более содержат лошадей, крупный и мелкий рогатый скот; частью разводят верблюдов, ослов, лошаков и лошадей лучших пород. Перекочевывают с места на место, смотря по приволью в траве и воде... Начиная с владетелей, все питаются мясом домашне-

го скота, одеваются его кожами, прикрываются шерстяным и меховым одеянием» (55, с. 39, 40).

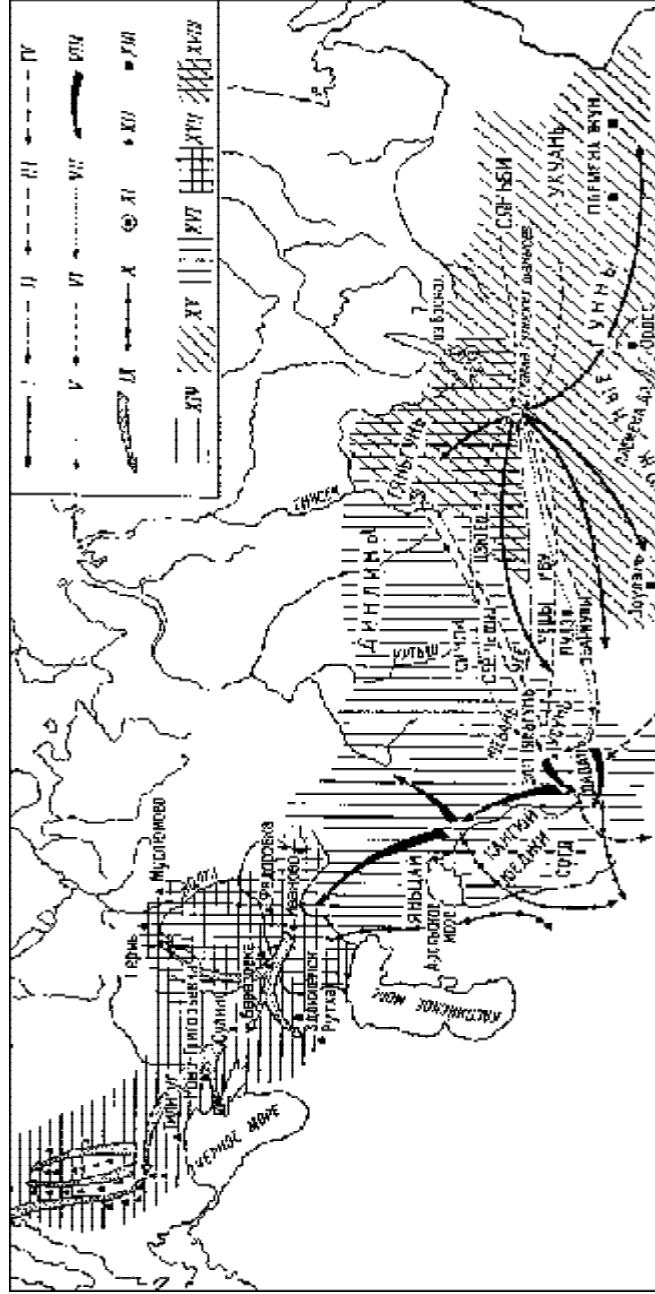
Ученые предполагают наличие в стадах гуннов не только быков местной породы, но и яков – мохнатых быков, способных существовать в высокогорных районах, и гибридов между быками местной породы и яками, о чем свидетельствует ряд изображений яков на некоторых предметах из гуннских поселений.

Как у истинных кочевников, у гуннов верхом ездили все: железные конские удила находят и в мужских, и в женских, и в детских захоронениях. Безусловно, лошадей гунны использовали и в качестве тягловых животных, запрягая их, как и быков, в кибитки и повозки.

Существование у гуннов земледелия подтвердили находки при раскопках древнего укрепленного поселения на р. Селенге вблизи от устья р. Иволги – Нижне-Иволгинского городища, где были найдены не только зерна проса, но и сельскохозяйственные орудия: чугунный сошник, железный серп и каменные зернотерки, а также ямы для хранения зерна.

Археологические находки в Забайкалье подтверждают умение гуннов получать медь, бронзу и железо и изготавливать из них различные орудия и оружие. Историк М.И. Рижский сообщает об обнаружении в Нижне-Иволгинском городище хорошо сохранившегося сыродутного горна для выплавки железа, обломков криц и шлаков. Там же найдены куски бронзового шлака. Он предположил, что Нижне-Иволгинское поселение было гуннским ремесленным центром Забайкалья того времени. Достаточно развито было у гуннов и гончарное дело (8, с. 243).

Некоторая часть гуннов вела оседлый образ жизни, возможно только в зимний период. Эти зимние жилища представляли собой полуземлянки с земляным полом, стены которых были глинобитными или из сырцового кирпича и изнутри обмазаны глиной, перемешанной с нарубленной соломой. Гунны в таких жилищах устраивали своеобразную систему отопления: дым из очага проходил через проложенные горизонтально у стен дымоходы и выходил через вертикальный дымоход наружу, то есть



Расселение племен гуннского союза и их походы (III в. до н.э. – V в. н.э.). По А. Н. Бернштаму

I – походы гуннов; II – путь Чжэнцзяна во II в. до н.э.; III – поход Лигуани во II–I вв. до н.э.; IV – походы против гуннов во II–I вв. до н.э.; V – походы Чжэньши шаньбя в 55–47 гг. до н.э.; VI – движение северных гуннов в 87–89 гг. н.э.; VII – поход Туьлугжа в 90 г. н.э.; VIII – движение гуннов в Средней Азии; IX – походы гуннов в IV–V вв. н.э.; X – движение белых гуннов или эфгалитов в V в. н.э.; XI – Катаунская битва; XII – памятники западных гуннов; XIII – памятники восточных гуннов; XIV – западные гунны; XV – восточные центральноазиатские гунны; XVI – среднеазиатские гунны; XVII – район скрещений среднеазиатских и восточных гуннов; XVIII – район скрещений среднеазиатских и восточных гуннов; XIX – Ильская падь; 1 – Ноин-Ула; 2 – Ильская падь; 3 – Дерестуйский могильник; 4 – Нижне-Иволгинское городище; 5 – Огняхтинский могильник.

использовался для отопления жилища. На дымоходе размещались лежанки или нары.

Одежда рядовых гуннов изготавливалась из кожи, мехов и грубых шерстяных тканей. Гуннская знать носила одежду из дорогих привозных тканей: тонких шерстяных, шелковых и хлопчатобумажных разных цветов и нередко красочно расшитых. Такие же дорогие ткани шли на обивку гробов знати.

Одевались гунны в кафтаны или халаты со штанами. Зимой они носили одежду на войлочной подкладке или подбитую ватой или мехом. Халат подпоясывался широким поясом из материи или кожи. Знатные гунны украшали пояса золотыми, серебряными и бронзовыми бляхами и пряжками.

Гунны были воинственным народом. Их мужчины если не участвовали в военном походе, то продолжали постоянно заниматься воинскими упражнениями. Древние китайские источники сообщали по этому поводу: «...в крайности каждый занимается воинскими упражнениями... Оружие дальнего боя есть лук со стрелами, ближнего – меч и копье... Могущие владеть луком все вступают в латную конницу» (55, с. 40).

Естественно, что конница была у них главным родом войск и главной ударной силой. Тактика ведения боевых действий у гуннов строилась на использовании ударной силы конных отрядов для стремительного нападения на войска противника. Но при достойном отпоре гуннские военачальники использовали эффект быстрого отступления для последующего охвата неприятельского войска и повторной атаки в конном строю.

Китайские источники по этому поводу говорят: «При удаче идут вперед, при неудаче отступают и бегство не поставляют в стыд себе» (55, с. 40). «Искусно заманивают неприятеля, чтобы охватить его... Завидев неприятеля, устремляются за корыстью подобно стае птиц, а когда бывают разбиты, то подобно черепахе рассыпаются, подобно облакам рассеиваются» (55, с. 50)

Гунны умели строить мосты для переправы через реки, они укрепляли свои поселения рвами и валами, обнаруженные учеными при раскопках у Нижне-Иволгинского городища. Возможно, использование инженерного дела в военных целях гунны позаимствовали у древних китайцев.

По результатам раскопок гуннских городищ и могильников в Забайкалье и Монголии можно описать оружие гуннов. Боевой лук имел длину до 1,5 м и был составным, с костяными и роговыми накладками для увеличения прочности и упругости. Стрелы имели костяные, железные, реже бронзовые наконечники. Гунны для усиления психологического воздействия на противника прикрепляли к наконечникам стрел у места насадки костяные просверленные шарики. Благодаря этому при полете стрелы был слышен устрашающий свист. Вложенный в особый футляр лук носили слева, колчан со стрелами – за спиной справа.

В гуннском обществе были сильны черты патриархально-родовых отношений. Сыма Цянь сообщает, что «по смерти отца и братьев берут за себя жен их из опасности, чтобы не пресекался род». Ясно, что это делалось для того, чтобы сохранить в роду потомство и имущество. Семья у гуннов была патриархальной, во главе ее стоял мужчина. Но по свидетельству китайских источников женщины у них не были в приниженном состоянии.

Гунны делились на 24 рода. Во главе родов стояли «начальники поколений», то есть родовые старейшины. Сохранились у гуннов и элементы первобытно-родовой демократии: совет старейшин и народное собрание. Сыма Цянь сообщает: «У гуннов было обыкновение три раза в году собираться в Лунцы, где в первой, пятой и девятой луне, в день под названием «сэй», приносили жертву духу неба... на сих собраниях начальники поколений рассуждали о государственных делах, забавлялись конской скачкой и бегом верблюдов» (55, с. 119). Начальники поколений собирались и внепланово, чтобы решить вопрос о войне и мире или утвердить преемника умершему шаньюю (верховному вождю гуннов).

Наиболее сильное влияние на гуннское общество оказывали их контакты с древним Китаем. Среди племенной знати распространилась привычка к роскоши, к использованию украшений из золота и серебра, к одеждам из парчи и шелка. Как отметил Сыма Цянь, гунны «полюбили китайские шелковые ткани, хлопчатку и разные снадные вещи» (55, с. 57). Под

этими «снадными вещами» надо понимать в первую очередь рис и вино. Ведь даже в Забайкалье среди гуннских древностей найдены костяные палочки, с помощью которых едят вареный рис.

Для гуннской племенной знати да и для рядовых гуннов война являлась в первую очередь источником обогащения за счет награбленной добычи. «Кто в сражении отрубил голову неприятелю, тот в награду получает кубок вина и ему же предоставляется полученное в добыче. Пленные, и мужчины и женщины, поступают в неволю, а посему в сражениях каждый воодушевляется корыстью» (55, с. 56).

Гуннские набеги сопровождалась грабежом, уводом в плен и рабство военнопленных и мирных жителей побежденной стороны, угоном скота, захватом имущества. Лучшая и большая часть добычи доставалась племенной знати, которая в ходе грабительских военных походов обогащалась в первую очередь.

Постепенно у гуннов сложилась новая форма власти, уже во многом государственная. Власть шаньюя стала единоличной и наследственной. Обычно шаньюй завещал свой престол старшему сыну или младшему брату. Был создан определенный государственный аппарат. Члены царствующего дома получали высшие государственные должности, и одновременно им давалась в управление определенная область – удел. Кроме членов шаньюйского рода государственные должности получали еще три рода, «знаменитые дома». Обычно именно из этих «домов» шаньюи брали себе жен. Так что и государственные должности у гуннов стали как бы наследственными.

Своего письма у гуннов не было. А создание государства, потребности дипломатического обмена срочно потребовали введения письменности. Учитывая постоянные контакты с Китаем, где к тому времени имелась многовековая традиция письменности, гуннская знать для дипломатических нужд и других потребностей бюрократии приняла китайскую иероглифическую письменность.

В 221 г. до н.э. после пятисотлетнего периода раздробленности Китай снова объединил в единую империю правитель княжества Цинь, который после этого принял титул импера-

тора Китая и стал именоваться Цинь Ши-хуанди. Так закончилась 23-летняя борьба правителя царства Цинь, который сумел за это время завоевать или аннексировать владения остальных шести государств Китая. Он предпринял ряд походов против северных кочевников и вытеснил гуннов из Ордоса — степного плато в огромной излучине р. Хуанхэ.

Гунны во главе с шаньюем Туманем отступили на север. Гуннский племенной союз из-за понесенных потерь ослаб и даже был вынужден подчиниться и платить дань восточным соседям дунху. В самом Китае возобновилось строительство колоссальных оборонительных стен, чтобы обезопасить Северный Китай от нашествия кочевников, в первую очередь гуннов.

Все это сплотило гуннские племена и привело к образованию в конце III в. до н.э. в степях Центральной Азии первого крупного объединения гуннских племен государственного типа. В 209 г. до н.э. сын шаньюя Туманя Модэ, убив отца и брата, объявил себя шаньюем. 24 гуннских рода признали его своим повелителем. Часть племенной знати оказала ему сопротивление, но он сумел казнями подавить оппозицию. А после ряда побед над соседними народами гуннская родовая знать полностью перешла на его сторону.

Придя к власти, Модэ провел в армии реформы, он выделил в ее составе четыре конных корпуса, конники которых отличались по масти коней: черная, белая, рыжая и серая. В первый же год своего правления Модэ совершил поход на восток и разгромил народ дунху — группу кочевых племен, которым еще недавно гунны платили дань. Разгром дунху, совершенный где-то в степи к югу от среднего течения р. Керулен, завершился невиданным грабежом побежденных: земля, скот и имущество дунху перешли в руки гуннов. Остатки дунху бежали в Маньчжурию, Монголию и Забайкалье.

Затем Модэ повел войска на запад против юэджи (они же кушаны, саки), господствовавших к западу от излучины р. Хуанхэ и к северу от горного хребта Наньшань. Ряд сильных ударов гунны нанесли по Китаю, в 204 г. до н.э. им удалось снова завоевать Ордос. В 203–202 гг. до н.э. Модэ провел военные операции на северо-западе и подчинил скотоводческое племя гянь-гуней (киргизов), населявших степи южнее Ан-

гары. Гунны проникли на север в степи Тывинской котловины у подножия Западного Саяна и покорили живших по Енисею оседлых земледельцев и скотоводов.

В 188 г. до н.э. после ряда поражений в борьбе с гуннами китайский император Гаоцзу вынужден был заключить с Модэ договор о «мире и родстве» и выдать за гуннского владыку китайскую принцессу и, кроме того, обязался ежегодно присылать дань.

Модэ стал таким могущественным, что после смерти очередного китайского императора он послал вдовствующей императрице предложение выйти за него замуж, а в качестве приданого он собирался получить власть над Китаем.

Правда, императрица, по сообщению Сыма Цяня, «весьма разгневалась», но вынуждена, учитывая угрозу со стороны гуннской державы, дать смиренный ответ: «Шаньюю не забыл ветхой столицы (так императрица называла себя. — М.Ц.) и удостоил ее письмом. Ветхая столица пришла в страх и, вычисляя дни, заботится о себе. Она состарилась, силы ослабели, волосы линяют, зубы выпадают... в ходу теряет размер в шагах. Шаньюю ослышался, а этим нельзя запятнать себя» (55, с. 53). Отказ от брачного предложения был смягчен ценным подарком — двумя царскими колесницами и двумя четверками лошадей.

Очередной поход Модэ предпринял, преодолев, вероятно, хребет Монгольский Алтай по долине р. Иртыш. Ему покорились племена китчаков, занимавших склоны Калбинского и Нарымского хребтов и земли вокруг озера Зайсан. Гунны освоили бассейн верхней Селенги и по ее долине вышли к Байкалу.

В 177 г. до н.э. юэджи потерпели полное поражение от гуннов в бассейне озера Лобнор и ушли в междуречье Сырдарьи и Амударьи. На западе Модэ также совершил поход против кочевых племен усуней. Его войско прошло через Джунгарские Ворота — горный проход у 82°30' в.д. и достигло, возможно, северных склонов Джунгарского Алатау. Усуни были покорены, но власть гуннов ограничилась лишь взиманием дани (9, с. 141).

После смерти Модэ в 174 г. до н.э. шаньюем стал его сын Лаошань, который получил в наследство от отца огромную

империю: на востоке она достигала, вероятно, хребта Большой Хинган, на западе – долины Иртыша, на севере – Байкала, на юге же она простиралась до пустыни Гоби.

При Лаошане государство гуннов продолжало укрепляться. По предложению личного советника шаньюя Чжунхина Юе в гуннском государстве провели перепись населения, скота и имущества и на ее основе обложили подданных налогами: советник Юе «научил шаньюевых приближенных завести книги, чтобы по числу обложить податью народ, скот и имущество» (55, с. 49).

Юе также «научил шаньюя писать грамоты китайскому двору на дощиче в 10 футов длиной», то есть на таких же дощечках, которые использовали китайские дипломаты, направляя послания китайского императора.

Нападения гуннов на Китай продолжались и при Лаошане. В 162 г. до н.э. по инициативе китайцев Лаошань заключил с Китаем мирный договор, по которому хотя и признавалось, что «Хань и Хунну суть два смежных и равных государства», но предусматривалась ежегодная отправка гуннам из Китая «даров»: проса, риса, шелка, парчи, хлопчатобумажных тканей. Фактически это была ежегодная дань Китая гуннскому государству.

К концу II в. до н.э. гунны, перевалив Западный Саян, проникли в землю Хягас (Хакасию) и завоевали Минусинскую котловину. Правителем там был поставлен образованный чиновник Взйлуй, человек «степного происхождения», советник шаньюя. В 99 г. до н.э. гуннское государство было атаковано китайской армией под командой прославленного полководца Лигуанли. Его внук Лилин командовал особым отрядом пехоты, состоявшим из 5000 воинов. Гунны окружили отряд Лилина и взяли его в плен. Оставшись у гуннов, он «получил во владение хягас», то есть стал правителем Хакасии.

Историк А.И. Мартынов рассказал о роскошном дворце на Енисее, где жил наместник Хягаса: «Остатки этого дворца были случайно открыты вблизи Абакана при земляных работах и поразили археологов своим пышным убранством. Первое, что они увидели, были остатки крыши дворца, покрытой черепицей, с надписями – благопожеланиями. Такой же магический

смысл имели вылитые из бронзы массивные дверные ручки, украшенные маской – личиной мифического рогатого демона... Эти маски – обереги (апотропеи) – не условная схема головы космического чудовища, а шаржированная передача реального физического типа древних европеоидов-тагарцев с их высокими горбатыми носами и большими широко раскрытыми глазами. Абаканские маски явно отлиты местным мастером, изображившим здесь духов своей страны так, как они представлялись местному населению. Внутри здания уцелели остатки сложной отопительной системы. Здание дворца было обнесено кругом глинобитной стеной с въездными воротами и башнями. Среди развалин обнаружены различные железные предметы – топоры, скобы, петли, болты, часть нефритового блюдца, коралловая бусина, золотая серьга, различные предметы домашнего обихода и, прежде всего, пряжки от ремней и ножи. Посуда, найденная в развалинах, двух типов: в основном местная, таштыкская, и, кроме того, типично гуннская, подобная раннегуннским сосудам, встречающимся в Забайкалье. Владычество гуннов оказалось недолговечным. Восстание против них возглавил уже сын и преемник Лилина» (8, с. 260, 261).

Историки считают, что связи с гуннами могли в определенной степени подготовить возникновение в дальнейшем местной государственности потомков хягасов – енисейских кыргызов в середине 1-го тысячелетия н.э.

В середине I в. н.э. ослабленное непрерывными войнами с окружающими народами гуннское государство распалось на две части. Южные гунны вскоре подчинились Китаю. Северная часть гуннского племенного объединения подвергалась непрерывным нападениям с юга со стороны китайцев, с востока – со стороны набравшего силу племенного союза сяньби, с севера – со стороны забайкальских племен. К 93 г. н.э. борьба гуннов с сяньбийцами, которая велась в основном на территории Монголии, закончилась полной победой последних.

После этого часть северных гуннов под этими непрерывными ударами в конце I в. н.э. устремилась на запад. При этом по пути в Приуралье и далее в Восточную Европу гунны одни племена покоряли, другие оттесняли, третьи включали в свой племенной союз. В степях Восточной Европы гунны появились

в первой половине IV в. н.э. Этот кочевой народ получил печальную известность в Европе своими кровавыми завоевательными походами. Его неудержимое стремление к завоеванию новых земель и народов было прервано только разгромом гуннских войск, возглавляемых Атиллой, в битве на Каталаунских полях в Галлии в 451 г. н.э.

ВОИНЫ ТЮРКСКИХ КАГАНАТОВ В СИБИРИ

Главную роль в истории Центральной Азии и Южной Сибири в VI–VIII вв. сыграли два крупных объединения тюркоязычных кочевых племен – теле и тюркю. Все эти племена имели явно гуннских и динлинских (ветвь гуннов) предков. Динлины делились на северных и западных. Первые жили к северу от гуннов в районе Байкала.

По преданиям северные динлины отличались тем, что у них были «лошадиные голени» и они быстро бегали. Историк Л.П. Потапов объясняет это предание тем, что северные динлины носили меховую обувь, сшитую из шкур, которые снимали с ног лошади или козули, и ходили зимой на лыжах, подбитых той же шкурой. Подобную обувь носили в недалеком прошлом некоторые группы жителей Южной Сибири – тувинцы, алтайцы, хакасы, шорцы, которые пользовались такими же лыжами (8, с. 266).

В китайских летописях потомков динлинов называли «теле». Большинство племен теле в IV–VI вв. обитало на территории современной Монголии, достигая во время перекочевий Тывы и горного Алтая. Некоторые из названий племен теле упоминаются и в древнетюркских рунических надписях, например уйгуры, курыканы и др.

В тех же летописях содержатся сведения по племенному объединению древних тюрков – тюркют, в китайском варианте – тюркю. Отсюда происходит название тюркской группы языков. Но на этих языках говорили не только тюрки, но и многие племена теле, в частности уйгуры (огузы, кыпчаки и др.).

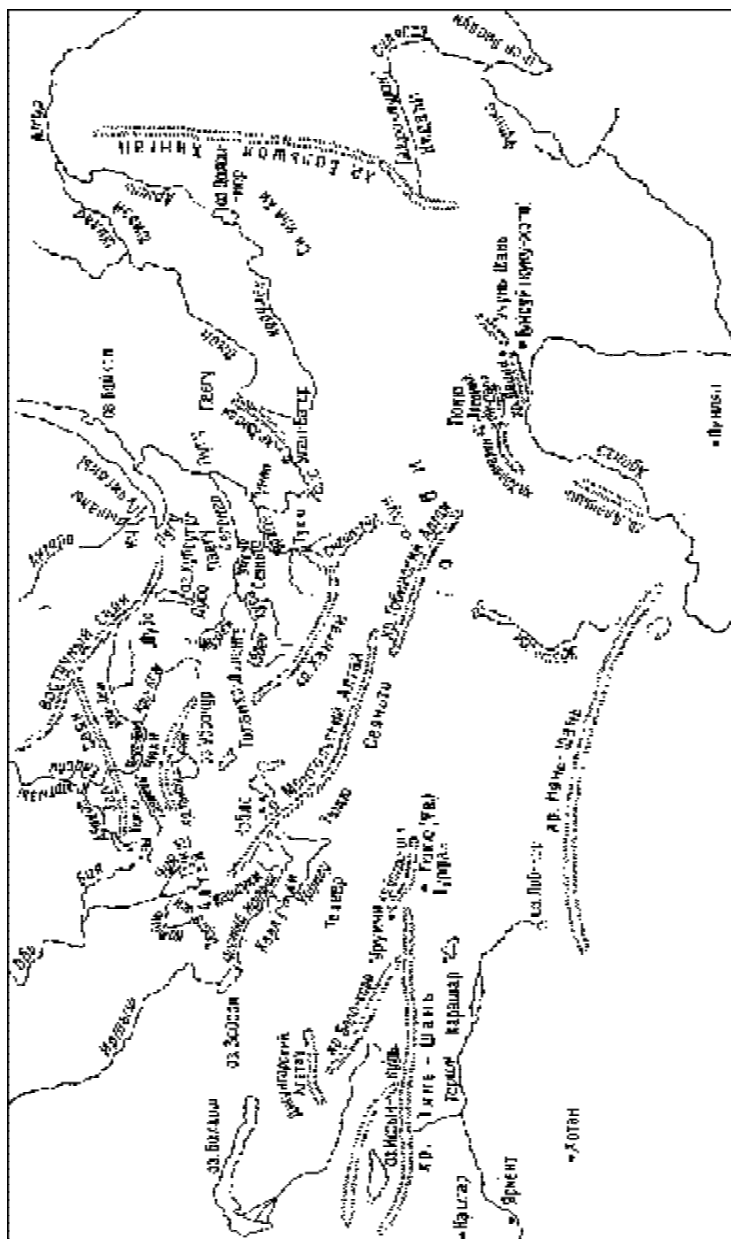
Известны легенды и предания, согласно которым предками тюркю были северные гунны. Вот две из них в изложении ис-

торика Л.П. Потапова. Брат главы государства северных гуннов был шаманом, рожденным от волчицы. Один из его сыновей превратился в лебедя, то есть, видимо, стал родоначальником рода лебедя. Его сын стал правителем на р. Чуе. Его четвертый сын Нортулу-шад жил в государстве Со с 10 женами, сыновья от которых носили имена матерей. Сына от наложницы звали Ашина. После смерти отца его избрали предводителем под именем Ахиен-шада. Его внука называли Тумен, и он часто упоминается в китайских источниках как историческое лицо и основатель государства тюркю, тюркского каганата.

По другому преданию утверждается, что предки тюркю были одним из родов гуннов, разгромленного врагами и полностью истребленного, за исключением одного десятилетнего мальчика. Его спасла волчица и спрятала в пещере в горах, расположенных севернее государства Каочан (Турфан).

Волчица родила от выросшего мальчика 10 сыновей, которые взяли в жены женщин из других родов и имели многочисленное потомство. Одним из потомков был и Ашина. Через несколько поколений тюркю вышли из этих гор и стали кузнецами у монголоязычных племен жужаней, создавших свое государство – каганат. Они жили и работали на южных склонах Джунгарского Алтая (8, с. 268, 269). Напомним, что у многих народов Сибири и Центральной Азии той эпохи кузнечное дело, связанное с добычей руд и получением металлов, с изготовлением металлических орудий и украшений, считалось всегда связанным с шаманством, с общением с духами и богами. Отсюда и особый авторитет кузнецов и рудознатцев среди других племен.

Все эти предания нашли подтверждение в китайских летописях. Известно, что после разгрома в 439 г. одного из небольших гуннских государств, расположенного в южной части излучины Хуанхэ, предки тюркю откочевали в горы Гаочана, находящиеся к северо-западу от Турфана (ныне называются «Богдо-ола»), где имелись залежи железных руд. Там тюркю, как и обитавшие поблизости некоторые племена теле, занимались кузнечным делом. Там они и приняли наименование «тюркют», или «тюркю».



Расселение племен тюкю и теле в VI–VIII вв.

Объединение племен тюкю и образование тюркского каганата произошли в начале 30-х гг. VI в., так как каган объединенных тюкю Шаболио в 585 г. писал императору Китая: «С тех пор как тюкю созданы небом, прошло уже более 50 лет» (8, с. 269). Могущество племен тюкю основывалось на наличии у конных воинов оружия и доспехов (шлемы и кольчуги) из железа.

Историк Л.П. Потапов приводит слова одного из китайских императоров, который метко охарактеризовал источники силы тюркского каганата: «Сила тюкю заключается в верховой езде и стрельбе из лука. Если они видят благоприятное положение, то продвигаются вперед, если замечают опасность, тотчас же отступают. Они бушуют, как буря и молния, и не знают устойчивого боевого порядка. Лук и стрелы являются их когтями и зубами, а кольчуги и шлемы – повседневным одеянием. Их войска не маршируют строем и не разбивают лагерей на определенном месте. Они поселяются там, где находят воду и траву, а их овцы и лошади представляют собой военный провиант» (8, с. 270). Как все это напоминает тактику ведения боевых действий гуннами.

В середине VI в. вождь тюкю Тумен разгромил и захватил 50 тыс. юрт теле, которые до этого в 546 г. восстали против господства жужанского кагана. Тумен предложил жужанскому кагану Анахуаню выдать за него замуж дочь последнего. Презрительный ответ кагана гласил: «Ты же наш простой кузнец. Как ты мог осмелиться произнести такие слова» (8, с. 270). В ответ Тумен убил жужанского посланника и в 552 г. разгромил жужаней в битве, которая произошла на территории северо-восточной части современной провинции Суйюань. После этого каган жужанов покончил жизнь самоубийством, а Тумен провозгласил себя каганом. Так началось правление тюркских каганов, хотя государство тюкю возникло примерно на 20 лет раньше.

Каган являлся верховным командующим войсками каганата. Его помощниками были наследник престола (тегин) и командующие армиями (шады). Каганат у тюкю делился, как и государство гуннов, на правую и левую стороны. Соответственно этому назначались высшие правители этих частей – правые и ле-

вые ябгу, войска также делились на армии правой и левой стороны, которыми командовали правые и левые шады. Ябгу и шады назначались каганом из числа своих сыновей, братьев и других близких родственников. Всего в государстве тюкю было 28 классов чиновников, так что этот признак государства — наличие бюрократии — был в каганате довольно развит.

При кагане Мухане, младшем брате Тумена, власть тюркского каганата распространялась с запада на восток от Средней Азии до Ляодунского залива, а с юга на север от Китая до Байкала, включая районы Алтая и Саян. Племена теле полностью подчинились тюркскому кагану и активно привлекались для участия в завоевательных и карательных походах. В это время с тюркским каганатом вступили в экономические и политические отношения не только ближайший сосед Китай, но и такие могущественные и далекие страны, как Византия и сасанидский Иран.

Став в 553 г. тюркским каганом, Мухан, который был, по свидетельству китайских летописей, «тверд, жесток, храбр, умен и ничем не интересовался, кроме войн», вероятно весной 554 г. из своей ставки на р. Орхон направил на запад армию под командованием Истеми-кагана. Не встречая, видимо, серьезного сопротивления, тюрки пересекли Джунгарию и через Джунгарские ворота, которыми пользовались еще гунны, проникли в Семиречье. Затем тюрки где-то близ современного г. Кзыл-Орда переправились через Сырдарью и в 555 г. достигли «Западного» (Аральского) моря. Затем через степи Западного Казахстана, преодолевая сопротивление местных племен, они дошли до Волги. Пока Истеми воевал на западе, Мухан с войском проник в Центральную Тыву, в верховья Енисея, и покорил жившие там тюркоязычные племена (9, с. 143, 144).

Разгром тюрками объединения варварских племен эфталитов в 560-х гг. позволил купцам из Согдианы (район между средними течениями Амударьи и Сырдарьи), которая оказалась в зоне влияния тюркского каганата, восстановить торговлю с Китаем по Великому шелковому пути. Купцы обратились к Истеми-кагану с предложением направить посольство к иранскому шаху, с тем чтобы добиться разрешения на провоз шел-

ка через его страну. Тюркским послом был назначен согдиец Маниах, но иранский шах не дал разрешения на проезд купцов.

Истеми решил начать войну с Ираном. Чтобы объединить силы с Византией, старым врагом иранского шаха, Истеми направил туда того же Маниаха, который прошел мимо южного побережья Арала, по пустынному плато Устюрт, обогнул с севера Каспий и через Кавказ добрался до Византии. В августе 568 г., заключив военный союз и торговый договор, Маниах в сопровождении посла Византии Зимарха отправился обратно. По прибытии в ставку Истеми Зимарх получил в подарок пленницу и сопровождал Истеми в походе против персов. Впоследствии он с новым тюркским послом возвратился в Византию (9, с. 145).

После смерти Мухана каганом тюркской державы стал в 572 г. его младший брат Тобо, при котором громадное государство было разделено на восточную и западную части. Управление обеими частями осуществляли близкие родственники кагана. В это время раздробленный и ослабленный Китай старался всяческими дарами и подарками задобрить тюркских властителей. Одни правители северных областей Китая посылали кагану ежегодно 10 тыс. кусков шелка, другие правители также делали ценные подарки, тратя на это громадные суммы денег.

Правление Тобо ознаменовалось попытками распространения у тюрок буддизма. Сам каган и его приближенные приняли новую религию, на тюркский язык были даже переведены некоторые буддийские священные книги, но широкой массой кочевников буддизм не был принят. В 581 г. каганом стал сын Тобо, известный под именем Шаболио, о котором уже упоминалось, однако он не сумел удержать все земли и в результате междоусобиц каганат в том же году распался на западный и восточный. В восточном каганате остался править Шаболио, а в западном — каганом стал Тардуш-хан. Китайские императоры всячески пытались ослабить тюрок и усилить вражду между обоими каганатами.

В 630 г. каган восточных тюкю Хели был разбит и пленен китайцами. Так фактически закончил свое существование пер-

вый тюркский каганат. Китайские императоры распространили свое влияние на земли племен теле и восточных тюрков. Но в 660–663 гг. племена теле и восточных тюрков подняли восстание, и в 682 г. образовался второй тюркский каганат северных (восточных) тюрков, во главе которого стал Гудулу (Ильтерес – по древнетюркским надписям), происходивший из знатного рода Ашина, родственник умершего кагана Хели.

Он объявил себя каганом после одержанных побед над рядом племен теле и поселился в районе древней родины тюрков в местности «Черные пески» (в древнетюркских надписях – Кара-кум) по северную сторону хребта Инь-Шань, недалеко от г. Куку-Хото (современный Хух-Хото). Восточно-тюркский каганат оказался в окружении враждебных государств и племен. Каган Гудулу, или Ильтерес, с помощью мудрого советника Тоньюкука сумел разбить и покорить врагов.

После смерти Гудулу в 692 г. каганом объявил себя его брат Мочо. Он продолжил успешные набеги на Китай. В 696 г. Мочо предложил императору Китая усмирить восставшие племена киданей. За это император должен был возратить всех тюрков, находившихся в различных районах Китая. Мочо разбил киданей, и император выполнил условия договора. Возвращение всех тюрков усилило Мочо, и он возобновил борьбу против китайских императоров династии Тан, которые назначили большую награду за его голову.

Восточно-тюркский каганат подчинил себе все племена теле, обитавшие в Монголии. Мочо сумел поставить в зависимость от себя и западных тюрков. Восточные племена киданей и хиплатили кагану налоги, выполняли «подневольные работы». Это было время расцвета второго восточно-тюркского каганата.

Советник при нескольких каганах и полководец Тоньюкук снежной зимой 711 г. возглавил поход против кыргызов Енисея, крупный отряд которых охранял Главный перевал через Западный Саян. Тоньюкук, не став дожидаться лета, собрал свою армию на р. Хемчик (бассейн Верхнего Енисея) и поднялся с ней по долине его левого притока Ак-Сук. В одной из тюркских надписей на камне (до нашего времени дошло много надписей на камнях, освещающих деятельность этого полководца и начинающихся словами: «Я, мудрый Тоньюкук...») ска-

зано: «Приказав сесть на лошадей, я пробил дорогу сквозь снег (до 1,5 м. – М.Ц.). Я взошел с другими на верх горы, ведя лошадь в поводу, пешком, удерживаясь деревянными шестами. Передние люди протаптывали дорогу, и мы перевалили через вершину, поросшую лесом». Это был первый, подтвержденный письменными источниками переход через хребет Западный Саян.

«С большим трудом спустились и в 10 ночей... прошли до склона горы... Мы шли вниз по течению Аны (Большая Она, правый приток р. Абакан. – М.Ц.). После остановки и определения количества отставших и замерзших, Тоньюкук проследовал на конях, двигаясь днем и ночью, на север и где-то в долине Абакана разгромил не ожидавшую нападения армию кыргызов, предводитель которой погиб в сражении. Затем Тоньюкук вышел в долину Среднего Енисея и захватил все земли кыргызского племенного союза. Тюрки оставили там свои гарнизоны, о чем свидетельствуют раскопки на склонах Абаканского хребта и в Минусинской котловине. Самый северный пункт, до которого они доходили, – долина р. Тесь, левый приток Енисея у 54°30' с. ш. Вновь перевалив Западный Саян, Тоньюкук возвратился в ставку на р. Орхон (9, с. 147).

Но восстания поработанных племен не прекращались. В 716 г. во время одного из карательных походов Мочо был случайно в лесу убит воином из племени паэгу, которое перед этим было разгромлено в бою. Второй каганат просуществовал до 744 г., когда был убит последний каган Озмиш.

История тюркских каганатов тесно связана с Южной Сибирью, где проживали тюркоязычные племена. Историк Л.П. Потапов считает, что на Алтае в то время жили тюрков, о чем свидетельствуют каменные курганы с захоронениями человека с конем. Он утверждает, что «о связи предков тюрков с Алтаем и Енисеем свидетельствуют генеологические легенды древних тюрков, в частности рассказ о государстве Со. Принято считать, что государство это находилось в Саяно-Алтайском нагорье, где название «со» сохранилось до нашего времени в наименовании одного из родов кумандинцев (северных алтайцев). В этой легенде говорится также, что один из сыновей предка шамана превратился в лебедя: род лебедя (куулар) сохранил-

ся среди тувинцев и северных алтайцев. У современных народностей Саяно-Алтайского нагорья – тувинцев, хакасов, телеутов, кумандинцев – сохранились тотемистические представления о лебеде» (8, с. 274).

В Западном Алтае жили некоторые племена теле: карлуки, кыпчаки, тюргеши, в долине Енисея – чики, а также поблизости племя азов. Все племена теле, тюкю и другие соседние с ними тюркоязычные племена, обитавшие в Южной Сибири, были кочевыми скотоводами, разводившими овец, лошадей, крупный рогатый скот, а на Алтае еще и яков. Скот круглогодично находился на пастбищах, но велась и заготовка сена. Историк Л.П. Потапов утверждает, что еще в первой половине XX в. у тувинцев и алтайцев практиковался древний способ заготовки сена, когда траву срезали вручную, свивали ее в жгуты и развешивали для просушки и хранения на деревьях (8, с. 275).

Важное место в хозяйственной деятельности племен Южной Сибири занимала и охота. Железо добывалось как в Тыве, так и на Алтае, причем плавка руды велась в глинобитных горнах. Алтайские кузнецы делали из местного железа мечи, наконечники стрел, алтайское оружие – сабли с массивным клинком, имеющим легкий изгиб. Стрелы снабжались, как и у гуннов, полыми костяными шариками с отверстиями для того, чтобы они при полете издавали устрашающий свист. Искусно изготавливали они железные котлы, как круглые подвесные, так и стоящие на конусообразной ножке. Такие котлы изготавливали на Алтае до XVIII в., и северные алтайцы платили дань джунгарским ханам именно такими котлами.

Л.П. Потапов сообщает, что изготавливаемые древними алтайцами железные тесла – топоры, которыми можно было срубить дерево и изготовить разнообразные деревянные предметы, сохранились в быту у них еще в XIX в., а в Тыве под названием «кержек» – до середины XX в. (8, с. 276).

Для племенной знати местные кузнецы изготавливали сосуды из серебра. На некоторых таких сосудах, найденных археологами, имеются древнетюркские рунические надписи. Кузнецы, видимо, являлись и ювелирами, как это было до начала

XX в. у тувинцев, алтайцев, хакасов. Важным видом домашнего производства были на Алтае и в Тыве изготовление войлока, выделка шкур домашних и диких животных. Ученые находят в погребениях VI–VIII вв. в Южной Сибири войлок различных сортов, который шел на покрытие юрт, пошив одежды, изготовление постелей.

Любопытно, что племена тюкю делали грубую ткань из волокон некоторых растений. Л.П. Потапов сообщает, что «ткацкие станки у кочевников были маленькими и разборными, наподобие сохранившихся до нашего времени у алтайцев, бурят, шорцев. Ни одна из частей станка не превышает размером 70–80 см, и весь станок свободно укладывается в маленькую сумку и мешочек и привязывается к седлу. Алтайцы на таких станках еще в первой половине XX в. изготавливали грубую ткань в виде холста из волокон кендыря, а буряты – шерстяную ткань» (8, с. 276).

У тюкю племенная знать и приближенные кагана вели торговлю с Китаем, обменивая скот, преимущественно лошадей, и меха в основном на шелк и золото.

Основными продуктами питания у тюркских племен были мясо баранов и диких животных (косуль, маралов и др.), а также молоко. Видимо, употреблялись и кедровые орехи, которые иногда даже клали с погребенными. Важную роль в рационе питания играло кислое молоко, широко употреблялся приготовляемый из кобыльего молока кумыс – излюбленный хмельной напиток кочевников. Согласно записям в летописях, угощая им друг друга, становились на колени и пели песни, как это делали совсем недавно современные тувинцы и алтайцы. А хранили кумыс в деревянных, глиняных и, возможно, кожаных сосудах и мехах.

Хотя у племен тюкю семейный уклад не предусматривал многоженства, господствующее положение в семье занимал мужчина. Правда, положение женщины в семье было относительно свободным, так как на нее возлагалась вся ответственность за домашнее хозяйство. Мужчина же часто отсутствовал в семье из-за участия в военных походах, охоте или когда пас принадлежащее семье многочисленное стадо.

О довольно высоком для того времени уровне культуры тюю и некоторых племен теле (уйгуры) свидетельствует наличие у них рунической письменности, так называемого орхонского письма, которое было создано ими к середине VI в. Рунические памятники на камнях и строениях найдены в Северной Монголии (древнетюркские орхонские и уйгурские надписи VIII в. на каменных стелах), в долине Енисея, а именно в Минусинской котловине (по берегам рек Уйбат, Абакан, Туба), в Тыве (известно свыше 50 рунических надписей на отдельных камнях и скалах, относящихся, вероятно, к более позднему времени, когда там господствовали кыргызы), в Прибайкалье, на Алтае (на отдельных предметах из древнетюркских погребений), и даже в Европе – в Донбассе и на Дунае.

Эта письменность тюю создана на основе арамейского алфавита, скорее всего, при посредстве согдийцев, о связях которых с тюркскими каганами говорилось ранее. Письменность у тюю существовала уже при кагане Мухане. В 70-х годах VI в. были переведены на тюркский язык некоторые буддийские священные книги.

Установлено, что древнетюркские надписи (особенно орхонские) являются своеобразными каменными летописями и содержат описание исторических событий. Так что эти надписи – важные письменные документы по истории предков современных тывинцев, алтайцев, хакасов. Безусловно, что грамотность у тюю являлась прерогативой знати и чиновников кагана. Рядовые кочевники, вероятнее всего, не были грамотными.

При каких-либо массовых подсчетах воинов, лошадей или скота «делали зарубки об их количестве на дереве» (8, с. 281). Дощечку с зарубками запечатывали воском вместе с небольшой стрелой с металлическим наконечником, и тогда дощечка превращалась в документ.

В официальных документах каганов год датиговались по 12 летнему циклу, когда год назывался по имени определенного животного (год лошади, затем овцы, змеи, мыши и т.д.). Эти названия годов следуют в строго определенном порядке и повторяются через каждые 12 лет.

В какой-то степени о развитии изобразительного искусства у тюю можно судить по каменным изваяниям, известным как

«каменные бабы», которые довольно часто встречаются на территории Тывы и Горного Алтая – многие из них изготовлены именно в древнетюркское время. Часто скульптура изображает мужчину, держащего в руках сосуд. На многих фигурах можно различить лицо, детали одежды и оружия. Историк Л.П. Потапов считает, что статуи умершего делали и ставили к моменту поминок, которые совершались у сооруженной каменной оградки. При похоронах каганов и представителей знати строили поминальные храмы.

От племен тюю и теле осталось много наскальных рисунков в Тыве, Минусинской котловине и в горном Алтае. Именно к древнетюркским временам ученые относят рисунки Сулекской писаницы в Хакасии, где изображены охотники с луками на лошадях, которые преследуют большей частью копытных животных. На других писаницах в Тыве встречаются также сцены охоты, в том числе с охотничьими собаками.

Племена теле, тюю и кыргызов по религиозным верованиям были шаманистами. Буддизм, насаждаемый некоторыми каганами, так и не проник в народную массу. Древние тюрки верили в то, что окружающий мир наполнен многочисленными духами, которые прямо влияют на жизнь людей. Посредниками между духами и людьми в их представлении были шаманы – мужчины и женщины, которые с помощью жертвоприношений могли лечить больных и предсказывать будущее. Вера в древнетюркские божества, имена которых известны по орхонским надписям, дожила у тывинцев, хакасов и алтайцев до XX в. Тюю сперва сжигали своих покойников. Погибших в бою воинов они сжигали прямо на поле боя и оплакивали их. Позже, с первой четверти VII в., они стали хоронить умерших в земле, в ямах под курганом из камней.

В завершение рассказа о племенах теле и тюю отметим, что время древнетюркских каганатов явилось важным этапом в истории Центральной Азии и прилегающих к ней районов Южной Сибири. Именно в это время сложились обширные этнические общности тюрко-язычных племен, которые впоследствии сыграют важную роль в истории народов Евразии.

СУДЬБА ДРЕВНИХ МАНСИ И ХАНТОВ

Эпоха великого переселения народов, в первую очередь движение гуннских племен на запад из Центральной Азии в Среднюю Азию, а затем на Волгу и далее в Западную Европу, в какой-то степени отразилась на жизни племен лесного Прииртышья и Нижнего Приобья. Под давлением гуннов часть племен Северного Казахстана и Западно-Сибирской лесостепи в первой половине I тысячелетия проникает в южную часть лесной полосы Западной Сибири и смешивается там с местными лесными племенами. В конце концов лесные племена ассимилировали пришлых степняков, хотя влияние культуры пришельцев было немалым, особенно в части распространения скотоводства и разведения коней.

К концу I тысячелетия в бассейне р. Туры и Тавды расселяются племена, которых причисляют к древне-мансийским. По мнению историка Г.М. Могильникова, в их формировании большую роль сыграли продвинувшиеся в V–VI вв. на восток горно-уральские племена. Он считает, что общим для всех древних хантов и манси было широкое распространение литых бронзовых фигурок зверей и людей. В тот период значительные территории таежного Прииртышья и Нижнего Приобья занимали древнехантыйские племена.

Южные группы манси и хантов в бассейнах Туры и Среднего Иртыша занимались разведением скота, земледелием, прядением и ткачеством. Под влиянием степной культуры южные манси и ханты хоронили часть умерших под курганными насыпями в отличие от северных племен, которые закапывали умерших в землю.

В VI–IX вв. в Западно-Сибирскую лесостепь из районов Алтая и Центрального Казахстана продвигаются тюркские племена. Оставшаяся после ухода гуннов на запад часть лесостепных племен со смешанной культурой, сформировавшейся на новых степных и старых лесных традициях, занимала районы Северо-Восточного Казахстана, Павлодарского Прииртышья и Тюмени. Их называют лесостепными уграми и относят к древним мадьярам.

Древние манси и ханты в IX–XIII вв. жили в лесной зоне Прииртышья и Нижнего Приобья на городищах и в неукрепленных селищах. Городища устраивались, как правило, на высоких мысах берегов рек. С одной стороны городища защищались одним или несколькими земляными валами, а с другой — крутые склоны берега служили как бы естественной защитой. За валами размещались жилища — углубленные в землю полуземлянки, в центре которых был очаг. Полуземлянки обычно соединялись между собой переходами.

В лесной полосе Западной Сибири, где в I тысячелетии н.э. не было особых перемещений племен, жизнь коренного населения, его быт и традиционное занятие охотой и рыболовством существенно не изменялись. А вот в южной лесной полосе местные жители сочетали занятие охотой и рыболовством с разведением мелкого и крупного рогатого скота и лошадей, а также с занятием земледелием.

Местное производство металлов существовало, но не удовлетворяло всех потребностей. Угорские племена были знакомы с цементацией железа и даже с получением узорчатой стали. Бронза использовалась для изготовления украшений. Но во второй четверти II тысячелетия н.э. местное производство металлов сократилось и фактически исчезло из-за увеличения поступления извне, так как значительно усилились торговые связи с Прикамьем, Волжской Болгарией, Русью.

В XIII в. в южную часть лесной полосы Прииртышья вторгаются тюрки-кыпчаки, часть которых была вытеснена из степи татаро-монголами. Местное угорское население — ханты и манси — ушло в более северные районы Нижнего Прииртышья и Нарымского края, оттеснив селькупов Приобья. Оставшиеся угры слились с пришельцами. Так в XV–XVI вв. возникли тюркоязычные «татары» Западной Сибири.

Совершенно особо сложилась судьба древних соседей угров-самоедов (ненцев). Вот как описывает ее историк Г.М. Могильников. Сообщество самоедских племен сложилось в начале I тысячелетия н.э. в бассейне р. Томь и в верховьях Оби. Под давлением тюрков к VI–VII вв. они были частично тюркизированы, а часть их направилась на север или в глухие места Алтай-Саянского нагорья. Самоедские племена в нагорье

стали предками южной группы небольших самоедских народов – маторов, карагасов (тофаларов), койбалов, котов.

Часть самоедов, ушедших на север, в конце I – начале II тысячелетия н.э. достигла побережья Ледовитого океана. Так появились самоедские племена: селькупы – в Среднем Приобье, энцы – на р. Таз, нганасаны и ненцы – в приполярной тундре. Получилось так, что при этом ненцы утратили навыки, связанные со скотоводством и земледелием. Сохранилось у них только оленеводство, которое зародилось еще в бытность проживания на Алтае и в Саянах.

ИСТОРИЯ ТУНГУССКИХ ПЛЕМЕН МОХЭ И ГОСУДАРСТВА БОХАЙ

Ранее уже говорилось о самобытной и оригинальной культуре неолитических племен в бассейне Амура. Многие известны и о дальнейшей истории племен Приамурья и Приморья в I тысячелетии и в первых веках II тысячелетия. Остановимся и мы на этих страницах истории.

Отечественные ученые Алексей Павлович Окладников, Анатолий Пантелеевич Деревянко, Эрнест Владимирович Шавкунов и их помощники установили, что в начале I тысячелетия н.э. Приамурье и Приморье были заселены тунгусскими племенами, известными в японских, корейских и китайских летописях под именем мохэ.

Мохэсцы селились по берегам рек и озер. В летописи отмечено, что они «сбивают землю наподобие плотины, и в ней выдалбливают пещеры, отверстия делают сверху, а спускаются и выходят по лестнице» (58, с. 322).

У мохэсцев в V в. н.э. было развито земледелие. Согласно летописи, они «землю пахут парой лошадей. Сеют просо, пшеницу и рис... Из риса делают вино: варят рис, выгоняют вино, пить можно до крайнего пьянства» (58, с. 325). Значит, уже в то время они пахали поля плугом или сохой, вначале деревянной, а в дальнейшем с железным наконечником.

Член-корреспондент Академии наук А.П. Деревянко отмечает большую роль лошади в жизни мохэсцев. Об этом свиде-

тельствует обычай убивать на могиле хозяина его коня, который, по представлению мохэсцев, должен служить хозяину и в потустороннем мире. Лошадей разводили и для торговли с соседними племенами.

Известно, что мохэсцы были опытными свиноводцами и разводили домашних коз. Большое значение в хозяйственной жизни этих племен имели охота и рыболовство. Рыбой кормили охотничьих и ездовых собак.

Мохэсцы умели выплавлять железо из руды. В 1961 г. в Благовещенском районе археологи раскопали остатки горна VIII–IX вв. Они считают, что, вероятно, верхняя несохранившаяся часть горна имела форму цилиндрической камеры, либо выкопанной в земле, либо сделанной из огнеупорного материала. В камеру закладывали железную руду вперемежку с топливом. Расплавленный металл стекал вниз и образовывал крицу. Железо служило мохэсцам для изготовления почти всех орудий труда.

Мохэсцы шили одежду из свиных и собачьих шкур и из рыбьей кожи. Из последней выделывали и обувь. Праздничные одежды изготавливали из полотна и других тканей, украшая их бронзовыми подвесками. Племенная знать украшала свою одежду шелком и жемчугом, который добывался из раковин, собранных в реках Приморья.

Археологи откопали мохэские украшения, глиняные скульптуры, изображающие лошадей и свиней. Найдены наскальные рисунки с резными изображениями лошадей, всадников и лодок.

Их верования связаны с понятиями о добрых и злых духах, которые населяют все в природе: реки, озера, леса, горы. Отсюда представления мохэсцев о том, что все в природе, живое и неживое, имеет свою душу. По поводу их священных мест летописцы сообщают: «На юге их страны имеется группа больших гор (Тоба). Вэйцы называли их Тайбо. В них водятся тигры, леопарды, бурые медведи и волки, которые не трогают людей. Людям в этих горах запрещается мочиться. Собираясь идти по дороге через горы, всегда берут с собой пищу». Летописец добавляет, что мохэсцы «по обычаю очень почитают и боятся» этих гор, где люди «не осмеливаются убивать» встречающуюся им дичь. Особенно почитали мохэсцы тигра и медведя.

Погребальный обряд мохэских племен в летописях описывается так: «Для умершего вырывают в земле яму и закапывают его в ней, бросая землю прямо на покойного, так как не имеют гробов. Убивают лошадь, на которой ездил покойный. Перед покойным ставят угощение и приносят жертву». Поверх могилы нередко сооружался небольшой деревянный домик, «чтобы ее не мочил дождь». Так они хоронили умерших лишь весной и летом. Умерших зимой и осенью они не закапывали в землю, а клали на специально сооружаемый в лесу помост, вокруг которого ставили ловушки на хищных зверей, в том числе на соболей. «Соболи едят мясо и попадают в большом количестве» (8, с. 310).

В V–VII вв. у племен мохэ появляется в результате социального расслоения прослойка «богатых людей», которая во все большей степени приобретает влияние и определяет решения по главным вопросам жизни племен. Фактически к этому времени первобытная община начинает жить по законам развитых патриархально-родовых отношений. Об этом свидетельствует то, что муж в случае измены жены мог убить ее. Согласно китайским летописям, к VI в. у мохэсцев появляются племенные вожди и власть над племенем уже переходит по наследству.

К началу VI в. мохэ представляли значительную политическую и военную силу, с которой считались соседние племена, государства Корейского полуострова и китайские императоры. В 589 г. в Китай прибыло одно из мохэских посольств и император обратился к послам со словами: «Мы слышали от ваших туземцев, что вы очень способны в военных победах. Ныне вы прибыли, и мы видим друг друга. Действительность соответствует нашим мыслям» (8, с. 311).

В VII в. у мохэ во главе племени или группы племен по-прежнему стоят военачальники, каждый из которых независим от других и управляет самостоятельно. Число воинов в наиболее крупных племенных объединениях мохэ доходило до 7000 человек, а в более мелких – до 3000.

Мохэские племена в союзе с корейским государством Когурё ведут борьбу с войсками Китая, но терпят поражение. Укрепившись в горах, мохэские военачальники Цицы Бижюй и Цици Чжунсян начинают накапливать силы для дальнейшей борьбы

с императорскими войсками. В ходе дальнейших сражений с китайцами Цицы Бижюй был взят в плен китайцами и обезглавлен.

Но Цзожун, сын умершего Цици Чжунсяна, сумел нанести жестокое поражение посланной против него китайской армии. Далее по летописи: «Цзожун двинулся во главе своего народа на восток под защиту древних земель Гюйлоу», где в горах Дунмо «основал город, в котором поселился. Цзожун смело и искусно предводительствовал войсками. Мохэсцы и разбитые войска когурёсцев постепенно возвратились». Присоединив к себе бывшие племена Бижюйя, Цзожун в период Шен Ли (698–700 гг.) «основал государство Чжень, провозгласив себя королем» (8, с. 313).

Одновременно он отправил посольство к тюркскому властителю второго восточно-тюркского каганата с целью установления с ним дружественных отношений. Ясно, что это было сделано в поисках союзников в борьбе с китайскими императорами. Так возникло первое государственное образование тунгусо-маньчжурских племен в пределах российского Дальнего Востока и в соседних с ним районах Маньчжурии.

Основную массу населения нового государства составляли мохэ, родо-племенные названия которых, по авторитетному мнению историка Э.В. Шавкунова, связываются с современными родовыми и племенными названиями нанайцев, ульчей, удэ, орочей и маньчжур.

Военную мощь нового государства сразу же оценил китайский император. В 713 г. по его указу Цзожуну присваивается титул удельного князя Бохая – небольшого древнего княжества, центр которого находился южнее нынешнего Пекина. По мнению историка Э.В. Шавкунова, этот указ следует расценивать как признание за мохэским правителем особых прав на эту территорию, которая, судя по всему, была взята мохэсцами в ходе наступления на императорские войска, захватившие земли, принадлежавшие когда-то королевству Когурё, старому союзнику мохэ. (8, с. 314).

После смерти Цзожуна правителем государства Бохай стал его сын Уи, который продолжил независимую политику отца. Он первым из «варварских» правителей дал официальное наименование периоду своего правления, что являлось привилегией

лишь китайских и японских императоров. Этот поступок вызвал негодование китайского двора. Но китайские правители никак не могли повлиять на Уи и поэтому распорядились лишь вычеркнуть его имя из своих летописей.

Китайский двор пытался внести разлад в единство мохэских племен и натравить северо-восточные племена на Уи, но он расправился с мятежниками. В ответ на это в 733 г. Уи отправляет к берегам Китая флотилию своих судов, которая атакует Дэнчжоу – один из крупнейших морских портов Китая, расположенный в северной части полуострова Шаньдун.

Любопытно, что отечественные ученые открыли и исследовали бохайское городище на берегу бухты Экспедиции у поселка Краскино в Хасанском районе Приморского края, где в древние времена находился административный центр бохайской префектуры Янь и одновременно морской порт, откуда бохайские суда выходили для плавания к берегам Кореи и Японии.

Китайский император отправил большую армию в древнекорейское королевство Силла, чтобы совместно с корейцами атаковать южную часть Бохая. «Но, – согласно летописи, – непроходимые горы, жестокий мороз и снег глубиной в один с лишним чжан (1 чжан = 3,2 м. – М.Ц.) погубили свыше половины воинов, в результате чего нападение не состоялось и войска возвратились обратно» (8, с. 375).

В 727 г. Уи отправил посольство в Японию. Послы передали микадо грамоту Уи и 300 соболиных шкур. В ответном письме он писал: «Выражаю свое уважение князю Бохая. Весьма радуюсь предложению быть в обоюдном согласии. Желая доброго управления страной. Хотя нас разделяет море, но оно не помешает сношениям. Пользуясь возвращением вашего посольства, шлю подарки». Микадо отправил Уи 114 штук узорчатого белого шелка, 114 штук ткани полупелюшковой, то есть из шелка и дикой конопли, 24 клубка шелковых ниток, 100 шелковых шнурков (58, с. 342).

Во время наибольшего расцвета Бохая его владения располагались на обширной территории, северо-западная граница которой шла по нижнему и среднему течению р. Сунгари, затем граница шла на юг до полуострова Ляодун и далее поворачивала прямо на восток, так что в состав Бохая входила часть

территории Северной Кореи. На востоке границей государства служило побережье Японского моря. На севере граница проходила по Сунгари и Амуру, а затем шла ниже Хабаровска и далее на юго-восток к побережью Японского моря на широте 45-й параллели.

В 738 г. Уи умер и на престол взошел его сын Да Циньмао, придававший большое значение развитию культуры и просвещения в стране. После кончины ему присвоили посмертный титул «культурного князя».

В 905 г. на престол взошел последний бохайский король Да Инчжуан. Начались непрерывные нападения на Бохай соседних киданьских племен, предводитель которых Елюй Абаоцзы провозгласил себя в 916 г. императором и назвал свою империю Ляо, что значит «Железная». В 926 г., несмотря на ожесточенное сопротивление, Абаоцзы разбил бохайские войска и захватил ряд городов. Затем была захвачена верхняя столица Бохая и в плен попали бохайский король и его двор.

Кидане захватили не все территории, где жили бохайцы. Северо-восточная часть Бохая, включавшая Приморье и, возможно, часть Приамурья, не вошла в состав киданьской империи. Несмотря на жестокие репрессии, бохайцы неоднократно на протяжении всего X и начала XI в. восставали против иноземных поработителей.

На территории российского Приморья и соседних с ним районов Маньчжурии ученые открыли ряд археологических памятников бохайского времени. Изучение их, и в первую очередь развалин восточной столицы Бохая на р. Муданьцзяне, а также замечательных храмов вблизи Уссурийска в долине р. Чапигу, подтверждает, как четко определил знаток бохайской культуры – историк Э.В. Шавкунов, что Бохай был мощным культурным центром своего времени (8, с. 319).

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ЗОЛОТОЙ ИМПЕРИИ

Уже в начале XII в. тунгусо-маньчжурские народы возродили свою государственность. Это сделали потомки мохэ-чжурчжени, которые заселяли земли по рекам Сунгари, Уссури,

Нонни, Ялу и Амуру, горную систему Чанбайшань и отроги Сихоте-Алиня. После разгрома государства Бохай часть чжурчженей покорилась киданям, но тех, которые остались непокоренными, называли дикими чжурчженями, или нъючженями. Это были, в первую очередь, племена, заселявшие прибрежные районы Японского моря от границ Кореи до устья Амура и районы по Нижнему Амуру, почти до Среднего Амура.

Летописи сообщают, что «чжурчжени – простоватые безыскусные люди, храбрые и свирепые, не знающие в должной мере цену жизни и смерти. Они отважны и дерзки. Каждый раз, отправляясь на войну, одевают многослойный панцирь» (8, с. 321).

Они занимались земледелием, выращивали просо, пшеницу, рис, овощи, в том числе и арбузы. Землю обрабатывали сохой с железным наконечником, влекомой конем. Занимались и скотоводством, разводили лошадей, коров, свиней, собак. Они были прекрасными охотниками, отлично стреляли из лука и «могли долго преследовать добычу и, догнав животное, убивали» (58, с. 347).

Чжурчжени в зимнее время и ранней весной с собаками уходили в тайгу, где охотились на оленей, лосей, медведей и пушного зверя (белок, соболей, куниц). Они изготавливали берестяные рожки, с помощью которых, выследив оленя по следу, приманивали его рожком, подражая реву самца. Охотились они и с помощью ловчих птиц – соколов, которых сами обучали и даже продавали в соседние страны.

В тайге они заготавливали кедровые орехи, собирали грибы, ягоды. В период массового хода рыбы занимались рыболовством. Любимой едой рядовых чжурчженей была похлебка из гороха и вареное пшено, которое поедали в недоваренном виде с приправой из чеснока и сырой собачьей крови.

Жили они в поселках в полуподземных землянках, в которых устраивалось отопление с помощью дымоходов, шедших вдоль стен, используемых в качестве лежанок – канов.

Зимой рядовые чжурчжени одевались в шерстяную одежду и шубы из шкур лошадей, коров, свиней, баранов и собак. Нижняя теплая одежда – штаны, рубашки и чулки – изготавливалась из оленьих шкур или шкурок кабарги и кошки. А родо-

племенная знать зимой одевалась в шубы из меха соболей, лисиц и белок или в теплые шелковые халаты на подкладке. Широко использовалась одежда из белого холста – любимая одежда чжурчженей.

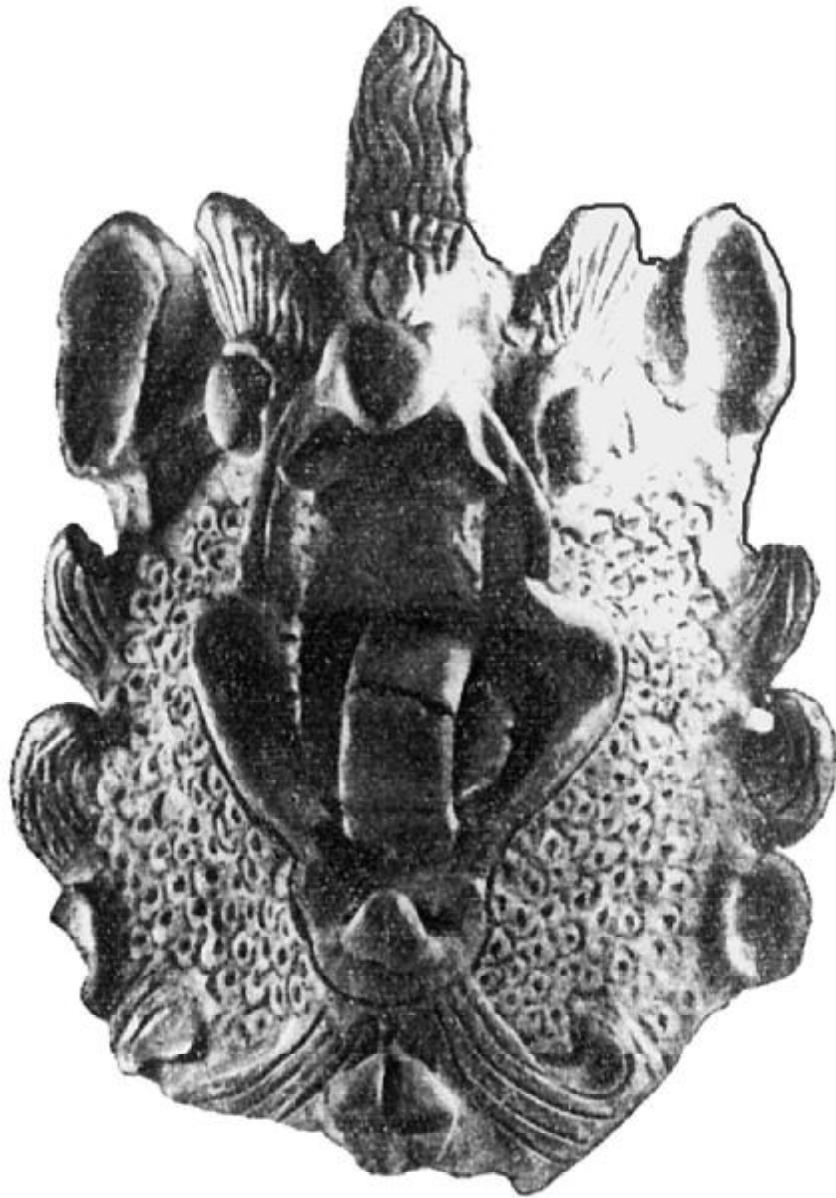
Летописец заметил: «Ткани для платья у них хорошего качества. Простое платье у них короткое, застегивается на левую сторону. Женщины заплетают волосы в косу и укладывают ее кольцом на голове. Мужчины заплетают волосы в косу, но носят ее свободно опущенной сзади. К ушам подвешивают золото, серебро, камни. Сзади в волосы вплетают цветные нитки. Богатые делают для себя украшения из жемчуга и яшмы и одеваются в темные шубы из тонкого холста с собольим, ондатровым, лисьим или енотовым мехом. Бедные носят одежды из кожи коров, лошадей, свиней, кошек, змей, собак и рыб» (58, с. 347, 348).

Чжурчжени поклонялись небу, солнцу, воде, лесу, горам. Летописцы отмечали по этому поводу: «В первый день Нового года кланяются солнцу и поздравляют друг друга. В праздник начала лета стреляют из луков в иву и приносят жертвы небу. Эти люди не знают (порядка. – М.Ц.) записи лет (то есть календаря. – М.Ц.) Когда чжурчженей спрашивают об этом, они отвечают: «Я вижу, как начинают зеленеть травы, и думаю: раз трава зазеленела, значит, прошел год» (58, с. 349).

Исключительным влиянием у них пользовался шаман, который был в племени вторым после вождя человеком по влиянию и значению. Шаманы лечили больных при помощи заклинаний и принесения в жертву свиньи или собаки. Они же предсказывали будущее. Когда у чжурчженей возникло централизованное государство, то большинство знатных лиц приняло буддизм, но он так и не стал государственной религией.

Чжурчжени были прекрасными воинами. Основой вооруженной силы у них были конные отряды. «По горам и долинам, с крутых обрывов они (мчатся так быстро. – М.Ц.) как будто летят». Конные отряды чжурчженей, не наводя мостов и паромов, вплавь на лошадях преодолевали такие широкие реки, как Амур и Хуанхэ.

Вот как летописец описывает их вооружение и тактику: «В авангарде выставляют копыеносцев, которых называют «ин» –



Скульптурное изображение головы дракона
чжурчженского времени. Уссурийск

стойкие. Солдаты и их лошади одеты в латы. Меч, лук и стрелы привязывают сзади и не стреляют до тех пор, пока до противника не останется пятьдесят шагов. Упругость лука чжурчженей (сила, необходимая для натяжения лука. — М.Ц.) не превышает семи доу (более 70 кг. — М.Ц.). Стрелы достигают 6–7 вершков (более 80 см. — М.Ц.) длины. По внешнему виду (наконечники стрел. — М.Ц.) похожи на бур. При попадании такую стрелу невозможно вытащить (из тела. — М.Ц.). Отряды в 100 человек формируются из пятков. Пятки, десятки, сотни имеют своих командиров. Когда все находятся в боевой готовности, то командир пятка держит в руках колотушку, командир десятка — стяг, командир сотни — барабан, командир тысячи — знамя и золотой барабан. Если погибнет в бою командир пятка, казнят всех четверых оставшихся в живых солдат. Если погибнет командир десятка — казнят командиров пятка, погибнет командир сотни — казнят всех командиров десятков. Вынесший с поля боя убитого соплеменника и доставивший его родственникам получает половину доходов семьи покойного. Все командиры сами несут знамя. Глядя на них, солдаты видят, где находится их командир, и мчатся в том направлении.

Встретившись с противником, чжурчжени высылают одного-двух солдат на быстрых лошадях для разведки неприятельских позиций или же внезапно атакуют врага с флангов, фронта и тыла. Ворвавшись в его строй на глубину 100 шагов, враз стреляют из луков. Стреляют чжурчжени очень метко: они почти всегда попадают в цель. Если одержат победу, то приводят в порядок свои отряды и не спешат преследовать противника. Если потерпят поражение, то не рассыпаются, а собираются снова. Разрозненные отряды сливаются воедино. Они опять то атакуют противника, то отходят назад, производя смятение в его рядах. Они дерутся так, как будто сами духи вступают в сражение, и в конце концов одерживают победу» (58, с. 350, 351).

Конец X — начало XI в. — время начала консолидации чжурчженских племен для противостояния агрессии киданей, которая становилась все опаснее. В процессе объединения чжурчженских племен выдающуюся роль сыграло племя бра-

тьев Ханьпу и Баохоли, предков императорского дома чжурчженской империи Цзинь (золотой).

Один из их потомков Шилу, объявленный общеплеменным вождем диких чжурчженей, попытался подчинить своей власти «восточные племена» нойчженей. Он совершил длительный и тяжелый поход на восток, в ходе которого «заходил» также на территорию Приморья («посетил Субинь и Елань»), но не достиг цели (8, с. 325).

Его сын Угунай (1021–1074) сумел постепенно продвинуть процесс консолидации племен. Для этого он перевооружил армию. «Всеми средствами и высокой ценой» Угунай и его братья приобретали у купцов «соседних княжеств» железо, латы, шлемы в обмен на продукты скотоводства, земледелия и охоты. После этого началась заготовка стрел и луков. Перевооруженная, одетая в латы армия Угуная «стала сильной».

Знаток истории чжурчженской империи д.и.н. Виталий Епифанович Ларичев считает, что именно благодаря своей гибкой политике в отношениях с восточными племенами, подкрепленной созданием сильной армии, Угунай без кровопролития их «постепенно подчинил». Когда у приморских племен случился голод, то Угунай направил туда лошадей и быков (8, с. 325).

И последующем вождям объединения чжурчженских племен пришлось преодолевать сепаратистские устремления вождей отдельных племен, особенно приморских, вступать в противоборство с корейскими властителями, обеспокоенными возрастанием мощи северных соседей.

Консолидация чжурчженей и провозглашение империи произошли при внуке Агудая выдающемся вожде Агуде. Летописи донесли до нашего времени легенды и предания, связанные с историей его жизни. Расскажем о некоторых из них в изложении Анатолия Пантелеевича Деревянко.

Рождению Агуды предшествовало появление пятицветных облаков. Астрологи говорили: «Под сими облаками непременно родится человек необыкновенный, который произведет великие дела». С раннего возраста Агуна выделялся среди своих сверстников силой и ловкостью. Еще в детстве он полубил стрельбу из лука. Однажды, когда посол киданей находился при дворе отца Ауды, он увидел в руках наследника лук и стре-

лы и приказал ему выстрелить в стаю птиц. Агуда выстрелил несколько раз и каждый раз поражал цель. Посол похвалил его и назвал необыкновенным отроком.

В другой раз, когда Агуда был на пиру в доме генерала Холи-хань, он увидел далеко от дома высокий холм и предложил стрелять в него. Но никто из присутствующих не смог послать стрелу так далеко. Тогда выстрелил Агуда, и его стрела перелетела через холм. Когда смерили расстояние, то оказалось, что стрела пролетела более 300 м (58, с. 352, 353).

В 1114 г. Агуда начинает борьбу со старинными врагами чжурчженей – киданями. Он решил внезапно атаковать 100-тысячную армию киданей. Неожиданно форсировав р. Янцзы, он с 3700 воинами в бурю напал на киданьский лагерь, используя попутный ветер, который поднял «пыль и закрыл небо». Застигнутые врасплох кидане бежали, оставив победителям много запасов и оружия. Затем чжурчжени захватили ряд крупных пограничных крепостей.

В 1115 г. Агуда принял титул императора и назвал новую империю «Золотой» («Цзинь»). В летописи приведена его речь при принятии императорского титула. Он, обыгрывая название династии киданей Ляо – «железная», сказал: «Хоть железо Биньчжоу и прекрасно, оно ржавеет и может быть изъедено ржавчиной! Только золото не ржавеет и не может разрушиться. Сверх того, род Ваньянь, с которым я связан через вождя Ханьпу, всегда любил блестящие цвета вроде золота, и я решил взять это название для моей императорской фамилии. Поэтому даю ей название «Золотая» (8, с. 332).

Провозглашение империи незамедлительно вызвало резкую реакцию императора Ляо, который направил на восток 270-тысячную армию. В ходе жестокого сражения ляоская армия была разбита. В руки чжурчженей перешли Верхняя, Восточная и Средняя столицы киданей, а затем и две последние столицы и под власть Золотой империи перешли почти все земли киданей.

Агуда был и крупным администратором. В 1117 г. он издал указ об учреждении комиссии для составления законов и сочинения указов. Для этой комиссии он подбирал ученых, людей «сведущих и способных», которых разыскивали по всей стране. Вначале чжурчжени пользовались киданьской письмен-

ностью. Он приказал «составить буквы национальные и поставить для оных правила». Ученый Ваньянь Силян разработал чжурчженский алфавит и Агуда велел его обнародовать. Впоследствии чжурчженская письменность была усовершенствована. Безусловно, создание собственной письменности явилось знаменательным событием в истории чжурчженской культуры и государственности.

Агуда проводил разумную политику в деле объединения народов и племен громадной империи. В 1123 г. он издал манифест, гласящий, что те племена, которые сами покорятся чжурчженям, будут награждены и им окажут различные милости.

При наследниках Агуды был завершен разгром империи Ляо. Все старые киданьские земли, вплоть до р. Хуанхэ, переходят в руки Золотой империи. Ее императоры вступают в открытое столкновение с китайскими императорами династии Сун. Сунские войска терпят ряд крупных поражений. В 1126 г. китайский император согласился выплатить Золотой империи колоссальную контрибуцию: 5 миллионов лян золота (186,5 тонн), 50 миллионов лян серебра (1865 тонн), миллион кусков шелковой ткани, 10 тысяч голов рогатого скота и лошадей (58, с. 358).

В дальнейшем война с Сунской империей вновь вспыхивала не раз. В 1141 г. был заключен мирный договор, по которому Сунская династия признала законность захвата северных провинций чжурчженями и согласилась выплачивать огромную ежегодную дань.

В это время уверенно заявил о себе союз североприморских и нижнеуссурийских племен мангу. Они жили к северо-востоку от чжурчженских племен в районе бассейна Нижнего Амура. Чжурчжени называли их «мену» и «менгу». Д.и.н. В.Е. Ларичев считает, что это самоназвание ряда племен по имени реки, на которой они жили, ульчи или мангуны, и в XX в. называли Амур Мангу, что значит река или вода. Он допускает, что мангу, возможно, были союзом ульчских племен, территория расселения которых в чжурчженские времена была значительно более обширной, чем сейчас.

В.Е. Ларичев приводит сведения из летописей, в которых мангу описаны как крупные люди, не употребляющие в пищу

вареного мяса и поедающие только сырую оленину. Охотники мангу обладали острым зрением, так как их глаза, на которые не воздействовал чад костров при приготовлении пищи, видели вдаль на несколько километров, отличая малейшие предметы. Они, как утверждает летопись, были способны видеть даже ночью. Воины мангу изготавливали латы из рыбьей кожи, которые не пробивали стрелы. От чжурчженей мангу отделяла «большая река» (8, с. 334).

Вначале мангу активно сотрудничали с чжурчженскими вождями. Они храбро сражались с воинами Ляо, но чжурчженское государство, по их мнению, не наградило мангу за это должным образом. В 1135 г. чжурчженский император Сицзун послал в землю мангу войско, чтобы привести эти племена в полную покорность, но мангу сумели отразить нападение и разгромить присланные войска.

Война с мангу продолжалась 12 лет и закончилась позорным для Золотой империи миром. По условиям договора, чжурчжени уступали мангу 27 крепостей к северу от р. Сипинхэ, а император Сицзун обязался присылать мангу коров, баранов и хлеб. Фактически это означало выплату императором ежегодной дани.

Чжурчжени в дальнейшем не раз направляли на север самые лучшие войска, чтобы разгромить мангу. Видимо, императорам все же удалось поработить эти свободолюбивые племена в самом конце XII в.

Император чжурчженей Шицзун, который правил с 1160 до 1189 г., много сделал для возрождения и развития национальной чжурчженской культуры, для прославления выдающихся политических и военных деятелей чжурчженских племен. Необходимо учитывать, что, несмотря на поражение и разгром китайской империи династии Сун, влияние китайской культуры на чжурчженское общество было очень сильным.

По приказу Шицзуна изучаются древние обычаи чжурчженей, с тем чтобы закрепить их в народной среде. В храмах предков устанавливаются памятники и портреты знаменитых чжурчженей. При дворе исполняются танцы и песни чжурчженей. Знать и чиновники усердно изучают родной язык и письменность. Император говорил своим придворным: «Не знать свое-

го наречия и письмен – значит, забыть свою родину». Он искоренял среди придворных китайские обычаи, запрещал принимать китайские фамилии и носить китайское платье. Те, кто нарушал все эти правила, привлекались к суду.

Своим сыновьям император специально выбрал чжурчженские имена из списка имен, составленного по его приказу. Среди чжурчженей активно разыскивают талантливых юношей для последующего обучения и занятия должностей в государственных учреждениях и учебных заведениях. Будизм и даосизм преследуются, как иноземные религии, распространяющиеся из Китая. Император борется против привычек к роскошной одежде и богатым пирам. Взяточники и казнокрады среди чиновников беспощадно преследуются.

В это время у чжурчженей оформляется государственное право, развиваются искусство, литература, наука. По оценке члена-корреспондента Академии наук А.П. Деревянко «Чжурчжени становятся одним из культурных и передовых народов в Юго-Восточной и Восточной Азии» (58, с. 361).

Золотая империя рухнула в результате нашествия монгольских полчищ Чингисхана. С 1210 по 1235 гг. почти непрерывно шла жестокая война монголов с чжурчженями. Страна была беспощадно разорена и ограблена. Были сожжены и обезлюдели цветущие города, погибли десятки тысяч людей, заросли травой дороги, разрушились храмы и дворцы. Когда русские казаки в середине XVII в. пришли на берега Амура, их встретили только немногочисленные потомки чжурчженей – нанайцы и ульчи, потерявшие и государственность, и во многом культуру своих предков.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ ЯКУТОВ

На северо-востоке Сибири ко времени прихода туда русских казаков и промышленников самым многочисленным народом, занимавшим видное место среди других народов по уровню развития культуры, были якуты (саха). К 30-м гг. XVII в. основные племена их заселяли треугольник, образуемый средним течением Лены, Алданом и Амгою. Кроме того, небольшие

группы их жили на р. Яне, Олекме, в устье Вилюя и в районе Нижней Лены, где русскими был основан Жиганск.

Предки якутов жили значительно южнее, в Прибайкалье. По мнению члена-корреспондента Академии наук А.П. Деревянко, перемещение предков якутов на север началось, видимо, в VIII–IX вв., когда в Прибайкалье расселялись легендарные предки якутов – курыкане, тюркоязычные народы, сведения о которых сохранили для нас рунические орхонские надписи. Исход якутов, теснимых на север более сильными соседями монголами – пришельцами на Лену из забайкальских степей, усилился в XII–XIII вв. и закончился около XIV–XV вв. (58, с. 61).

По легендам, записанным в начале XVIII в. участником правительственной экспедиции по изучению Сибири Яковом Линденау, спутником академиков Миллера и Гмелина, последние переселенцы с юга явились на Лену в конце XVI в. во главе с Баджеем, дедом известного в преданиях племенного вождя (тойона) Тыгына. А.П. Деревянко считает, что при таком перемещении племен на север туда проникали и представители разных народностей, не только тюркских, но и монгольских. И в течение столетий шел сложный процесс слияния различных культур, которые к тому же обогащались на месте навыками и умением коренных тунгусских и юкагирских племен. Так постепенно формировался современный якутский народ.

Переселение с юга в суровые условия Якутии не прошло для них даром. Они потеряли многое из того, что могли и чем владели ранее. Якуты – умелые скотоводы. Живя на юге, они разводили кроме крупного рогатого скота и лошадей овец и верблюдов. Но в Якутии климат не позволял им заниматься этим.

Потеряли они и письменность. О том, что она у них была, свидетельствуют писаницы с руническими знаками на скалах по берегам Лены. Они были обнаружены академиком А.П. Окладниковым на берегу Верхней Лены на Шишкинских скалах ниже села Качут, затем севернее, недалеко от Верхоленска и еще в нескольких местах. Самый северный в мире памятник рунической письменности обнаружен А.П. Окладниковым на левом берегу Лены, ниже села Синска, в 200 км от Якутска, у деревни Петровской, уже в Центральной Якутии.

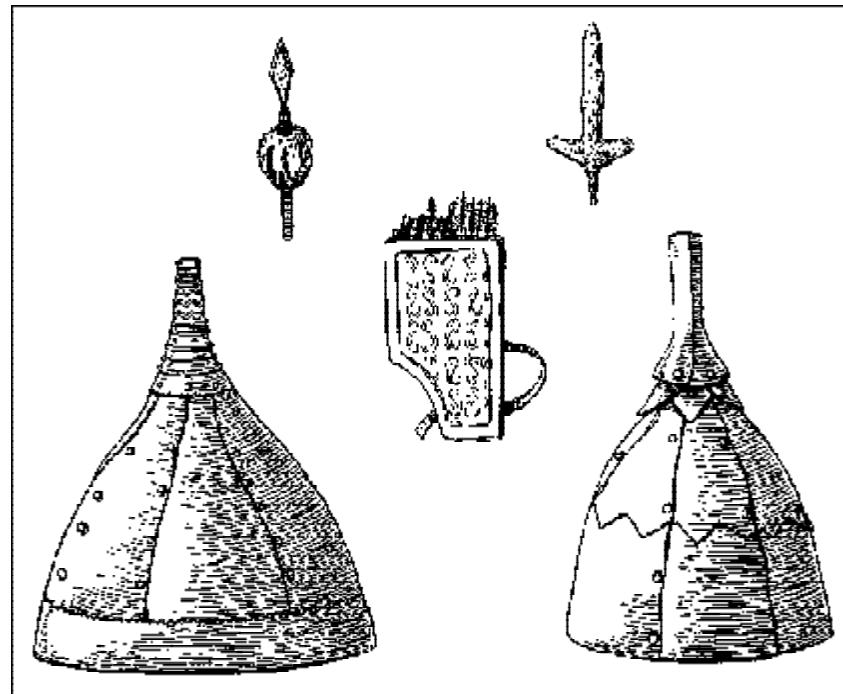
В якутском языке были, видимо, и до прихода русских термины «письмо», «грамота», «буква», «писать» — «сурук» и «бичик». Оба слова в том же значении имеются и у других тюрко-монгольских народов. О наличии письменности у предков якутов свидетельствуют якутские легенды. В одной из них говорится о бегстве на север легендарного героя Эллея, который научил якутов содержать скот и лошадей в суровых условиях тайги, готовить кумыс: «Эллей раньше имел письмена, но свою книгу забыл на родине (на юге, откуда бежал. — М.Ц.)». В другой легенде рассказывается о том, что Эллей «был грамотным, имел книги, но книги свои бросил в реку, когда бежал из дома» (58, с. 72).

После переселения на север якуты потеряли и земледельческие навыки, которыми владели ранее. Они умели выплавлять железо из руды и изготавливать топоры, ножи, пальмы (широкие ножи, надетые на длинное древко), котлы, наконечники копий и стрел, кольчуги (куяхи), кузнечные инструменты и устройства (молот и наковальня) и др. Как и у многих восточных народов, кузнецы у них были окружены почетом. Более того, якуты считали, что кузнец сильнее шамана. Они верили, что духи — покровители кузнецов, сильнее шаманских духов, что умение и навыки кузнеца свидетельствуют о владении им силой огня, способной убить любого шамана.

Основным богатством у якутов был скот. Лошади использовались в качестве верховых и тягловых. Из кобыльего молока приготавливали кумыс, рогатый скот и лошади давали мясную пищу. Из коровьего молока делали масло и другие молочные продукты. Из кожи рогатого скота и лошадей выделывали одежду и обувь, ремни, посуду и др. Широко использовался конский волос.

Для кормления рогатого скота зимой якуты заготавливали сено, а лошади зимовали на подножном корму. Благодаря необходимости заготавливать сено якуты вели полукочевую жизнь. Летом они выезжали на летние пастбища. Зимой перекочевывали на зимники, которые строились поблизости от лугов, где заготавливали сено.

Важным источником мяса и меха были охота и рыболовство. Якуты шили теплые одежды из собольих, лисьих, волчьих, за-



Старинные якутские стрелы, шлемы и колчан

ячьих и других мехов. Поэтому в якутском эпосе важное место занимает бог охотников, дух — хозяин леса Вай Байанай. Многие охотничьи приемы якуты заимствовали у коренных северных народов — тунгусов и юкагиров. Об уровне культуры якутов свидетельствует их умение делать глиняную посуду. Ни тунгусы, ни юкагиры, ни ламуты (эвены) и даже буряты, жители Прибайкалья, до прихода русских этого делать не умели.

Величественным памятником древней культуры якутов являются героические поэмы о подвигах богатырей — олонхо. Они, по мнению знатока древней истории Якутии историка Захара Васильевича Гоголева, сложились в то время, когда предки якутов жили на юге, в тесном соприкосновении с предками саяно-алтайских племен и с древними монголами.

Эти сказания содержат 10–15 тысяч строк каждое, а крупные сказания — до 20 и более тысяч. Якутские сказители-олон-

хосуты в течение многих вечеров рассказывают о сотворении миров: верхнего, среднего и нижнего. В верхнем мире живут боги во главе с верховным божеством Юрюнг Айыы-тойоном. Но там местами обитают чудовища-людоеды абаасы. В среднем мире живет, как сказано в одном сказании, «35 племен, населяющих средний мир, 35 улусов людских». Но и в среднем мире местами имеются абаасы. А в нижнем мире обитают только абаасы во главе с главным чудовищем Арсаан Дуобайем.

В мифологии якутов существовал целый пантеон небожителей: божество судьбы и рока Дьылга-хан (его еще символически называли Чынгыс-хан), Ийехсит – богиня – покровительница людей и скота, Айысыт – богиня чадородия, Илбис-хан – бог войны, божество грома Сюнко – хан Сюгэ тойон и др.

Одними из наиболее почитаемых были Аан Алахчын хатун – богиня родовой земли (родины), Байанай – бог леса и охотников, Аан Дархан тойон – бог огня, Хомпоруун Хотой айыы – бог птиц, Кыдай Бахсы – бог кузнецов.

Многие сказания рассказывают о подвигах богатырей, об их борьбе со злыми чудовищами. Обычно герой сказаний – добрый защитник людей и всего живого на земле, его враги абаасыаймага (родственники черта) – злобные, жестокие чудовища, которые нападают на людей, разоряют их жилища, похищают женщин и детей.

Целый цикл якутских сказаний повествует о жизни и подвигах богатырей, образы которых основаны во многом на подлинных исторических событиях конца XVI – начала XVII в. Это сказания о якутском «царе» Тыгыне, который, видимо, не дожился до присоединения Якутии к России, но чья роль в жизни якутских племен того времени была довольно значительной. Сказания о нем записал в свое время Яков Линденау, которого мы уже упоминали.

Первым, видимо общеплеменным, вождем якутов на Средней Лене был Баджей, дед Тыгына. Он остался в народной памяти как исключительно богатый и могущественный властелин, имевший много воинов, слуг и рабов. Владения его, по мнению академика А.П. Окладникова, распространялись по левому берегу Лены от нынешнего Якутска до Покровска (125 км выше по реке).

Затем вождем стал его сын Муньян, а последнему наследовал младший сын Тыгын (или Дыгын). В сказаниях Тыгын выступает как богатырь-гигант. Вот слова предания в пересказе академика А.П. Окладникова: «Рост его таков, что тень дерева в лунную ночь достигала лишь темной каймы грудных сосков, одно глазное яблоко весило 30 фунтов (12 кг. – М.Ц.), а расстояние между глазами равнялось двум четвертям аршина (35 см. – М.Ц.)» (11, с. 190). Такими же богатырями, согласно сказанию, были и его сыновья. Даже меньшие из них обладали такой силой и выносливостью, что во время стычек с казаками отмахивались от пуль, как от назойливых насекомых.

В преданиях Тыгын преследует другие роды и племена, требует от них покорности, с жестокостью подавляет все очаги непослушания, всех приводит в повиновение. Жертвами его властолюбия стали и его сыновья. Но когда Тыгын стал старым и немощным, пришло возмездие. Когда с юга пришли грозные слуги могущественного царя, вокруг Тыгына не осталось богатырей.

Я. Линденау, записавший сказания о Тыгыне, писал, что старшие братья были крайне возмущены, что отец назначил своим наследником и вождем младшего сына. И началась во второй половине XVI в. междоусобная жестокая война, принесшая много страданий не одному якутскому роду. Эта народная трагедия осталась надолго в памяти якутов.

В якутских преданиях нет сведений о том, где и когда умер Тыгын. Линденау упомянул о том, что Тыгын был взят казаками в заложники и умер как пленник перед приездом первых воевод в Якутский острог. Академик А.П. Окладников отмечает, что «Тыгын был для своего времени носителем определенной тенденции к объединению якутских родов и к своего рода собиранию их земель в одно целое. Такое объединение, если бы оно оказалось реальным, было бы для своего времени крупным шагом вперед и прогрессивным явлением, так как оно содействовало бы прежде всего ограничению кровавых междоусобий, некоторому обузданию особо яростных грабителей-тойонов, а затем и консолидации сил народа в целом, осознан-

нию общенародных интересов и межплеменных связей» (11, с. 207, 208).

Но для этого объединения тогда у якутских племен не было объективных условий. Трагедия Тыгына была фактически трагедией всего уходящего в прошлое якутского патриархально-родового общества.

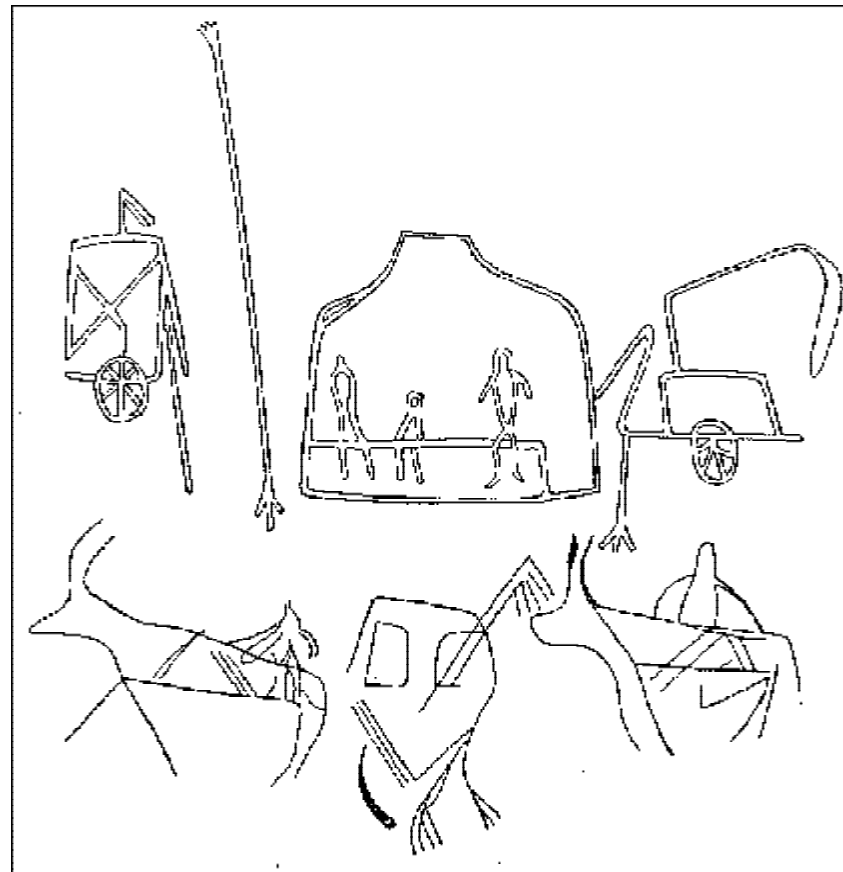
ПРЕДКИ БУРЯТОВ БОРОЛИСЬ С ВОЙСКАМИ ЧИНГИСХАНА

Предки позднейших братьев (бурятов) выделились из монгольских племен, обитавших в Прибайкалье и Забайкалье с тех времен, когда империя, созданная Чингисханом, еще не существовала.

Дело в том, что в Забайкалье и Монголии во второй половине I тысячелетия н.э. происходят крупные перемещения кочевых народов. Исчезает государство уйгуров, и бассейн рек Селенги и Орхона занимают другие тюркские и монгольские племена. Господствовавшие в Прибайкалье в VI–IX вв. курыкане уходят, видимо, на север, и на их месте появляются монголоязычные племена. Взамен проживавшего в Забайкалье племенного союза байегу появляются монголоязычные баргуты.

Появление на Верхней Лене монгольских кочевников нашло отображение на писаницах Шишкинских скал. Ученые Г.Н. Румянцев и Л.Л. Викторова писали об этих рисунках: «Находки в могилах дополняются замечательными резными изображениями на Шишкинских скалах, которые хронологически следуют за курыканскими рисунками. На них реалистически воспроизведены сцены перекочевки бродячих скотоводческих групп. Впереди едут на лошадях вооруженные всадники, которые гонят перед собой стада. Позади тянутся друг за другом повозки с поставленными на них кибитками. Это живая картина перекочевков, как они описаны в монгольском эпосе и в сочинениях западноевропейских путешественников XIII в.» (8, с. 381, 382).

Монгольские племена, обитавшие в XI–XIII вв. на землях вокруг Байкала и в Монголии, говорили на разных племенных



Писаницы Прибайкалья. Изображения юрт и сцены перекочевки древнемонгольских племен – предков бурятов

диалектах и отличались друг от друга по уровню развития. Рашидаддин, иранский ученый и государственный деятель (конец XIII – начало XIV в.), в сочинении «Сборник летописей» и анонимный монгольский автор, не ранее 1240 г. написавший историческую хронику «Сокровенное сказание», подразделяли все монгольские племена на две группы: лесные звероловные, жившие, видимо, в Прибайкалье, и степные скотоводческие, кочевавшие по пастбищам от Китая до Алтайских гор. В числе племен, живших в лесной и лесостепной зонах этого ре-

гиона, были те, «в именах которых, — по мнению Г.Н. Румянцева и Л.Л. Викторовой, — слышны этнические термины, связанные с позднейшими бурятами» (8, с. 382).

В «Сокровенном сказании» в числе лесных племен упоминаются явные предки бурятов: хори-туматы, икиресы, бархуны (баргуты), буряты (булия). Рашидаддин называет хори-туматов, булагачинов, кзремучинов, икиресов и баргутов.

Ученые считают, что когда в Монголии возникло государство Чингисхана, то первые удары оно нанесло по племенам предков бурят и енисейских кыргызов, которые сопротивлялись порабощению их монгольским хаганом и его приближенными.

«Сокровенное сказание» повествует о походе монголов против лесных племен Прибайкалья: «В год Зайца (1207 г. — М.Ц.) Чжучи был послан с войском Правой руки к лесным народам. Проводником был Буха. Прежде всех явился с выражением покорности ойратский Худуха-беки со своими тумен-ойротами. Явившись, он стал провожатым у Чжучи. Проводил его к своим тумен-ойротам и ввел в Шихшит. Подчинив ойротов, бурятов, бархунов, урсутов, хабханасов, ханхасов и тубасов, Чжучи подступил к тумен-кыргызам. Тогда к Чжучи явились кыргызские нойоны Еди, Инал, Алдьер и Олебек-дигин. Они выразили покорность и били государю челом белыми кречетами-шинхот, белыми же меринами да белыми же соболями. Чжучи принял под власть монгольскую все лесные народы» (8, с. 384).

Так впервые в числе врагов Чингисхана были названы буряты, как отдельные племена, а также бархуны (то есть баргуты), частично вошедшие в состав позднейших бурят. Долго сопротивлялись войскам Чингисхана предки бурятов — племена хори-туматов. После ухода основных монгольских отрядов они подняли восстание и захватили в плен монгольского наместника Хорчи-нойона и предателя Худуха-беки, отправленного ему на вырубку. После этого для разгрома хори-туматов был направлен один из ближайших сподвижников Чингисхана Борула. Но он попал в засаду и был убит хори-туматами.

Только отправка на усмирение восставших новых монгольских отрядов под началом одного из ойротских нойонов, су-

мевшего провести карателей в тыл восставшим по звериным тропам, привела к их разгрому.

Лесные племена так и не смирились с завоевателями. Г.Н. Румянцев и Л.Л. Викторова считают, что после нападения монголов на земли, заселенные предками бурят, некоторые прибайкальские племена, в том числе отдельные группы хори-туматов, частично откочевали на север и затем вошли в состав якутской народности.

Бурятские племена платили дань монгольским властителям, но, видимо, не принимали прямого участия в завоевательных походах армий монгольской империи Чингисхана на восток и на запад. Такая роль предков бурят, их номинальная зависимость от монгольских властителей отразилась, видимо, и на языке бурят, который принадлежит, естественно, к монгольской группе языков.

Диалекты бурятского языка сохранили много таких слов, которые характерны для памятников монгольской речи XIII–XIV вв., и не встречаются сейчас в других монгольских языках. Кроме того, язык бурят, по мнению лингвистов, отражает и процесс ассимиляции тюркских племен монголоязычными предками бурят. Так что наряду с монгольскими архаичными словами в бурятском языке имеется немало тюркских слов, которых нет в других монгольских языках.

К XVII в. буряты были народом скотоводов. В Прибайкалье у них преобладало скотоводство полуседлового типа. Они заготавливали корма для кормления скота в зимний период, когда содержали скот в постоянных загонах в своих поселениях. А в Забайкалье буряты вели жизнь типичных кочевников-скотоводов. Они разводили коров, овец, лошадей и верблюдов. Скотоводство давало им пищу, одежду и материалы для устройства жилищ — войлочных юрт. Правда, у западных бурят существовало и земледелие. Они сеяли просо, гречиху, ячмень, причем обрабатывали земли для посева при помощи мотыги.

Важную роль в хозяйственной жизни бурят играла охота. Особенностью бурятской охоты было то, что практиковались коллективные ее формы в виде облав, в которых наравне с мужчинами принимали участие и женщины. Крупных зверей — медведей, лосей и др. — поражали рогатинами, а мелких —

стрелами. Изображения таких охотничьих облав имеются среди найденных в Прибайкалье и Забайкалье наскальных рисунков, часть из которых явно сделана предками бурят.

У предков бурят были развиты добыча металла и кузнечное дело. Они умели искусно изготавливать вооружение для воинов, орудия охоты, топоры, ножи, котлы для варки пищи и соли, принадлежности конской сбруи с серебряной чеканкой, украшения.

У племен, из которых позже сформировалась бурятская народность, была развита меновая торговля с эвенками, тывинцами, киргизами, а также со странами Средней Азии и с Монголией. От эвенков предки бурят получали пушнину в обмен на просо, скот, железные изделия. Скот и пушнину с помощью среднеазиатских купцов они поставляли в Среднюю Азию и Китай в обмен на драгоценности, шелковые и хлопчатобумажные ткани.

К XVII в. в Прибайкалье племенное название «буряты», ранее относившееся к части проживавших там племен, распространилось на все монголоязычные племена края. К этому времени в состав бурят вошли племена, ранее считавшиеся частью ойратов. Значительную прослойку в бурятском народе составляли собственно монголы. К моменту появления в Прибайкалье и Забайкалье русских буряты представляли собой самую многочисленную и сильную в военном отношении народность Восточной Сибири, которая брала «ясак со многих с малых землиц».



ЕРМАК В СИБИРИ. ИСТОРИЯ ПЕРВОГО «СИБИРСКОГО ВЗЯТИЯ»

Своей и вражьей кровью смыв
Все преступленья буйной жизни
И за победы заслужив
Благословения отчизны, —
Нам смерть не может быть страшна;
Свое мы дело совершили:
Сибирь царю покорена,
И мы — не праздно в мире жили!

Кондратий Рылеев

В исторической памяти русского народа навсегда остались славные дела казацкого атамана Ермака Тимофеевича по присоединению зауральских земель к Московской Руси и его трагическая гибель в битве на берегах Иртыша. Недаром народ создал не одну песню, не один сказ о жизни и смерти Ермака.

Величественный образ народного героя изобразил поэт — декабрист Кондратий Федорович Рылеев в его исторической «думе» «Смерть Ермака». В предисловии поэт, опираясь на строки старинных сибирских летописей, обрисовал портрет легендарного атамана: «Летописцы представляют сего героя крепкотелым, осанистым, широкоплечим, он был роста среднего, имел плоское лицо, быстрые глаза, черную бороду, темные и кудрявые волосы» (16, с. 39). Образ казака-героя запечатлен в знаменитых стихах Рылеева, ставших народной песней, широко известной на Руси.

В восстановлении подлинной истории жизни и деятельности Ермака важную роль сыграли исследования профессора Руслана Григорьевича Скрынникова, опубликованные им в 1979—1980 гг. В своем письме выдающемуся историку Сибири ака-

демику А. П. Окладникову профессор Р.Г. Скрынников писал: «Удалось найти некоторые новые архивные данные, но небольшие. Главное же, удалось выделить известия о походе Ермака, которые восходят непосредственно к приказному архиву документов из Посольского приказа. Это меняет очень многие представления об обстоятельствах первой сибирской экспедиции» (11, с. 12). Воспользуемся и мы при изложении истории «сибирского взятия» исследованиями профессора Р.Г. Скрынникова, высоко оцененными академиком А.П. Окладниковым и многими отечественными историками.

Следует сразу отметить, что сведений о жизни Ермака до сибирского похода очень мало. В старинной северной летописи сказано, что Ермак родился в волостном центре – селе Борок на Северной Двине в семье крестьянина. Многие историки считают, что это наиболее вероятное место рождения прославленного атамана.

Когда родился Ермак? Казаки-ветераны на склоне лет утверждали, что служили под Ермаковым началом не менее 20 лет, то есть с 1565 г. Если Ермак был атаманом в середине 60-х гг., то ему тогда было не менее двадцати пяти–тридцати лет. В ряде старинных летописей указано, что знаменитый атаман «прозван Ермаком, сказуется дорожной артельной таган (котел. – М.Ц.) по-волски (по-волжски. – М.Ц.) – жерновой мелнец рушной (жернов. – М.Ц.)» (12, с. 408). С тем, что Ермак – это прозвище, согласен и ряд историков, писавших о походах Ермака.

Вместе с тем другие исследователи утверждают, что, вероятнее всего, Ермак родился в день мученика Ермолая, приходившийся на 26 июля, и получил имя Ермолай, от которого и произошло сокращенное имя Ермак. Ведь в те времена детей называли по имени великомученика или святого, в чей день по святцам родился младенец.

Профессор Р.Г. Скрынников сообщает о прозвище знаменитого атамана, полученном (по словам ермаковцев, донесенных до нас первыми сибирскими летописями) им еще в молодости, – токмак. «Токмак» – это деревянная ручная баба, которой трамбовали землю, а «токмачить» значило также «бить»,

«колотить кулаком» (12, с. 412). Значит, это прозвище указывало на силу и упорство в кулачном (и не только) бою того, кому оно давалось.

Почему Ермак оставил родное село и отправился на юг в волжские казачьи станицы? Возможно, причиной были недород и голод в поморских землях. Ясно одно, он начал станичную службу, став младшим товарищем, или «чуром», у старого, бывалого казака. Он учился у старших обращению с луком, пищалью, копьем и саблей, постигал искусство поиска в траве следов промчавшегося татарина, обучался приемам управления речным стругом. И в мирные дни, и в походах он выполнял любую черную работу: прибирал, варил пищу, стирал одежду, чинил обувь.

Вполне возможно, что Ермак в составе казачьих отрядов участвовал в Казанской войне, завершившейся взятием Казани, был в числе казаков, вошедших в оставленную татарами Астрахань. В середине 60-х годов его выбрали атаманом. Значит, Ермак к тому времени стал авторитетным опытным воином. Многие из тех, с кем он начинал казацкую службу, погибли в боях с татарами в «диком поле». Вероятно, Ермак не раз был ранен и имел немало шрамов от ударов вражеских сабель и попадания стрел и пуль. Но он был, видимо, удачлив на войне, и казаки ему доверяли.

Не мог Ермак остаться в стороне, когда с наступлением лета 1569 г. турецкие галеры с отрядами янычар на борту двинулись из Азова – турецкой крепости в устье Дона вверх по реке в сопровождении татарской конницы, которая следовала по берегу реки.

Турки хотели захватить Астрахань, разгромить все станицы волжских казаков и запереть для московской торговли Волгу. К Астрахани выступил воевода князь Петр Серебряный с малочисленным отрядом. Когда Серебряный вступил в Астрахань, то туда же поспешили приплыть волжские казацкие струговые отряды. Казаки понимали, чем грозит им эта война, подступившая непосредственно к их станицам.

Турки не сумели переташить на Волгу свои тяжелые галеры. А прибытие в Астрахань царской судовой рати и казацкой



*Русский царь Иван IV
Грозный*

флотилии окончательно подорвало веру в победу у турецких янычар. Не желая зимовать в степях, янычары подняли бунт. Турки вынуждены были повернуть назад и плыть к Азову, подвергаясь постоянным ударам со стороны казацких флотилий.

Многие историки предполагают, что Ермак со своим отрядом волжских казаков принял участие в одном из значительных сражений — важном эпизоде длительного противостояния Крымской орды с Московской Русью в XVI в. Речь идет о сражении под деревней Молоди в 45 верстах от Москвы. Тогда летом 1572 г. русское войско, в составе

которого было 3800 донских и волжских казаков, полностью разгромило конницу Крымской, Большой и Малой ногайской орд, взяв весомый реванш за сожжение московского посада татарами в предыдущем году. Разгромив в открытом бою татарскую орду, Московское государство нанесло сокрушительный удар по военному могуществу Крыма.

Впервые имя Ермака Тимофеевича появилось в исторических документах, связанных с завершающими боями Ливонской войны, в ходе которой Иван Грозный попытался в боях с Ливонским орденом, Речью Посполитой и Швецией отбить старинные русские города в Ливонии и порты на Балтике, в первую очередь Нарву. Во время третьего похода в пределы России польско-литовский король Стефан Баторий решил захватить Псков, мощную пограничную русскую крепость. Падение Пскова привело бы к овладению поляками всей Ливонией.

Учитывая смертельную опасность, нависшую над Московской Русью, царские гонцы отправились на Дон и в Поволжье, чтобы привлечь казаков к участию в боевых действиях на западе. Царь Иван Грозный повелел отряду из 500 донских ка-



*Ермак. Из «Истории Сибирской» С.У. Ремезова
(конец XVII в.)*

заков во главе с боевым атаманом Михаилом Черкашенином, прославившимся еще со времени разгрома татар под Молодями в 1572 г., сесть «в осаду» в Пскове. И казаки успешно обороняли крепость с первых до последних дней ее осады, несмотря на гибель в боях своего боевого атамана.

А атаман Ермак с отрядом волжских казаков прибыл на западную границу в район Смоленска. Его отряд на речных стругах по рекам и волокам вышел на Днепр, подошел к Смоленску и поступил в распоряжение одного из лучших московских воевод князя Дмитрия Хворостинина, командовавшего крупными силами, собранными в Смоленске.

Польский комендант Могилева точно установил имена 15 начальников отрядов Хворостинина. Последними в перечне указаны: «14. Василий Янов, воевода казаков донских; 15. Ермак Тимофеевич, атаман казацкий». В войсках Хворостинина лишь один атаман Ермак непосредственно командовал казацким отрядом, не будучи подчинен дворянскому голове — начальнику из дворян. Голова Василий Янов командовал несколькими конными сотнями донских казаков, вооруженных пищальями, а Ермак был командиром волжской судовой рати — стругового отряда волжских казаков.

Весной 1581 г. Хворостинин выступил с войском от Смоленска на Оршу и Могилев вниз по Днепру. Он хотел создать угрозу королевской армии, чтобы задержать ее продвижение к Пскову. Движение по Днепру определило характер использования стругового отряда Ермака. Казаки на стругах двигались впереди войска, пищальным огнем очищая берега от врага и обеспечивая переправу главных сил Хворостинина.

25 июня казаки захватили переправу возле Орши, и отряды Хворостинина перешли за Днепр. Затем струги казаков неожиданно появились у Могилева. Три королевские роты пытались их отогнать, но с подходом полков Хворостинина были разбиты и отошли к крепости.

Русские отряды разорили окрестности Могилевской крепости. Затем они собрались южнее Могилева и вновь под охраной стругов Ермака переправились через Днепр. Действия русских отрядов задержали подход польских сил к Пскову и помогли лучше подготовить крепость к осаде.

Воеводы Хворостинин и Катыврев были направлены к Новгороду для его прикрытия от польско-литовского войска. Отряд Ермака остался в их подчинении и был отправлен для участия в боевых действиях под осажденным Псковом. Так в польских документах отмечено, что астраханские казаки пытались дождливой осенней ночью пробиться в Псков «с озера». Героическая оборона Пскова во многом истощила силы польско-литовского войска, и 15 января 1582 г. царские дипломаты подписали в Ям-Запольске под Новгородом договор о десятилетнем перемирии с Речью Посполитой.

В феврале 1582 г. произошли последние довольно успешные для русских бои со шведами, но король Стефан-Баторий потребовал от Москвы прекращения войны со шведами, грозя в противном случае разорвать перемирие. К концу зимы полки Хворостинина были распущены. Ермак и его казаки, получив расчет у воеводы, возвратились в свои зимовья на Нижней Волге.

Прибыв под Казань, Ермак узнал о восстании народов Поволжья и нападении восставших на царские отряды. В это же время царское правительство начало преследовать волжских атаманов Ивана Кольцо, Богдана Барбоша и некоторых других, которые за год до этого при тайном попустительстве и поощрении московских властей продолжили жестокую войну с ногайскими мурзами, участвовавшими в грабительских нападениях на Русь.

Эти атаманы разгромили Сарайчик, столицу хана Ногайской орды, расположенную в устье Яика (Урала). Разгром несколько охладил желание ногайцев, воспользовавшись неудачами царских войск на западных границах, напасть на Русь с юга. Хан Большой Ногайской орды сразу же направил в Москву послов для закрепления мира.

А в августе 1581 г., когда Ермак со своим отрядом воевал с западными недругами Руси, волжские атаманы, о которых упомянуто выше, напали и ограбили ногайского посла и следовавших с ним купцов из Средней Азии. Причем вместе с ногайским послом возвращался в Москву сын боярский В.И. Пелепицын, который весной был направлен из Москвы в Ногайскую орду с богатыми подарками и посольской миссией. Так

как на западной границе продолжались тяжелые бои с многочисленными врагами Руси, то московские власти не хотели осложнять отношения с ногайскими ханами.

На переправе около Соснового острова в районе р. Самары казаки встретили посла В.И. Пелепелицына в сопровождении 300 нагайских всадников, ногайского посла и купеческого каравана. Казаки объявили послу, что «наперед перевезут татарскую рухлядь и татар с половиною». Посол не догадывался об их планах и дал согласие. Казаки перевезли за Волгу ногайского посла и купцов с их товарами, а затем поджидавшие в засаде сотни напали на ногайцев по обе стороны Волги и ограбили их. Русский посол просил Ивана Кольцо пощадить ногайского посла и купцов. Казаки пощадили ногайского посла и 30 его сопровождавших, а прочих ногайцев и купцов убили. Они отказались выдать Пелепелицыну пленных мурз, так как хотели получить за них выкуп.

Затем волжские атаманы Иван Кольцо и Богдан Барбоша разгромили на переправе через Волгу ногайский отряд в составе 600 всадников, возвращавшийся с добычей и полоном после набега на русские города Темников и Алатырь. Взятые в плен ногайцы показали, что они служат ногайскому князю Урусу, заверявшему московские власти в своих мирных намерениях. Но в Москве не хотели ссориться с ногайскими мурзами и объявили этих атаманов «ворами», несмотря на то, что, по мнению профессора Р.Г. Скрынникова, и с ним нельзя не согласиться, «их смелые действия – разгром Сарайчика – отрезвили властителей Ногайской орды и удержали их от дальнейших авантур» (12, с. 478).

После этого Иван Кольцо, Богдан Барбоша и другие атаманы вынуждены были уйти с Нижней Волги и скрыться на Яике. Так что строки народных исторических песен и сказов, повествующие об участии атамана Ермака в разгроме посольского каравана, являются поэтическим вымыслом и не соответствуют исторической действительности.

Созданию таких легенд в немалой степени способствовали и официальные летописи. Так в московской летописи, созданной по инициативе патриарха Филарета, всего через 50 лет после гибели Ермака было указано о погроме на Волге каза-

ками под руководством атамана Ермака персидского посольства и бухарского торгового каравана и последующем уходе Ермака с казаками на Каму, а оттуда в Сибирь.

Но в подлинных документах Посольского приказа указывается, что ограбление персидского посольства на Волге произошло через три года после гибели Ермака (12, с. 464). И в книгах иностранцев, побывавших в России во второй половине XVII – начале XVIII в., со слов русских информаторов сообщаются абсолютно ложные сведения о Ермаке, как о главе казацкого отряда, занимавшегося на Волге разбоем.

Собравшись на Яике, казаки провели войсковой круг, чтобы решить, куда идти походом или где искать «найм». В это время на Яик прибыли представители богатых пермских солепромышленников Строгановых. В Строгановской летописи указано, что 6 апреля 1582 г. Строгановы отправили к Ермаку «людей своих с писанием и з дары многими... дабы шли к ним в вотчины их в Чюсовские городки и в острожки на спомогание им». А в «Сказании Сибирской земли» сказано: «Максим Строганов просил ево, Ермака, чтобы он от того Пельмского князя оборонил» (12, с. 480).

Дело в том, что набеги из-за Урала отрядов манси в район Прикамья не прекращались. Тем более что их поддерживали мансийские племена Приуралья, которых притесняли Строгановы. В 1580 г. мансийский мурза Бегбелий Агтаев с «вогульским и остяцким собранием» разграбил русские селения на берегах р. Чусовой, «и ту окрест живущих села и деревни поплениша и пожгоша и в поле... многих поимаша» (6, с. 99). А в 1581 г. князек Кихек захватил и сжег Соль-Камскую, разорил в Прикамье слободы и деревни, увел в плен их жителей. Вотчины Семена Аникиевича и Максима Яковлевича Строгановых тяжело пострадали. Только после ожесточенного сражения Кихек был разбит отрядом служилых людей Строгановых (17, с. 27).

А воинственный князек пельмских манси Аплыгерым с согласия Кучума перешел Уральские горы и вторгся в Пермский край. Максим Строганов попросил помощи у двоюродного брата Никиты, владевшего крепостью Орел (Кертедан) на Каме. Но Никита, готовясь к обороне крепости, отказал брату. Тогда

Максим донес московским властям, что пельмский князь сжег многие его деревни, а «ныне, деи, пельмский князь с вогуличи (манси. — М.Ц.) стоит около Чусовского острогу». А следующий гонец в Москву сообщил, что с Аплыгерымом было 700 воинов и они сожгли все строгановские «слободки на Койве и на Обве, и на Яйве, и на Чусовой и на Сылве деревни все выжгли».

Затем от него последовало донесение о прекращении работы соляных промыслов: «А вогуличи живут блиско их слободок, а место лешее, а людем их и крестьяном из острогов выходу не дадут, и пашни похати дров сечи не дают же. И приходят, деи, им невеликие люди, украдом лошадей, коровы отганивают и людей побивают, и промысл деи у них в слободках отняли и соли варити не дают» (12, с. 463). Строганов просил царя разрешить нанять казаков для охраны своих земель. Но еще шла Ливонская война, и Москва такого разрешения не дала.

Видимо, Ермак сумел убедить основную часть казаков, собравшихся на Яике, наняться к Строгановым, и был выбран главным походным атаманом. Поддержали его предложение и опальные атаманы Иван Кольцо, Савва Болдырев и Никита Пан. Только Богдан Барбоша и несколько других атаманов остались на Яике и спустя четыре года построили там укрепленный острог, будущий центр Яицкого казачьего войска.

В 1582 г. после того, как войсковой круг волжских казаков решил принять предложение Строгановых, казаки Ермака, подготовив свои струги, примерно за два месяца совершили трудный поход с Яика на Каму и, согласно преданию, записанному строгановским летописцем, 28 июня, в день Кира и Иоанна, подошли к чусовским пристаням.

Безусловно, это было трудное предприятие, связанное и с многодневным движением на веслах вверх против течения рек, и с перетаскиванием стругов по волокам с верховьев одной реки на другую. Как и обычно у донских и волжских казаков, на время похода в отрядах устанавливался сухой закон, который строго соблюдался. А нарушителей просто бросали за борт.

В это время Кучум послал своего старшего сына и наследника его ханства царевича Алея в поход на Пермские земли.

Войско Алея состояло из нескольких тысяч татарской конницы и ханты-мансийского пешего ополчения в несколько тысяч бойцов. Алей прямо направился к чусовским городкам, но получил решительный отпор. Отбитый на Чусовой, Алей двинулся по суше на Каму. Но Ермак опередил царевича, его казачья флотилия появилась в окрестностях строгановской крепости Орел на Каме раньше татар. Получив отпор и там, царевич Алей двинулся далее к Соли Камской.

Ворвавшись в посад Соли Камской, татары убивали всех, кто попадался им по пути. Затем они подожгли город. Далее татары подошли к главному центру Пермского края Чердыни и атаковали его с такой яростью, что гарнизону едва удалось отразить приступ. На обратном пути к уральским перевалам татары вновь прошли мимо чусовских городков, убивая и грабя крестьян в округе, сжигая их жилища и уводя многих в плен.

Видимо, нападение Алея на Пермскую землю сыграло немаловажную роль в принятии Ермаком решения о начале «Сибирского взятия». Как видим, поход Ермака в Сибирь начался с оборонительной войны во время татарского набега. А таких войн было немало на Руси за прошедшие более чем триста лет со времени Батыева нашествия.

Направляясь в Сибирь, Ермак, вероятнее всего, вначале не ставил своей целью завоевание и присоединение Сибири к Руси. В намерения его, видимо, входили, в первую очередь, захват добычи и наказание Кучума за грабежи и убийства в Пермской земле. Мысли о прочном присоединении сибирских земель к Русскому государству, надо предполагать, созрели у Ермака в ходе стремительного броска к Кучумовой столице и во время первых месяцев пребывания в ней казаков. Однако на принятие Ермаком такого судьбоносного решения повлияли и обстоятельства его предыдущей жизни, и служба в царском войске.

Какова же роль Строгановых в организации похода Ермака? Естественно, они в первую очередь были кровно заинтересованы в приобретении за Уралом опорных пунктов для организации прибыльной торговли мехами. Но именно в сентябре 1582 г., когда царевич Алей еще не покинул Пермские земли,

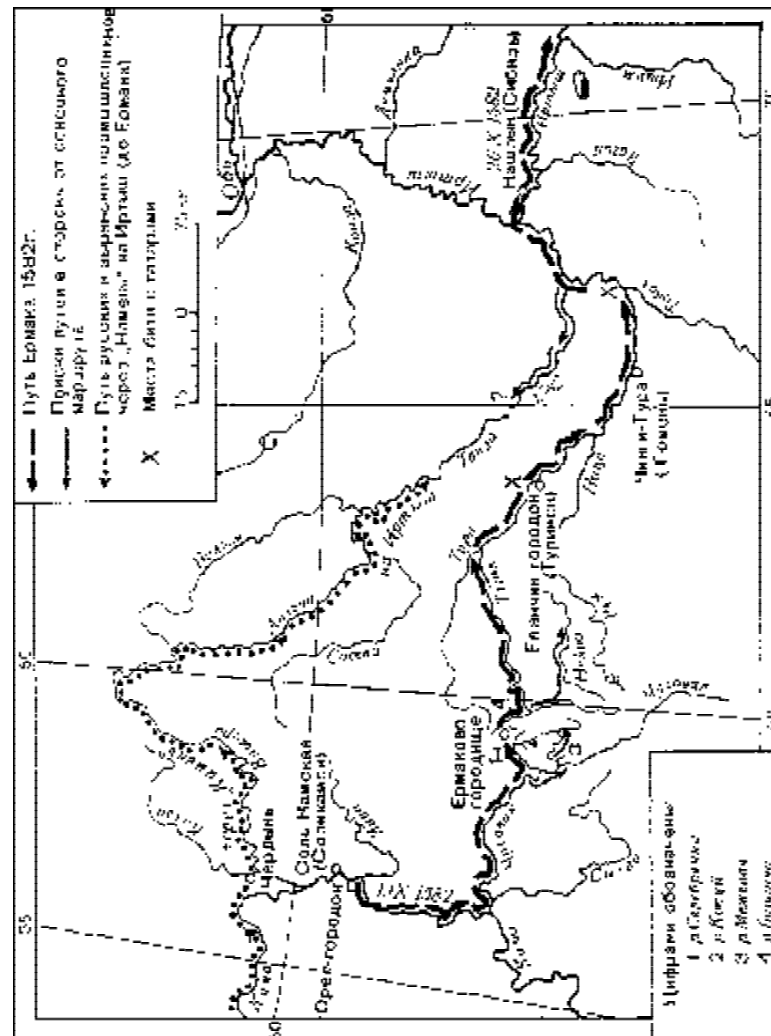
им было просто необходимо присутствие казаков Ермака в Чусовских городках.

Поэтому крайне сомнительно, чтобы Строгановы присоединили к казацкому отряду, отправлявшемуся в Сибирь, своих 300 воинов из камских городков «литвы и немец и татар и русских». Так что наиболее вероятны сообщения тех летописцев, которые оценили численность отряда главного атамана Ермака при убытии в Сибирский поход примерно в 540 (до 600) казаков под началом атаманов Ивана Кольцо, Якова Михайлова, Никиты Пана, Матвея Мещеряка, Богдана Брязги.

Тем не менее нет сомнений в том, что именно Строгановы обеспечили казаков продовольствием, порохом, свинцом и частично пушками малого калибра. Вполне возможно, что Строгановы дали Ермаку «вожей» – проводников, знавших путь по Чусовой и далее через перевалы и по сибирским рекам в слободу Тахчеи, ранее принадлежавшую в Сибири Строгановым. Не исключено, что в числе «вожей» были местные манси, не раз плававшие на небольших лодках к уральским перевалам.

Вероятно, и «толмачей», говоривших на «бусурманском языке», предоставили Ермаку Строгановы. Впрочем, среди волжских казаков могли быть те, которые говорили по-татарски, учитывая контакты их с ногайцами.

Но за Ермака и его казаков Строгановы сперва получили строгое внушение от самого царя. Дело в том, что воевода Чердыни, главной крепости в Приуралье, В.И. Пелепелицын срочно донес царю, что в «семенов день» (1 сентября) войска сибирского хана и пельмского князя напали на крепость, а Строгановы, вместо того чтобы прислать помощь, послали Ермака и его казаков в Сибирь. Царь в конце 1582 г. направил Строгановым новую грамоту, в которой грозил им опалой и повелел немедленно возвратить Ермака из Сибири. Он попрекал Строгановых за то, что они наняли на службу волжских атаманов, которые «преж того сорили нас с Ногайскою ордою, послов ногайских на Волге на перевозах побивали, и ордобазарцев (среднеазиатских купцов. – М.Ц.) грабили и побивали, и нашим людям многие грабежи и убытки чинили». Но выводы в царской опальной грамоте по отношению к казакам



Карта похода в Сибирь казаков под руководством Ермака

Ермака были самые умеренные: предлагалось разместить их в государевых крепостях Чердыни и Соли Камской и возложить на них «сберегание пермских мест» (12, с. 512).

Строгановы не предприняли усилий для возвращения Ермака, и это, на наш взгляд, подтверждение того, что он принял решение о походе в Сибирь самостоятельно, не оглядываясь на их мнение и не спрашивая у них разрешения.

1 сентября 1582 г. флотилия Ермака, состоящая от 30 до 35 стругов, отплыла вверх по Чусовой к Уральским перевалам. Это были суда, в каждом из которых размещалось 20 казаков с полным вооружением, боеприпасами и продовольственными запасами. Такие суда имели по 8–10 весел с каждого борта и кормовое рулевое весло. Присланные Ермаком позже из Сибири в Москву гонцы составили для Посольского приказа подробную роспись пути с Волги в Сибирь. По их словам, отряд Ермака пришел вверх по Волге «и Камюю рекою вверх же, а из Камы реки поворотил направо в Чюсовую реку и Чюсовую вверх же; а из Чюсовой реки в Серебряную реку, а Серебряная река пришла от Сибирской страны в Чюсовую реку правой стороны, и Серебряною рекою вверх же; а с Серебряной реки шел до реки Борончюка волоком... а рекою Борончюком вниз в реку Тагил, а Тагилом рекою на низ же в Туруреку» (12, с. 517). Благополучному проходу реками в их верховьях казакам способствовали сезон дождей и наличие в реках «большой воды». Благодаря этому они сумели без потерь провести тяжело нагруженные струги к самым уральским перевалам.

Первая встреча за уральскими перевалами с местными жителями едва не окончилась для казаков трагически. Впереди казацкой флотилии плыл сторожевой струг. Однажды он оказался впереди флотилии на версту. Струг подошел к берегу и был из-за беспечности команды захвачен следившими за ним мансийскими воинами, не подозревавшими о следовавшей за стругом флотилии. Когда с подоспевших стругов казаки открыли ружейный огонь, то мансийские воины убежали в лес, оставив своих пленников на берегу.

Первая стычка с татарами произошла уже на Туре — там, где позже был поставлен Туринский острог, но добыть языка казакам тогда не удалось. Бежавшие с места стычки татары добрались до Кашлыка ранее Ермака и известили Кучума о появлении казацкой флотилии.

На берегу Нижнего Тобола казакам удалось захватить «языка», татарина Таузака, одного из приближенных Кучума. Ермак допросил его и отправил к Кучуму. По словам летописца, Таузак сказал хану: «Русские воины сильны: когда стреляют

из луков своих, то огонь пышет, дым выходит и гром раздается, стрел не видать, а уязвляют ранами и до смерти побивают; ущититься от них никакими ратными сбруями нельзя: все на вылет пробивают» (15, с. 676). В устье Тобола казаки, высадившись на берег, разгромили юрты карачи — так называли главного советника Кучума, влиятельнейшего человека при дворе сибирского хана.

Кучум собрал для обороны столицы татарских конных воинов и пешее ополчение племенных вождей хантов и манси. Собравшееся войско, которым командовал ханский племянник Маметкул (Махмет-Кул), разбило стан на пологом берегу Иртыша у Чувашева мыса. Ермак решил дать отдых уставшим казакам перед решительным боем. Флотилия провела ночь в урочище Атик-мурзы. Вид многочисленного Кучумова войска смутил некоторых. Состоялся казацкий круг, на котором верх взяли те, кто был за продолжение похода.

Известный историк С.М. Соловьев приводит их доводы, сообщенные летописцем: «Братцы! Куда нам бежать? Время уже осеннее, в реках лед смерзается; не побежим, худой славы не примем, укоризны на себя не положим, но будем надеяться на бога: он и беспомощным поможет. Вспомним, братцы, обещание, которое мы дали честным людям! Назад со стыдом возвратиться нам нельзя. Если бог нам поможет, то и по смерти память наша не оскудеет в тех странах, и слава наша вечна будет» (15, с. 676, 677).

Профессор Р.Г. Скрынников привел слова Ермака из сочинения сибирского историка конца XVII — начала XVIII в. С.У. Ремезова, которые окончательно преломили настроение казаков: «Братья и единомышленники! Како нам бежати, осени дождавшись? Гляньте кругом, в реках лед смерзается! Видели есмь, братцы, сами, колико зла сотвориша Кучум нашей русской Пермской земле! Городком запустение, православным христианом посечение и пленение! Хотя до единого всем умерети, а вспять возвратитися не можем срама ради!» (12, с. 527). После выступления Ермака малодушные окончательно замолчали.

Татары соорудили засеку у подножия горы на Чувашевом мысу. Казацкие струги подошли к засеке. Сделав несколько залпов, казаки высадились на берег и были обстреляны луч-

никами Маметкула. Затем, проделав проходы в засеке, татары атаковали казаков, но были встречены дружной пальбой. Отряды хантов, посланные Маметкулом вперед, после первых же залпов разбежались. Сам он пулей был выбит из седла и упал наземь. Он чуть не попал в плен, но татары отбили своего предводителя и снесли его в заросли кустарника на берегу, где была спрятана лодка. Погрузив в нее Маметкула, татары быстро уплыли.

Ранение предводителя вызвало панику в татарском стане. Первыми ускакали татарские всадники, за ними бежали пешие воины. Кучум наблюдал за боем с горы. Видя, что казаки одолевают, хан с приближенными также поспешно бежал через Кашлык на левый берег Иртыша и ушел на юг, в Ишимскую степь.

Не оправдались его надежды на то, что московские власти не захотят воевать с Сибирским ханством из-за сложного международного положения и опасности нападения на русские земли крымских татар и ногайцев, хотя Кучум был прав, надеясь на то, что действия царевича Алея в Пермской земле заставят московские власти попытаться вернуть Ермака из Сибири. Ошибся он в Ермаке: именно действия Ермака спутали все планы сибирского хана, ибо Ермак пошел в Сибирь, как бы продолжая свою особую оборонительную народную войну против татарских набегов.

После боя Ермак беспрепятственно вступил в опустевший Кашлык — так казаки называли столицу ханства Сибирь, где казакам досталась богатая добыча, в первую очередь «мягкая рухлядь» — ценные меха соболей. Ими было захвачено много оружия и табуны ногайских лошадей. Профессор Р.Г. Скрынников объясняет причину такой легкой победы над воинами Кучума тем, что наиболее боеспособные силы Сибирского ханства и входившего в его состав Пельмского княжества были еще в Пермской земле и не вернулась в Кашлык из похода. Такое объяснение позволяет отбросить существовавшие ранее представления о том, что казаки добирались до Кашлыка два-три года, зимую в горах и лесах. Теперь уже нет сомнений, что Ермак со своими казаками преодолел расстояние от р. Чусовой до Иртыша за два месяца.

Через четыре дня после сражения ханты с р. Демьянки, правого притока Нижнего Иртыша, со своим «князцом» Бояром привезли в дар Ермаку пушнину и съестные припасы, главным образом рыбу. Он «лаской и приветом» встретил их и отпустил «с честью». За хантами к победителю явились посланцы манси из Яскалбинских волостей, «князец Ишбердей с товарищи». Затем пришли с дарами местные татары, бежавшие ранее от казаков, «князек» Суклем и некоторые татарские мурзы. Ермак принял их также приветливо, разрешил вернуться в свои селения и обещал защитить от врагов, в первую очередь от Кучума. Затем стали прибывать с пушниной и продовольствием ханты левобережных районов — с рек Конды и Тавды. Ермак определял для всех обязательную ежегодную подать — ясак. С племенных вождей и старшин он брал «шерть», то есть присягу в том, что подвластные им мужчины будут своевременно платить ясак. После этого все обьясаченные племена и роды считались подданными московского царя.

Но Кучум и Маметкул пристально следили за казаками. В первых числах декабря Ермак послал на озеро Абалак, расположенное вдоль берега Иртыша в 15 верстах от Кашлыка, есаула Богдана Брызгу с его казаками для подледного лова рыбы. Там на них, поглощенных рыбной ловлей и проявивших беспечность, внезапно напал Маметкул с большим отрядом воинов. Спаслись от гибели лишь несколько казаков, оставшихся возле лошадей на берегу Иртыша.

В это же время Ермак узнал о приближении к Кашлыку большого татарского войска. К тому времени возвратился из Пермского похода царевич Алей с добычей и русскими пленными. Правда, его войско понесло на Чусовой и под Чердынью немалые потери. Ермак не стал отсиживаться в Кашлыке, а выступил навстречу татарам.

Битва произошла на Абалаке. Это была самая большая битва в период Ермакова «Сибирского взятия». Казаки не могли использовать преимущества, которые давали им струги. Но и татары из-за глубокого снега не могли стремительно атаковать казаков в конном строю.

По свидетельству летописцев, бой был отчаянным и жестоким. Не раз казалось, что судьба благоволит татарам. На этот

раз Маметкул руководил боем издали, бросая на казаков все новые отряды татар. В конце дня татары не выдержали и обратились в бегство. Казаки выстояли, и Ермак одержал свою самую большую победу.

Таким образом, к декабрю 1582 г. Ермак подчинил себе обширную область по Тоболу и Нижнему Иртышу. Но он прекрасно понимал, что для закрепления на завоеванных землях требовались новые воинские подразделения, продовольствие и военные припасы. Видимо, после битвы на Абалаке Ермак окончательно решил, что целью похода будет присоединение земель Сибирского ханства к Русскому государству. Да и воевали ермаковцы под знаменем с царскими государственными символами. По мнению профессора Р.Г. Скрынникова, из нескольких знамен Ермака, хранящихся в Оружейной палате, «лишь одно, самое древнее, по всей видимости, проделало с отрядом Ермака долгий путь с берегов Иргиза до самого Иртыша. Неизвестные швеи сшили знамя из синей китайки, обравив его широкой кумачовой каймой. Кумач расшит затейливым узором, по углам знамени – розетки наподобие цветов. В самом центре вышиты на синем поле две фигуры из белой холстины, расцвеченные чернилами. Это фигуры «инрога» и льва. Они стоят на задних лапах, друг против друга. Царь зверей лев воплощал в себе идею могущества. Мифическое существо «инрог» изображали в виде лошади с длинным и острым рогом на лбу. То был символ благоразумия, чистоты и строгости. Московские государи охотно изображали «инрога» на золотых монетах, в особенности же на своих государственных печатях» (12, с. 539).

Такие же геральдические фигуры – лев и «инрог» – закреплены на троне царя Ивана Грозного ниже царского орла. Следовательно, казаки Ермака сражались и на западных границах Руси, и в Сибири под знаменем с царскими государственными символами, являлись воинами Русского государства и воевали в защиту и во имя интересов этого государства.

Ермак решил послать гонцов в Москву. Весной 1583 г. на двух небольших стругах в долгий и опасный путь отправились молодой казак Иван Александрович Черкас, то есть выходец с Украины (по другим данным его звали Черкас Александров Корсак и он был автор казачьего «Написания»), то есть описа-

ния «Сибирского взятия», созданного около 1600 г. (18, с. 249), по преданию – любимец Ермака, храбрец и умница. От атамана Ивана Кольцо в Москву отправился Савва Сазонов, сын Болдыря.

С Черкасом и Болдырем уплыли 25 казаков. Через посланцев Ермак, его атаманы и все казаки челом били великому государю Ивану Васильевичу завоеванным ими Сибирским царством и просили прощения за прежние преступления. Посланцы Ермака повезли в Москву собранный ясак путем, по которому приказчики Строгановых не раз ездили с товарами в низовья Оби. Казаки проплыли с Иртыша на Обь, перевалили через Уральские горы, вышли на р. Сось, а затем на Печору и далее добрались до Москвы.

В Москве у приказных особое изумление вызвал вид ценнейшей соболиной казны, доставленной казаками из Сибири. По сообщению одного из сибирских летописцев, казаки передали приказным 60 сороков (2400 шкур) отборных соболей, 50 бобров и 20 чернобурых лисиц.

Казачье послание было принято и зачитано царю. Может быть, само послание было переписано дьяками Посольской избы, чтобы оно более понравилось Ивану Грозному. В таком облагороженном виде послание явно прославляло милость божью к царю: «Изволением бога и пречистой его богородицы матери и великих чудотворцев молитвами, а его государя царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси и праведного ко всеумудрому богу молитвою и его царским счастьем его государевы люди атаман Ермак Тимофеев с товарищи царство Сибирское взяли!» (12, с. 556).

Послание произвело благоприятное впечатление на царя. Казачьи посланцы были приняты милостиво и содержались на казенный счет. Все участники «Сибирского взятия» получили прощение. Прибывшие были пожалованы деньгами, сукнами, камками и размещены на постой в посадские и стрелецкие дворы. Всем оставшимся в Сибири казакам было назначено жалование. Со временем в народе сложились легенды о щедрых наградах царя, которых удостоились Ермак и его казаки. В преданиях говорилось о том, что царь пожаловал Ермаку шубу

со своего плеча и два тяжелых панциря, которые были наде- ты атаманом в ночь его гибели. Предание толкует и о том, что эти панцири и явились причиной гибели атамана в водах Ир- тыша.

Но вообще-то приказные дьяки не очень доверяли казакам. Поэтому для принятия от казаков завоеванных областей царь решил отправить туда своих воевод — князя Семена Болховско- го и Ивана Глухова, о чем гласила царская грамота от 7 ян- варя 1584 г. Посланцам Ермака в Сибирь возвращаться пока не разрешили, и Ермак после прибытия воевод должен был сразу вернуться на Русь.

В марте 1583 г. для сбора ясака в татарских улусах на Ниж- нем Иртыше Ермак направил на север, вниз по Иртышу, кон- ный отряд из 50 казаков. Вначале прииртышские татары ока- зали сопротивление, и один из татарских городков был взят приступом. Захваченные «вожаки» были казнены, а остальные старшины присягнули на верность. Их заставили целовать саб- лю, обрызганную кровью. Собранный ясак и продовольствие казаки отослали Ермаку. Остальные татарские городки приняли подданство без существенного сопротивления.

Еще ниже по Иртышу проживали одни ханты. Казаки су- мели беспрепятственно спуститься до р. Демьянки, где после трехдневной осады взяли укрепленный городок в 30 км ниже устья Демьянки.

После ледохода на построенных в Демьянском городке лег- ких стругах казаки поплыли вниз по Иртышу, собирая в при- брежных хантских селениях ясак. Близ устья Иртыша казаки 20 мая 1583 г. захватили крупное селение. Перебив спящий караул, они ворвались в дом Самара, вождя «белогорских ос- тяков», живших на Самарских горах — крутых и обрывистых берегах Иртыша. Услышав о приближении казаков, он призвал на помощь восемь других старейшин с их воинами. Самар и его ближайшие родичи пали в ночном бою. Казаки оставались в селении неделю и привели к присяге всех окрестных хантов. Потомок Самара Байбалак Самаров, принявший присягу, про- должал владеть Белогорской волостью еще в начале XVII в.

В этом походе союзниками казаков оказались кодские хан- ты, проживавшие по берегам Оби. На территории Кода про-

живало большое племя. Кодский «князь» Алачей сам явился к казакам и объявил о своем союзе с русскими. Казаки в свою очередь заявили о передаче ему власти над всей округой. Из- вестно, что потомки Алачей получили по царской грамоте власть над рядом селений по Нижней Оби и различные привилегии.

Отряд дошел по Нижней Оби только до Белогорья, райо- на, где Обь, огибая Сибирские Увалы, поворачивает на север. Возможно, что казаки искали легендарную «Золотую бабу». По словам летописца, у хантов было там «мольбище большое богине древней, нагой, с сыном на стуле сидящей» (18, с. 251).

В «Записках о московитских делах», изданных в 1549 г. Сигизмундом Герберштейном, послом германского императора (он побывал на Руси в 1516–1518 и 1526–1527 гг.), со слов московских информаторов записаны сведения о том, что за Уралом, при устье Оби, стоит идол «Золотая баба», в виде старухи, которая «держит в утробе сына и будто там уже опять виден ребенок, про которого говорят, что он ее внук» (12, с. 575). И на карте Московии, составленной Герберштейном, в районе между Нижней Обью и Уральскими горами нарисова- на богиня, а под ней надпись «Злата баба».

Но хантские селения были там пустыми, так как местные жители весной, во время половодья, уходили к озерам ловить рыбу. И далее на север берега Оби казались необитаемыми, и 29 мая казаки решили возвратиться в Кашлык.

В настоящее время большинство историков считают, что Ермак погиб в 1585 г. При такой версии даты его гибели мож- но считать правдивыми сообщения в ряде летописных сводов о том, что весной 1584 г. Ермак совершил поход на Нижнюю Обь, взял хантский городок Назым и пленил его «князька». Большинство историков согласны с тем, что именно в этом походе погибли атаман Никита Пан и его казацкая дружина.

Летом и осенью 1584 г. Ермак совершил походы для поко- рения манси, живших на Тавде и ее левом притоке Пельме. Этот поход был задуман для разведывания удобных путей в Московскую Русь. Пельмский князь Абылгерым не участво- вал в битве на Абалаке и сумел сохранить все свое войско. Он только наблюдал за борьбой Ермака с Кучумом и Маметкулом и выжидал исхода этого противостояния.



Восточная часть карты Московии С. Герберштейна с указанием места расположения идола «Золотая баба»

Покинув Кашлык и его окрестности, казацкий струговой отряд направился на Тавду и Пельым. В низовьях Тавды жили татары, которые вступили в бой с казаками. На р. Паченке произошел «великий бой», в ходе которого погибли татарский

предводитель – владелец улуса на р. Лабуте и предводитель прибывших на помощь татарам мансийских воинов – «князек» улуса Паченки. Казаки проследовали дальше, стремясь скорее достигнуть р. Пельым, где закрепился Абыгерым, тщательно подготовив свое главное урочище к обороне. И Ермак, взвесив все доводы за и против продолжения похода, дал команду на возвращение в Кашлык.

Может быть, на его решение повлияло и то, что все мансийские «князцы» и шаманы упорно твердили об отсутствии пути на Русь с Пельма, хотя местные манси прекрасно знали о существовании пути из Зауралья в Пермскую землю по р. Лозьве, притоку р. Тавды. Видимо, местные «князьки» не желали восстановления власти Кучума в их владениях, и они не были заинтересованы в уходе русских из Сибири. На обратном пути к Кашлыку казаки собрали в районе р. Тавды в волости Таборы «хлеб и ясак».

Удачей было пленение царевича Маметкула. Его влияние при ханском дворе давно уже вызывало зависть многих мурз. Один из высокопоставленных татар и предал его. Сохранилось предание о том, что этот татарин Сеин Бахта служил при Кучуме «большим ясачным мурзой», то есть ведал сбором ясака для хана Кучума. Он и дал знать казакам, что Маметкул кочует на р. Вагае, всего в 100 верстах от Кашлыка. Ермак собрал полусотню лучших бойцов и послал их на Вагай.

Казаки обнаружили кочевье Маметкула и на рассвете ворвались в татарский лагерь. Они окружили шатер царевича и захватили его в плен. Пленение Маметкула, лучшего полководца сибирского хана, явилось сильным ударом по могуществу Кучума. Когда Маметкула доставили в Кашлык, то Ермак встретил его с почетом, долго беседовал с ним через переводчика и убеждал дать согласие на переход на сторону царя и службу в царском войске.

Весной 1584 г. из Москвы на помощь Ермаку должен был отправиться отряд из 300 стрельцов под командой воевод князя Семена Дмитриевича Болховского и голов Ивана Киреева и Ивана Васильева Глухова. Для обеспечения весеннего похода Строгановым была направлена 7 января 1684 г. царская грамота, в которой предписывалось для отряда князя Болховского

построить 15 стругов, «со всем судовым запасом, которые бы подняли по двадцати человек с запасом» (12, с. 505).

Но из-за смерти 18 марта царя Ивана Васильевича убитие отряда задержалось и, пропустив весеннее половодье, Болховский смог пройти уральские волокы лишь в осенний разлив. Много людей и запасов потерял отряд на скалах Чусовой и Серебрянки, часть грузов стрельцы бросили на перевале. На оставшихся в строю стругах отряд Болховского прибыл в Кашлык лишь в ноябре 1584 г.

По прибытии в Кашлык Болховский, оценив сложную обстановку вокруг Кашлыка, решил без промедления послать своего главного помощника Ивана Киреева в Москву, чтобы представить там правдивый доклад о положении дел в Сибири и просить о присылке подкреплений. Ермак отправил с Киреевым пленного царевича Маметкула. Киреев с пленным и небольшим казацким конвоем на лошадях сумел пройти через Уральские перевалы и добрался до Москвы. Там царевич был принят ласково и стал позднее русским полковым воеводой.

Считается, что князь Болховский передал Ермаку приказ московских властей о возвращении атамана в Москву. Как видим, Ермак не выполнил приказ, хотя ему были обещаны по прибытии в Москву различные награды. Вполне возможно, что Болховский, оценив сложное положение русских в Кашлыке, не стал настаивать на отъезде Ермака, поняв что без него он не сможет командовать казаками. Отказ Ермака покинуть завоеванный край явно свидетельствует о его высоком чувстве ответственности за судьбу всего предприятия, за жизнь своих сподвижников. Ермак решил разделить с ними до конца все житейские превратности, связанные с «Сибирским взятием».

Здесь еще раз следует отметить, что успех «Сибирского взятия» во многом объясняется именно личными качествами Ермака, тем авторитетом, который он завоевал у казаков. Безусловно, в те жестокие времена в казацком войске практиковались самые решительные меры против нарушителей традиционной казацкой дисциплины в походе. Разбойников, грабителей, притеснявших мирных татар, мятежников в своей собственной среде казацкий закон нещадно карал: им насыпали

песок за пазуху и связанными бросали в воду. Согласно казацким «сказам», за время «Сибирского взятия» таким образом было казнено более 20 человек. Не меньшее значение для поддержания дисциплины, чем эти наказания, имел и высокий авторитет атамана.

Авторитет Ермака в среде казаков во многом объяснялся тем, что он умел убеждать людей и словом, и собственным примером. Суровая действительность борьбы с Кучумом и немалая вероятность гибели в боях диктовали казакам осторожность в части обзаведения в Зауралье женами и детьми. И, согласно преданию, Ермак подал в этом отношении пример. Татарский мурза, принявший русское подданство, привел к казакам свою красавицу дочь и сватал ее в жены атаману. Ермак отказался от женитьбы и приказал казакам сопровождать отца и дочь в их родные места и обеспечить им охрану.

Осенью 1584 г. в Сибири набрало силу массовое восстание татар, во главе которого стал сибирский карача. После взятия Ермаком Кашлыка карача то ли действительно, то ли для обмана Ермака покинул Кучума и, уйдя со всем своим родом, воинами, слугами и рабами на юг, к Чулымскому озеру, стал кочевать между Тарой и Обью.

Карача послал к Ермаку просьбу о помощи против владетелей Казахской орды. Ермак отправил к нему атамана Ивана Кольцо с 40 казаками. Карача, чтобы усыпить бдительность прибывших, устроил пир в честь Ивана Кольцо. А ночью татары предательски напали на казаков и всех перебили. Направленный на разведку и для выяснения судьбы Ивана Кольцо атаман Яков Михайлов также был убит. Перебиты были небольшие казачьи отряды, находившиеся на огромной территории, завоеванной Ермаком, среди массы татар и хантов.

Карача сумел отрезать казаков и стрельцов, засевших в Кашлыке, от других городков, поселений и промысловых угодий. Из-за этого подвоз продовольствия в Кашлык прекратился, и среди казаков и стрельцов начался голод. Многие, в том числе князь С.М. Болховский, умерли от болезней и голода. Ермак строго запретил казакам и стрельцам покидать Кашлык. Правда, вятские, пермские и казанские стрельцы из отряда Болховского пытались малыми группами уйти из лагеря и до-

бывать пропитание в округе, но некоторые из них замерзли в лесу, а остальные были убиты татарами.

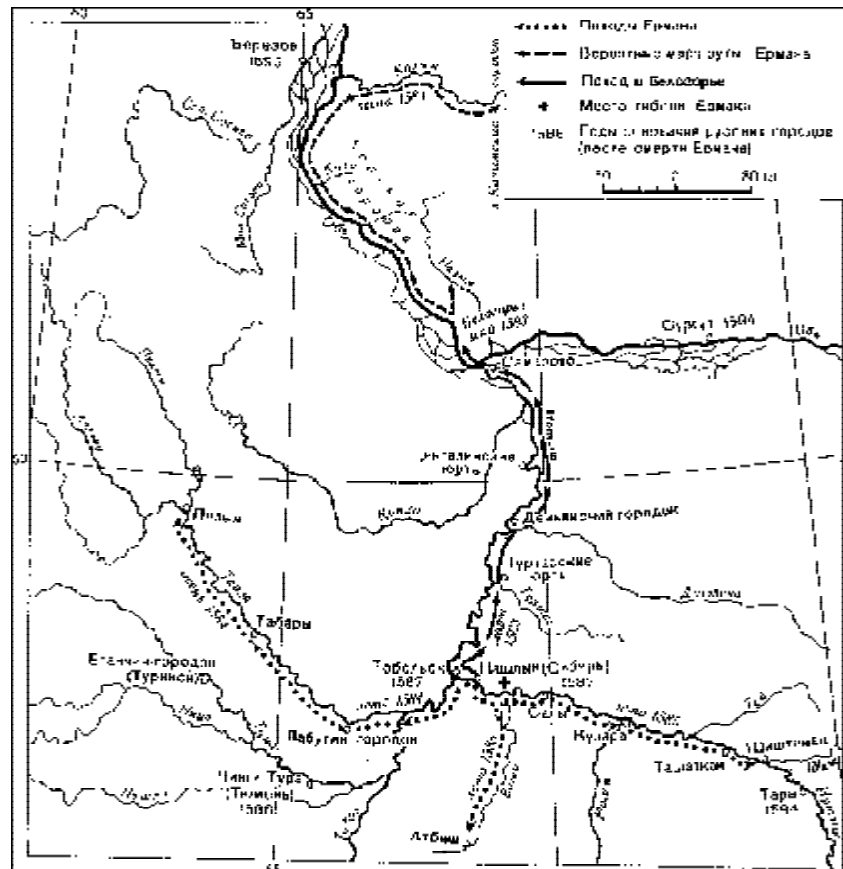
12 марта 1585 г. соединенные отряды татар и хантов под начальством карачи обложили Кашлык. Только в начале мая казаки под предводительством атамана Матвея Мещеряка вышли из городка и атаковали стан карачи. В завязавшейся схватке предводитель восставших потерял двух сыновей и бежал. На рассвете татары попытались вновь напасть на казаков, засевших в захваченном стане, но были отбиты.

Карача с несколькими приближенными ушел за Ишим, а остальные восставшие рассеялись по своим селениям. Осада Кашлыка окончилась, местные жители стали вновь доставлять казакам и стрельцам съестные припасы. Но тяжелая голодная зима и осада не прошли даром, число русских в городке сократилось, вероятно, до 300 бойцов, а может быть и до меньшего числа. Остальные умерли от голода и болезней.

Через несколько недель после снятия осады в Кашлык прибыли «вестники» от бухарских торговых людей — так называли всех среднеазиатских купцов, доставлявших в Сибирь рис, сушеные фрукты, ткани и другие товары. Впоследствии они пригоняли на продажу в сибирские города лошадей, рогатый скот, овец и коз, приобретая их у кочевников: калмыков, казахов, узбеков и др.

«Вестники» сообщили Ермаку, что с юга по р. Вагай направляется купеческий караван и «что их Кучум не пропускает в Сибирь» (12, с. 593). Ведь Кучум, находясь в верховьях Иртыша, фактически перерезал все торговые пути из Средней Азии в Кашлык. Летописцы традиционно пишут о том, что «вестники» были подсланы Кучумом, чтобы выманить Ермака из Кашлыка. Ермак поверил ложной вести и после окончания ремонта казацких стругов выступил в июле навстречу каравану.

Стремление защитить бухарских торговых людей, понимание важности для Руси торговли со Средней Азией — все это еще раз подчеркивает государственное мышление Ермака, его постоянную заботу о защите интересов Руси. И в дальнейшем московские власти принимали самые энергичные меры для развития бухарской торговли в новопостроенных сибирских горо-



Карта походов Ермака и его есаулов в 1583–1585 гг. и расположения первых русских городов в Западной Сибири

дах: «будет бухарцы с товары или нагаи с лошадьми торговые люди учнут к вам на Тюмень приезжать, — писали в 1596 г. из Москвы воеводам в Тюмень — первый сибирский город, основанный русскими за Уралом, — и вы б тем бухарцом и нагайцом торговым людям велели с нашими с русскими людьми и с юртовскими и с ясашными татараы на Тюмени торговать беспшлинно; а иных никаких таможенных пошлин с них имати не велели. И береженье к ним и ласку держали великую, и обиды б и насильства никоторого не было, чтоб им вперед повадно было

со всякими товарами приезжати». Такой же наказ Москва неоднократно давала впоследствии и воеводам других сибирских городов (46, с. 201, 202).

Сколько оставалось бойцов у Ермака в его последнем походе? Летописцы расходятся в оценке их количества. Писали они о 150 казаках. Профессор Р.Г. Скрынников обоснованно, на наш взгляд, считает, что их было не более сотни и, следовательно, отряд Ермака поплыл на пяти-шести стругах.

Карача и Кучум собирали часть воинов в Бегишеве городище, расположенном на Иртыше недалеко от Кашлыка. Но Ермак и его казаки на стругах появились там и далее на Верхнем Иртыше ранее, чем его противники собрали все свои силы. Так что в Бегишевом городище после яростной атаки казаков только немногим татарам удалось бежать.

Ермак двинулся вверх по Иртышу и близ устья Ишима вновь разгромил татарский отряд. Затем на верхнем Иртыше отряд Ермака пять дней безуспешно штурмовал укрепленный поселок Кулалы, располагавшийся на южной границе царства Кучума. Ермак решил беречь бойцов и прекратил штурм.

Затем казаки заняли без боя городок Ташаткан, расположенный еще выше по Иртышу. Считается, что Ермак дошел до устья притока Иртыша р. Шиш (в 400 км от Кашлыка) и повернул в обратный путь. В Ташаткане Ермак, по словам летописца, вновь получил ложное известие о том, что бухарский караван идет вниз по Вагаю, и поспешил на встречу с ним.

На берегу Иртыша, возле устья Вагая, 5 августа 1585 г. отряд Ермака остановился на ночлег. Была темная ночь, лил проливной дождь. По преданию, татарский разведчик убедился, что часовые, выставленные Ермаком, спят, и донес об этом Кучуму. Тогда хан со своим отрядом под проливным дождем переправился через реку и внезапно напал на лагерь казаков. Чтобы не поднимать шума, татары просто душили спящих русских. Но Ермак проснулся и пробился сквозь ряды врагов к берегу. Он прыгнул в стоявший у берега струг, за ним устремился вражеский воин, вооруженный коротким копьем. В схватке атаман стал одолевать врага, но получил удар в горло и погиб.

Так гласит предание и так написали некоторые летописцы. Но вот обнаружены новые исторические факты. Историк из Сибири Е.К. Ромодановская в Историческом музее в Москве в 70-х гг. прошлого века обнаружила затерянный синодик Ермаковым казакам, который сохранился в составе поминальной книги первой половины XVII в. Он был составлен по рассказам оставшихся в живых Ермаковых ветеранов в 20-е гг. XVII в. Вот что в нем сказано о погибших в последнем бою: «И подсмотреша нечестивыя (воины Кучума. — М.Ц.) и нападоша на станы их (казаков. — М.Ц.) ношью, и (казаки. — М.Ц.) ужаснушася от нечестивых и в бегство приложишася, а иным (суждено было остаться. — М.Ц.) на станах побитым и кровь свою пролиша Яков, Роман, Петра два, Михаил, Иван, Иван и Ермак» (12, с. 599). Так что из последнего похода, вероятнее всего, из 100 казаков вернулись в Кашлык примерно 90.

Профессор Р.Г. Скрынников вполне обоснованно, на наш взгляд, считает, что если бы казаки поддались панике, то были бы истреблены полностью. Видимо, даже в обстановке внезапного ночного нападения почти вся сотня смогла погрузиться на струги и сняться с якоря. Видимо, казаки расположились на ночлег каждый у борта своего струга и при нападении немедленно заняли свое, вполне определенное место на струге, у своего весла. А флагманский струг Ермака, вероятнее всего, отчалил от берега последним. Атаман прикрывал отступление своего отряда, но был ранен и упал в воду. Такова новая версия гибели прославленного атамана, и она более соответствует вновь обнаруженным историческим документам.

После гибели Ермака по решению войскового круга московский воевода Иван Васильевич Глухов и атаман Матвей Мещеряк вывели из Кашлыка соединенный отряд — 100–150 воинов и поплыли на стругах вниз по Иртышу и по Оби до ее низовьев. Пройдя несколько сот верст за Березов, отряд добрался до Обдор и свернул в р. Собь, левый приток Оби. Затем за несколько недель отряд перевалил через Югорский Камень (Северный Урал), с перевалов спустился на р. Усу и вышел на Печору. Зиму казаки Мещеряка и стрельцы Глухова провели в Пустозерском остроге в устье Печоры. Ранним летом 1586 г. отряд вновь вышел в путь и добрался до Москвы.

Так закончилось первое «Сибирское взятие» и так завершилась земная жизнь прославленного атамана Ермака Тимофеевича. Велики заслуги Ермака перед Россией, перед русским народом. Слава о Ермаке, об атамане, возглавившем первое «Сибирское взятие», разошлась по всей Руси. И не случайно образы его и соратников-ермаковцев вскоре стали эпическими, эти герои-первопроходцы в народной памяти приобретают черты былинных богатырей, а весь сибирский поход воспринимается как героическая эпопея. Деятельность Ермака и его сподвижников в Сибири прославляется народом как подвиг во имя Руси. И поэтому в народной памяти деятельность Ермака, его борьба и победа над царем татарским сопоставлена и приравнена к жизни и борьбе богатыря Ильи Муромца со степняками, этими извечными врагами Руси.

А фактически, поход Ермака и его казацкой дружины отворил для русского народа путь на восток, навстречу солнцу. По следам ермаковцев отправились землепроходцы-казаки, русские промышленники — охотники и звероловы, торговцы, а затем и крестьяне-земледельцы. Началось освоение колоссальных просторов Сибири и Дальнего Востока.



ВТОРОЕ «ВЗЯТИЕ»

Сторона ль ты моя, сторонушка,
Сторона ты моя незнакомая!
Что не сам я на тебя зашел...
Занесло меня, добра молодца,
Что неволжшка стрелецкая,
Грозна служба государева
На чужой дальней сторонушке.

Русская народная песня

Казаки, покидая Сибирь, не знали, что посланный им на выручку отряд из 700 воинов с несколькими пушками под командой воеводы Ивана Мансурова прошел уральские перевалы и двигался к покинутому Кашлыку. Отряд был хорошо снабжен и имел при себе большие запасы продовольствия. Но весть о гибели Ермака и оставлении казаками Кучумовской столицы быстро облетела Сибирское ханство. Наследник Кучума царевич Алей с воинами, загоня лошадей, поспешили на север и заняли Кашлык. Одновременно в пределах ханства уже появился Сеид-Ахмат (Сейдяк), племянник свергнутого и убитого ранее Кучумом хана Едигера, и силы его с каждым днем росли за счет перехода многих татар на его сторону. К нему присоединился и кучумовский карачи. Вскоре Сейдяку удалось изгнать Алея из Кашлыка и овладеть столицей ханства.

Когда Мансуров подошел к Кашлыку (Старой Сибири, как называли городок казаки и московские власти), то на берегу он увидел многочисленных татарских воинов. Мансуров решил не вступать в бой, тем более что в отряде все были удручены гибелью Ермака и уходом казаков из Кашлыка. Мансуров попытался догнать струговой отряд казаков. Но пока он плыл по Иртышу, наступили холода. Он принял решение зазимовать на

Оби. Его стрельцы были хорошо снабжены зимней одеждой и инструментами. Вблизи устья Иртыша на правом берегу Оби был срублен Обский городок – первый русский острог в Зауралье (он был покинут через 8 лет после того, как выше на Оби был основан Сургут).

Местные ханты попытались осадить русский острог. Но когда метким пушечным выстрелом был разбит принесенный осаждавшими деревянный идол, то все войско хантов разбежалось. Вскоре часть окрестных ханты-мансийских племен принесла Мансурову ясак. Одним из самых могущественных племенных вождей на Нижней Оби был «князь» Лугуй, под чьей властью находились городки Ляпин, Березов и др. «Княжество» Ляпин признавало власть царя при Иване III. Но уже много лет местные племена не платили Москве дань, правда торговля между Русью и Нижней Обью продолжалась.

Лугуй понял, что за первым русским острогом последует строительство других опорных пунктов, и по зимнему пути выехал с отрядом воинов на Русь. Через полгода он добрался до Москвы, там его приняли дьяки Посольского приказа и в обмен на заверения в преданности Московскому царю вручили охранную грамоту для защиты от посягательств русских служилых людей. В августе 1586 г. Лугуй с государевой охранной грамотой выехал домой.

Дождавшись весны, Мансуров покинул Обский городок и поплыл с отрядом по Оби, в Югорской земле перешел через Уральские горы и возвратился в Москву. Поход Мансурова подтвердил, что Ермак и его казаки хорошо разведали речные пути Западной Сибири и приречные области, а также выработали тактику взаимоотношений с местными племенами и ведения боевых действий с их отрядами.

В 1586 г. в Сибирь был отправлен отряд под командой воевод Василия Борисовича Сукина и Ивана Мясного при «письменном голове» (глава воеводской канцелярии) Даниле Чулкове, численность воинов которого была, видимо, не менее 700 человек. В его состав были включены Иван Александров Черкас, получивший чин казачьего головы, Савва Болдыря и остальные казаки-ермаковцы, доставившие в Москву первое известие

о «Сибирском взятии». Под команду этих воевод московские власти передали и Матвея Мещеряка с его сотней казаков, возвратившихся из похода под предводительством Ермака. Сукин был молодым и не имел большого боевого опыта, а Мясной, известный стрелецкий командир, отличился в последних боях Ливонской войны.

Перевалив Уральские горы, Сукин должен был построить острог на р. Туре и далее в глубь Сибири не двигаться. Он занял покинутое татарское городище Чимги-Туру (бывшую столицу Тюменского или Сибирского, ханства), но воеводы нашли это место тесным для строительства острога. Тюменский острог – старейший из существующих сибирских городов (теперь г. Тюмень) – был выстроен на новом месте между Турой и Тюменкой в виде четырехугольника. Подходы к нему были защищены обрывистыми берегами Туры и глубоким оврагом. Местные татары покорились без сопротивления и стали платить ясак.

Через год Москва отправила в Тюмень еще 500 служилых людей. Голова Данила Чулков с несколькими сотнями стрельцов поплыл с ними по Туре и Тоболу. Ему не разрешили штурмовать Кашлык, но поручили построить поблизости его острог. Он и выполнил это, поставив в устье Тобола примерно в 20–25 км от Кашлыка ниже по Иртышу Тобольский острог – небольшое деревянное укрепление и несколько изб для служилых людей. Правда, острог поставили на низком месте, которое часто затоплялось в половодье. В 1610 г. Тобольский острог перенесли на правый высокий восточный берег Иртыша против устья Тобола (18, с. 254).

С одной стороны гору, на которой строили острог, подпирала р. Курдюмка. Она впадала в Иртыш, образуя мыс, за которым располагалась как бы естественная гавань. Сперва был поставлен совсем небольшой острог. Несколько лет спустя возле старого острога возник посад. Тогда были расширены старые укрепления: воеводы со служилыми людьми срубили город Тобольск и поставили небольшой острог вокруг посада. Этот город называли «Новая Сибирь». Так острог Тобольский стал городом Тобольском, который позже в XVII–XVIII вв. являлся столицей русской Сибири (12, с. 611).



Панорама Тобольска

В Кашлыке продолжал сидеть Сеид-хан, его поддерживали карачи и хан Казахской орды. Кучум, в свою очередь, опирался на поддержку Бухарского хана. Сеид-хан пытался завязать отношения с русским воеводой в Новой Сибири. В 1588 г. Сейдяк с карачи и султаном Ураз-Мухамедом, племянником казахского хана Теввекеля, охотились на берегу Иртыша близ Тобольского острога. Чулков пригласил их к себе на пир и для мирных переговоров.

Когда приглашенные появились у стен Тобольска в сопровождении нескольких сот воинов, то Чулков согласился впустить в крепость не более ста татар и предложил им снять оружие прежде, чем сесть за пиршественный стол. Когда прибывшие татары разместились за столом, то они столкнулись с казаками-ермаковцами. Профессор Р.Г. Скрынников считает, что трудно предположить, будто Чулков сознательно заманил хана в западню. Но казаки не простили караче вероломное убийство Ивана Кольцо. Перебив ханскую охрану, они набросились на знатных гостей и связали их, а затем атаковали стоявшую у стен острога ханскую гвардию и полностью разгромили ее. В бою погиб атаман Матвей Мещеряк, который все же отомстил за гибель побратимов. Сеид-хан и казахский султан были увезены в Москву и там определены на царскую службу (12, с. 612, 613).

И.П. и В.И. Магидовичи приводят другую версию произошедшего, при которой ермаковцы не являлись инициаторами нападения на гостей: во время пира Чулков стал обвинять гостей в злых замыслах против русских и предложил, чтобы рассеять подозрение, выпить по чаше вина. Гости, как мусульмане, отказались пить спиртное. Тогда их связали, а охрану перебили. Татары, оставшиеся за стенами острога, разбежались (18, с. 254, 255). Так или иначе, но вскоре Кашлык опустел, и русские стали единственными хозяевами на Нижнем Иртыше.

Уже в 1590 г. Тобольск, первоначально зависевший от Тюмени, «стал быть собою» (19, с. 253). С этого времени московские власти стали вести все сношения с правителями вновь присоединенных к России Сибирских областей только через тобольских воевод. А при царе Федоре Ивановиче воеводам всех сибирских городов предписывалось «обо всяких о тамошних делах обсылаться и писати в Тобольский город к воеводам, чтобы в сибирских городах меж воевод всякие дела были ведомы» (19, с. 253).

Старшинство тобольских воевод, несмотря на явное сопротивление этому со стороны воевод других сибирских городов, подтверждено совершенно определенно в наказах царей Бориса Годунова и Василия Шуйского.

После завершения «смутного времени» окончательно складывается Тобольский разряд, в состав которого первоначально входили все города Сибири: Верхотурье, Тюмень, Туринск, Тара, Пельм, Березов, Мангазее, Сургут, Нарым, Томск и остроги – Кетский, Енисейский и Кузнецкий. Несмотря на образование в 1629 г. особого Томского разряда, Тобольск остался первым и главным городом Сибири и главенствовал над Томским разрядом. Главное, Тобольский воевода являлся как бы главнокомандующим всеми сибирскими служилыми людьми.

Летом 1590 г. Кучум совершил набег на свои прежние сибирские владения. Он разграбил ряд селений в районе Тобольска. Его воины в селениях, расположенных выше по Иртышу между Вагаем и Ишимом, поубивали многих татар, согласившихся платить ясаk Московскому царю. Все это настраивало против него местное население. Поэтому, когда в 1591 г. то-



Софийский собор в Тобольске

больский воевода князь Владимир Васильевич Кольцов-Масальский вышел в поход против Кучума, в составе его отряда было множество тобольских татар. Воевода настиг Кучума у Иши-ма и разбил его войско. Но хан сумел уйти с немногими соратниками в Барабинские степи. Таким образом, уже через 6 лет после гибели Ермака русские сумели вновь овладеть областями по Нижнему Иртышу и Нижнему Тоболу.

Затем русские отряды двинулись вверх по Иртышу. Воеводе князю Андрею Васильевичу Елецкому был дан наказ: «Идти города ставить вверх Иртыша, на Тару-реку, где бы государю было впредь прибыльнее, чтобы пашню завести, и Кучума-царя истеснить» (18, с. 255). Его отряд из 1500 бойцов состоял из русских стрельцов и казаков, пленной «литвы», 400 поволжских татар и башкир из Уфы, Казани и Свияжска и 550 сибирских татар, из них 300 под командой татарских командиров.

Зимой 1594–1595 гг. была закончена постройка Тарского острога в устье р. Тары, правого притока Иртыша. Затем Елецкий трижды посылал на юго-восток смешанные русско-татарские отряды на поиски Кучума. Сперва отряд из 90 воинов под командой Григория Ясыря прошел вверх по Иртышу пример-

но 100 км и собрал сведения о р. Оми, выше устья которой в «Черном городке» на берегу Иртыша была ставка Кучума.

Затем отряд из 276 бойцов под командой «письменного головы» Бориса Доможирова поднялся по Иртышу до «Черного городка» и захватил его. Отряд Кучума поспешно бежал. Ранней весной 1596 г. Доможиров с отрядом из 483 бойцов на лыжах вышел в Барабинский поход и покорил районы долин Тары и Оми, прошел до их верховьев и вышел в Барабинскую степь. Из-за оттепели он вынужден был повернуть в обратный путь. За время всех этих походов не было потеряно ни одного человека. В свою очередь, при столкновениях с русскими Кучум терял десятки, а то и сотни своих воинов, но хан не сдавался и не вступал в мирные переговоры, несмотря на то, что добровольно явилась в Тару мать царевича Маметкула, сдались некоторые другие родственники хана и влиятельные мурзы из его двора.

Московские власти все время запрашивали тарских воевод о месте пребывания Кучума и о его замыслах. 9 мая 1598 г. помощник тарского воеводы Андрей Воейков с отрядом в 400 бойцов – русских служилых людей (казаки, стрельцы) и служилых татар – вышел в очередной поход против Кучума. При воеводе находился казачий голова Черкас Александров. Захваченные им «языки» сообщили, что хан кочует на Черных водах и при нем 500 татарских воинов и 50 бухарских торговых людей. Пленные подтвердили, что Кучум откочевал на Обь и собирает бойцов, чтобы напасть на Тарский городок. А тут еще до русских воевод дошли сообщения о сосредоточении воинов-калмыков в двух днях пути от кочевий Кучума.

Воейков днем и ночью шел к ставке Кучума и 20 августа настиг его на Верхней Оби немного выше устья Берди, более чем в 500 км к юго-востоку от Тары. В бою погибли свыше 170 татар, 100 утонули в Оби и 50 пленных были повешены. Воейков пощадил попавших в плен 5 младших сыновей Кучума, 8 его жен из гарема и 13 дочерей, а также 5 высших чиновников. Но сам Кучум опять ушел. Воейков доносил в Москву: «Плавал я на плотках по Оби и за Обью рекою, по лесам искал Кучума и нигде не нашел» (12, с. 630).

Историки полагают, что Кучум с небольшим числом слуг бежал к калмыкам в район озера Зайсан и кочевал там некото-

рое время в степях. Так точно и не известно, где погиб Кучум. Видимо, верно сообщение, приписываемое одному из его сыновей, что отца бухарцы заманили к калмыкам и там убили. Гибель Кучума ознаменовала прекращение существования Сибирского ханства. Западная Сибирь навеки стала неотъемлемой частью Московской Руси.

В 1593 г. специально сформированный в северорусских уездах и Приуралье отряд был послан Москвой против сильного Пельмского княжества, во главе которого стоял князек Аплыгерым — активный союзник Кучума и противник русских. Русский отряд, выступивший из Чердыни во главе с воеводами Н.В. Траханиотовым и П.И. Горчаковым, состоял из служилых людей, собранных в северных уездах Руси, строгановских ратных людей и отряда приуральских манси. Строгановы еще в 1592 г. получили царский наказ для похода поставить 100 человек в полном вооружении «с рушницами и с луки, с кремни и с рогатинами, и со всяким ратным боем», чтобы направить их в Сибирь на судах с воеводою Никифором Траханиотовым. Кроме того, Строгановых обязали выделить 50 человек «с пищалми конных» «в войну на Пельмского» (6, с. 103).

Спротивление Аплыгерыма было сломлено, и подвластная ему территория вошла в состав Московской Руси. Попали в плен и были отправлены в Москву младший сын князька Таутай и его внук Учет.

Летом 1593 г. воины русского отряда начали строительство на берегу р. Тавды около устья Пельма укрепления — Пельмского городка, который должен был прикрывать путь между Лозьвинским городком и Тобольском. После окончания строительства городка П.И. Горчаков с частью отряда остался в нем в качестве гарнизона, другая часть отряда с Н.В. Траханиотовым ушла в Тобольск. В составе первых жителей Пельма кроме стрельцов и казаков были и присланные из Каргополя, Перми и Вятки крестьяне. Царский наказ Горчакову предписывал устроить под новым сибирским городком крестьянскую слободу, выделив переведенным крестьянам места под дворы и наделы под пашню. Наделы под пашню получали и оставленные на жительство в Пельме стрельцы и казаки. Такая же

политика проводилась властями и в других создаваемых русских сибирских городках.

К концу XVI в. русские укрепленные городки появились на всей Нижней Оби. Прибывший с Н.В. Траханиотовым из Пельма в Тобольск отряд был пополнен тобольскими служилыми людьми и летом 1593 г. направился на стругах вниз по Иртышу и Оби для основания в Югорской земле русского укрепленного городка. Местом для нового городка Траханиотов выбрал левый берег Северной Сосьвы, примерно в 20 км от места ее впадения в Обь (у 64° с. ш.).

Там проходил древний путь из Руси в Приобье, который назывался Зырянской дорогой, или Русским тесом. Он начинался с Печоры и ее притоков и шел через «Камень» к югорскому городку Ляпин на р. Сыгве и далее по Северной Сосьве на Обь. Рядом находилось заброшенное югорское укрепление под названием Березовый город. Так что новый русский городок был назван Березовским острогом (17, с. 34).

Зимой 1594 г. из Березова отряд «письменного головы» Ивана Змеева выступил в поход против вогулов, живших южнее, на р. Конде. Дело в том, что кондинские вогулы воевали с кодскими остяками (хантами), во главе которых был князь Игичей Алачеев, сын Алачи, союзника русских со времен похода Ермака. В результате Кондинское княжество потеряло независимость и стало выплачивать ясак царю. В бассейне Нижней Оби жили вперемежку остяки и вогулы, а в устье Оби кочевали ненцы.

С помощью все тех же кодских князей были присоединены обдорские земли в низовьях Оби, где в 1595 г. у полярного круга был основан Обдорский острог (Носовой острог, теперь г. Салехард), служилые люди которого производили сбор ясака и с окрестных самоедов (ненцев).

В феврале 1594 г. из Москвы в Обский городок отправился небольшой отряд служилых людей во главе с воеводами Ф.П. Барятинским и В. Аничковым с целью закрепить за Московской Русью земли Приобья выше устья Иртыша. В Обский городок из Березова для усиления присланного московского отряда воевода Траханиотов послал отряд березовских служилых людей и кодских хантов. Соединенный отряд поплыл вверх

по течению Оби во владения принявшего русское подданство остяцкого «князца» Бардака и поставил в центре «княжества» на правом берегу Оби при впадении в нее р. Сургутки новый город Сургут. Туда перевели служилых из ликвидированного по приказу Москвы Обского городка.

После основания Сургута началось активное продвижение русских отрядов и промышленников в районы Средней и Верхней Оби. Он стал опорным пунктом в Приобье для борьбы с союзом родственных ненцам селькупских племен, известным как «Пегая орда» (русские называли в те времена селькупов остяками, видимо из-за сходства материальной культуры и рода занятий). Возглавлял этот союз «князь» Воня, глава селькупской знати, связанной с Кучумом. В 1596 г. Кучум специально подошел к территории Пегой орды, чтобы совместно совершить нападение на Сургутский уезд. Именно для предотвращения возможного союза Вони с Кучумом в 1595 г. в центре территории Пегой орды был поставлен Нарымский острог и весь этот район присоединили к русским владениям. Из него промышленники и казаки продолжили продвижение вверх по реке в поисках новых «угодных» мест и «ясашных земель».

Теперь страдавшие от набегов татар Кучума племена Средней и Верхней Оби убедились в силе Русского государства и надеялись получить от него защиту от набегов беспокойных южных соседей. Поэтому на Средней Оби русские обычно не встречали сопротивления и русская власть распространилась почти до р. Томи. Покорность новой власти и согласие на выплату ясака проявило все население по р. Кети, впадающей в Обь справа, приблизительно в 100 км выше Нарыма. В 1596 г. в нижнем течении Кети воевода Молчанов поставил Кетский острог.

Желание принять русское подданство изъявили чатские мурзы, барабинские и теренинские татары. С просьбой о строительстве в его землях русского острога, «чтоб от киргизских людей (имелись в виду воины казахских и калмыкских ханов. — М.Ц.) их оборонить», обратился приехавший в Москву князец эуштинских (томских) татар Тоян. В свою очередь он обещал оказать русским представителям содействие в подчинении окрестных племен.



Панорама Томска. С гравюры XVIII в.

В 1604 г. отряд, состоявший из русских тобольских и тюменских служилых людей, пельмских стрельцов, тобольских татар и кодских хантов под начальством воевод Г.И. Писемского и В.Ф. Тыркова поднялся из Сургута по Оби и на р. Томи в 65 км от ее устья поставил Томский острог, ставший важнейшей опорной базой для освоения Средней Оби (2, с. 16). Местом для сооружения острога был выбран высокий мыс горы на правом берегу р. Томи у впадения в нее р. Ушайки против Тоянова поселения, расположенного на левом берегу Томи. Вскоре вслед за ратными людьми в Томском городке, как и в других сибирских городках, появились русские крестьяне и ремесленники. В начале XVII в. Томский городок был самым восточным городком Московской Руси.

В бассейне Верхней Томи, по рекам Кондома и Мрас-Су, жили оседлые шорцы, по происхождению и культуре близкие северным алтайцам. Русские называли их кузнецами, так как в этом районе имелись богатые месторождения железных руд, а шорцы умели выплавлять железо и изготавливать из него доспехи, котлы, холодное оружие (стрелы, ножи и др.).

В этом крае русские казаки и промышленники открыли Салаирский кряж и Кузнецкий Алатау и вышли к западным склонам Абаканского хребта. Таким образом русские в этом крае попали в первую горную страну за Уралом, достигнув юго-восточной границы Западно-Сибирской равнины.

В 1607 и 1609 гг. несколько томских казаков посылались к «кузнецким татарам» для выяснения возможности сбора там ясака. Разведчики возвратились с самыми неутешительными известиями: «Живут в крепостях великих, и болота обошли и зыбели великие и ржавцы; а зимой живут снега великие, и воевать их, кроме лета, из жары, невозможно» (18, с. 260).

Тем не менее зимой 1609–1610 гг. отряд атамана Ивана Павлова из 40 казаков отправился к «кузнецким татарам», но вынужден был возвратиться, не добившись успеха. Правда, летом 1610 г. атаман основал близ устья р. Кондомы Абинский городок (ныне г. Абагур).

На покорение «кузнецов» в конце 1615 г. отправился отряд из 200 казаков под командой атамана Бажена Константинова и сотника Ивана Пушина. Отряд, разделившись на несколько групп, поднялся в долины рек Мрас-Су и Кондомы. Казаки захватили несколько улусов, взяли там заложников и силой начали собирать ясак. На помощь местным жителям прибыло пятитысячное войско «татар» и окружило казаков, которые, просидев 2,5 месяца в тяжелой осаде, сумели все же вырваться с большими потерями и возвратиться в Томск.

Для укрепления русской власти в долине Томи в мае 1617 г. в устье Кондомы на земле «кузнецких татар» — кыштымов, чьи князцы были настроены явно антирусски, был основан Кузнецкий острог (теперь г. Новокузнецк), что значительно укрепило положение новых властей в Горной Шории. В то же время в бассейне р. Чулым, правого притока Оби, были поставлены небольшие острожки — Мелесский и Ачинский. Казаки и стрельцы этих острожков оберегали местных жителей от вторжения киргизских князьков и монгольских ханов.

Лишь в 1625 г. кузнецкие казаки сумели выйти на верховья Томи. В 1624–1625 гг. они перевалили Салаирский кряж из долины р. Кондомы на запад, добрались до долины р. Чумыша и, пройдя по течению реки, взяли ясак у местного населения.

В 1625 г. из бассейна Кондомы казаки прошли к югу и собрали ясак с жителей бассейна Нижней и Средней Бии, правой составляющей р. Обь. А покорение шорцев завершилось через два года, когда первый ясак был взят у жителей «Киченской земли», то есть в верховьях рек Мрас-Су и Кондомы.

Зимой 1627 г. отряд атамана Петра Дорофеева на лыжах прошел на р. Кондому, а оттуда — на левобережье Бии и объясачил тубаларов (тюркоязычная народность, относимая теперь к северным алтайцам).

Вероятно, к началу 30-х гг. казаки узнали от алтайских племен об истоках Бии, вытекающей из Телецкого озера. Сын боярский Федор Пушин весной 1632 г. отплыл из Томска на больших лодках с отрядом служилых людей с задачей объясачить жителей долины Верхней Бии. Отряд спустился до устья Томи и поплыл вверх по Оби. В начале сентября, проплыв более 500 км по реке, Пушин достиг устья р. Чумыша. Там его не пропустили далее вооруженные «татары». После пятидневного сражения казаки отступили, и отряд возвратился в Томск.

Исток Бии открыл боярский сын Петр Собанский. С отрядом казаков он вышел из Томска и прошел на Бию, затем проследил ее до истока, то есть открыл Телецкое озеро. Зимой 1642 г. П. Собанский вторично побывал на озере и поставил на его северном берегу укрепление. Во время зимовки в нем казаки построили лодки и обследовали южную сторону этого горного озера, лежащего в крутых скалистых берегах.

Из расспросов местных жителей они выяснили, что с юга в озеро впадает р. Чульмшан, и собрали ясак с жителей ее долины. После окончания на Бие ледохода Собанский вернулся по Бие и Оби в Томск. Следовательно, после его похода русским стало известно все течение Оби (3650 км). Через год в бассейн Бии вышел большой отряд казаков, собравший ясак с местных жителей «новых захребетных земель» в междуречье Бии и Катуня (18, с. 260, 261).

Очень сложно проходило присоединение к России южных районов Западной Сибири. Дело в том, что в середине 30-х гг. XVII в. в Западной Монголии образовалось Джунгарское ханство, претендовавшее на право сбора ясака с енисейских киргизов, тувинцев, чульмских тюрков, северных алтайцев, барабинцев и других жителей этого региона. Так что в южных уездах Западной Сибири (Тарском, Томском, Кузнецком и др.) местные племена много лет платили ясак в русскую казну и одновременно с них взимали дань сборщики джунгарских ханов.

Активное хозяйственное освоение порубежных уездов русскими крестьянами и строительство сети острогов, ограждавших русские владения в Барабинской степи, Верхнем Приобье и присоединенной части Алтая от набегов южных кочевников, позволило к исходу первой четверти XVIII в. окончательно закрепить за Россией эти районы.

Татмыцкая крестьянская слобода на Иртыше, насчитывавшая 142 двора и расположенная в 60 верстах южнее Тарского острога, к началу XVIII в. была самым южным русским поселением в этом районе (17, с. 39). Для обороны русских поселений и поселений чатов и телеутов по берегам Оби ниже и выше устья р. Томи летом 1684 г. на высоком берегу Оби в устье р. Уртама был основан Уртамский острог. Он с трех сторон был обнесен тыном, имел две башни с проезжими воротами, тремя пушками и затинной пищалью. Под защитой этого острога выросла крестьянская Уртамская слобода, где в 1690 г. жили уже 77 крестьянских семей.

Для тех же целей в 1703 г. близ устья р. Умревы, притока Оби, был основан Умревинский острог, около которого также возникла крестьянская слобода. В 1709 г. в истоках р. Оби была основана Бикатунская крепость (будущий г. Бийск). Вскоре кочевники уничтожили ее, но она была восстановлена в 1718 г. несколько выше устья р. Бии. Выше Умревинского острога по Оби был поставлен ряд небольших русских укреплений, в частности в 1713 г. Чаусский острог (позднее Колывань), вокруг которого стали возникать русские деревни и села.

Южнее Чаусского острога в 1716 г. около устья р. Берды, правого притока Оби, был поставлен Бердский острог. Но освоение русскими Верхнего Приобья вызвало резкую реакцию джунгарских правителей. В августе 1709 г. был осажден Кузнецк, в следующем году последовал захват и разгром Бикатунской крепости. Джунгарские правители претендовали на сбор дани с коренного населения Красноярского, Кузнецкого, Томского уездов Барабинской степи.

Сибирский губернатор М. Гагарин сообщил в столицу о том, что в джунгарских владениях имеются золотые россыпи и в районе г. Яркенда (Еркета) производится его добыча. По распоряжению царя Петра I для поиска залежей золота из Тоболь-

ска в июле 1715 г. отправился вверх по Иртышу на 59 судах отряд подполковника И.Д. Бухгольца в составе 2902 человек. Значительная часть драгун отряда двигалась в конном строю по берегам реки.

Близ озера Ямышева Бухголец основал Ямышевскую крепость, которая вскоре была осаждена джунгарцами. Длительная осада и начавшиеся среди осажденных болезни вынудили Бухгольца оставить крепость и отступить по Иртышу до устья р. Оми, где в 1716 г. им была основана Омская крепость. В следующем году сменивший Бухгольца полковник Ступин восстановил Ямышевскую крепость. Для обеспечения связи между Ямышевской и Омской крепостями Ступин в том же году основал на Иртыше Железинскую крепость. А в 1718 г. на Иртыше была основана Семипалатинская крепость.

В 1720 г. майор Лихарев вышел из Тобольска с отрядом в 440 человек и дошел до озера Зайсан. На обратном пути им была основана Усть-Каменогорская крепость на правом берегу Иртыша у впадения в него р. Ульбы. Так к 20-м годам XVIII в. за Россией было закреплено правобережье Иртыша от устья Оми до устья Ульбы. Таким образом, русские владения достигли в направлении вверх по Иртышу естественных границ, которые составляла Тарбагатайская горная цепь, отделявшая Сибирскую низменность от Туркестана.

А затем постепенно русские селения стали возникать и в Барабинской степи. Для защиты новых южных границ от набегов кочевых племен пришлось воздвигать целую сложную систему острогов, которую составили основанные в течение XVIII в. укрепления «Сибирской линии». Начало ей положили возникшие еще в XVII в. вдоль по Тоболу городки, основанные для защиты пашенных слобод на Туре и на Исети. С конца XVII в. в эти «тобольские и исетские остроги» из Тобольска ежегодно весной посылались отряды служилых людей «на обереговую службу на конех от приходу воинских людей» (6, с. 160). Другая линия укреплений шла в XVII в. по Вагаю и Ишиму, заканчиваясь острогами Абацким и Коркинским (Ишим). Так уже в XVII в. были созданы две укрепленные линии, отгибавшие с запада и с востока окраины степи. А в XVIII в. укрепленная линия была продвинута далее к югу.

С конца XVI в. за Урал в Сибирь отправлялись сотни предпримчивых людей, среди них множество поморян, жителей Европейского Русского Севера, смелых, энергичных, не знавших крепостного права. Они составляли более 80 процентов русских переселенцев. Все большее количество смекалистых купцов и их приказчиков, главным образом из Москвы и североприволжских городов, связывали свою торговую и промышленную деятельность с Сибирской землей. В XVII в. некоторые бояре, помещики и монастыри нередко отпускали крепостных людей в Сибирь на оброк. Мнение о наличии множества беглых крепостных среди русских переселенцев в Сибирь в XVII в. многими историками не поддерживается. Видимо, беглые крепостные скорее предпочитали уходить в южные учины Руси.

Следует отметить, что богатая природа Сибирской земли производила сильное и неизгладимое впечатление на русских людей. Вот какими восторженными словами описывает ее один из сибирских летописцев XVII в.: «На сем же камени ростяху деревие различное: кедри и прочая; в них же жителство имеют зверие различнии, ови подобни на снадение человеком, ови же на украшение и на одеяние риз... Много же и сладкопесневья птицы, паче же и многоразличныя травныя цветы. Из сего же камени реки многия изтекоша... Дивно убо есть, како божиими судьбами реки тамо бысть... пространныя и прекрасныя зело, в них же воды сладчайшая и рыбы различныя множество; на исходищех же сих рек дебрь плодovitая на жатву, и скотопитательная места пространна зело» (6, с. 17).

В таких же восторженных выражениях описывали сибирскую природу многие другие летописцы, ряд видных религиозных и государственных деятелей, попавших в Сибирь по своему и не по своему желанию, находившихся в Сибири на государственной службе или сосланных туда по приказу московских властей. И безусловно, неизгладимое впечатление производила сибирская природа на русских крестьян и промышленников, казаков и стрельцов, что ярко отразилось во многих народных старинных крестьянских и казачьих песнях и сказаниях.

В конце XVI в. русские власти окончательно решили проблему обнаружения наиболее удобного пути в Сибирь из Ев-

ропейской части страны. Северные пути, установленные торговцами для обхода Казанского ханства, уже не годились из-за своей отдаленности и труднодоступности. Использовались служилыми людьми для пересылки донесений и небольших малогабаритных грузов (пушнины) только Печорский путь с выходом на Нижнюю Обь по Северной Сосьве или Соби. Этим путем более широко пользовались лишь торговцы и промышленники.

Вновь оживилось движение в Сибирь по Северной зырянской дороге с 1619 г., когда 29 ноября московские власти решили отпускать «от Архангельского города и ото всех поморских городов в сибирские города на Березов город» как обычной дорогой на Тобольск, так и по зырянской дороге. А затем был точно указан и разрешенный маршрут: на Усу, на Сось и на Ель до «Камени», волоком через «Камень» в другую Сось и Сосью до Оби (6, с. 82). Этой дорогой торговцы и промышленники беспрепятственно пользовались в течение всего XVII в. Тем более, после запрета в 1619 г. морского хода в Мангазею тобольский воевода, видный государственный деятель первой половины XVII в., князь Юрий Яншеевич Сулешев добился официального установления торгового пути с Печоры на низовья Оби «через Камень» (так называемый «Чрезкаменный путь»). Он в отличие от других тобольских воевод не опасался допуска проезда торговых и промышленных людей в Сибирь по новым дорогам (19, с. 271).

Правда, эта дорога имела особо опасный участок — перевал через Уральские горы. Именно там чаще всего на торговцев, промышленников и служилых людей нападали отряды березовской и пустозерской самояди. Так, например, 23 августа 1641 г. на Красноярских, кетских и нарымских служилых людей, перевозивших через горы государеву соболиную казну, «напугались... многие самоядские люди на оленях на последнем волоку на Камени верх Ельца речки и... учили стрелять из луков». «И мы, — писали в челобитной казаки, — холопы твои государевы, учили биться за твои государевы соболиные казны и бились мы, холопы твои, день до вечера, и не стало у нас, холопов твоих, свинцу и пороху... и убили у нас четырех человек, да двух человек промышленных людей, которые были

под твоею государевой казною в гребцах, а нас, холопов твоих, переранили и твою государеву соболиную казну пограбили» (6, с. 85). И таких случаев было немало в те годы. Тем не менее «Чрезкаменный путь» в течение всего XVII в. оставался «большой сибирской дорогой», по которой в обе стороны, в Сибирь и на Русь, двигались люди и товары.

Для поддержания постоянного сообщения с Сибирью и доставки туда массовых грузов (в первую очередь хлеба и других продуктов) более пригодными являлись камские пути. Правда, Чусовский путь через Тагильский волок, путь отряда Ермака, оказался слишком трудным (вспомним хотя бы переход по нему отряда стрельцов князя Волховского, сопровождавшийся потерями людей и грузов). Ведь этот путь в своей значительной части проходил по мелким и бурным горным рекам. Но до 1590-х гг. его широко использовали, и в 1583 г. для охраны волока был поставлен Верхнетагильский городок, который просуществовал 7 лет, а затем с постройкой Лозьвенского городка был «покинут впусе».

Более легким оказался Чердынский путь: с Вишеры, левого притока Камы, по волоку через горные перевалы переходили в р. Лозьву, а далее по Тавде — в Туру и Иртыш. Так как эта дорога стала главной, то в 1590 г. на ней был построен Лозьвенский городок. Добравшись до него зимою санным путем, путники ждали там начала навигации, когда «лед скроется», а затем на построенных в Лозье стругах, дощаниках и лодках плыли вниз по Лозье, Тавде и Тоболу до Тобольска.

Дорога через Чердынь и Лозьвенский городок на некоторое время стала главной правительственной дорогой, по которой шли все основные сношения Москвы с вновь присоединенным краем. Этой дорогой возили государеву денежную и соболиную казну, хлебные запасы, ею пользовались торговые люди, пермичи и иных городов. Через Чердынь шли люди и материалы для постройки новых сибирских городов (например, Пельма, Березова, Верхотурья), осуществлялось их снабжение всем необходимым.

Но вскоре была найдена более короткая сухопутная дорога: от Соликамска, минуя Лозьву, прямо на Туру. По фамилии предложившего ее сольвычегодского посадского человека Ар-



Способы перемещения в Сибири. Из Ремезовской летописи
(конец XVII—начало XVIII в.)

темя Бабинова она называлась Бабиновской. Именно эта дорога до конца XVII века была главной и официально разрешенной для прохода в Сибирь. Лозьвенский городок был скрыт, и его жителей перевели в новый, построенный в 1598 г. в верховьях Туры городок Верхотурье, который и стал главными воротами в Сибирь.

Но и на этой главной сухопутной дороге в Сибирь путешникам приходилось преодолевать «грязи и болота непроходимые», лесные завалы, а на перевале через горы — часто снежные завалы. Даже в 1661 г. ехавшего в Тобольскую ссылку хорватского священника Юрия Крижанича вместе с конвоирами и попутчиками на этой дороге чуть не растерзали волки, а затем едва не завалило снегом во время пурги (20, с. 117–120).

Движение через Верхотурье было в основном сезонным. Таможенные книги подтверждают, что обозы с товарами двигались с Устюга и Соли Камской по зимнему пути, с тем чтобы прибыть в Верхотурье до распутицы, не позднее конца марта или первых чисел апреля. До конца апреля прибывшие туда купцы и служилые люди ожидали вскрытия рек и в мае на купленных у местных жителей дощаниках и набойных лодках сплавляли товары и запасы по рекам на восток. Летом из-за спада воды на реках в Верхотурье наступало затишье, которое обычно продолжалось до зимы. В первой половине XVII в. Верхотурским путем торговцы и промышленники пользовались в основном при проезде с Руси в Сибирь, а обратно ездили по Северной зырянской дороге. С прекращением Мангазейского морского хода и с упадком мангазейских промыслов торговцы и промышленники стали и на Русь ездить через Верхотурье, перебираясь через «Камень» в зимний период, чтобы добраться зимним путем до Соли Камской и Устюга.

В 1600 г. на полпути между Верхотурьем и Тюменью для обеспечения перевозки казенных грузов между этими городками был основан Туринский острог. Он должен был также защищать селения местных жителей и русских переселенцев от нападения ногайских мурз и других степных кочевников. На постоянное жительство туда переселились служилые люди из Тюмени, а из Казани прибыли 55 семей крестьян и 6 семей ямщиков.

В Тюмень можно было добраться и по старой дороге, которой в свое время широко пользовались торговцы Казанского ханства. Эта дорога проходила через уфимские степи, и именно на ней в 1586 г. была основана Уфа, постройка которой и обосновывалась тем, что «из того города на Белой Воложке казанским людям многим ходить в Сибирь» (6, с. 109). Недалеком русские называли «старой казанской дорогой» путь Камкою на Уфу и степью «полем» на верховья Исети. Видимо, это был очень древний караванный путь из Бухары в Булгарское царство, о котором есть упоминания у арабских авторов раннего средневековья (6, с. 94).

Московские власти использовали эту дорогу обычно лишь в экстренных случаях: для посылки гонцов, срочной отправки войск и т. д. (2, с. 18, 19). Так именно этим путем из Казани были в 1594 г. направлены в Тобольск войска, посланные против Кучума. А уфимские татары и башкиры еще долго пользовались этой дорогой, доставляя за три недели на запряженных лошадьми повозках мед на продажу в Тюмень. Эту же дорогу использовали бухарские купцы при перевозке товаров на Русь.

После основания на р. Сылва, левого притока Камы, в 1649 г. Кунгура степная дорога пошла от него на р. Бисерть, приток Уфы, а с верховьев Бисерти на верховья Чусовой, затем дорога раздваивалась: на северо-восток к Ирбиту (где позже проводились знаменитые в Сибири ярмарки), а на юго-запад к верховьям Исети, где уже в 1668 г. стояла застава.

Юго-западный вариант дороги примерно совпадал с будущим направлением сибирского тракта на Екатеринбург. Значение Кунгурского пути, связывавшего Тюмень непосредственно с Москвой через Казань, сильно возросло к концу XVII в. Так что московские власти писали в 1695 г. верхотурскому воеводе: «ныне де наложена из Сибири, мимо Верхотурскую заставу, дальняя вновь окольная дорога по слободам, через Утку и Кунгур на Каму реку, в русские городы, и ездят же тою новою окольною дорогою всяких чинов люди — сибирские дети боярские и служилые и торговые и иноземцы, всякие люди, с Руси с русскими, а из Сибири с сибирскими товары, и с мягкой рухлядью, летним и зимним путем беспрестанно» (6, с. 110).

СУДЬБА «ЗЛАТОКИПЯЩЕЙ ЗЕМЛИЦЫ» МАНГАЗЕИ

Россия – морская держава.
Она в штормовые ветра
Свой парус холщовый держала
Еще до деяний Петра.
Тогда еще Русь ли, Рассея
Морскою державой была:
На Грумант, на Мангазею,
На Каспий по Волге плыла.
На шитиках, чайках и кочах,
На палубах утлых лодей,
Служилых, торговых, охочих
Своих посылала людей.

Михаил Финнов

Первым написал о земле Мангазее, то есть о бассейнах рек Таз и Пур, расположенных между низовьями Оби и Енисея, новгородский книжник, сочинивший в конце XVв. сказание «О человецех незнаемых в Восточной стороне». В нем рассказывалось о населявших эту землю ненецких племенах под названием «молоканзеи», или «молгонзеи». Сведения о них, в которых правдивые сообщения перемешаны с фантастическими и сказочными, принесли на Русь новгородские воины, побывавшие на нижней Оби еще в XIVв., а может быть и ранее.

Сказание начинается так: «Над морем живут люди самоедьзовомые молгонзеи. А ядь их мясо оленье да рыба. Да между собою друг друга ядят. А гость к ним откуда приидет. И они закаляют дети свои на гостей, да тем и кормят. А который гость у них умрет и они того снедают, а в землю не хоронят, а своих також. Сияж люди невелики взърастом. Плосковидны. Носы



Ездовые собаки

малы. Но резвы велми и стрельцы скоры и горазды. А ездят на оленях и на собаках. А платие носят соболие и оленье».

Далее в сказании следуют фантастические сведения о различных самоедских племенах, одни из которых часть лета живут в море, другие «по пуп люди мохнаты до долу, а от пупа въ верхъ яко ж и прочии человецы», третьи на зиму умирают на два месяца и оживают летом, четвертые без глаз, а «ръты у них межи плечми», «а стрельба же их трубка железна въ руке. А в другой руке стрелка железна. Да стрелку туж вкьладает в трубку. Да бьет молотком въ стрелку». Рассказал книжник и о немой торговле с ненцами, когда рядом с мехами кладут товар на обмен и уходят, ожидая решения продавца – заберет он товар или нет, и о множестве других правдивых и полупелендарных сведениях про жителей этой северной страны (11, с. 6, 7).

Название ненецких племен молоканзеи (молгонзеи) при написании было несколько искажено и страна их проживания стала известна как Монгазея или Мангазея, что, по сообщению д. и. н. М.И. Белова на коми-зырянском языке, означает землю близ моря – Мангазейского моря, включающего, по понятиям старинных поморских мореходов, Обскую и Тазовс-

кую губы и прилегающие к полуостровам Ямал и Гыданский районы Карского моря. В этом Новгородском сказании приведены также абсолютно правдивые сведения об изобилии в «неизвестных странах» соболя, песцов и оленей (10, с. 39; 21, с. 4).

Более того, в сказании наряду со страной «молгонзеев» упоминается и расположенная среди безлесных тундр страна Балд (Баид), где «человеки живут в земле (то есть в полупогруженных в землю землянках. — М.Ц.), а ядят мясо соболя; а ино-го у них звери некоторого нет, опроче соболя. А носят платие соболие и рукавицы и ногавицы, а иного платиа у них нет, ни товару некоторого».

В сказании страна Балд помещалась «в верху Оби реки великия». Но вероятнее всего, речь идет о полярных странах. Академик Л.С. Берг считал, и он, видимо, прав, что страна Балд находилась к западу от Енисея и к северу от Северного полярного круга, где жили енисейские самоеды (ненцы) из рода бай (5, с. 260). По мнению известного историка полярных исследований д.и.н. М.И. Белова под страной Баид автор сказания подразумевал «Туруханский край», названный так по имени двух речек Баих (Большой и Малой), впадающих в р. Турухан в том месте, где позднее возник Туруханский острог» (14, с. 377). Какую бы из версий нахождения страны Балд (Баид) мы ни приняли, ясно, что автору сказания уже в конце XV в. было известно о существовании обширной полярной страны в Обско-Енисейском междуречье.

Ранее уже говорилось об активном проникновении русских в низовье Оби и в Заобье еще в конце XV в. и о полном присоединении к Московской Руси бассейна нижнего Иртыша и большей части низовья Оби к концу XVI в. Упомянулось также об основании в бассейне Нижней Оби Березовского и Обдорского острогов. Это были уже западные подступы к Мангазее, богатой мехами земле, где кочевали самоеды (ненцы).

В середине XVI в. рассказами о богатой мехами «Malgotzaia» заинтересовались англичане. А в царствование Федора Ивановича (1584–1598 г.) на московском рынке лучшим сортом соболей считались — наряду с печорскими — мангазейские. В Мангазейский край, такой заманчивый и привлекатель-

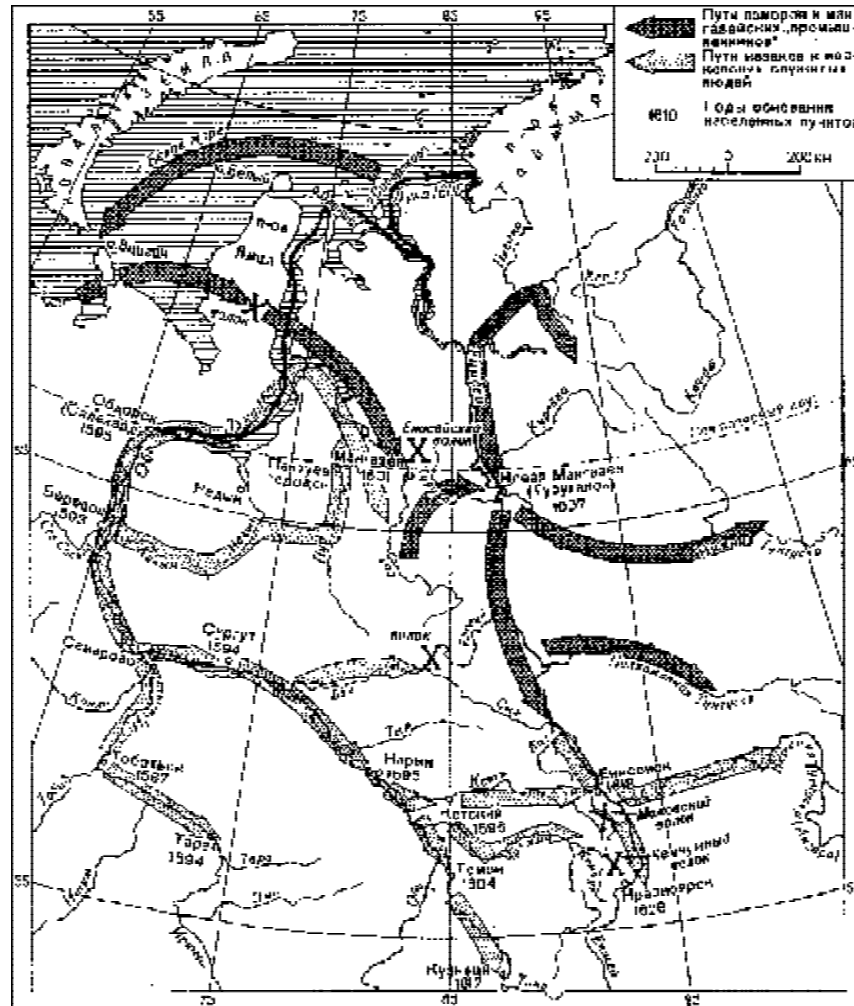
ный для промышленников, торговцев мехами и моржовыми клыками, казаков-сборщиков ясака вели нелегкие морские, речные и сухопутные дороги.

Видимо, в 60–70 гг. XVI в., а может быть и в более ранние десятилетия этого века, установился Мангазейский морской ход. Походы в район реки Таз совершались обычно партиями промышленников, в основном поморов. Для плавания в Мангазею поморы использовали суда небольших размеров — «малые кочи». Это были плоскодонные парусно-весельные суда с малой осадкой, приспособленные для перетаскивания через волоки небольшими командами (до 10 мореходов) и плавания вдоль отмелей морских берегов и в устьях рек. Их грузоподъемность была от 6–7 до 10 т (от 375 до 600 пудов).

Морской ход начинался в устье рек Северной Двины или Кулоя. Вот как описывали его сами промышленники: «От Архангельска де города, из Холмогор и из Пинеги ходят они в Мангазею — на Кулойское устье и на Канин Нос и мимо Колгуев остров и мимо Русской и Медьнской Завороты (первый — западный мыс Печорской губы, а второй — Медянский заворот — ограничивает Печорскую губу с востока. — М.Ц.) Югорским Шаром мимо Местный остров и на Карскую губу (Байдарацкую. — М.Ц.), в Мутную реку (р. Мордыяха, устье на западном побережье Ямала. — М.Ц.), через сухой волок (длиной максимум 800–1000 м. — М.Ц.) на Зеленую реку (р. Сеяха, устье на восточном побережье Ямала. — М.Ц.) и в Обь (Обскую губу. — М.Ц.) да в Тазовское устье» (22, с. 1062).

По словам тех же мореходов, при хорошей погоде на путь от Архангельска до Байдарацкой губы уходило от одного до двух месяцев. Оттуда на путь до устья Мутной реки, следование по ней, волоку и реке Зеленой затрачивали до 20 суток. На плавание от устья Зеленой реки до Мангазеи уходило также две–три недели. Конечно, эти сроки выдерживались только при попутных ветрах и благоприятной ледовой обстановке в районе плавания, что случалось не часто.

Продолжительность пути всецело зависела от погоды: «а коли де бог не даст пособных ветров... и тогда все кочи вора-чуются в Пустоозеро; а коли захватит на Мутной или на Зеленой реке позднее время, и на тех реках замерзают, а животишка



Пути русских в Мангазею и на Енисей

свои и запасы мечут на пусте, а сами ходят на лыжах в Березовский уезд». «А как займут льды большие, ино обходят около льдов парусом и гребью недель с шесть, а иногда обойти льдов немочно, и от тех мест ворочаютца назад в Пустоозеро».

Пинежанина Фомку Борисова, например, под Бурловым берегом (в Варандеях — у побережья между Печорской и Хай-

пудырской губами) «заняли великие льды, и они сквозе льды пробивались в том месте четыре недели, и как льды отнесло в большое море, и они пришли к Югорскому шару».

В 1626 г. ехавших из Тобольска служилых людей у Заворота застигла «туча с дождем и ветер встречный с сиверу, и парус на коче изодрало, и павозок (лодку, перевозимую на коче. — М.Ц.) разбило, и коч с якорей сбило и прибило за кошку (подводную мель, протянувшуюся от берега. — М.Ц.) и стояли де они за ветры 6 недель дожидались пособных ветров» и после Успенья воротились назад, «потому что стало поздно, море стало мерзнуть и льдов стало много». Так что русским мореходам приходилось на пути в Мангазею и обратно преодолевать «непроходимые злые места от великих льдов и всякие нужи» (6, с. 89, 90).

Существовали два речных северных маршрута для следования в район Мангазеи с запада через отроги Уральского хребта. По ним шли через «Камень» промышленники и торговцы. Первый из Устюга Великого шел по рекам Вычегде, Выми, Ухте, Ижме и Печоре. Второй начинался в Холмогорах и проходил по рекам Пинеге, Кулою, Мезени и ее притокам в приток Печоры Цильму. Таким образом, оба пути выходили на Печору, а далее один из них шел вверх по ней и по ее притоку, а затем в реку Сось до отрогов Уральского хребта, где для зимовок в XVI в. был основан Роговой городок. От него путники следовали волоковым участком пути по узкому ущелью на противоположный восточный склон хребта к истокам другой реки Соби, по которой добирались до Березовского острога. В связи с тем, что по этому пути к концу XVI в. резко возрос поток промышленников, по указу царя Федора Ивановича в 1595 г. при впадении Соби в Обь для взимания пошлины был основан острог Носовой (на месте, где впоследствии был построен г. Обдорск, теперь Салехард).

Другой более северный путь проходил после выхода на Печору вниз по ней до ее притока р. Усы, далее по Усе до отрогов Уральского хребта, затем рекой Харутой и оттуда в реку Синью, впадающую слева в Обь. От Березова речной путь в Мангазею шел по Оби, Обской губе мимо Обдорска и Надыма (район кочевьев ненцев, торговый пункт, выгодный по своему

расположению на полпути от Березова до Мангазеи), далее по Тазовской губе и р. Таз.

Безусловно, путь по рекам и волокам через Березов был более продолжительным, чем по Мангазейскому морскому ходу. Сложным было плавание судов в Обской дельте, которую в начале XVII в. называли «островами». «А устья де, государь, Обсково никто не знает, разлилась на многие места, и острова частые», — сообщали в 1616 г. на допросе в Тобольске торговец Кондратий Курочкин и тобольский стрелец Кондратий Корела.

На необитаемые зимой острова дельты летом приплывала для рыбной ловли «кочевая самаядь», которая не всегда дружелюбно относилась к высаживавшимся на берег русским людям. Особую опасность в дельте для судов представляли многочисленные мели: «мелко добре; не токмо большим судном, кораблем или кочами ходити, и мелкими судами ходити невозможно», — сообщали те же информаторы.

Речной путь в Мангазею из Тобольска и Березова был совсем непростым. В те времена плавание от Тобольска в Мангазею протяженностью немногим более 3000 км было трудным и опасным предприятием. Продолжительность такого плавания была от двух до четырех с лишним месяцев. Все зависело от погоды и благоприятных ветров. Особо сложным был участок пути от Березова до устья р. Таз, особенно в осеннее время, до наступления морозов, когда часты в устье Оби и в Обской губе бури, во время которых нередко были посадки судов на мель, повреждение их при ударе о подводные камни. Еще хуже было в том случае, когда суда уносило бурей в северные районы губы, протянувшейся в меридиональном направлении на 760 км.

В «островах» дельты торговцы, промышленники и служилые люди иногда подолгу ожидали благоприятных ветров и затем выплывали в «голомя», то есть в Обскую губу. Шли суда, по-видимому, по бурной Обской губе вдоль берегов, укрываясь от непогоды в устьях рек, сперва на север до «Русского заворота», отделяющего собственно Обскую губу от Тазовской, затем поворачивали к юго-востоку. За Заворотом часто упоминаются, как места стоянки судов, Черные горы и Стол-

бовая река, несколько ниже которой лежала Черная коса, или «Черная кошка». Затем проходили Япончин Шар, соответствующий, вероятно, проливу между материком и островом, называемым в настоящее время Находкой. Далее оставляли справа Пуровский остров у входа в глубокую Пуровскую губу и добирались до устья р. Таз. Оттуда до Мангазеи при попутных ветрах шли под парусом четверо суток, а при противных ветрах продвигались вверх по течению Таза «бечевым ходом» (6, с. 115, 116).

До наших дней сохранились некоторые сведения о плаваниях поморских мореходов по Мангазейскому морскому ходу. В 1601 г. Матрена Афанасьевна Кузьмина подала на имя царя Бориса Годунова «явку» — челобитную, в которой просила оказать ей помощь, так как ее отец и брат — чернососные крестьяне Двинского уезда, в 1597 г. потратили все свои наличные средства на снаряжение коча для плавания в Мангазею. Очевидно, на обратном пути Кузьмины попали в бурю и потерпели крушение («побило их море»). А поморы пинежанин Иван Угрюмов и мезенец Федул Наумов получили от царя Бориса хвалу за «частые поезди в Мангазею» (10, с. 110).

Выдающимся полярным мореходом был промышленник пинежанин Леонтий Иванов Шубин, по прозвищу Пলেখан. Одно из плаваний на р. Таз он описал сам. Летом 1601 г. он вышел из устья Северной Двины на четырех кочах с командой из 35 мореходов. Они плыли «пособным морем с западу на восток... влево море, вправо земля, и шли до устья Печоры реки». Из-за встречных ветров и неблагоприятной ледовой обстановки Шубину пришлось там в Пустозерске зазимовать. Оттуда часть мореходов по зимней дороге отправилась через «Камень» на восток.

С наступлением новой навигации Шубин продолжил плавание. Теперь с ним шли москвитин Первый Тарутин, пустозерцы Семен Исаков Серебряник и Архип Баженик, волочанин (житель Волока Пинежского) Михаил Дурасов, а также 40 других торговцев и промышленников.

«Вышед на устье Печеры, — сообщил Шубин, — и пошли в Мангазею великим же морем-окияном, на урочище на Югорский Шар; бежали парусом до Югорского Шара (примерно

150 миль. — М.Ц.) два дни и две ночи, а шли на прямо большим морем, пересекая через губы морские». Он сообщил и некоторые гидрографические сведения о районе плавания. По его мнению, от устья Печоры до Югорского Шара морское дно очень неровное, «местами глубоко, а в иных местах мелко, в сажень, а в иных местех и суда вставают». Значит, суда шли у самого берега, так как мористее в восточной части Баренцева моря глубины почти везде равны 7—8 сажням.

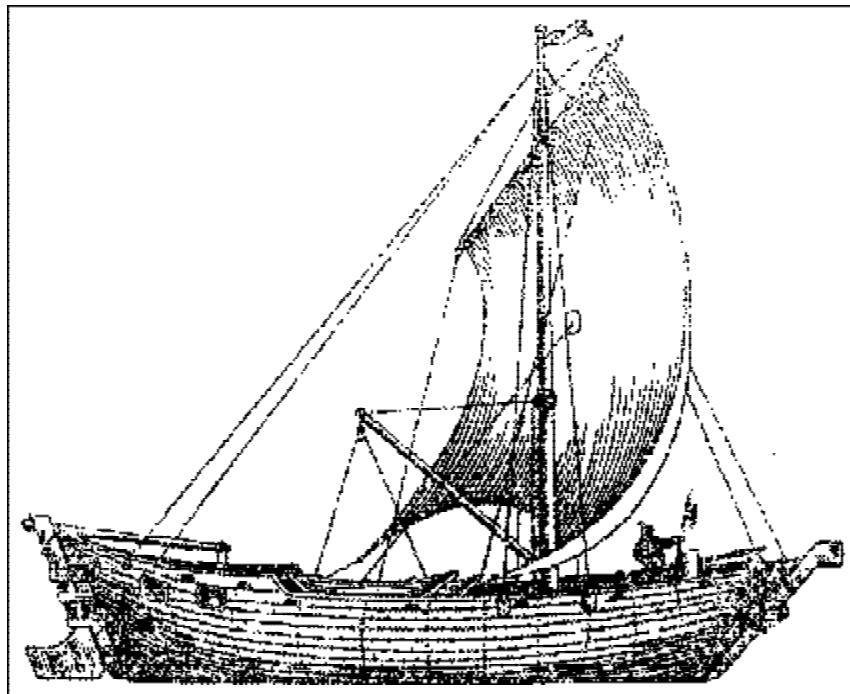
Такой же характер дна («местами глубоко, а инде мелко») наблюдал Шубин и в проливе Югорский Шар. Значит, и здесь кочи шли у самого берега. Описал он о. Вайгач, заметив, что остров каменный, леса на нем нет и «около его русские люди в Мангазею не ходят, потому что отошел далеко в море, да и льды великие стоят».

Пройдя пролив, кочи прошли в Карскую (Байдарацкую) губу, а затем к р. Мутной, которая «пала в Нярзомское (Карское. — М.Ц.) море с полуденной стороны. А река Мутная невелика, через мощно перебросить камнем, а река мелка». Затем мореходам предстояла трудная работа по разгрузке кочей, перетаскиванию грузов и самих кочей по волоку в р. Зеленую. Шубин рассказал об этом так: «А дошед до озера, до вершины Мутной реки, учали меж озерцами волочить запасы в павозках (небольшие плоскодонные лодки для перевозки грузов. — М.Ц.), а в павозок клали четвертей до десяти и больше, в четыре пуда четверть (64 кг. — М.Ц.), а проводили павозки от озера до озера паточинами, тянули по воде бродячи, один павозок тянут два человека, а те между озерцами паточины тож в дву местех от озера до озера по версте и меньше, а кочи тянули канаты после запасов порожние по тем паточинам всеми людьми». Затем по р. Зеленой вышли в Обскую губу и направились в Тазовскую губу. Только 1 октября мореходы добрались до Мангазеи.

Шубин отметил, что Ямал является районом тундры: «на обе стороны место пустое...растет мелкий лес, в вышину четверть аршина (18 см. — М.Ц.), а зовут тот лес ярник». Сообщения Шубина явились, вероятно, первыми достоверными сведениями о природе о. Вайгач, Карского моря и Ямала (22, с. 1088—1090).



Сибирский коч. Рис. А. Карелова



Коч. Реконструкция М.И. Белова

Совершая походы в район р. Таз, поморы основали торгово-промысловое поселение у впадения в р. Таз реки Осетровки (позже переименована в р. Мангазейка). В 1968–1970 и 1973 гг. в течение четырех летних полевых сезонов в этом районе работала историко-географическая экспедиция Арктического и Антарктического НИИ с участием ученых Института археологии Академии наук СССР, возглавляемая д.и.н. Михаилом Ивановичем Беловым. Экспедиция обнаружила деревянные остатки построек поморского торгово-промышленного поселения, возраст которых определили дендрохронологическим методом. Самая ранняя из обнаруженных построек датируется 1572 г., но ученые считают, что это поселение, вероятно, возникло значительно раньше.

По данным мангазейского воеводы И.Ф. Танеева, поморы этого поселения быстро установили довольно тесные связи с

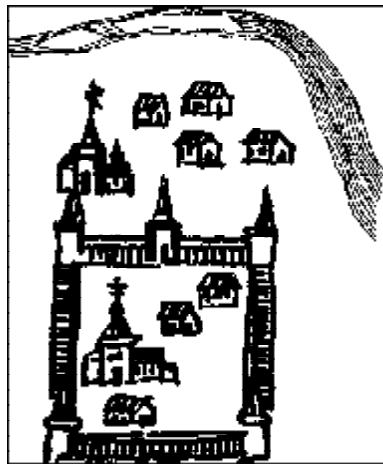
местным населением, женились на местных женщинах. Вероятно, в этом поселении стоял скит или часовня (23, с. 34, 35). Другое укрепленное поморское зимовье, «зырянский городок» в верховьях Таза, существовало еще в начале XVII в. Из этих городков торговые поморские люди объясачили местных жителей и «дань с них имали воровством на себя» (6, с. 142).

Царские власти стремились поставить под контроль всю торговлю пушниной в районе Нижней Оби и в Заобье. Уже в 1598 г. для разведки «Мангазейских мест» московские власти направили из Тобольска небольшой отряд под начальством дьяка приказа Казанского дворца Федора Дьякова (в ведении этого приказа находились все сибирские дела до передачи их в 1637 г. в управление вновь образованному Сибирскому приказу). Для отряда в Верхотурье было приготовлено четыре коча – палубные морские парусно-весельные суда, построенные по образцу тех, что строили в Поморье для плавания на Новую Землю и Шпицберген.

По Иртышу и Оби Дьяков добрался до Обской губы, но на р. Таз он, видимо, не попал и зазимовал в Надымском городке. К началу зимы туда же прибыл Юрий Долгушин с партией поморских промышленников. Летом 1599 г. объединенный отряд, видимо, все же добрался до р. Таз по рекам Надым и Пур и их притокам и волокам между ними. Собрав ясак, Дьяков вернулся в Москву зимой 1600 г.

После этого в Мангазею направилась более крупная русская правительственная экспедиция с задачей «в Монгазее на Тазском устье поставити острог для того, чтоб монгазейскую и енисейскую самоедь привести под государеву, царскую высокую руку и есак с них ежегод збирать» (24, с. 51).

В экспедиции участвовала сотня тобольских казаков под командой воеводы князя Мирона Михайловича Шаховского и «письменного головы» (начальника воеводской канцелярии) Даниила Храпунова. Летом 1600 г. отряд вышел из Тобольска и поплыл в Березов, где к нему присоединились 50 березовских казаков, а также местные торговые люди. Там же были построены морские суда – четыре коча. На них и на двух речных судах-коломенках, которые загрузили запасами продовольствия, экспедиция вышла в Обскую губу.



Город Старая Мангазея
(чертеж XVII в.)

Там коломенки прибило к берегу. При этом были повреждены их корпуса и в них поступила вода, «муку и толокно подмогло, а крупы и соль потонули». На помощь пришли ненцы. «И они (участники экспедиции. — М.Ц.) поднялись на оленях и тем своим остальным запасом кормили самоедь, а сами до Мангазеи шли на лыжах». Известно, что отряд проследовал за р. Пур и там подвергся нападению: «Енисейская самоедь своровали, князя Мирона и Данило за рекою за Пуром в днище (в дне пути. — М.Ц.) их разгромили, и наряд, и

зелье (пушки малого калибра и порох. — М.Ц.), и свинец, и запасы поймали, а князь Мирон и Данило отошел», потеряв 30 человек. Раненый Шаховской и 60 казаков на оленях в августе 1600 г. вернулись в Березов.

Но, вероятно, поздней осенью он с уцелевшими казаками на лыжах вновь отправился на р. Таз. Вероятнее всего, проводники по зимнему мангазейскому маршруту вывели его к поморскому поселению на р. Таз, о котором упоминалось ранее. Обосновавшись там, князь начал строительство Мангазейского острога. Что случилось с Даниилом Храпуновым и остальными участниками экспедиции, неизвестно. Установлено лишь, что на восточном берегу Тазовской губы была еще одна стычка с ненцами, в ходе которой погибли восемь казаков.

Может быть, недовольство ненцев было вызвано жестокими действиями промышленников при контактах с местными жителями? И.П. и В.И. Магидовичи не исключают и того, что промышленники сами подстрекали ненцев к избиению служилых людей, видя в них конкурентов при заготовке пушнины (18, с. 258).

В помощь отряду князя Шаховского московские власти в марте 1601 г. направили второй отряд под командой воевод

князя Василия Михайловича Масальского-Рубец и Савлука (Луки) Пушкина. Этот отряд состоял из стрельцов, казаков и пленных литовцев, всего 300 человек. В «вожи» (проводники) им предлагалось брать «зырян торговых людей и вымичь... которые Мангазейский и Енисейский ход знали и толмачить умели» (зыряне — это коми, вымичь — жители поселений по р. Вымь, приток р. Вычегды. — М.Ц.). Ясно, что под «Енисеем» понималась не река, о которой московские власти еще ничего толком не знали, а местность на восток за Мангазеей.

В наказной памяти воеводам было приказано поставить острог на р. Таз или далее на востоке: «...в Мангазее и в Енисее притти до заморозков и... идучи не зимовать и рекою Обь и морем итти бережно, и ставиться в крепких местех бережно и осторожно на якорях, а у берегу однолично не ставиться и от погоды беречися». Наказная память предписывала воеводам добраться до поморского поселения на р. Таз и, базируясь на нем, возвести острог, то есть сделать то, что и сделал князь Шаховской (23, с. 36).

В Тобольске Масальскому и Пушкину были выданы скорострельная пищаль с 200 ядрами, три затинные пищали (пушки небольшого калибра, устанавливаемые на судах и на крепостных стенах), 25 пудов (400 кг) пороху, 10 пудов (160 кг) свинца. По фунту (410 г) свинца получил каждый казак. Всего в плавание ушли 9 кочей, две морские лодки и два дощаника (речное парусно-весельное судно). В Березове на суда погрузили еще одну скорострельную пищаль и три затинные, и к ним большое количество ядер.

Придя на Тазовское устье, воеводы должны были разведать с помощью зырян, где лучше основать острог. Добравшись до Таза летом 1601 г., воеводы выяснили, что Шаховскому уже удалось его основать, но не в устье реки, а выше устья в 300 км на правом берегу. Значит, Масальский и Пушкин завершили основание Мангазеи.

О том, что строительство Мангазеи началась при участии экспедиции Шаховского, свидетельствует, например, такой любопытный документ: в челобитной Сибирскому приказу казака Лазаря Аргунова, поданной в 1655 г., описана служба его отца Саввы Аргунова, который был послан «из Березова... в

Мангазею с князем Мироном Шаховским да Данилом Храпуновым зимним путем на нартах; и самоедь их многих служилых людей побили и запас их отгромили и после того они до Мангазеи шли, голод и всякую нужду терпели; и пришед в Мангазею самоедь и аманаты поймали и к шерсти их привели (взяли заложников из семей племенных вождей, а последних привели к присяге на верность царю Московской Руси. — М.Ц.) и город поставили» (10, с.112).

Один из участников похода 1601 г. составил карту Обской и Тазовской губ, датируемую д.и.н. М.И. Беловым 1601–1603 гг. На этом чертеже, озаглавленном «Губа море Мангазейско с урочищи», безусловно с искажением, в виде огромного полуострова показана «Земля Самоедская» с островом у «вершины». Эта «Земля» явно может быть отождествлена с полуостровом Ямал и о. Белым у его северной оконечности. На материке показаны несколько рек, текущих в Обскую губу, и сама губа с впадающими реками Пур и Таз. На чертеже изображена часть восточного побережья Гьданского полуострова. Этот чертеж впервые дал уже более близкое к действительности представление о северных приморских районах Западной Сибири и явился наглядным подтверждением выдающихся достижений русских людей в изучении и освоении района севера Сибири между устьями Оби и Енисея (18, с. 259).

С основанием Мангазеи весь промысел «мягкой рухляди» промышленников и торговля мехами стали проводиться в бассейне р. Таз при строгом таможенном контроле со стороны центральной московской власти: таможня собирала государеву десятину со всей добычи и прибыли купцов и промышленников.

Мангазея прославилась не только на Руси, но и за ее пределами, как «царева златокипящая вотчина». Из Мангазейского уезда, раскинувшегося в тайге и тундре на миллионы квадратных километров, ежегодно в течение первой половины XVII в. вывозилось до 100–150 тыс. соболиных шкурок, ценившихся исключительно высоко. Самая дешевая шкурка стоила в XVII в. в Москве 5 руб., что равнялось годовому окладу служилого сибирского казака.

В результате проведения в 1968–1973 гг. раскопок в районе городища Мангазея можно довольно уверенно реконструировать облик города, характер деятельности его обитателей и описать его историю на протяжении всего XVII в.

Сам город Мангазея являлся довольно мощным укрепленным пунктом северных окраин Московской Руси, размещенным на высоком, удобном для обороны берегу реки. Вначале в 1601 г. был возведен, срублен деревянный тынообразный острог «стоячий на углах» — защитная стена из вертикально установленных сплошным рядом заостренных бревен с небольшими башнями на углах.

Острог был возведен так, что южная часть защитной стены проходила совсем близко к береговому обрыву. Внутри острога были построены воеводский двор, съезжая изба, тюрьма, стрелецкая сторожка — караульное помещение. В съезжей избе воеводы, их подьячие и сторожа вершили административные, сыскные и судебные дела, там же хранилась воеводская денежная казна, выдавалось государево денежное, хлебное и соляное жалование служилым людям. Через подьячих съезжей избы сдавались на откуп торговые бани и право на продажу вина в кабаках. Любопытно, что, учитывая крутой нрав поморов и вообще промышленников и казаков, воевода во время приема людей в съезжей избе был огорожен от них железной решеткой (23, с.59).

В остроге возвели главную соборную Троицкую церковь — теплый шатровый храм, служба в котором шла круглый год. Троицкий священник считался старшим среди мангазейских церковнослужителей. Известно, что Троицкая церковь выполняла в Мангазее и функции своего рода кредитного учреждения. Так, например, в 1642 г. таможенный голова Иван Толстоухов обратился к церкви с просьбой ссудить для государя 200 руб., чтобы выплатить жалование служилым людям (23, с. 45).

Мангазейские купцы и промышленники черпали кредит из самых различных источников. Но самым важнейшим из них была касса местной церкви: «троицкая казна» в Мангазее и Никольская церковь в Туруханске, служившие как бы мирскими банками (25, с. 311).

Уже в 1606 г. при отправлении в Мангазею новых воевод Давыда Жеребцова и Курдюка Давыдова приказ Казанского дворца обязал их возвести в Мангазее новые «городские» укрепления. Мангазейская крепость была срублена в 1607 г. из стволов елей, лиственниц и кедров и рассчитана на оборону расположенных внутри ее построек. Крепостная стена с башнями общей длиной 279 м была возведена из бревенчатых городен — клетей длиной 3–4 м и шириной 2,7–2,8 м. Высота крепостной стены до кровли достигала почти 6 м, а на западном участке стены — почти 10 м. При постройке этой стены острожные стены частично остались и составляли для кремля внешнюю первую оборонительную линию у северной и западной «городских» стен.

Угловых башен, согласно «Росписному списку города Мангазеи от 1625 г.», было пять: Давыдовская, «что над Тазом рекою» высотой до кровли 9,23 м, Зубцовская — 8,52 м, Ратилловская — 7,66 м, Успенская — 8,88 м соответственно (все четыре башни глухие) и проезжая Спасская высотой до кровли 11,39 м.

Мангазейский кремль был вооружен девятью железными затинными пищальями, расположенными в верхних этажах башен: на Спасской башне три пушки, по одной на этаж, которые могли вести огонь в сторону посада; орудия Успенской и Ратилловской башен могли вести огонь в северном направлении. На юг и восток, то есть в сторону посада и вдоль берега р. Таз, могли вести огонь по одному орудью на каждом из двух этажей Зубцовской башни и, наконец, на запад и на юг, на р. Таз вели огонь орудия двух этажей Давыдовской башни. Таким образом обеспечивался круговой обстрел местности.

Воротная башня была названа Спасской по сибирской традиции. В Сибири главные воротные башни обычно называли Спасскими. Над воротами этих башен устанавливались икона Христа Спасителя и несколько икон, представлявших городские храмы.

Ратилловская башня получила название по имени соседней речки Ратилихи, Давыдовская — по имени руководителей возведения крепости Давыда Жеребцова и Курдюка Давыдова,

Зубцовская — видимо, по наличию каких-то зубчатых деталей облика башни.

За крепостной стеной располагался посад, основная жилая часть города, поделенная улицами на кварталы. Причем узкие улицы и переулки были замощены сосновыми досками судовой обшивки (видимо, от разобранных судов), которые располагались на необычных опорах — клетях-колодцах, приподнятых над почвой на один-два венца, чтобы при ее оттаивании избежать провалов настилов.

В посаде был возведен комплекс зданий гостиного двора, состоявший из множества амбаров, где размещались лавки и хранились предназначенные для продажи или вывоза запасы товаров, а также изб для проживания приезжавших в город купцов и промышленников. В гостином дворе на одном из зданий были даже установлены башенные часы, некоторые детали которых найдены при проведении раскопок.

Мангазейский гостиный двор в течение многих лет успешно справлялся с наплывом торговых караванов и перерабатывал значительную массу грузов и товаров, предназначенных как для города, так и для огромной территории, подвластной мангазейским воеводам.

В посаде размещался таможенный двор. В Мангазее таможенный голова и его подъячие, помимо основных обязанностей по взиманию таможенных сборов, ведали также снабжением города рыбой, дичью и мясом. С этой целью нанимались артели, которые весной и осенью доставляли в город куропадок, зайцев и рыбу (чирков, муксунов, осетров). Огромное количество рыбы, дичи и мяса заготавливалось для воевод, их семей и челяди, подъячих съезжей избы и таможни, стрельцов мангазейского гарнизона. Значительная часть улова шла на рынок. Таможня также нанимала «вожей» — проводников для сопровождения людей и грузов по дороге между Мангазеей и Туруханском на Енисее (основан в 1607 г.), заведовала откупам.

Значение таможни подчеркивалось тем, что ее руководитель — таможенный голова назначался не воеводами или выборным путем, а приказом Казанского дворца, а затем Сибирс-

ким приказом. В Мангазее на эту должность чаще всего назначались купцы из Устюга, Тотьмы или Свияги.

Неотъемлемой принадлежностью Мангазейского посада были торговые городские бани и кабаки.

Первый в посаде Успенский храм был возведен, видимо, в период 1603–1606 гг. Считается, что и одна из угловых башен кремля получила свое название по имени этого храма. Известно имя строителя этой церкви. Это был ярославский посадский человек Аникий Иванов Скрыпин. На деньги его и других торговых людей и был возведен Успенский храм, являвшийся религиозным центром посада. В церкви мирской староста хранил мирскую казну, собирались общинные сходы. За храмом Успения размещалось городское кладбище (23, с. 76, 77).

В конце 20-х годов XVII в. на западной окраине посада недалеко от Спасских ворот была возведена третья по счету церковь, названная в честь царя Михаила Федоровича церковью поморских чудотворцев Михаила Малейна и Макария Желтоводского.

Кроме храмов в Мангазее недалеко от стен крепости западнее посада была воздвигнута часовня Василия Мангазейского убиенного. Василий Мангазейский широко почитался в Сибири XVII – XVIII вв. как защитник бедных и обездоленных. Фактически, он почитался как защитник и покровитель промышленников-землепроходцев. По преданию культ Василия Мангазейского возник после его гибели в результате воеводской попытки из-за несправедливого обвинения в воровстве (21, с. 19, 20).

Результаты археологических раскопок подтвердили, что Мангазее являлась не только военной крепостью и местом размещения администрации края, но и ремесленным посадским центром. Еще В.Н. Чернецов, руководитель археологической экспедиции Арктического института, посетившей осенью 1946 г. старое мангазейское городище, писал: «Можно также полагать, что Мангазее жила не только привозным товаром. Обилие простой глиняной посуды, гвоздей, бронзово-литейных отходов, железных поделок, сырой и дубленой кожи и т.д. свидетель-

ствует о том, что в городе имелись ремесленники, работавшие на местный рынок».

Но, естественно, главным занятием в городе была торговая деятельность. О ее размахе свидетельствует венецианское стекло, китайский фарфор и нюрнбергская монета, найденные там при раскопках. В заключении своего отчета В.Н. Чернецов отметил: «Мангазее представляется нам городом с большим населением, развитым ремеслом и оживленной торговлей» (10, с. 113, 114).

Это утверждение было полностью подтверждено при подведении итогов работы историко-географической экспедиции 1968–1973 гг. Более того, экспедиция установила, что ремесленная часть посада превосходила торговую. Особо было развито изготовление изделий из моржовой и мамонтовой кости и дерева. В 40-е годы XVII в. в Мангазейском посаде широко развивается плавильное дело. Причем удивительно, но факт, твердо установленный экспедицией: в Мангазее ремесленники в то время плавляли медно-никелевые руды из Норильского месторождения, которые в небольших количествах завозились на р.Таз из района Нижнего Енисея (23, с. 74).

Голландский географ Николай Витсен в своем сочинении «Северная и Восточная Татария», изданном в Амстердаме в 1692 г., писал, что в первые десятилетия XVII в. в Мангазее насчитывалось до 500 жилых домов. Туда ежегодно приезжало множество промышленников и торговцев. «При прежних мангазейских воеводах, – писал в 1654 г. в челобитной таможенный голова И. Саблин, – приходили из Сибири в Мангазее морем многие торговые кочи с хлебными запасами и с русскими товарами, в год кочей по 50 и больше, и по Енисею, и по Турухану, и по иным сторонним рекам промышленяли многие промышленные люди, и промыслы... были большие... А торговых, государь, и промышленных людей зимовало в Мангазее человек по 1000 и больше, и в лавках, государь, сидели со всякими товарами зимой и летом без съезду, и весной, государь, по Волоку всяким людям торг был большой».

В 1646 г. торговые и промышленные люди писали в одной из своих челобитных: «В прошлых, государь, годах в Мангазее приходило торговых и промышленных людей с Руси и из

Сибири человек по 600 и по 700 и больши, и с соболиных... и со всяких промыслов приходило каюков (промысловых лодок. — М.Ц.) по 100 и по 150, а из Енисейского... приходило всяких торговых и промышленных людей дощаников по 20 и больши, а всяких... людей о съезде ярманги (ярмарки. — М.Ц.) съезжалось для торгов человек тысячи по две и больши, а те, государь, и промыслы были большие:... у одного человека ужин (слово «ужина» означало и пай в промышленной артели, и запас снабжения на одного покрученика на сезон охоты, и один член артели. — М.Ц.) по 50, а в торгу у одного человека ж тысяч по 2 и по 3 и по 5 и больши» (25, с. 298, 299).

Можно представить, что в городе, куда съезжались сотни купцов и промышленников, где покупались и обменивались на товары ценные меха — «пушистое золото», в городе, наполненном рисковыми и отчаянными людьми, деятельность которых была постоянно связана с опасностью гибели от холода и голода, от стрел и копий коренных обитателей тундры и тайги, жизнь кипела чрезвычайно, питейные заведения были постоянно переполнены, а обычаи и нравы были довольно грубыми и бесцеремонными, наподобие тех, что были характерны в более поздние времена для старателей сибирских золотых приисков, так ярко отраженных в ряде произведений отечественной художественной литературы XIX—XX вв.

Проведенные раскопки подтвердили широкое распространение среди обитателей города азартных игр. При раскопках найдены костяные фишки — игральные кости и игральные костяные пластинки с нанесенными на них кружками и точками, которые, возможно, являются игральными картами. Известно, что игра в кости и карты велась исключительно азартно, играли на деньги, меха, другие ценности, несмотря на то, что и воеводская и церковная власти преследовали азартные игры. Так, например, в 1630 г. в вотчине архиепископа вологодского и великопермского был произведен специальный сыск с целью выяснения, кто «зернью и карты играют». Как пример отношения властей к азартным играм приведем наказ якутского воеводы таможенному целовальнику, чтобы «торговые и промышленные люди в зимовьях... зерновых костей и карт не держали и зернью бы никто не играл».

Но, видимо, в условиях Мангазеи все эти запреты мало помогали (26, с. 42, 43). И мангазейские воеводы сделали азартные игры источником дохода для властей. В двух торговых городских банях разрешено было устроить «зерновые избы», где играли в зернь. Там же находились помещения, где проходили «закладные игры» (картежная игра). Эти игорные избы отдавались на откуп, за что в воеводскую казну поступали крупные суммы денег. На откуп отдавали и кабаки, расположенные в центральной части посада. По части кабаков имелось три вида откупа: «за медовое питье», «за пиво и брагу» и «за квасную и сусляную продажу» (26, с. 10).

То, что такая практика получения денег за счет эксплуатации не лучших побуждений в среде промышленников и торговцев имела место, свидетельствуют многие факты деятельности сибирских воевод. Так, например, при устройстве дороги из Мангазеи на Туруханское зимовье мангазейский воевода Игнатий Корсаков в 1654 г. распорядился для обслуживания проезжих людей на Туруханском волоку поставить «волоковую баню» с буфетом, где продавались «кислый квас и сусло», и игорным домом для игры в зернь, в «картяные» и «всякие закладные игры» (6, с. 120).

Об интенсивности морских плаваний в Мангазею в первые два десятилетия XVII в. судить трудно, так как мангазейский архив за эти годы погиб в пожаре 1642 г., когда сторела вся Мангазейская крепость. Сохранились отдельные сведения о подобных походах. Так летом 1609 г. в Мангазею пришла партия торговцев и промышленников во главе с холмогорцем Еремеем Савиным. В 1612 г. из Мангазеи в Архангельск пришли мезенец Шестак Иванов и его сын Артемий. Известно, что сын и отец останавливались на о. Колгуеве, где подобрали вооружение с разбившегося иностранного корабля, пытавшегося, видимо, пройти на восток. В Мангазею Шестак плавал по морю.

Неоднократно бывали в Мангазее и двиняне торговец Кондратий Курочкин и стрелец Кондратий Корела, сообщившие, что «от Архангельского города в Мангазею по вся годы ходят кочами многие торговые и промышленные люди». О многих морских плаваниях в Мангазею упоминалось в одном из указов царя Михаила Федоровича, изданного до 1619 г.: «...хо-

дят торговые люди от Архангельского города на Мангазею» (22, с. 1054, 1064, 1067).

Записи в сохранившихся с тех времен таможенных книгах свидетельствуют, что в 1630 г., то есть через 11 лет после закрытия Мангазейского морского хода, через Мангазею и Енисейский волок (через который перебирались на Енисей в Туруханск) прошло 2350 торговцев и промышленников, с которых городская таможня собрала пошлину — деньгами 27 047 рублей и мехами десятую часть с предъявленных таможе 1984 соболей (79 360 шкурок) соболей. Ясно, что деятельность в Мангазее торговцев и промышленников в предыдущие 10–15 лет была еще более интенсивной (10, с. 115).

Присутствие в Мангазее многочисленных торговцев и промышленников, готовых ради получения хорошей прибыли отправиться хоть на край света, сделало этот город центром по организации многих походов и предприятий, связанных с открытием новых богатых пушным зверем северных районов.

Пушной зверь в бассейне р. Таз скоро был повыбит, и промышленники устремились на восток в район р. Турухан, левого притока Енисея. Именно в устье Турухана в 1607 г. было основано Туруханское зимовье, которое позже называли Новой Мангазеей.

Безусловно, из Мангазеи царские власти держали под контролем новые районы добычи пушнины. Мангазея продолжала процветать. По-прежнему на р. Таз приходили «мангазейские» кочи, другие морские и речные суда.

Начало XVII в. было для Руси трудным и мучительным периодом истории, недаром его называли «Смутным временем». Московское царство устояло в жестокой борьбе с польскими и шведскими оккупантами. Все это в определенной степени отразилось на отношении московских властей к попыткам западноевропейских торговых компаний проникнуть в Сибирь и на Европейский Север Руси. Царские власти очень болезненно воспринимали доходившие до Москвы слухи о появлении иностранных кораблей в Карском море.

В свою очередь тобольские воеводы князь Иван Семенович Куракин и Иван Булыгин были кровно заинтересованы в переключении всей торговли с Мангазеей с морского направле-



Плавание по сибирским рекам. Из Ремезовской летописи

ния на сухопутную дорогу через Урал на Верхотурье, а затем по рекам в Тобольск и далее по Иртышу и Оби в Обскую губу. Они постоянно напоминали Москве об опасности проникновения иностранцев в Сибирь морем: «И мы, холопы твои, — писали они царю, — в Мангазею и в Енисею приходу чаем немецких торговых людей, потому что река Енисея угодна, рыбы в ней много, а живут по ней пашенные татаровя (так они по незнанию называли всех обитавших по Енисею эвенков и других местных жителей. — М.Ц.) и зверь по ней дорогой, а им ходить с немецкими товары податно» (6, с. 91).

Со стороны московских властей последовала резкая реакция в виде указа 1616 г. о полном запрете морских плаваний в Мангазею. В свою очередь мангазейский воевода Иван Петрович Биркин, поддержанный 170 мангазейскими торговцами, доказывал вредность такого запрета. В частности, он отрицал достоверность сообщения Куракина о появлении иностранных военных кораблей в Карском море.

Д.и.н. М.И. Белов считал, что именно возражения авторитетного в Сибири воеводы Биркина, который построил в Мангазее немало новых зданий (новые съезжую избу, дома на воеводском дворе, при котором строился гостинный двор Мангазеи), привели к тому, что в 1618 г. плавания в Мангазею по Карскому морю были разрешены (10, с. 119; 23, с. 58).

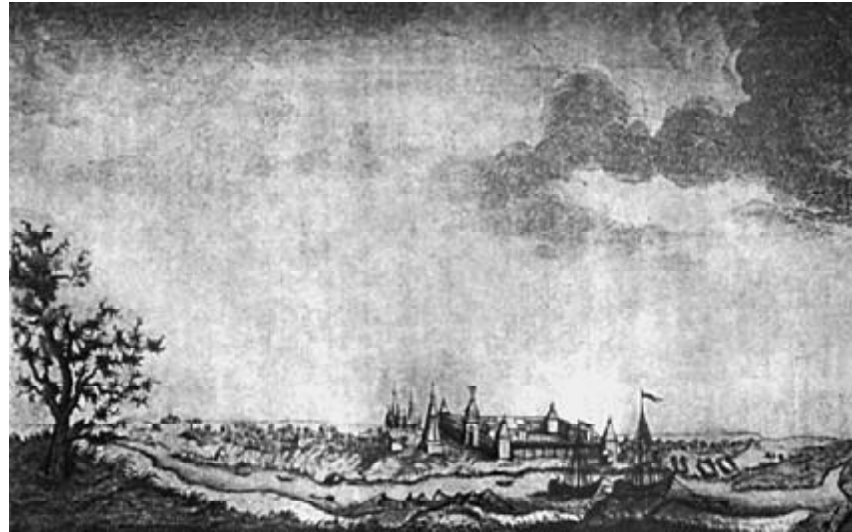
Но Куракин, поддержанный другими сибирскими воеводами, все же добился своего, и в 1619 г. с согласия Москвы морские плавания в Мангазею были им окончательно запрещены. Более того, в следующем году московские власти приказали построить заставу на Ямале на волоке между реками Мутной и Зеленой, чтобы задерживать всех нарушителей запрета.

Царский указ 1620 г. тобольскому и мангазейскому воеводам гласил: «А в том бы есте заказ учить крепкой промышленным людям и ясашным татарам, чтобы они немецких людей (так тогда называли всех иностранцев — западноевропейцев: англичан, голландцев, немцев и др. — М.Ц.) на Енисею и в Мангазею никак не пропускали, а с ними б не торговали и дорог бы им ни на которые места не указывали. А буде кто с немецкими учнет торговать или дорогу начнет указывать, и тем людям от нас быть в великой опале» (22, с. 1076). Так был запрещен

прямой морской путь из Белого моря на Обь, с главной целью, чтобы «немецкие люди от Пустоозера и Архангельского города в Мангазею дороги не узнали» (10, с. 93). В результате были прерваны прямые морские связи Поморья с Мангазеей, а значит, и с Сибирью.

Московские власти в последующие после запрета годы настойчиво напоминали тобольским воеводам о необходимости строго следить за соблюдением запрета на морские плавания в Мангазею. Так в грамоте приказа Казанского двора тобольским воеводам от 18 сентября 1622 г. (то есть 7131-го года по старомосковскому летоисчислению от сотворения мира) указывалось: «В прошлом во 128-м году апреля в 24 день послана к вам наша грамота, а велено вам послати ис Тобольска или из Монгазеи служилых людей человек с 50 или сколько пригож на заставу на Мутную реку и на Зеленую реку. А велети меж тех рек на волоку розсмотреть места, где пригож, чтоб было крепко и блиско ясачных людей, а, розсмотря, на том месте велено поставити острожек и крепости всякие поделати. А велено ис того острожку человек по 5-ти и по шти по переменам посылати к морю, проведывати про немецких людей и беречь накрепко, чтобы отнюдь в Мангазею немецкие люди с моря водяным путем и сухими дорогами ходу не проискали. И русских торговых и промышленных людей с моря и ис поморских городов... на Мутную и на Зеленую реку, и в Монгазею, а из Монгазеи на те же места пропускати не велено. Да и вперед ежегод велено вам посылати в тот острожек служилых людей на весну, как учнет лед скрыватьца, а велети бы в том острожке быти им до Семеня дня или до Покрова (то есть до середины октября. — М.Ц.)» (24, с. 54).

Запрет прямых плаваний из Белого моря в Мангазею вызвал увеличение торговых перевозок из Тобольска и Березова в Мангазею по рекам и южной части Обской губы. Если до 1619 г. царские власти использовали этот путь в первую очередь для доставки в Мангазею партий служилых и продовольствие для гарнизона, то после запрета морских плаваний большую роль в использовании этого пути в мангазейской торговле стали играть купцы центральных областей Руси, царские гости. Так, например, известно, что в 1640 г. в Мангазее вели торговлю



Панорама Новой Мангазеи (Туруханска). Середина XVIII в.

четыре царских гостя, пять приказчиков других гостей – крупных купцов и четыре состоятельных купца. Среди гостей, получавших значительные прибыли от мангазейской торговли, отмечались такие известные купцы, как Надея Свешников, Осип Елезов, Петр Унбин, Кирилл Босов, Василий Гусельников, Исак Ревякин, Иоаким Усов и др. (10, с. 120).

Наиболее ранние сохранившиеся сведения о торговых плаваниях по речному пути в Мангазею относятся к 1626 г. Тогда из Тобольска в Мангазею с таможенным головою Гребневым и туринским посадским человеком Василием Семеновым прошли «на кочах многие торговые люди с хлебными запасами» (10, с. 120).

Из Мангазеи на Обдорск, а оттуда далее через отроги Уральского хребта на Русь летом 1628 г. направились 136 торговцев и промышленников. Они следовали из Мангазеи на судах торгового каравана. В числе их были поморы мезенцы и пинежане, ярославцы и др.

Любопытно, что частные торговцы составили серьезную конкуренцию казне в хлебной торговле. Ими было завезено в Мангазею и Туруханск такое количество хлеба, что цены на него резко упали. Тобольский воевода даже обратился к мос-

ковским властям с просьбой не посылать в Мангазею хлебных запасов. Оказалось, что казне дешевле было закупать их у купцов в Мангазее, чем завозить самим. Так в 1626 г. в Мангазею было завезено столько хлеба, что даже после базара мангазейский воевода смог купить 4120 пудов. Все это привело к тому, что царские власти отказались от казенной хлебной торговли (10, с. 121).

Плавания по Нижней Оби и далее в Мангазею в те годы были довольно интенсивными. Например, известно, что в ноябре 1630 г. из Тобольска в Мангазею прибыл большой торговый караван, состоявший из 28 кочей, на которых находилось 345 человек. Причем многие торговцы, владельцы кочей, привозили в Мангазею товаров на крупную по тем временам сумму в 1000 и более рублей. Купцами в Мангазею доставлялись лосевые и коровьи кожи, сети, одежда, обувь, нитки, свечи, хлеб, крупа, лыжи, сукна, бусы, колокольчики, ожерелья, котлы.

Частным торговцам запрещалось торговать «заповедными товарами» – воинским снаряжением, оружием, железными изделиями, вином. Поставка этих товаров и снаряжения для воинских гарнизонов была привилегией казны. Если у торговцев находили «заповедные товары», то все их имущество отбиралось в казну (10, с. 259). Видимо, были торговцы и промышленники, которые, несмотря на запреты, поставляли коренным жителям севера «заповедные товары», невзирая на провозглашенные кары, так как такие контрабандные поставки сулили невероятную прибыль.

Большинство товаров, привозимых купцами, их приказчиками и промышленниками на север обменивалось на пушнину – меха соболей, песцов и бобров. О масштабах торговли мехами в Мангазее можно судить по записям объемов таможенных сборов каждого десятого из предъявленных таможене добытых или приобретенных соболей: в 1630–1637 гг. эта десятая часть ежегодно составляла в среднем 146 сороков (5840 шкурок) соболей (10, с. 122; 23, с. 80).

О характере плаваний в Мангазею в 30-е годы XVII в. свидетельствуют путевые наблюдения тобольского казака Сухана Ермолина. Он сообщил, что во время его плавания в 1631 г.

из Мангазеи в Тобольск он видел семь кочей торговых людей с хлебом и другими товарами, которые плыли в Мангазею. В Обском устье около островов, приблизительно 7 сентября, ему повстречались казенные кочи, также плывшие в Мангазею. Он отметил, что ледостав на Оби в том году произошел в конце октября (через две недели после праздника Покрова Богородицы). От Мангазеи до Обдорска суда Ермолина плыли три с половиной недели, «потому что де их на море задержала погода», а от Обдорска до Тобольска – четыре с половиной недели, так как начались морозы. Всего в пути он был восемь недель, что в то время считалось для такого плаванья вполне нормальным сроком.

В 1633 г. из Тобольска в Мангазею отправился купеческий караван из 20 кочей, на которых плыли 387 торговцев и промышленников. Среди грузов было 14 224 пуда (227,6 т) хлеба и других товаров на крупную по тем временам сумму 10 385 руб.

Не все кочи доплывали до Мангазеи. Так, известно, что тобольские служилые люди, посланные в 1624 г. на службу в Мангазею, сообщали о трудностях пути туда: «божиим судом на губе морской разбило у них коч... и они же с великою нужею вышли на-береж на тундру, душею да телом, и нашли де на берегу разбитое паузченко и в том паузченке поехали в Мангазейский город с великою нужею» (6, с. 117). И таких случаев было немало.

В 30-е годы отправился на казенном коче в Мангазею боярский сын Томил Петров с хлебными запасами для мангазейского гарнизона. Во время шторма судно погибло, погиб и ценный груз. Только летом 1638 г. Томил Петров благополучно доставил хлеб в Мангазею (10, с. 123, 124).

Все 30–40-е годы XVII в. продолжалось ежегодное трудное плавание кочей в Мангазею по нижней Оби и Обской губе. Много судов гибло в Обской губе при штормах. Постепенно истощились запасы пушных зверей в районе Мангазеи, промышленники стремились в новые богатые пушным зверем места на Енисее и Лене. Уменьшился приток в город промышленников и купцов. Если они приезжали, то по пути с Лены на запад. Поэтому о плаваньях в Мангазею в 40-е годы сохранились отдельные разрозненные сведения.

В 1640 г. в Мангазею прибыли всего 64 морехода, в большинстве родом из Мезени, Пинеги, Выми. В 1641 г. из Мангазеи на Обдорск и далее на запад прошел ленский казак Василий Фефилов с товарищами. В октябре 1642 г. в Обской губе замерзли кочи ряда торговых людей.

В 1643 г. из Тобольска в Мангазею 13 июля вышли четыре коча. На двух судах были погружены «государевы хлебные запасы», предназначенные для выдачи в Мангазее в счет жалования служилым людям. На третьем плыл в Мангазею дьяк Григорий Теряев с женой, двумя дочками и племянником, а на четвертом коче следовали торговцы и промышленники с «хлебными ж запасы и со всякими товары».

Суда вышли из устья Оби в Обскую губу 15 августа «и на море встретили противной ветр, и стояли 2 дни да 2 ночи, и отголе бежали парусом за море 2 дни до завороту (до поворота в Тазскую губу. – М.Ц.). И в завороте учало погодую кочи бить, и государевы кочи и торговой коч на отстое разступились (разбило. – М.Ц.), и государевы запасы и торговых людей рознесло по морю и по берегу, а люди плыли и брели на берег на веслах и на досках и в карбасех (лодках, перевозимых на кочах. – М.Ц.). А дьячей коч Григорья Теряева кинуло на берег цел, а запасы выметало вон, и тот ево коч замыло на кошке песком, и тут де они стояли, и тот коч ис песку выпребали и с мели съмали 2 недели».

Оставив на берегу 15 человек для охраны спасенных товаров и запасов, дьяк Григорий Теряев на своем коче с 70 спасшимися со всех судов направился в Мангазею. «И как де они будут против черных гор Столбовой реки, и тут встретил ветр север з боку. И тем ветром бросило коч на берег на сухой, и коча де снять с мели не могли. И стояли на том берегу 8 недель – обсадила самаядь. И с того розбою (морского, то есть после того кораблекрушения. – М.Ц.) пошли нартным ходом берегом в Мангазею до Филипова заговена за 10 дней. И учали де на них приходить самаядь, и учали де с ними дратце».

«И отголе де они пошли вперед к Тазовскому устью, и шли до устья Тазовского от Черных гор 8 недель, и взял де их голод, потому что им самаядь ходу не дала и запасы отгромили, и стали служилые и промышленные люди з голоду помирать,

и померло человек с 50, и у дьяка Григорья Теряева померло две дочери и племянник и люди его, Григорьевы, померли ж».

С устья р. Таз Теряеву удалось отправить в Мангазею с наиболее крепкими служилыми сообщение о бедственном положении спасшихся после кораблекрушения. Получив это сообщение от посланных дьяком служилых людей, которые «до города одва з голоду добрели», мангазейский воевода князь Петр Михайлович Ухтомский направил своего сына Федора с продовольствием навстречу Теряеву. Дьяка с женой и другими спутниками спасательная партия повезла в Мангазею на нартах. Всего в одном переходе до Мангазеи дьяк скончался. До города добрались лишь 20 человек, в том числе жена дьяка, которая через некоторое время скончалась от болезни и горя (24, с. 80–82).

Бывало, что из-за задержки на один-два дня с выходом из Мангазеи приходилось прекращать плавание и возвращаться обратно. Например, 5 августа 1656 г. из Мангазеи отплыл на коче служилый Дементий Тишков с государевой соболиной казной. Но 11 сентября он возвратился обратно и донес воеводе Игнатию Корсакову: «а воротились де, государь, они затем: как они вышли на море, и стретил де их твой государев воевода Семен Ларионов (возвращавшийся морем из Мангазеи. — М.Ц.), и держал де их на море ночь и половину дня, а им де, государь, в ту пору был ветер пособный, а как де они тот ветер упустили, и после де того они на море стояли на стоях 3 недели, а пособных де ветров им за море от Черные кошки не было, а хлебных де запасов у них на море не стало, и коч на отстоях раздробило, и им де было дожидаться пособных ветров не зачем, и заморозу поблжюлся (боялись вмерзнуть в лед. — М.Ц.)» (6, с. 116).

Вот из-за таких и многих других трудностей и аварий постепенно путь из Березова в Мангазею по рекам и губам перестали использовать. В 1666 г. тобольские воеводы обратились в Москву с предложением прекратить поставки в Мангазею хлеба и соли на кочах по этому пути. Воеводы писали Сибирскому приказу, что уже ряд лет они направляли на Таз по семи и больше кочей с хлебом и солью, но часть их погибала в пути. Так в 1663 г. в пути были разбиты пять кочей, и при этом про-

пало 5260 пудов (84,16 т) хлеба и 24 пуда (384 кг) соли, находившихся на судах. Казна несла ущерб и оттого, что направляемые в Мангазею кочи не возвращались в Тобольск.

Воеводы указывали на то, что на Енисее в Туруханске было достаточно дешевого хлеба и соли и оттуда можно было снабжать продуктами военный гарнизон Мангазеи. В Туруханск хлеб доставлялся на речных судах из Енисейска на Среднем Енисее. Воеводы утверждали, что речной путь до Туруханска был значительно безопаснее, чем плавание по морю — по Обской и Тазовской губам. Поэтому они просили московские власти запретить подобные плавания.

Их просьба была удовлетворена. На основании указаний Сибирского приказа тобольский воевода, известный русский картограф, составитель Сибирского чертежа стольник Петр Иванович Годунов в 1667 г. отдал приказ о прекращении плаваний по Обской и Тазовской губам: «Впредь кочевого ходу не будет, а посылать через Енисейск» (10, с. 125). А в 1672 г. по приказу царя Алексея Михайловича город Мангазея был покинут, его военный гарнизон перевели в Туруханск.

По поводу причин оставления города среди ученых единого мнения нет. Некоторые ученые довольно обоснованно считают, что главной причиной явилось оскуднение промыслов пушного зверя и трудности доставки хлебных запасов по Обской и Тазовской губам. Безусловно, свою роль в судьбе Мангазеи сыграло роль и похолодание, наступившее в Арктических районах во второй половине XVII в.

Д.и.н. М.И. Белов утверждал, что Мангазея была оставлена «из-за шатости юрацкой самояди», то есть из-за напора местных племен, возмущенных притеснениями царских воевод. На наш взгляд, никакие восстания и нападения местных племен не принудили бы царские власти согласиться с оставлением города, если бы пребывание в нем по-прежнему обеспечивало бы поступление больших таможенных сборов и большого ясака. Дело все же, видимо, в оскуднении промыслов и уменьшении поступлений «мягкой рухляди» в царскую казну. Думается, что в противном случае были бы посланы новые войска для приведения в покорность «юрацкой самояди».

Тем более что впоследствии на месте Мангазеи был поставлен небольшой, упоминаемый в документах 30-х г. XVIII в. острог (который смог существовать, несмотря на временами враждебное отношение окружающих ненецких племен). Его использовал в качестве прибежища один из отрядов Великой Северной экспедиции, изучавший путь морем из Обской губы в устье Енисея. В Мангазейском остроге размещался в XVIII в. отряд из нескольких десятков казаков, собиравший ясак с ненецких племен.

Так закончила свое существование Мангазея – «златокипящая государская вотчина», город промышленников, торговцев, ремесленников и мореходов, свидетель героических полярных путешествий и географических открытий русских людей в те далекие годы.



ПЕРВОПРОХОДЦЫ НА ЕНИСЕЕ И ТАЙМЫРЕ

В моей послушности крутятся
Там Лена, Обь и Енисей,
Где многие народы тщатся
Драгих мне в дар ловить зверей;
Едва покров себе имея,
Смеются лютоści Борея,
Чудовищам дерзают в след,
Где верх до облак простирает,
Угрюмы тучи раздирает
Поднявшись с дна морского лед.

Михаил Ломоносов

Окуда произошло название второй великой сибирской реки Енисей? Историки И.П. Магидович и В.И. Магидович считают, что от хантов и манси, живших в бассейне Оби, русские узнали о существовании к востоку от Оби другой большой реки – «Большой воды» (Иоанесси, Ионесу). Отсюда и название этой реки Енисей (18, с. 261). Уже в грамоте царя Ивана Грозного от 1583 г., в которой дан отрицательный ответ на просьбу английской королевы Елизаветы предоставить английским купцам исключительное право на посещение и торговлю в северных русских портах и на посылку кораблей в устье Мезени, Печоры и Оби, было указано: «А о реке Оби, да о Изленде реке, да о Печере реке о тех урочищах им отказать». В этой грамоте об Изленде, то есть об Енисее, говорится как о давно известной русским реке (5, с. 264; 12, с. 551).

Ранее уже упоминалось, что в поисках новых богатых пушным зверем мест мангазейские казаки и промышленники направились на восток и вышли на р. Турухан, левый приток Ени-

сея, в устье которой в 1607 г. было основано Туруханское зимовье, названное позже «Новой Мангазеей», или Туруханском. В том же году на Нижнем Енисее было основано Енбатское (Инбацкое) зимовье.

Через Енисейский волок протяженностью до 60 верст перебирались из Мангазеи на Турухан и далее на Енисей сотни промышленников и торговцев, осваивавших в бассейне Енисея новые богатые собором районы тайги. Туда же отправились и отряды казаков для объяснения новых подданных «царя всея Руси».

Переход на Енисей по Туруханскому волоку был довольно сложным из-за необходимости неоднократных перегрузок клади, так как на разных участках пути могли проходить суда с различной осадкой. Из Мангазеи промышленные и служилые люди плыли вверх по р. Таз, ее притоку Волочанке и мелким росохам (протокам) и доходили до Таз-Енисейского водораздела. Грузы из кочей и дощаников приходилось переносить в лодки, которые проводили по озерам и протокам непосредственно к волоковому участку пути протяженностью примерно в 1 км.

Затем грузы «волокли» на тележках или переносили «на себе». Далее вновь помещали их на лодки и плыли по системе озер и проток Енисейского склона в долину другой Волочанки, впадающей в Турухан, приток Енисея. Озера и протоки Туруханского волока следовало проходить до летнего спада воды. При необходимости уровень воды в них поднимали при помощи парусных и земляных запруд (2, с. 47; 5, с. 262).

Рядом с Новой Мангазеей первопроходцы открыли устье Нижней Тунгуски, большого правого притока Енисея. Уже через три года промышленниками было обследовано низовье Енисея до впадения реки в Енисейский залив.

В эти же годы русские появились и на Среднем Енисее. В 1605 г. воевода Молчанов направил из Кетского острога отряд казаков на поиск новых «землиц», богатых пушным зверем. Казаки поплыли вверх по Кети, правому притоку Оби, путь по которой был «вельми трудной, потому что река малая и зело кривлеватая, и погорчей и карж. . . , которые стоят в воде по ней много, и удерживают судовою ход». Местами на ней даже трудно было разехаться двум дощаникам. В одном месте на реке, «у Яра Колокольного», находилась «мель великая и река быс-

трая, будто пороги». Дело в том, что позднее напротив этого места торговые люди повесили на ели небольшой колокол как навигационный знак, указывавший на опасность (6, с. 112).

Через водораздел, покрытый болотами, казаки перешли на р. Кас, левый приток Енисея. Этому отряду удалось объяснить хантов, живших в низовьях рек Кас и Сым (также приток Енисея, но более северный). Вскоре там же появился отряд казаков из Мангазеи. Между казаками обоих отрядов начались трения. Каждый отряд хотел оставить за собой право сбора ясака. В конце концов это право осталось за мангазейцами, которых поддерживали местные жители. Дело в том, что мангазейцы установили в два раза меньший размер ясака, чем казаки из Кетского острога.

Считается, что мангазейские казаки явились первооткрывателями устья Подкаменной Тунгуски – еще одного крупного правого притока Енисея. А в 1618 г. кетские казаки прошли в верховья Кети и волоком (который получил название Маковского) перешли на р. Кемь и по ней за день добрались до Енисея.

На восточном берегу Енисея русские впервые встретились с тунгусами (теперь их называют эвенками), которые жили на обширной территории Сибири от Енисея до побережья Охотского моря и бассейна Амура. Именно поэтому три огромных правых притока Енисея были названы Тунгусками: Нижней, Подкаменной и Верхней (Ангара). О последней казакам рассказали эвенки, ее устье находилось в одном дне плавания выше места выхода казаков на Енисей. Уже летом того же года казаки вышли к устью Верхней Тунгуски.

В 1618 г. из Тобольска на Енисей был отправлен отряд тобольских служилых людей под командой сына боярского Петра Албычева, который у волока на Енисей поставил Маковский острожек. Но одного укрепленного пункта оказалось недостаточно для обеспечения безопасности перехода по волоку и осенью того же года – зимой 1619 г. – выше устья Кемь на левом берегу Енисея казаки поставили острог Енисейск, ставший важным опорным пунктом на Среднем Енисее и базой для дальнейшего проникновения русских землепроходцев далее на восток.

Правда, тунгусские князья оказали сопротивление служилым людям при постройке этих острогов. Особо упорно вел

борьбу князец Тасей. Но вскоре основная часть тунгусских родо-племенных вождей и старейшин перестала его поддерживать. Казаки сумели за два года объясачить эвенков, проживавших на Нижней Ангаре и по ее левому притоку Тасеевой. Но окончательное поражение «немирным» тунгусам нанес сотник Петр Бекетов только в 1628 г. в бою на Ангаре в устье р. Рыбной. Вероятнее всего, он после этого заключил с тунгусскими князьями соглашение, по которому они получили право самостоятельно собирать ясак с людей своего племени и сдавать его ясачным сборщикам. Можно считать, что после этого коренные жители этого района окончательно присоединились к Русскому государству (17, с. 44).

Маковский волок был совсем не идеальной дорогой с Оби на Енисей. Для его преодоления требовалось 2–3 дня. Приходилось перевозить грузы, как сообщали очевидцы, «через грязи великие», «через болота и речки» и местами дорога была замощена: «а по всему волоку зело грязно... и для того везде по нем великие мосты построены для ради множества грязей и болот и речек»; «а на иных местех есть на волоку и горы, а леса везде темные. А есть... и чистые места на речках, где стоят и отдыхают». По волоку грузы переносили люди, использовались вьючные лошади и даже собаки, «а телегами через тот волок ходу за грязями и болоты никогда не бывает» (6, с. 112).

Начиная с 30-х гг. XVII в. значительную роль сыграл путь с Оби на Енисей через Елогуйский волок. Он шел от устья Иртыша вверх по Оби, а затем по ее притоку Ваху и далее в р. Волочанку до Елогуйского волока длиною в 15 верст. Сам волок проходили в два дня и достигали другой р. Волочанки, впадавшей в Елогуй, приток Енисея. Этим путем пользовались в первую очередь торговцы и промышленники, добравшиеся до промыслов по Нижней и Подкаменной Тунгускам или возвращавшиеся с промыслов. Этот путь сокращал дорогу к местам, лежавшим ниже Енисейска. Важно было и то, что он позволял миновать без заезда Нарьм, Кетск и Енисейск и, следовательно, избежать контроля со стороны властей этих административных центров.

Этим путем одно время заинтересовались и мангазейские воеводы в стремлении найти более близкую и безопасную до-



Костюм тунгусского шамана

рогу из Мангазеи в Тобольск. По нему временами производилась пересылка почты из Мангазеи. Но главным образом по ней перемещались торговые люди, возвращавшиеся с Нижней и Подкаменной Тунгусок «с покупной мягкой рухлядью», и промышленники, ехавшие с тунгусских промыслов.

Так что уже в 40-х гг. XVII в. кетские воеводы жаловались, что «проезжей пошрины и оброку стало иметь в Кетском остроге не с кого, кетским служилым людям и ружникам в жалованье и на кетские на всякие на мелкие неокладные расходы впредь давать будет нечего, потому что... торговых и промышленных людей из Енисейского пропускают через Вах, а мимо Кетской острог не бывал никак человек» (6, с. 114).

Хотя Елогуйский путь никогда официально разрешен не был, но даже в 1702 г. московские власти обратили внимание на то, что проходившие по Елогуйскому волоку сибирские служилые люди торгуют по пути с местными жителями, не уплачивая пошлин, провозя незаконно с собой торговых людей под видом своих работников. С тех пор вышел официальный запрет на использование этого пути. Тем не менее, как это часто бывало на Руси, запрет не соблюдался. Академик Миллер свидетельствовал, что и в его время (30-е гг. XVIII в.) этой дорогой продолжали ездить купцы из Тобольска в Туруханск.

Кроме того, промышленники для прохода с Оби на Енисей использовали дорогу по р. Тъм, притоку Оби, там, где верховья Тьма близко подходят к верховьям Съма, притока Енисея. Так еще в 20-х гг. XVIII в. промышленники с Енисея ходили на Сургут. Енисейскими воеводами для пресечения этого пути пришлось даже устроить заставу на устье Съма.

Из Сургута промышленники ходили также «озерами и сухим путем» на верховья р. Таз, где было основано Сургутское зимовье. Правда, Сургутский путь не стал столбовой дорогой для промышленников и торговцев, видимо из-за оскуднения промысла в бассейне р. Таз.

В течение первой половины XVII в. русские деревни появились на пути от Оби к Енисею через Маковский острог к Енисейскому, по Ангаре и по Енисею вниз от Енисейска. А после сооружения в 1669 г. Кемского и Бельского острогов русские переселенцы стали активно заселять бассейны рек Кеми и Бе-

лой, где переселенцы находили «великие и хлебородные» поля, прекрасные покосы и строевой «красный лес». Активно заселялся район между Енисейском и устьем Ангары и по Нижней Ангаре и ее притоку Тасеевой, от которой к югу простирались Канские степи.

Летом 1623 г. енисейский казак Поздей Фирсов спустился до устья Подкаменной Тунгуски и там собрал ясак с местных эвенков, затем он поднялся почти на 500 км по реке, преодолев два крупных порога, до р. Чуни, впадающей в нее справа. У него произошла стычка с проживавшими там эвенками, но он все же получил с них ясак и затем возвратился в Енисейск. Вероятнее всего, от эвенков он узнал, что верховья Подкаменной Тунгуски не подходят близко к другим рекам, расположенным восточнее. Возможно, отсутствие волоков для перехода на следующую великую сибирскую реку и определило то, что на Енисее у устья Подкаменной Тунгуски не было основано значительных опорных пунктов (18, с. 272).

К 1623 г. отрядам казаков удалось проследить Ангару на протяжении 500 км вверх от устья. В следующем году отряд во главе с сыном боярским Андреем Дубенским и атаманом Василием Тюменцом поднялся по Ангаре почти на 1000 км до Шеманского порога. Это были первые попытки проникнуть по Ангаре в «страну братьев» – племен, известных позже как буряты.

Летом 1626 г. также далеко по Ангаре прошел казачий атаман Максим Перфильев, который собрал ясак с местных жителей. Из-за падения уровня воды в Ангаре он не смог преодолеть Шеманские пороги и возвратился в Енисейск. Перфильев составил отчет-«скаску», в которой изложил собранные им в походе сведения о «Братской земле», то есть о Бурятской земле. По его словам, она многолюдна, богата соболями, бобрами и скотом и «бухарских товаров (то есть из Средней Азии, Китая и Индии. – М.Ц.), дорогов и киндяков и зенденей и шелков... много, а серебра де добре много, а коней и коров, и овец и велбудов (верблюдов. – М.Ц.) бесчисленно, а хлеб пашут ячмень и гречу, и ждут брацкие люди к себе... государевых служилых людей, а хотят тебе, великому государю, брацкие люди поклониться и ясак платить и служилыми людьми торговати» (17, с. 50).

На следующий год у Падунского порога, то есть в 200 км выше по течению от достигнутого в прошлом году рубежа, он заложил Братский острог, который в 1631 г. был перенесен еще выше к устью р. Оки.

Стрелецкий сотник П. Бекетов, впервые прошедший в 1628 г. в Западную Бурятию к окинским, а затем усть-удским бурятам, был встречен там миролюбиво и смог взять ясак.

Летом 1629 г. пятидесятник Василий Черменинов с отрядом в 20 казаков побывал в населенной бурятами долине р. Чуна, одной из составляющих р. Тасееву (вторая составляющая – р. Бирюса) и прорезающей Приангарское плато. Отряд дошел по Верхней Чуне до 56° с. ш. и в начале октября возвратился в Енисейск.

Однако применение отрядами Я. Хрипунова и красноярскими казаками насилия в бурятских улусах в 1629 г. вызвало противодействие местного населения (17, с. 51). В 1634 г. отряды бурятских князцов вместе с зависимыми от них тунгусами сожгли Братский острог. Посланный из Енисейска в 1635 г. Н. Радуковский с отрядом казаков в 100 человек восстановил острог в устье р. Оки, но в 1638 г. «братские» князцы вновь «учинились непослушны». Но вскоре тунгусские данники отошли от князцов и буряты стали устанавливать постоянные мирные отношения с русскими.

Выше устья Ангары по Енисею проживали воинственные кочевые племена, которых поддерживали монгольские ханы. Поэтому процесс присоединения Красноярской земли к Русскому государству протекал довольно драматично.

В начале XVII в. сведения русских о той местности, где впоследствии возник Красноярск, были довольно смутными. Эта страна первоначально была известна под названием «Тюлькина земля» по имени князька, сын которого («Тюлкин сын») упоминается в одном из документов 1608 г. Русские считали ее жителей остяками. От местных жителей они знали, что «Тюлкин сын и со своими остяками живет податно к киргизским людям» (27, с. 13), то есть платит дань кочевникам.

Скоро казаки нашли дорогу в Тюлькину землицу. Первую попытку объясачивания ее жителей можно отнести к 1607 г., когда кетский воевода Владимир Молчанов «посылал для государева ясаку на Енисею к Тюлькину сыну и к их людям». Но

попытка оказалась неудачной. Зато туда пробились для торговли русские купцы.

Энергичные действия для закрепления русских в Тюлькиной земле предпринял первый енисейский воевода Яков Игнатьевич Хрипунов, посланный в Енисейск в 1623 г. Он отправил прикомандированного к нему из Москвы Андрея Ануфриевича Дубенского со служильными людьми «вверх по Енисею реке в новые землицы». Эта экспедиция усмотрела в «новой Качинской землице» (так теперь называли Тюлькину землю) на Енисее «на яру место угоднее, высоко и красно, и лес близко всякий есть, и пашенных мест и сенных покосов много, и государев де острог на том месте поставить мочно» (27, с. 17). После этого 25 сентября 1624 г. Хрипунов отправил в Тобольск «чертеж... урочищам и местам, где мочно быть в Тюлькиной земле острогу». Такой же чертеж был послан в Москву с самим Андреем Дубенским, повезшим в столицу енисейскую соболиную казну.

В 1625 г. в Москве царь Михаил Федорович решил в Тюлькиной земле на Красном яру поставить острог. Выполнение ответственного царского поручения было возложено на того же Андрея Дубенского. Наконец 13 декабря 1626 г. состоялся «государев указ»: «велено в Сибири, в Тобольску и в иных сибирских погодех, для тое посылки в Качинскую землю на Красной Яр прибрати четыре человека атаманов, да четырехста человек казаков... на том Красном Яру на реке на Енисее поставить острог, а послать тех новоприборных атаманов и казаков из Тобольска в ту Качинскую землю указал государь с Андреем Дубенским, а пищали тем новоприбранным атаманам и казакам указал государь... послать с Москвы» (27, с. 18).

С получением царского указа в Тобольске, Томске и других сибирских городах удалось набрать для экспедиции только триста казаков, а именно трех атаманов: 6 пятидесятников, 24 десятника и 270 рядовых казаков. Пищали для них были присланы из Москвы, порохом и свинцом, по полфунта того и другого каждому, они были снабжены в Тобольске. Кроме того, им было выдано 206 копьев. Отряд имел наряд-артиллерию: одна пищаль полковая (пушка) и к ней 27 двухфунтовых ядер; в Енисейске предписывалось взять еще одну пищаль, затинную,

к которой посылались 100 пулек железных. Отряд получил для пушек 40 пудов пороху и 20 пудов свинцу. Были захвачены с собой для подарков туземцам 5 аршин сукна, 17 фунтов меди в котлах, полпуда олова сухого в блюдах и полпуда камня «одекую» (род бисера). Были взяты запасы продовольствия, для посева – семена ржи, овса, ячменя. Для изготовления в Енисейске 10 кочей Дубенский получил судостроительные инструменты и судовые снасти.

Экспедиция поплыла из Тобольска в июне 1627 г. на 16 дощаниках и 6 лодках и достигла Маковского острога поздней осенью. С большими трудностями удалось зимним путем перевезти все запасы в Енисейск. Оттуда вновь построенные суда вышли тотчас по вскрытии Енисея, вскоре после Николина дня. До «большого порогу грузными дощаниками шли три недели; на пороге дощаники легчили, запасы из дощаников изо всех на берег носили». Всего на пороге «поднимались дощаниками две недели, и, поднимаясь, и достальные свои платишка от воды перегноили и подрали», от порога до Красного Яра шли еще три недели, куда и прибыли к концу мая 1628 г.

Передвигаясь по неизвестной и враждебной стране, казаки вынуждены были соблюдать великую осторожность и везде на стоянках строили временные укрепления. Добравшись до намеченного места, они «берег взяли» и спешно поставили «городок дощатый» и «круг острожного места... надолбы укрепили накрепко, а лес березовый на надолбы носили на себе к острожному месту с версту и больши»; затем «судовое пристанище очистили» и от самого Енисея провели надолбы до острога.

Так экспедиция обеспечила себе определенную безопасность от неожиданного нападения. Затем служилые люди «учали березовый лес носить на себе к надолбам, учали острог ставить, а иные... пошли по сосновый лес вверх по Енисею реке с атаманом Иваном Кольцовым (160 чел.) для башенного и хоромного лесу, выше Красного Яру, и ехали до бору в стругах ерталульных и наехали бор и добывали сосновый лес на... острог и на башни и на съезжую избу и на иную всякую поделку, и добывали тот лес 2 недели, а лес волочили с бору до Енисея реки за версту и дале на себе и припроводили лесу 1200 слег больших и из березового лесу и соснового... острог поставили, около

острогу рвы накопали», поставили башни и все другие казенные здания «устроили совсем наготово» (27, с. 22).

26 июля, когда работы по постройке острога были еще не окончены, качинские и аринские татары «приходили к острогу войной в кукях и панцирях». После победного для русских боя «качинские и тюлкинские мужики откочевали от того острогу прочь в степь вверх по Енисею». 17 августа Дубенский послал для преследования нападавших атамана Ивана Кольцова с отрядом в 140 казаков, которые многих нападавших взяли в плен.

15 октября в Тобольск прибыла отписка Дубенского о первоначальном завершении строительства острога Красного (ныне г. Красноярск), ставшего на Верхнем Енисее вплоть до начала XVIII в. главным опорным пунктом русских. Острог Красный не только надежно прикрывал расположенные севернее земли, но и вклинивался между владениями киргизских и бурятских князцов, сдерживая их нападения на районы, населенные принявшими русское подданство местными жителями, и русские остроги.

Из-за отдаленности своего расположения от уже освоенных русскими мест в первые же годы своего существования Красный острог пережил трудности с доставкой из Енисейска хлеба для его служилых. Уже через два года после основания нового острога московские власти попытались его ликвидировать. К счастью, до этого дело не дошло.

В 1629 году из этого острога на восток отправились два отряда казаков. Они на лодках спустились до устья р. Кан, правого притока Енисея, и поднялись по нему: один отряд – до среднего течения, второй – до верховьев, и объясачили живущих по берегам реки местных жителей.

В 1636 г. атаман Милослав Кольцов завершил подчинение Канской земли и поставил в ней острог, обеспечивавший прочное господство русских в бассейне р. Кан. А затем были предприняты попытки завоевания Братской земли силами красноярских служилых людей. Вместе с тем возобновились набеги братских людей на Канскую землю. В ответ красноярские служилые люди в 1645 г. двинулись в экспедицию в Братскую землю. Воевода направил туда отряды красноярских служилых людей русских и татар в числе 330 воинов под началом атама-



«Братские татары» (буряты). Рисунок и гравюра Е.М. Коренева

нов Милослава Кольцова и Елисея Тюменцова. Эти атаманы 4 августа нанесли решительное поражение двум наиболее могущественным братским князьям Оилану и Номче. В бою было убито до 70 братских людей, пали сам Номча и двое из сыновей Оилана. Сам Оилан с тремя другими сыновьями спаслись бегством, его жена и сын Изень, раненный в бою, вместе с женой попали в плен. В 1647 г. Оилан приехал в Красноярск и остался в аманатах (заложником), за что воевода П.И. Протасьев отпустил его жену и сына Изеня с женой. 26 июля воевода отпустил с братскими людьми атамана Елисея Тюменцова с пешими казаками для постройки острога на р. Уде «для обереганья их, братских людей, от иных немирных земель от войны и для... ясачного сбора» (27, с. 43). Этот острог стали называть Удинским.

Но на этом подчинение Оилана не завершилось. Братские князьки продолжили войну с русскими. Сам Оилан в 1651 г. откочевал внезапно со своим улусом из-под Удинского острога в дальние кочевья. В 1652 г. Андрей Буняков направил служилых людей русских и татар против бунтовавших князьков. Буряты были разгромлены, многие из них попали в плен. В 1653 г. бунтовавшие князьки явились в Красноярск и признали свою вину. Власть русских распространилась далее на северо-восток.

Причем ясно было, что одним принуждением, «жесточестью» добиться регулярной уплаты ясака братскими людьми будет невозможно. Надо было сочетать принуждение с «лаской», выразившейся в «жалованье», то есть в подарках лучшим людям, и в угощениях, которыми покупалась их покорность. Обычай требовал, чтобы плательщикам ясака, принесшим его в острог, устраивалось на казенный счет обильное угощение.

Воеводам приходилось в ряде случаев принимать самые решительные меры, чтобы обеспечить покорность местных племен. Показателен такой случай: в 1648 г. служилый Андрей Сорокин распространял слухи среди аринцев, что «государь грозит всем аринцам и качинцам головы отсечь». Воевода Михаил Дурново собрал лучших людей по улусам аринских и качинских князцов. Он поставил перед ними Андрея Сорокина «на обличение» и при всех его, «изменника», обличал. А затем он

официально объявил, что «от государя опалы и гнева» на татар никакого нет. А Сорокина пытали и били кнутом. В заключение воевода кормил и поил князцов и отпустил с почетом (27, с. 58).

Воеводы активно привлекали татар к царской службе. Так воевода Никита Иванович Карамышев, идя навстречу пожеланиям татар, своею властью выбрал 50 лучших людей и велел им «с красноярскими служилыми людьми служить конную службу, и на государевы службы и во всякие посылки ходить и в отъезжие караулы ездить» (27, с. 66). Так же поступали и некоторые другие красноярские воеводы.

Вообще-то всякий добровольно крестившийся туземец имел право поступить на царскую службу, и поэтому постоянный, хотя и незначительный, приток в состав красноярских служилых людей за счет новокрещенных шел постоянно.

Стремление подгородних татар поступить на царскую службу активно поддерживали красноярские служилые люди. «И только де, государь, — заявляли они в Москве, — пожалует, своего государева ясаку с них имать не велит, а велит их, князцов и лучших улусных людей поверстать своим государевым жалованьем. . . от них бы де никакие шатости вперед не чаять, и в государевых бы службах с ними, служилыми людьми, была помощь великая; а только де государева ясаку с них не сложить и государевым жалованьем их. . . не поверстать, и от них де впредь чаять всякого дурна, потому что около Красноярского острогу подошли многие немирные землицы» (27, с. 65).

Правительство последовало мудрому совету, приняло на службу и платило жалование служилым татарам, особенно это стало распространенным явлением во время набегов киргизских племен и джунгарских отрядов на Красноярскую землю.

Еще один путь от бассейна Оби на Енисей был установлен томскими служилыми людьми после основания на р. Томь, правом притоке Оби, в 1604 г. Томска. Томские казаки по р. Чулым (правый приток Оби) и притоку Чульма р. Кемчуг вышли на волок между этой рекой и Енисеем (позже его назвали Кемчужский волок). По этому пути они прошли на Енисей уже в 1609 г. и поднялись по его долине на 300 км. В бассейне открытой ими небольшой р. Тубы они объясачили местных жителей. Но вскоре эти тюркоязычные местные племена вновь

отделились от Руси. Тем не менее томские казаки собрали сведения о территориях, лежащих к югу и востоку от своего острога, и о разноплеменном населении этого региона.

В челобитной томских служилых людей, поданной в 1616 г. в перечне народов, живущих к югу и востоку от Томска, упоминаются «черные и белые колмаки (калмыки. — М.Ц.), и киргизские люди (енисейские кыргызы. — М.Ц.), и маты, и браты (буряты. — М.Ц.), и саянцы, и тубинцы, . . и багасары, и кызылы (кызыльцы. — М.Ц.)» (18, с. 264) (енисейские кыргызы, багасары и кызыльцы — тюркоязычные племена, составившие позже народ хакасов. — М.Ц.).

Присоединение к Русскому государству местных племен, обитавших в бассейне Енисея южнее Красноярска, затянулось на долгие годы. До конца XVII в. русским пришлось сталкиваться с нападениями киргизских князцов, опиравшихся на помощь и поддержку со стороны монгольских и джунгарских ханов Западной Монголии. До 1640 г. в бассейн реки Кан неоднократно вторгался сильный бурятский князец Оилан. Русским служилым людям пришлось защищать от грабительских набегов и русских крестьян, и местных коренных жителей.

После основания Красноярского острога киргизские отряды чуть ли не ежегодно совершали набеги на его окрестности, неоднократно осаждали сам острог, истребляли и угоняли в плен окрестное население. Только в 1642 г. томские служилые люди под начальством Н. Тухачевского и красноярские казаки, возглавляемые М. Кольцовым и С. Коловским в бою за рекой Белый Июс, приток р. Чулым, нанесли решительное поражение киргизским князцам. В результате небольшие тюркские племена аринцев и качинцев сумели окончательно войти в состав Русского государства.

В 1636–1637 гг. после сооружения Канского острога русским служилым людям удалось укрепиться в долине р. Кан. В августе 1645 г. красноярские отряды атаманов М. Кольцова и Е. Тюменцева совместно с ополчением аринцев, качинцев и канского населения после тяжелого трехнедельного похода на восток нанесли, о чем уже говорилось, сокрушительное поражение бурятскому князцу Оилану и принудили его присягнуть в верности Русскому государству — дать «шерть навечно».

В 1657 г. один из монгольских алтын-ханов Лаузан попытался захватить Красноярск, Кузнецк и Томск и произвел опустошительный набег на пограничные русские остроги и слободы, и лишь смерть отца и угроза со стороны джунгарских ханов заставили его отступить. После падения могущества алтын-ханов наиболее опасными врагами русских на Верхнем Енисее были джунгарские ханы, принявшие под свое покровительство киргизских и тубинских князцов.

Московские власти, учитывая опасность захвата Красноярска враждебными кочевниками, неоднократно принимали меры к усилению Красноярского гарнизона. В 1660 г. тобольским воеводам было предписано набрать в городах Тобольского разряда и послать в Красноярск «наспех» служилых людей с женами и с детьми, сколько пригоже, «на вечное житье». И в Красноярск присланы были на «вечное житье» голова, два сотника и служилых людей конных и пеших 180 человек (27, с. 69). Практиковалось и временное усиление красноярского гарнизона присылкой отрядов из Тобольска и Енисейска.

В 1660-х гг. киргизские князцы при поддержке джунгарских ханов возобновили грабительские набеги на русские остроги, села и поселения местных племен, принявших русское подданство. Особенно активным в грабительских набегах был Ереняк, сын Ишея, одного из руководителей борьбы с русскими в 1620–1640-х годах.

В 1667 г. отряды Ереняка и джунгарского хана осадили Красноярск, но были отбиты. Они вновь осаждали Красноярскую крепость в 1679 г. Когда Красноярск был обложен отрядами джунгарского хана, а кругом пылали деревни и села и положение казалось почти безнадежным, то служилые люди самовольно выпустили из тюрьмы ссыльного украинского полковника Василия Многогрешного, сосланного в Сибирь за подозрения в сепаратистских устремлениях.

Ему поручили командовать обороной города. Он ходил на «государевых изменников» и «бился явственно, не щадя головы своей». Он лично руководил действиями артиллерии защитников города – «пушкаря заставлял и указывал и сам прицеливался». Когда опасность миновала, то за заслуги он был поверстан в дети боярские с очень высоким окладом. А в 1692 г.

Многогрешный был начальником отряда в походе против тубинского князца Шандька, завершившемся полным разгромом неприятеля (27, с. 64).

В 1673 г. киргизские отряды дошли до Бельского острога (на р. Кеми), но и там были отбиты героически оборонявшимися казаками во главе с А. Клеопиным. В 1677–1678 гг. отряды тюркского племенного союза тубинцев захватили Канский острог, а затем осадили Тасеевский острог.

Томские и красноярские отряды совершали походы на юг в 1680 и 1682 гг. Но только в 1692 г. красноярский отряд в 750 бойцов, среди которых было 182 добровольца из числа крестьян и посадских людей и 87 из местных племен под командой В. Многогрешного разгромил тубинских князцов, вторгшихся в Канскую землю.

В 1701 г. красноярский отряд под командой С. Самсонова в составе 728 воинов прошел на юг до устья Абакана, где вел тяжелые бои с киргизами. Кузнецкие и томские отряды также совершили поход в степь. Так как джунгарские ханы потерпели тяжелое поражение в боях с маньчжурами, то киргизские князцы лишились их поддержки. В конце концов джунгарский правитель увел часть енисейских киргизов из Абаканской степи в долину р. Или. Оставшееся коренное население, составившее впоследствии основу хакасского народа, приняло русское подданство.

А постройка Абаканского (1707) и Саянского (1709) острогов, основание в 1707 г. в Тубинской земле Минусинска окончательно обеспечили безопасность проживания русского и туземного населения Красноярского уезда. И в завершение рассказа о присоединении к России земель по Верхнему Енисею следует отметить, что, несмотря на все трудности и опасности проживания в этом районе, к 1710 г. в Красноярском уезде было уже около 8 тыс. русского населения (17, с. 45, 46).

В 1612 г. голландский купец и дипломат Исаак Масса, живший по торговым и дипломатическим делам в Москве в 1601–1609 гг., издал карту Сибири, составленную явно, по русским данным, не позже 1609 г. Он этого и не отрицал, рассказав, что раздобыл у одного из дьяков или подьячих Приказа Казанского дворца карту «Северной России, страны самоедов и тун-

гусов», которую, изменив русские названия на голландские, издал на своей родине (10, с. 83).

Карта и сообщения Исаака Массы наглядно подтверждают, что уже в первое десятилетие XVII в. русские познакомились с устьем Енисея, Енисейским заливом и юго-западным участком побережья полуострова Таймыр по крайней мере до устья р. Пясины. И. Масса сообщил о том, что «во время смуты» по распоряжению сибирского воеводы были проведены две разведывательные экспедиции: одна сухопутная – не позднее 1604 г. для обследования территории к востоку от Енисея. Очень возможно, что участники этого похода из Мангазеи прошли к устью Турухана, затем, переправившись через Енисей в его низовье, продвинулись по равнине до р. Пясины, начав ознакомление с Западным Таймыром. Участники сухопутной экспедиции побывали в горах (северо-западная часть плато Путорана, возвышающееся над равниной), и в собранных образцах полиметаллических руд обнаружили серебро.

Вторая экспедиция, открытия которой подтверждаются данными карты И. Массы, вероятно весной 1605 г. вышла на кочках из устья Оби в Обскую губу, прошла на север и из губы направилась в море. Ее возглавил «предводитель по имени Лука». По некоторым данным, он был московский гость (состоятельный купец). В море кочи повернули на восток, прошли мимо Гыданской губы, не обнаружив ее, затем моряки видели у входа в Енисейский залив два безымянных острова (впоследствии их назвали Олений и Сибириков).

По сообщению И. Массы, кочи Луки вошли в устье Енисея, а затем двинулись на восток вдоль побережья Таймыра и дошли до устья р. Пейсиды (Пясины). Морской отряд имел задание «тщательно изучить берег и все то, что они найдут на нем достойным исследования. Они сделали то, что им было приказано».

Оба отряда встретились в устье Енисея. Руководитель морского похода Лука и часть моряков умерли во время этого похода (видимо, их скосила цинга). По возвращении экспедиционных отрядов сибирский воевода отправился в Москву с докладом о результатах исследований. «Доклад его, – сообщил И. Масса, – хранится среди сокровищ Московского государ-

ства до окончания войны, и затем, вероятно, он будет рассмотрен. Но мы боимся, что до этого времени он пропадет, что поистине будет печально, так как путешественники нашли много различных и редких островов, рек, птиц, диких зверей – все это далеко за Енисеем».

Доклад действительно исчез и не обнаружен по сей день. Учитывая то, что уже в XX в. юго-западное побережье Таймыра было довольно тщательно обследовано в геологическом отношении и серебро не было обнаружено, можно сделать вывод об ошибке рудознатцев начала XVII в., но сам факт обследования этого побережья русскими в те далекие годы не вызывает сомнений (18, с. 265, 266).

Известный отечественный полярный исследователь член-корреспондент АН СССР В.Ю. Визе привел несколько отличное изложение сообщения Исаака Массы о плавании Луки: «Сибирский главный начальник отдал распоряжение, чтобы сделали несколько палубных судов, и приказал им выйти весной по Оби в море, следовать вдоль морского берега до Енисея, а затем в течение нескольких недель плыть по Енисею. Одновременно он послал несколько людей по суше, приказав им оставаться на берегу реки до тех пор, пока они не обнаружат эти суда...»

Тем, кто ехал морем, было велено тщательно осматривать все, что только им попадет на глаза. Вместе с ними был отправлен их предводитель по имени Лука, которому приказали зарисовать все, что встретится по пути. Они прибыли в устье вышеуказанной реки и встретились там друг с другом, то есть те, которые передвигались по суше, с теми, кто плыл вниз по реке на судах... Прибыв в Сибирь, они дали подробный отчет обо всем главному начальнику, который послал его в письменном виде царю в Москву. Этот отчет был спрятан в сокровищнице в Москве впредь до окончания военных действий, после чего он должен быть рассмотрен, ибо в нем содержались описания островов и рек, птиц и животных, встречающихся до самого Енисея» (28, с. 46). Как видим, и В.Ю. Визе подтверждает сообщение Массы об обследовании русскими морского побережья между устьями Оби и Енисея, а также Обской губы и Енисейского залива в самом начале XVII в.

По данным самой старой ясачной книги мангазейских воевод, мангазейские служилые люди вышли к устью Енисея через район р. Хантайки, правого притока Енисея и р. Большой Хеты, впадающей в Енисейский залив совсем недалеко от устья Енисея, сразу после основания Туруханского острога в 1607 г. В этих районах были объясачены энцы, жившие родовым строем.

На р. Хантайке было основано Хантайское зимовье. Промышленники добрались по р. Курейке, правому притоку Енисея, устье которой расположено всего в 70 км вниз от Туруханска, и по р. Токуй (одна из составляющих р. Хатанги) до Хатангского бассейна. Р. Хатанга впервые упоминается в ясачной книге в записях 1611 г. (10, с. 128).

Из бассейна р. Большая Хета мангазейские казаки и промышленники проникли в долину р. Пясины, в Пясинскую тундру, где кочевало энецкое племя, и открыли исток р. Пясины-озеро, которое значительно позже стали называть «Пясино».

Первое дошедшее до нас русское сообщение о плавании промышленников и торговцев по Енисейскому заливу и вдоль побережья Таймыра к устью р. Пясины относится к 1610 г. В июне этого года двинские торговцы во главе с Кондратием Курочкиным и Осипом Шепуновым на судах, построенных под Туруханском, вышли к устью Енисея с целью пройти далее на восток. Им долго не удавалось пройти из залива в море. «Устье Енисейское, — рассказывал Курочкин, — занесло из моря льдом, а лед давний, ни о которые поры не изводитца, в толщину сажень в тридцать и больше (примерно 60 м. — М.Ц.)» (22, с. 1015).

Курочкин первый указал на возможность установления прямого морского пути из Архангельска в устье Енисея. Более того, он установил судоходность Нижнего Енисея и сумел собрать сведения о природе этого района и таежного приенисейского района к югу от Туруханска и написать об этом в своем отчете: «А падет де Енисей в морскую губу, а губа морская то же Студеного моря, которым ходят немцы из своих земель кораблями к Архангельску... А Енисей де глубок, большими кораблями из моря в Енисею пройти мочно ж и река угодна; боры и черный (лиственный. — М.Ц.) лес и пашенные места есть, и

рыба в той реке всякая такова ж, что и в Волге и... люди на той реке живут многие».

В начале августа, на исходе пятой недели ожидания улучшения ледовой обстановки, в заливе подул сильный южный ветер, который вынес лед из залива в море. Кочи Курочкина и Шепунова вышли в море и поплыли на северо-восток вдоль Таймырского побережья. Через двое суток плавания суда вошли в р. Пясину. К 20-м гг. XVII в. русские промышленники прочно обосновались на Пясины. По р. Большой Хете они также основали несколько промысловых зимовий, а под 1626 г. упоминается промысловое зимовье на Пясины — Орлов городок (10, с. 129; 18, с. 266).

Безусловно, промышленники продолжили обследование побережья Таймыра и открыли около 300 км берега, которому позже было присвоено имя русского военного моряка Харитона Лаптева, проводившего опись этого самого северного полуострова материка Азия в 1739—1742 гг.

В 1940—1941 г. советская гидрографическая экспедиция на судне «Норд» на северном острове группы Фаддея у северо-восточного побережья Таймыра обнаружила обломки лодки, старинные вещи, в том числе пищаль: пули, картечь, медные котлы, оловянные тарелки, нательные кресты, серьги, перстни, остатки одежды и обуви русского образца, фигурки шахмат из мамонтовой кости, а также русские серебряные монеты чеканки не позднее 1617 г. А на берегу бухты Симса в том же районе гидрографы нашли останки трех человек, развалины избы, обрывок документа — жалованной грамоты, большое количество личных вещей, в том числе два именных ножа, большие комки меха песца и соболя, навигационные приборы — солнечные часы и компас, старинные русские монеты. Удалось даже установить имена владельцев ножей по надписям, вырезанным на рукоятках: это Акакий и Иван Муромцы, то есть выходцы из того же района Руси, где, по преданию, родился былинный древнерусский богатырь Илья Муромец.

Найденные предметы свидетельствуют, по мнению ряда исследователей, что русская торгово-промышленная экспедиция в составе примерно 10 человек прошла, вероятно, на одном коче с запада мимо самой северной точки Азиатского матери-

ка (которую позднее называли в честь русского полярного исследователя, положившего в 1742 г. этот участок побережья Таймыра на карту, мысом Челюскина) еще в первой четверти XVII в. (примерно в 1617–1625 гг.).

Приблизительно в 54 милях к юго-востоку от этого мыса экспедиция стала на зимовку и из плавника построила на берегу бухты Симса избу. По крайней мере 3 человека погибли во время зимовки. Летом часть зимовщиков на лодке переплыла на северный остров группы Фаддея (к востоку от бухты Симса) и, вероятнее всего, также погибла.

В 1975 г. отечественный полярный географ В.А. Троицкий, проведший летом 1971 г. раскопки и затем сделавший анализ документов XVII в., предложил другую версию происхождения найденных на Таймыре материальных остатков. Он полагал, что найденные предметы принадлежали экспедиции, которая на двух кочах в 40-х гг. XVII в. вышла в море с грузом пушнины, собранной в бассейне р. Лены, и направилась на запад. У северо-восточного побережья Таймыра потерпели крушение один за другим оба коча, а оставшиеся в живых мореходы проследовали на юг, пытаясь выйти в обитаемые места. Подтверждением этой гипотезы служит множество мехов — целый склад, обнаруженный на берегу бухты Симса; а также отсутствие среди найденных вещей предметов, предназначенных для массового обмена на меха или для снабжения промысловых зимовий. В книгах и документах XVII в. неоднократно сообщается о случаях плавания судов с грузом собранной пушнины — «меховой казной» из района устьев Кольмы, Ингидирки, Яны и других рек северо-востока Сибири к устью Лены.

О плавании русских в XVII в. к Таймыру с востока писал голландский географ Николас Витсен в своем сочинении «Северная и Восточная Татария».

В свете всего этого версия В.А. Троицкого является, на наш взгляд, более обоснованной, чем ранее высказываемые. В любом случае таймырские находки свидетельствуют о героическом плавании русских торговцев и промышленников в тяжелейших ледовых условиях на морских кочах в первой трети XVII в. в таких районах Арктики, где до этого не проходили другие суда. (18, с. 268).



КАК БЫЛИ ОТКРЫТЫ ВЕЛИКАЯ СИБИРСКАЯ РЕКА ЛЕНА И ЕЕ ПРИТОКИ

Хотя всегдашними снегами
Покрыта северна страна,
Где мерзлыми Борей крылами
Твои взвевает знамена;
Но бог меж льдистыми горами
Велик своими чудесами:
Там Лена чистою водой
Как Нил народы напаяет
И бреги наконец теряет,
Сравнившись морю широтой.

Михаил Ломоносов

Жившие по Нижней Тунгуске эвенки-буляши, которые посещали Туруханск для обмена пушнины на русские промышленные товары, рассказывали, что к востоку от верховьев этого крупного правого притока Енисея течет другая великая река Елюенэ, на которой живут разные народы. То были первые смутные известия о якутах. Само название этой реки по-эвенкийски означает «Большая река», «угодна и обильна». Казаки и промышленники стали называть ее Леной (18, с. 269).

Выдающуюся роль в открытии Лены сыграл промышленник Пенда (Пянда). Подлинные «скаска» Пенды и даже их копии не сохранились. Через 100 и более лет сведения о самом первопроходце и о его странствованиях по Лене собрали в Енисейском крае и Якутии, расспрашивая прямых потомков первых землепроходцев-мангазейских и енисейских казаков и промышленников, участники академического отряда Великой Северной экспедиции 1733–1743 гг., организованной русским правительством, академики историк Герард Фридрих Миллер и натуралист Иоганн Георг Гмелин.

Им удалось выяснить, что Пенда появился среди промышленников — «гулящих людей» в Мангазее около 1619 г. «Пянда (Пенда)» — это прозвище. По сообщению историков И.П. Магидовича и В.И. Магидовича, слово это обозначает опушку подола ненецкой малицы — неразрезанной одежды из оленьего меха шерстью внутрь — разноцветным собачьим мехом. Эти же историки считают, что ныне документально доказано: великого землепроходца, скорее всего, звали Демид Софонович (18, с. 268).

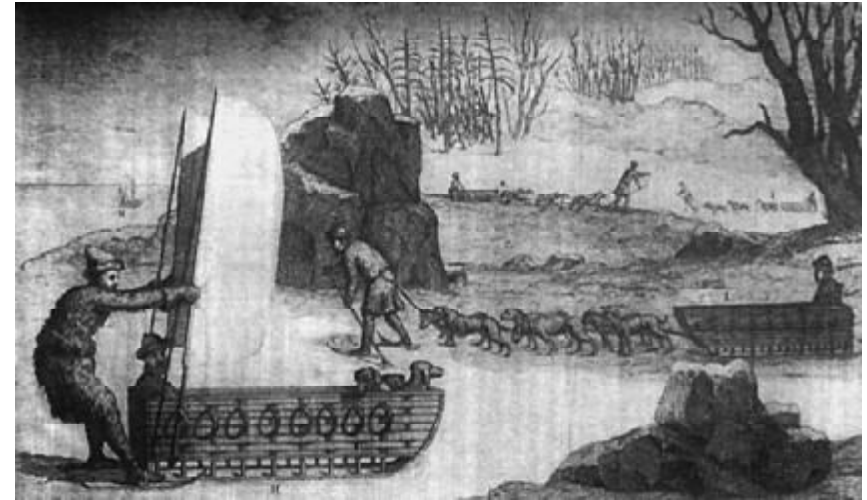
Пенда прибыл в Мангазею из Енисейского острога и, собрав промышленную артель из 40 человек, прошел с ней «на промыслы», то есть для добычи пушнины охотой и обмена ее на товары, в Туруханск. В 1620 г. Пенда во главе своей артели промышленников на стругах поплыл вверх по Нижней Тунгуске.

Далее приведем отрывок из той части дневника академика И.Г. Гмелина, где говорится о проведенных им исследованиях в Якутске и Якутии, тем более что ученый рассказывает и о побудительных мотивах, которыми руководствовался Пенда в своих необычайных путешествиях: «Теперь мог бы я закончить эту книгу. Но так как я из Якутска еще не вернулся, то должен вернуться к тому пути, который я сделал уже сюда. В этом должен мне помочь один русский предприниматель, который, как говорят изустные рассказы мангазейских казаков, передававшиеся от отца к сыну, впервые открыл отсюда якутские местности.

Пенда, некий русский гулящий человек, хотел с 40 человеками, частью в России, частью в Сибири собравшегося народа искать свое счастье в Сибири, ибо он так много о захвате земель слышал и свое имя, тоже как и другие, о чьих больших делах рассказывали, хотел сделать знаменитым.

Он приходит на Енисей, идет по нему вниз до Мангазеи (видимо, речь идет о Новой Мангазее, то есть о Туруханске. — М.Ц.), слышит там, что Нижняя Тунгуска, которая невдалеке выше в него впадает, очень заселена чуждыми народами и что против ее начала есть другая очень большая река, по которой тоже много народов живет. И вскорости он решает идти вверх по этой реке и всю эту страну исследовать.

Он строит себе необходимое для этого число судов, но в первое лето доходит не далее, чем область Нижней Кочомы



Езда в Сибири на нартах с парусом и на нартах, влекомах собачьей упряжкой. Гравюра из книги Н. Витсена, 1692 г.

реки. Вслед за тем тунгусы преградили ему дорогу сваленными через реку многими могучими деревьями и не пропустили его суда.

Он должен был, таким образом, решиться провести зиму в той же самой области, для чего он и построил себе хижину, чтобы жить в ней, которая еще и в настоящее время известна под именем Нижнего Пендина зимовья. (И.П. и В.И. Магидовичи считают, что встреченный Пяндой затор плавника выше устья Илимпеи, левого притока Нижней Тунгуски, у порогов имел естественное происхождение, а русские подумали, что это дело рук тунгусов. Зимовье, поставленное несколько выше порогов, еще в середине XVIII в. местные жители называли Нижним Пендиным. — М.Ц.) (18, с. 270). Тунгусов, однако, не остановила даже и хижина, и они делали частые набеги на нее. Но Пенде было не трудно отгонять их обратным огнестрельным оружием, которым он был вооружен, так часто, как он этого хотел, поскольку они не имели ничего другого, кроме лука и стрел.

Следующим летом он отправился опять на суда. Но чем далее тунгусы прошлой зимой были им отогнаны назад и чем

более они узнавали его силу, тем более считали они в высшей степени необходимым препятствовать во всех его предприятиях, чтобы он не мог приблизиться к ним еще ближе и стать полным хозяином над ними. Они мучили его так, что он летом никак не мог дойти до Средней Кочомы и был вынужден снова остановиться и построить хижину, в которой прожил всю зиму. Она известна под именем Верхнего Пендина зимовья. (Это зимовье располагалось немного ниже Средней Кочомы — у 62 градуса с. ш. всего на несколько десятков км выше по реке от Нижнего Пендина зимовья. — *М.Ц.*)

Тунгусы увидели, что они ему ни на воде, ни в его хижине ничего сделать не могут. Они оставили его в его зимнем лагере в покое и, как он третьим летом опять вверх шел, не мешали ему нимало. (Он поднялся от Верхнего Пендина зимовья на несколько сот километров — до 58 градуса с. ш. — *М.Ц.*)

Он достиг без всякого сопротивления области Нижней Тунгуски, откуда берет свое начало Чечуйская волость, или район между Тунгуской и Чечуйским острогом на Лене (острога, естественно, тогда еще не существовало, он был основан русскими казаками в 30-х гг. XVII в. — *М.Ц.*). Отсюда он, по видимому, или через ловких лазутчиков, или через других людей имел безопасные сведения, ибо едва он об этом позаботился, как выступил в сухопутное путешествие (то есть решил пройти Чечуйский волок на Лену — около 20 км. — *М.Ц.*)

Однако же не знал он, что тунгусы всю их силу собрали. Они оказали ему такое большое сопротивление, на какое только были способны, и вынудили его на горе Юрьев, которая находится на том же участке, построить зимнюю хижину, в которой он свою судьбу, что предстояла ему зимой, должен был ожидать...

Итак, пришел он в четвертую весну на Лену (ниже нынешнего г. Киренска. — *М.Ц.*). Как только он построил необходимые суда, пошел вниз по Лене до области города Якутска (который был основан только через 9 лет после выхода Пенды с товарищами на Лену, там Пенда встретил якут, новый для русских народ. — *М.Ц.*)

Он должен был затем идти оттуда обратно вверх по Лене до области Верхоленска (то есть он доплыл до того пункта,

куда можно было дойти на легких судах — у 54 градуса с. ш. — *М.Ц.*), а оттуда через степи (населенные скотоводами — братами — бурятами. — *М.Ц.*) на Ангару и по ней и по Тунгуске (Верхней, так тогда называли Нижнюю Ангару. — *М.Ц.*) в Енисейск, где он о своих открытиях письменное известие составил и через то дал повод к заселению помянутых областей».

И.П. и В.И. Магидовичи считают, что если Пянда с товарищами осенью 1623 г. достигли Ангары, вероятно близ устья Уды, то они имели еще время построить новые легкие лодки и начать сплав за несколько недель до ледостава. Ведь в верхнем течении Ангара замерзала поздно, обычно во второй половине декабря. На участке, где Ангара делала излучину, ниже устья большого притока Оки, промышленники сумели миновать ряд больших падунов (порогов), за ними течение стало спокойнее, и река круто повернула на запад к Енисею.

Академик Г.Ф. Миллер в своей «Истории Сибири» также написал о Пенде (или Пянде), добавив к рассказу Гмелина некоторые частные детали. Так он отмечает, что зимний период пребывания в построенных хижинах Пенда и его товарищи использовали для охоты на соболей. Им не приходилось разбирать завалы на реках, как они считали, устроенных враждебно настроенными тунгусами, так как полая вода весной просто сносила эти преграды. Миллер уточнил, что при своем походе вверх по Лене Пенда дошел до устья р. Куленги, откуда и перешел степью на Ангару. А свое замечательное, многолетнее путешествие, начатое из Туруханска, Пенда там и закончил (11, с.170–173).

В полной мере оценил значение похода Пенды президент Географического общества СССР академик Лев Семенович Берг. В 1927 г. он писал, что «это путешествие составляет поистине необычайный географический подвиг» (11, с. 169). Действительно, вдумаясь в цифры, отображающие деяния Пенды (Пянды) и его товарищей. За 3,5 года они прошли новыми речными путями около 8 тыс. км и положили начало открытию русскими Восточной Сибири. Пенда обследовал Нижнюю Тунгуску на протяжении примерно 2300 км и выяснил, что верховья ее и Лены сближаются, а через открытый им Чечуйский волок русские казаки и промышленники стали вскоре

проникать на Лену. Он первым в течение одного лета прошел по Лене вниз и вверх около 4000 км и проследил ее течение на протяжении 2500 км. Пенда первым указал русским удобный путь от верхней Лены к Ангаре, течение которой он проследил почти на 1400 км от истока. Он же доказал, что Ангара и Верхняя Тунгуска – это одна и та же река. (18, с. 271).

Вообще-то точно так и не известно, кто же из казаков и промышленников первым проник на великую сибирскую реку. Д.и.н. М.И. Белов сообщает о походе в 1622 г. из Мангазеи по Нижней Тунгуске отряда стрельцов и промышленников во главе с Григорием Семеновым. Поход продолжался долго и проходил в трудных условиях. Только через три года отряд достиг истоков Нижней Тунгуски, преодолев речные пороги и перекаты. Люди выбились из сил. Семенов вынужден был повернуть обратно. Только промышленник Матвей Парфентьев и Игнатий Ханептек решили двигаться далее на восток. Им удалось побывать у шилягиров – тунгусского племени, кочевавшего по среднему течению Лены. Известны и другие ранние походы на Лену. Мангазейские промышленники Иван Зорин и Сидор Водяников еще раньше Парфентьева пытались основать свои соболиные промыслы в среднем течении Лены. Там же побывал в эти годы промышленник Владимир Шишка (14, с. 388, 389).

Дальнейшее проникновение служилых людей и промышленников на Лену шло двумя путями: северным через Нижнюю Тунгуску и южным – через Верхнюю. В 1628 г. отряд из 30 казаков во главе с Антоном Добрыньским и Мартьяном Васильевым с проводником промышленником Алимпом Теофиловым Лупачко перешел с Нижней Тунгуски на Чону и Вилкой, проник на Лену и Алдан, собрал ясак со многих тунгусских и якутских родов и, потеряв 15 человек, возвратился в Тобольск в 1632 г.

В 1629 г. отряд тобольских, березовских и мангазейских казаков под командой сосланного в 1621 г. в Сибирь «поляка Литовского полку» Самсона Навацкого прибыл на Нижнюю Тунгуску по просьбе промышленников для защиты их от «иноземцев», которые не хотели пускать в соболиные уголья чужаков. Этот отряд должен был прийти «до коих мест ходят промышленные люди на промысел», и «в тех дальних землях им, промышленным людям, учинить оборонь» (6, с. 151).

Началось присоединение верховьев Нижней Тунгуски и освоение волокового перехода в бассейн Лены. В 1630-е гг. по Вилкою и Лене прошло еще несколько групп казаков, поставивших острожки и зимовья, вокруг которых, в свою очередь, ставили зимовья торговцы и промышленники, устремившиеся в бассейн Лены после похода А. Добрыньского и М. Васильева.

В 1633 г. на Чону, Вилкой и Лену с той же целью, что и экспедиция С. Навацкого, отправился отряд из 38 тобольских казаков во главе с Воином Шаховым. Казаки этого отряда в течение 6 лет основывали зимовья в Вилкойском крае, везли ясак с тунгусских и якутских племен и десятую часть добытой «мягкой рухляди» у русских промышленников (2, с. 28).

По данным, сообщенным участниками походов А. Добрыньского, М. Васильева, С. Навацкого, и расспросам эвенков мангазейский воевода А.Ф. Палицын по возвращении в Москву составил записку о путях на «великую реку» Лену, приложив к ней описание и чертеж пути и в 1633 г. передал ее в приказ Казанского дворца.

В своем проекте воевода предлагал распространить русские владения далеко на восток «до восток солнечных, до переходу великого царя Александра и до превысокого холма Каракура», туда, где «обитают люди единоногие и единокорые» (6, с. 151) (в средние века считали, что Александр Македонский в своем индийском походе дошел до Китая и Восточного океана, то есть до конца света. – М.Ц.).

Этот северный путь с Енисея на Лену был совсем не простым. По р. Титее, притоку Нижней Тунгуски, казаки и промышленники поднимались к ее верховьям, а затем шли волоком два дня (весной) и пять дней (летом) и выходили на р. Чурку, впадающую в Чону, приток Вилкой. Спуск по Чурке был крайне затруднен, так как «речка малая, а не судовая, только де большая вода живет весною от снегов». Из Чурки путь шел в Чону, а оттуда в Вилкой, приток Лены (6, с. 124).

И на южном направлении шло активное проникновение русских в бассейн Лены. В 1628 г. начался трехлетний поход енисейского служилого человека Василия Бутра, в ходе которого был открыт самый южный путь туда из бассейна Енисея. В Бугор с 10 казаками направился вверх по правому притоку Анга-

ры Илиму и его притоку Игирме до того места, где она сближается с Кутой, оставив в стороне устье Оки — другого левого притока Ангары, где жили воинственные бурятские племена. Затем он перешел по невысокому водоразделу на Куту и по ней спустился на Верхнюю Лену, по которой поплыл вниз до устья р. Чаи, правого притока Лены (58°12' с. ш.).

За год до этого на Ангаре побывал енисейский казак Максим Перфильев, посланный для объяснения живших там бурят. Возвратившись весной 1628 г. обратно в Енисейск, он успел предупредить В. Бутру об опасностях, связанных с поведением «немирных» бурят.

По пути к Бутру присоединились 30 казаков из другого отряда, посланного енисейским воеводой с заданием выйти по Илиму на Лену. Бутру удалось договориться с приставами к нему служилыми людьми о порядке дележа собранного ясака и добытых охотой и торговлей мехов. Для проведения в дальнейшем регулярного сбора ясака на Верхней Лене Бугор основал два зимовья: в устье Киренги, правого притока Лены и выше по течению в устье Куты, и вернулся в 1630 г. в Енисейск, оставив в зимовьях для «службы» в первом четырех, а во втором двух казаков. Позже в этих пунктах были построены остроги Киренск и Усть-Кут (2, с. 28, 29).

В это же время был основан Илимский острог у волока на Лену — важный опорный пункт для дальнейшего продвижения русских людей на эту реку, и основан он был, видимо, по мнению д. и. н. М.И. Белова несколько ранее, чем в 1630 г., как считалось ранее. Он писал, что сведения о реке Лене были положены в основу «Росписи» земель, составленной в Енисейской воеводской канцелярии по распоряжению енисейского воеводы С.И. Шаховского, где к концу 20-х гг. были собраны достоверные сведения о речных и конных путях на Лену и о местном населении. Еще летом 1629 г. в канцелярии знали, что «Лена река впала своим устьем в море». Значит, и в низовьях Лены побывали енисейские служилые люди еще до 1629 г.

В «Росписи» были указаны два пути на Лену: конная дорога с восточного притока Ангары — р. Ожи (два дня конной езды) и «волок на Куту реку по левой стороне». О Кутском, или Илимском, волоке в «Росписи» сказано, что переходят его с

Илима за четыре дня, а затем по р. Куте спускаются в Лену. Там же указано, что енисейские служилые люди поставили на Илиме зимовье «на местах пашенных и к селитьбе угожих». Отсюда д.и.н. М.И. Белов делает вывод, что «основание Илимского зимовья приходится на более раннее время (до лета 1629 г.), чем считалось до сих пор» (10, с. 141, 142).

Летом 1629 г. енисейский воевода С. Шаховской отправил на Илим атамана Ивана Галкина с отрядом из 33 казаков для «государева ясачного сбора и острожные поставки». Галкин исследовал также судоходные речки у Ленского волока — водораздела между Илимом и Кутой и открыл еще более короткий путь с Илима на Куту. Он поставил (или, если следовать версии М.И. Белова, расширил и укрепил) зимовье у того места на Илиме, выше устья Игирмы, до которого могли доходить речные суда. Это зимовье стали называть Ленским волоком, а затем переименовали в Илимск.

Со временем Илимский острог стал важным промышленным становищем и торговым пунктом. Уже в 1639 г. там был устроен гостиный двор с амбарами «на хлебные запасы их и на русские товары для торговли», но, по мнению члена-корреспондента Академии наук СССР С.В. Бахрушина, по-видимому, богатые московские и другие торговцы из русских городов еще раньше построили там собственные амбары и избы. А религиозным и общественным центром становища стала поставленная «по обещанию русских торговых людей» часовня, служившая и местом мирских сходов. В свою очередь енисейские таможенники организовали в становище сбор таможенных пошлин. Позже с образованием самостоятельной таможни на Лене, ленские таможенные головы посылали на волок своих целовальников (6, с. 123, 124).

Безусловно, путь через Ленский волок был довольно сложным, особенно когда доходили до р. Муки, впадающей в р. Купу, приток Куты. На Муке приходилось делать плоты, потому что р. Мука — «каменистая и мелкая, таскают по ней на плотех великою нужею и большое по 20 пуд (320 кг. — М.Ц.), и те де в омутех многожды топят». Так же были мелки и реки Купа и Кута. «А Мукою и Куюю реками в устье, где та Кута река в Лену пала, итить будет на плотах, — доносил в 1645 г.

В своей челобитной, поданной царю Михаилу Федоровичу, Бекетов писал, что при этом «А преж, государь, меня в тех местех никакой русской человек не бывал» (24, с. 93, 94).

Пройдя осенью 1630 г. через Усть-Кутское зимовье, Бекетов с 20 казаками поднялся по Лене до устья «реки Оны» (видимо, р. Анай у 107° в. д. (и обследовал ее на протяжении 500 км, немного не дойдя до истоков. Объясачивание местных бурятов сопровождалось столкновениями с ними и осадой бурятами небольшого укрепления, построенного казаками).

Оставив в укреплении десятника с девятью казаками, Бекетов с остальными спустился до устья Куленги (у 54° с. ш.) и прошел в степи Лено-Ангарского плато для того, чтобы объясачить кочевавших там бурят. Получив резкий отпор, Бекетов поспешил вернуться на Верхнюю Лену, а затем и в Усть-Кутское зимовье.

Весной 1631 г. енисейский воевода Ждан Кондырев направил сотника Бекетова с 30 казаками на Лену и поручил поставить там острог. Бекетов поднялся по Ангаре и через Ленский волок вышел на великую реку. Он спустился по Лене, а вверх по Киренге, правому притоку Лены, направил А. Дубину с семью казаками. Бекетов доплыл до Средней Лены и обследовал южную излучину этой реки. У вершины дуги (близ 130° в. д.) осенью 1632 г. он основал Ленский острог на «месте, называемом Чуковым полем, тесном и низком, которое ежегодно топило вешнею водой».

Атаман Галкин, вновь прибывший в Якутию в 1633 г. на смену Бекетову, в 1634 г. перенес острог с низменного берега на более удобное место, но не изменил местоположения этого опорного пункта «на многих на больших дорогах в ьные землицы». В 1636 г. начальником Ленского острога становится Парфен Ходырев, сменивший Ивана Галкина. С этого времени острог стал называться Якутским городком.

Острог по-прежнему часто страдал от половодья. Поэтому в 1643 г. по распоряжению воеводы Петра Головина его перенесли на Эжков луг, расположенный в 70 верстах от старого острога вверх по Лене (17, с. 47). Новый Якутский острог имел ограду в 333 сажени (720 м) с 5 башнями. Внутри острога находились две церкви, воеводский дом, каменные амбары и другие строения (29, с. 56).



Г. Решетников. Якутский шаман

воевода Василий Пушкин, — а в малых де судах и в стружках отнюдь будет итить немочно, потому что де те, государь, реки каменные и малые, ходят по них судами только в одну вешнюю пору, как половодье бывает... а плотишка на той реке промышленные люди делают малы, только поднимают пуд с 20, и везде, бродя, с камени те плотишка сьмают стегами, а те де речки, идучи, перед собою прудят парусь» (6, с. 124).

В конце 1629 г. Иван Галкин на нартах вышел на Верхнюю Лену. Его казаки сменили оставленных Бугром людей в устье Куты и организовали постоянное Усть-Кутское зимовье. Весной 1630 г. на построенных стругах он спустился по Лене до «якольских людей» (якутов). Видимо, он добрался до якутских поселений близ 62° с. ш. (примерно там, где сейчас г. Якутск) и собрал там ясак, преодолев сопротивление пяти объединившихся местных вождей.

По его сообщению, якуты «скотны и конны и людны и доспешны и воисты» (18, с. 274). Затем он спустился до устья Алдана и поплыл вверх по нему за устье р. Амги, его левого притока, примерно на 400 км, на что потратил 30 суток. Якуты, которые густо заселяли долину Алдана, оказали сопротивление отряду Галкина. Он захватил в заложники жен и детей местных племенных вождей-князьков и заставил их принять подданство Московского царя и выплатить ясак.

Галкин возвратился на Верхнюю Лену и продолжил сбор ясака с якутов и тунгусов. При этом он составил первую опись участка реки между устьями Куты и Вилюя на протяжении более 2000 км, в частности перечислил шесть правых крупных притоков: Киренга, Чая, Чичуй (Чуя), Витим, Олекма, Алдан, и три левых: Ичера, Пеледуй, Вилкой.

В 1630 г. на Лену был послан енисейский стрелецкий сотник сын боярский Петр Иванович Бекетов. До этого он уже 9 лет находился на «государевой службе, зимней и летней, конной и струговой, и нартной». В 1628 г. он приводил в покорность и собирал ясак с тунгусов, живших по Верхней Тунгуске. На следующий год Бекетов «ходил ис Братцкого порогу по Тунгуске вверх и по Оке реке, и по Ангаре реке, и до усть Уды реки» для сбора ясака с братских княжцей и улусных людей (бурят).



Муляж шамана в костюме из Музея музыки и фольклора г. Якутска. Фото Н. Федорова

Район для основания острога был выбран Бекетовым исключительно удачно. Острог стал базой для продвижения русских на север к полярным морям, на восток к Охотскому морю, а затем и на юг – к Амуру.

В конце июня 1632 г. Бекетов направил для обследования Нижней Лены до места ее впадения в полярное море девять казаков под командой Ивана Падерина, участника похода А. Дубины в верховье Лены. Так что Падерин стал первым русским, проплывшим почти всю великую реку на протяжении 4400 км.

В августе 1632 г. Бекетов послал вниз по Лене отряд енисейских казаков во главе с Алексеем Архиповым, который далеко на севере у Северного полярного круга поставил на левом берегу Лены Жиганское зимовье, ставшее важным опорным пунктом для походов на «дальние заморские реки».

Весной 1633 г. казаки, посланные Бекетовым, пытались пройти на лодках по Вилюю, чтобы объяснить эвенков, проживавших на берегах этого крупного северного притока Лены. В устье Вилюя они встретились с мангазейскими казаками под командой Степана Корятова, прибывшими туда по пути, проложенному Мартыном Васильевым.

Еще в 1630 г. Мартын Васильев с 30 казаками из Новой Мангазеи поднялся по Нижней Тунгуске до того места, где она сближается с Чоной (у 61° с. ш.), спустился вниз по Чоне до Вилюя и по нему до Лены. Далее он поднялся по Лене до ее среднего течения и выяснил, что там долина реки заселена гуще, чем известные русским районы Енисея. Хотя служилых людей у него было мало, но он все же собрал небольшой ясак и доставил его в Москву. И на Енисее, и в Москве он сообщил об изобилии на Лене соболя.

Поэтому в устье Вилюя встретились соперники: мангазейский отряд Корятова и люди Бекетова. Корятов в устье Вилюя захватил суда бекетовцев и привлек их на свою сторону. Часть своего теперь объединенного отряда он повел вверх по Лене до устья Алдана и в 1633 г. первым поднялся по его западному притоку Амге. Корятов попытался обложить ясаком якутов, живших между Амгой и Леной, которые до этого уже были обложены данью людьми Бекетова. Все это вызвало сопротивление местных жителей, и в январе 1634 г. отряд якутов, в

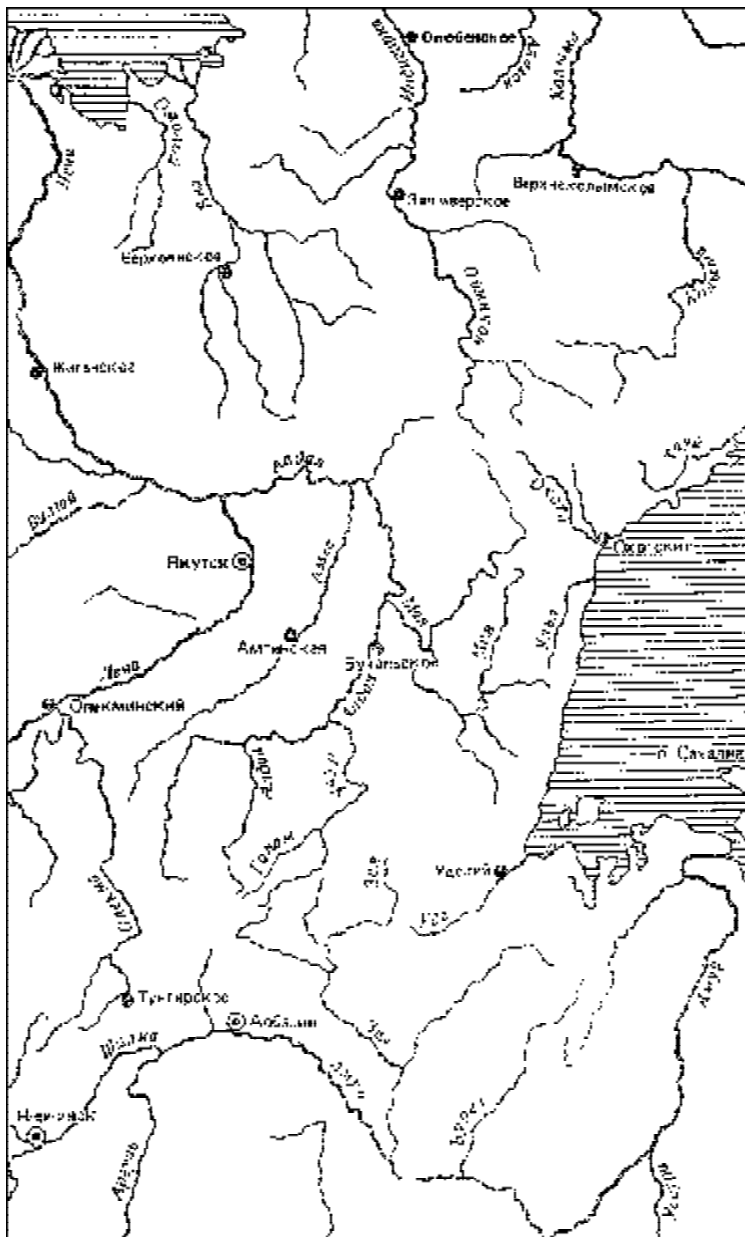
котором было до 1000 воинов, осадил Ленский острог, где уже находилось до 200 русских казаков, промышленников и торговцев. Осада вскоре была прекращена, и часть якутов ушла в отдаленные районы, а остальные продолжали оказывать сопротивление казакам. В 1636 г. якуты опять осадили Ленский острог, но снова потерпели неудачу.

В ходе борьбы с восставшими казаки ознакомились со всем районом Средней Лены. В 1635 г. Бекетов поставил у устья Олекмы острог, который стал базой для походов с целью сбора ясака по Олекме и ее главному притоку Чаре, а также по Большому Патому и Витиму. Он первый побывал у северных и западных окраин Патомского нагорья.

Промысловое освоение бассейна Лены с первых же лет появления там русских проходило необычайно быстро. Если в 1634 г. в Якутский острог с промыслов собралось 200 промышленников, то через 8 лет летом туда приехали уже 3000 человек, при этом многие промышленники, не поехав в Якутск, остались в зимовьях (10, с. 142). Уже с 40-х годов XVII в. по добыче пушныны бассейн Лены вышел на первое место в Сибири.

Вошедшие в состав Русского государства обширные территории по Лене и ее притокам составляли огромную страну. Большая часть якутского населения быстро убедилась в выгоды мирных связей с русскими промышленниками и торговцами людьми. И выгоды от торговых обменов, от использования русских товаров, от прекращения межплеменных войн послужили главным стимулом, ускорившим присоединение Якутии к России.

В 1638 г. на Лене государевым указом было создано новое сибирское воеводство с центром в Якутске. Московские власти решили пресечь ссоры и свары между отдельными партиями казаков из разных сибирских городов, которые столкнулись на Лене в стремлении захватить в свою сферу влияния максимальное число обьясаченных «иноземцев»: «Меж себя у тех тобольских и у енисейских, и у мангазейских служилых людей для тое своей бездельные корысти бывают бои; друг друга и промышленных людей, которые на той реке Лене соболи промышляют, побивают до смерти, а новым ясачным людям чи-




Якутский край и Приамурье

нят сумнение, тесноту и смуту и от государя их прочь отгоняют» (6, с. 152, 153). Именно подобная «смута» и связанные с ней убытки для казны и заставили московские власти учредить Якутское воеводство, изъяв все вновь открытые земли из ведения других сибирских воевод и запретив енисейским, мангазейским, томским и другим служилым людям ходить на Лену.

В августе 1638 г. из Москвы на Лену в Якутск отправились старший царский воевода стольник Петр Головин, второй воевода Матвей Глебов и дьяк Ефим Филатов. В помощь им назначили двух письменных голов (управляющих воеводской канцелярией) Еналия Бахтеярова и Василия Пояркова (будущего начальника первой большой экспедиции на Амур). С воеводами следовали 395 стрельцов и казаков, а потом еще прибавились плотники, судовые мастера, кузнецы, оружейники, толмачи, четыре священника. Воеводы добрались до Якутска лишь летом 1641 г. (30, с. 76).

В царском наказе первому ленскому воеводе говорилось о необходимости создания отдельного Якутского воеводства и было сказано по этому поводу: «В сибирских городах и острогах у ясачных людей угодыя, где прежде всего добывали, стали за русскими людьми, что русских людей перед прежним в Сибири умножилось, а ныне ясачные угодыя заняты пашнями и впредь в тех ближних сибирских городах государеву ясаку будет недобор... А та де великая река Лена угодна и пространна и людей в ней разных землиц кочевых и сидящих и собoley много всякого зверя... и будет та Лена река другая Мангазея» (10, с. 143).

Важно, что в числе прочих поручений Головину было приказано составить описание пути на Лену. Во исполнение этого распоряжения воеводская канцелярия в 1640–1641 гг. составила карту и к ней «ропись против чертежу рекам и порогам от Енисейского острога вверх до Ленского волоку, по которым шли на государеву службу на великую реку Лену... стольники и воеводы П. Головин, М. Глебов, дьяк Еуфимий Филатов во 148 году». Это был как бы обобщающий документ по завершению исследования русскими землепроходцами южного пути с Енисея на Лену (6, с. 122).



РУССКИЕ КОЧИ У СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ СИБИРИ

Казаки вы мои, казаченьки,
Казаки вы, слуги верные!
Послужите вы, мои казаченьки,
Послужите царю белому.

Старинная казачья песня

Сразу после его основания в 1632 г. Якутский острог стал базой по организации морских и сухопутных экспедиций для поиска новых богатых пушным зверем «землиц», в том числе и расположенных по побережью Ледовитого моря к западу и востоку от устья Лены. Первый морской поход из устья Лены совершил летом 1633 г. отряд енисейских и тобольских служилых людей, а также промышленников в составе более 100 человек под начальством енисейского пятидесятника Ильи Перфильева (Перфирьева).

Отряд спустился по Лене до устья и там разделился. Коч под командой Ивана Ивановича Реброва направился, вероятнее всего, по Оленекской протоке дельты реки на запад. Казаки открыли Оленекский залив, а в следующем году обнаружили устье р. Оленек. Ребров и его казаки – первые русские, побывавшие в устье р. Оленек, поднялись по реке, оборудовали зимовье и более трех лет собирали ясак с эвенков, живших в речной долине.

Перфильев на другом коче по Бьковской протоке направился на юго-восток и вышел в губу Буор-Хая. Обогнув восточный мыс губы, он открыл Янский залив и в следующем году обнаружил устье р. Яны. Осенью 1635 г. он первым поднялся до ее верховьев и основал Верхоянское зимовье (теперь г. Верхоянск). Именно в низовьях Яны он первым из русских позна-

комился с юкагирами, первобытными охотниками и оленеводами, а в верховьях реки собрал ясак с живших там якутов.

В сентябре 1637 г. на Яну в отряд И. Перфильева прибыл И. Ребров. Летом следующего года Перфильев, убывая в Якутск, направил Реброва далее на восток. Впоследствии в приговоре Якутской приказной избы описано, как Ребров готовился к плаваниям в полярных морях: «А подымались оне на ту государеву службу в новую землю, суды делали и судовые снасти промышляли собою, и в ясашном зборе в той новой землице давали товары против государева ясаку покупая собою, он, Ивашко, с товарищи своими деньгами. А служили оне, Ивашко с товарищи, те государевы службы лет с 6 без государева денежного и хлебного жалованья» (24, с. 118).

К осени 1638 г. Ребров завершил открытие и осмотр Янского залива. Он первым прошел проливом, который впоследствии был назван именем Дмитрия Лаптева, морского офицера, участника Великой Северной экспедиции 1733–1743 гг., и плавал в Восточно-Сибирском море. Ребров обнаружил устье большой р. Индигирки, по которой он поднялся на 600 км и выше устья Уяндины, ее левого притока, «два днища», то есть в двух днях езды от устья (24, с. 131), основал Уяндинское зимовье. Там он провел более двух лет и возвратился в Якутск только летом 1641 г.

В следующем году он был вновь направлен к побережью Ледовитого моря, вышел на коче из устья Лены и морем вновь достиг р. Оленек, где поставил зимовье и прослужил там до 1647 г. (2, с. 32).

В 1636 г. казачий десятник Енисейского острога Елисей Юрьевич (Буза) с отрядом из 10 казаков отправился из Енисейска по Ангаре на Нижнюю Лену. До ледостава он успел из Усть-Кута добраться до основанного в 1635 г. Олекминска в устье Олекмы, правого притока Лены.

Весной 1637 г. после ледохода Буза приплыл в Якутск. Там он увеличил свой отряд до 50 человек за счет «охочих служилых людей» и «промышленных людей». Как потом писал Буза в своей челобитной: «В Якутском, государь, остроге, должась великими долги, покупал я, холоп твой, суды и кочи, и дощеники с парусы и с якори, и со всею судовою снастью дорогой

ценою. И тех служивых и промышленных людей для твоей, государевы, дальней службы ссужал я же, холоп твой, пищальми и порохом, и хлебными запасы, и сетями неводными, и всякими заводами» (24, с. 96, 97).

Буза с отрядом спустился по Лене, вышел в море западным рукавом дельты и через день вошел в устье р. Оленск. Он поднялся по реке более чем на 500 км и объяснил встреченных там кочевых эвенков. На р. Оленек он построил зимовье и зимовал там, а весной 1638 г. на оленях возвратился на Нижнюю Лену к устью ее левого притока Молодо, верховья которого у 12° в. д. близко подходят к р. Оленек.

О его дальнейших походах сведения противоречивы. Академик И.Е. Фишер в изданной в 1774 г. «Сибирской истории с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием» писал, что Буза, построив на Лене (примерно на 70° с. ш.) два коча, летом 1638 г. восточным рукавом дельты Лены вышел в море и пять дней при попутном ветре плыл на восток вдоль берега в поисках устья неизвестной большой «Ламы-реки», берущей будто бы начало в Китае. Он обогнул восточный мыс губы Буор-Хая (имеющий такое же название, как и сама губа), вышел в Янский залив и достиг устья Яны (Янги). Его отряд три недели поднимался вверх по реке — до мест где жили якуты. Буза собрал там много ясака в виде ценных мехов соболей и перезимовал среди якутов.

В 1639 г. Буза с отрядом на четырех кочах, построенных во время зимовки, вновь вышел в море и завершил обследование Янского залива. Недалеко от устья Яны он к востоку обнаружил «великое озеро» — огражденную со стороны моря о. Ярок обширную бухту, в которую впадала р. Чондон. Буза встретил там юкагиров, способствовавших в дальнейшем скорейшему продвижению русских первопроходцев на северо-восток Азии, а затем и на Камчатку. Он построил в их стане зимовье, в котором прожил не менее двух лет, и в 1642 г. возвратился в Якутск.

По другой версии, приводимой в своих работах историком походов землепроходцев Сибири Н.Н. Оглоблиным, Елисей Буза при плавании на восток от устья Лены не дошел до устья Яны, а добрался лишь до устья р. Омолой, впадающей в губу

Буор-Хая. Оттуда уже по зимней дороге, погрузив запасы на нарты, он шел восемь недель через хребет Кулар до Верхней Яны.

Так что Н.Н. Оглоблин считал Бузу первооткрывателем р. Омолой и хребта Кулар (2, с. 32; 18, с. 277).

В подтверждение версии Н.Н. Оглоблина д.и.н. М.И. Белов приводит слова участника последнего плавания Бузы казака Другана Прокофьева, который в своей челобитной писал: «Пошли они из Якутского острогу вниз Леною рекою и вышед в море, и шли по морю, до усть Омолоевой реки и тут де их замороз взял, не дошед Янского устья». Стремясь быстрее достичь большой реки на востоке, казаки решили продвигаться к Яне по суше. «И шли, — писал Друган, — через Камень (хребет Кулар. — М.Ц.) до Янской вершины восемь недель и пришли наверх Яны, в якуты» (10, с. 151).

Ясно только, что морские плавания и сухопутные путешествия, которые совершили Буза и его спутники, проходили в невероятно сложных условиях. Сам он писал в челобитной: «И будучи на твоей, государеве, службе, я, холоп твой, с теми служивыми и с промышленными людьми на Оленьке и на Яне, и на Чандоне реке принимали всякую нужу, ели коренья и траву, и душу сквернили всякою скаредною ядью, и голод и наготу терпели» (24, с. 98).

В те же годы был открыт путь по суше через Верхоянский хребет из Якутска в верховья Яны. В 1635–1636 гг. «зимним путем на конях» добрался из Якутска до верховьев Яны и поставил там зимовье служилый Селиван Харитонов (2, с. 32).

Весной 1637 г. из Якутска вышел конный отряд казаков — 30 человек под командой енисейского служилого Постника Иванова Губаря. Отряд прошел за четыре недели к верховьям Яны, перевалив Верхоянский хребет, отделяющий бассейн Лены от Яны. Там им было расширено и укреплено зимовье — будущий Верхоянск (2, с. 32).

Далее казаки проследовали вниз по долине Яны, где объяснили местных якутов. Постнику удалось собрать некоторые сведения о расположенных далее на восток реках и проживавших там племенах. Для сбора ясака в долине р. Адыча, правого притока Яны, Постник направил отряд под командой тоболь-

ского казака Ивана Родионова Ерастова (Велькова, впоследствии за заслуги был произведен в сыны боярские). Посланные побывали и на ее крупном левом притоке Борулах, то есть первыми проникли на Янское плоскогорье (18, с. 278).

Летом 1637 г. Постник на конях продолжил продвижение на восток по долине р. Туостях, правом притоке Яны. С помощью проводников-юкагиров за четыре недели казаки перешли через хребет, который уже в XX в. получил имя исследователя Сибири И.Д. Черского, и достигли р. Индигирки. Там они в наскоро срубленном зимовье (названном впоследствии Зашиверским) выдержали «крепкий бой» с юкагирами, и, сломив сопротивление нападавших, объясасчили их (2, с. 32). Спешно построив лодки, казаки прошли вверх по реке, собирая ясак с местных юкагиров. Возвратившись в зимовье, Постник Иванов оставил там 16 человек, а с остальными вышел в обратный путь в Якутск.

С его слов якутские воеводы доложили в Москву о новых землях: «А Юкагирская де, государь, земля людна и Индигерская река рыбна, будет де, государь, впред на Индигерской реке в Юкагирской земляце и 100 человек служивых людей, и тем де людем мошно сытым быть рыбою и зверем без хлеба. И в Индигерь, де, государь, реку многие реки впали. А по всем де по тем рекам жьвут многие пешые и оленные люди, а соболя и зверя всяково много по всем по тем рекам и землям. Да у юкагирских же де, государь, людей, серебро есть, а где де они серебро емлют. того он, Посничко, не ведает. И про иные де ему многие земляцы юкагири рассказывали» (24, с. 100, 101). Так что Постник Иванов принес первые сведения о р. Кольме и о р. Погыче, расположенной еще далее к востоку (речь шла о р. Анадырь).

В мае 1638 г. Постник Иванов вновь пошел через Верхоянский хребет на Яну. На хребте он собрал первый ясак с нового для русских народа — ламутов (ныне их называют эвенами). На Яне ему пришлось мирить юкагиров и якутов и взять ясак с обеих враждующих сторон. В следующем году Постник Иванов вновь перешел через хребет в долину Индигирки и оставил там на зимовку 17 казаков, а сам с собранным ясаком возвратился на Лену тем же путем, который до конца



Муляж эвенкийского шамана в музее г. Верхоянска.
фото Н. Федорова

XVII в. служил главным сухопутным путем с Лены на Среднюю Индигирку.

Оставленные на Индигирке казаки летом 1640 г. под командой Ивана Ерастова поплыли вниз по реке и объясчили юкагиров по Средней Индигирке. Следующим летом Ерастов добрался до устья реки. От местного племенного вождя он узнал о р. Алазее, расположенной к востоку от Индигирки, на которой также жили юкагиры. Он построил коч и морем перешел в ее устье, то есть совершил второе (после Реброва) бесспорно доказанное плавание русских в Восточно-Сибирском море. На Алазее русские кроме юкагиров встретили новый для них народ – оленных чукчей.

Ерастов поднялся по Алазее до границы леса (у 69° с. ш.), построил там зимовье и зимовал в нем. В июне 1642 г. после ледохода он отправил на коче часть казаков с собранным ясаком, а с остальными прошел в верховья Алазеи и объясчил там новый для русских народ – лесных юкагиров, живущих близ Алазейского плоскогорья. Глубокой осенью на оленях он перешел с Верхней Алазеи, проследив ее почти по всей длине (1590 км), в бассейн Индигирки, где провел другую зиму. Только летом 1643 г. он морем доставил ясак в Якутск.

Летом 1641 г. на р. Индигирку морским путем пытались пройти на трех кочах отряд казачьего пятидесятника Федора Чюрки и две группы промышленников во главе с Вижемцевым и Яковом Тверяковым. Коч Чюрки потерпел крушение между устьем Яны и мысом Святой Нос (у западного входа в пролив Дмитрия Лаптева). Место крушения коча мореходы в XVII в. называли «Чюркиным розбоем» (то есть местом кораблекрушения судна Чюрки. – М.Ц.), а близлежащий мыс – мысом Чюркина (сейчас мыс Чуркина).

Коч Чюрки, видимо, выбросило на обширную отмель, прилегающую к мысу. Кочи промышленников продвинулись немного дальше, но их также выбросило на «кошку» (подводную мель, тянущуюся от берега). Спасшиеся казаки и промышленники пытались пройти по суше к Индигирке, но большинство из них погибло в пути.

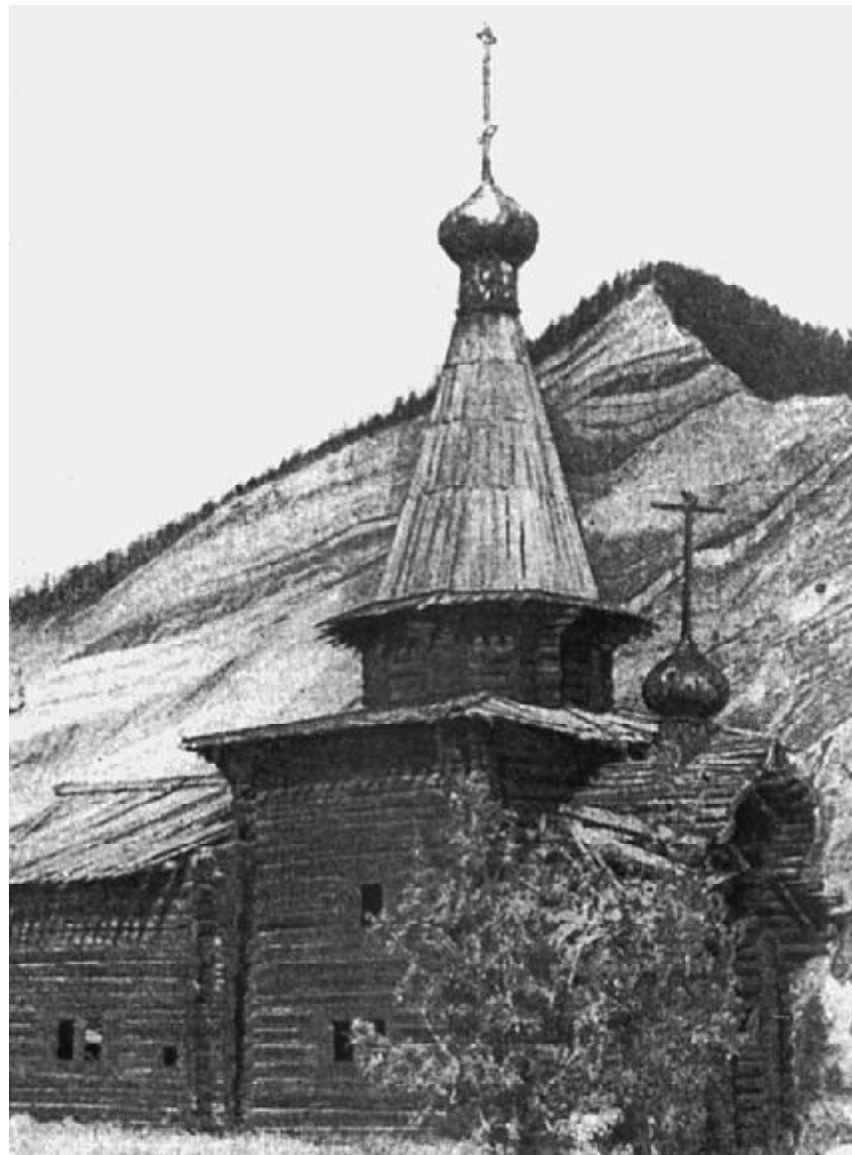
О судьбе полярных мореходов, затертых льдами, рассказал якутский служилый Тимофей Булдаков, который осенью 1651 г.

плавал по Ледовитому морю во главе «каравана из 5 кочей». Против устья р. Хромы «пристигла ночная пора, стало темно, и наутрие море стало замерзло». «И мы, Тимошка, – пишет Булдаков, – стали пятью кочами на простой воде вместе... а от земли недалече. И стояли в том месте три дни, и лед почал быть толщиною на ладонь, и хотели волочитца на землю на нартах, и в Семень день (1/11 сентября. – М.Ц.)... потянули ветры отдерные от земли в море, и нас со лдом вместе отнесло в море... и несло нас со лдом в море пятеры сутки, и на море ветры утихли, и лед в море остановился, и море стало и замерзло одною ночью; и на третий день почал лед человека вздымать, и мы учали проведывать земли, к которой стороне, не убоаячись смерти, ходить по человеку и по два и по три».

Удалось набрести на коч служилого Андрея Горелого, тоже замерзший во льду. Но через несколько дней внезапно «с моря вода прибыла и почала лед ломать, носило нас в море пятеры сутки, и ветры притихли, и почали почемежжи мерзнуть». Как только окреп лед, мореплаватели, «не хотя на тех кочах напрасною нужною смертию помереть без дров и без харчу и с соляной морской воды перецынжали, а в море лед ходит по водам без ветру и затирает теми лды заторы болшие». Мореплаватели решили вновь попытаться разыскать путь на берег. Выгруженные из кочей запасы продуктов разнесло льдами, а люди на нартах и веревках перебирались со льдины на льдину и с великим трудом добрались до земли за 9 дней. «Вышед на землю, поделали нартишки и лыжишка» и, наконец, «с великою нужею, холодни и голодни, наги и босы», достигли Уяндинского зимовья (6, с. 127, 128).

Так что путь первопроходцев на суше отмечен был многими могильными крестами, а для погибших в море могилой становились мрачные полярные пучины.

В 1641 г. по пути, проложенному Постником Ивановым, из Якутска на Индигирку прошел казачий отряд Дмитрия Михайловича Зыряна, по прозвищу Ярило (Ярилков). А весной следующего года группа служилых и промышленных людей из Нижнего Индигирского зимовья во главе с Дмитрием Зыряном на построенных в зимовье кочах вышла в море на поиск новых



Деревянная церковь в Зашиверском зимовье. XVII в.

«землиц» и рек к востоку от устья Индигирки, где еще никто из русских не плывал.

Из расспросных речей одного из участников этого похода енисейского казака Федора Чюкичева, записанных в январе 1646 г., известно: «И они, служилые люди, и с ними Митька Ярилков – пятнатцать человек, зделав на той на Индигирке реки два коча, и пошли на тех кочах вниз тою Индигиркою рекою до моря, шли две недели и с усть де Индигирки реки к востоку бежали по тому морю парусом до усть Алазеи реки, вверх парусом и собою до юкагирсково князца Ноочичан пол-третья дни... Шли они, служилые люди, вверх по Алазеи реки в тех кочах шесть ден и дошли до лесу, и у того де лесу зимовье поставили... Да к ним же де, служилым, к зимовью приезжали на оленях чюхчие оленей продавать... А живут де те чюхчие промеж Алазейскою и Ковымскою (Колымскою. – М.Ц.) реками на тундре... Да к ним же де, к служилым людям, приезжали на оленях же ковымские мужики, и сказывали им, что де с Алазейки реки на Ковьму реку аргишем (оленный караван. – М.Ц.) переезжают на оленях в три дня. А до них де никто русских людей у них не бывал... А сказывают они про себя, что де их бесчисленно людей много... А соболей де у них и иного всякого зверя, и рыбы в той реки много. И как де они, служилые люди, перезимовав на той Алазеи реки, на весны лед скрылся, и они, служилые люди, Митька Ярилков, пошел с усть Алазеи реки к востоку на коче, а с ним одиннатцать человек на Ковьму реку» (31, с. 57, 58.)

Значит, первое плавание на восток от Индигирки закончилось открытием р. Алазеи. Почти следом за Зыряном на Алазею прибыл отряд Михаила Васильевича Стадучина.

Зимой 1641 г. из Якутска на восток к верховьям Индигирки отправился конный отряд в составе 15 казаков под командой служилого человека Михаила Васильевича Стадучина и, видимо, его помощника Второго Гаврилова. Отряд проследовал в бассейн Индигирки новым для русских путем, который указали «вожи»: по правому притоку Алдана через северную часть хребта Сунтар–Хаята и по одному из левых притоков Индигирки, пересекая Оймяконское плоскогорье.

Пробыв в дороге более двух месяцев, отряд вышел на Верхнюю Индигирку в районе, где впоследствии находился поселок Оймякон (как выяснили в XX в., этот район является самой холодной областью северного полушария). Там Стадухин встретил отряд казаков, который поднялся со среднего течения, поставил зимовье и начал сбор ясака.

Из Оймяконского зимовья Стадухин и Гаврилов прислали в Якутскую приказную избу отписку (донесение) о районе Оймякона, характерном для большинства районов Верхней Индигирки: «А на Емоконе (Оймяконе. — М.Ц.) не осталось единого человека, а жить служивым людям не у чего и кормица нечим. А Емокон река (Верхняя Индигирка. — М.Ц.) идет с Камени (с северных отрогов хребта Сунтар-Хаята. — М.Ц.), а по Емокону реке пашенных мест, ни дубровных, ни лугов травных нет, все согры (тайга, плохой лесок с можжевелем и вереском по болоту. — М.Ц.) да болота, да Камень. А в Емоконе реке рыбы нет, ни зверя по Емокону нет... Людей по той реке нет нигде. А ламунские тунгусы ходят мимо, а не живут на той реке» (24, с. 120).

От окрестных якутов казаки выяснили, что за южным хребтом на юг, к морю, течет р. Охота. На это море Стадухин отправил отряд Андрея Горелого, а сам с Гавриловым и остальными казаками спустился на построенном коче до Северного полярного круга и обследовал низовье р. Момы, правого притока Индигирки, текущей по широкой межгорной долине. В отписке Стадухина и Гаврилова об этом сказано: «И нам учинилось ведомо, што есть река Мома, велика и людей на ней много, и седячи люди по ней живут, а не кочевьем. А река рыбна и зверя по той реке много, соболя и всякого зверя много, нельма и муксуны де в той реке, и луги по той реке великие, и дубровные места, и травны, а юрты деревянные, а огня в юртах не держат. И мы, слышечи про такову реку рыбну и зверисту, и собольну, што есть люди седячие и соболей промышляют, и мы пошли на ту реку для проведыванья иных людей и для ясачного збору» (24, с. 121).

Затем Стадухин с казаками спустился к устью Индигирки и осенью 1642 г. морем дошел до устья р. Алазеи, где присо-

единился к отряду Дмитрия Михайловича Зыряна, пришедшему туда на несколько месяцев ранее. В конце июня 1643 г. объединенный отряд вновь вышел в море и поплыл на восток. По словам из челобитной участника этого плавания казака Ивана Кузьмича Веляны: «морем шли две недели, и пришед, государь, на Ковьму реку, и по Ковьме шли вверх двенадцать ден» (31, с. 77).

Так были открыты 500 км побережья Северной Азии, Колымский залив, устье большой реки Колымы. Плывя вверх по Колыме, казаки открыли восточную окраину Колымской низменности. 30 июля на Средней Колыме для сбора ясака было поставлено первое русское зимовье. На следующий год весной 1644 г., как показала находка первой колымской ясачной книги, в низовьях Колымы в «Юкагирской земле» против устья Большого Анюя, ее правого притока, было поставлено Нижнеколымское зимовье. Именно оно с 1646 г. стало базой для формирования экспедиций при дальнейшем продвижении русских дальше на восток, а по рекам Колымского бассейна — на юг к Ламскому (Охотскому) морю (18, с. 279, 280). Через год казаки основали в верховьях реки и Верхнеколымское зимовье.

По поводу открытия устья р. Колымы некоторые историки отдают пальму первенства служилому Селивану Харитонову, который по их версии в 1640 г. с Яны, «перешед море», первым добрался до Колымы (2, с. 33). Но первые довольно подробные сведения о Колыме сообщил М.В. Стадухин в конце 1645 г., возвратившись в Якутск: «А Колыма де река велика, есть с Лену реку, идет в море также, что и Лена, под тот же ветр, под восток и под север. А по той де Колыме реке живут иноземцы колымские мужики свой род, оленные и пешие, сидячие многие люди, и язык у них свой. Да на той же де Колыме в сторонней реке, прозвищем на Чюхче, а пала де та река Чюхча в море своим устьем, с приезде по сей стороны Колымы реки, а по той де реке Чюхче живут иноземцы свой же род, словут чюхчи, также что и самаядь, оленные сидячие ж».

Далее Стадухин сообщил важные данные о расположенной далее на восток от Колымы р. Пагыча — так первоначально называли р. Анадырь: «А у тех де чюхчи соболя нет, потому что живут на тундре у моря, а добрый де самой черной соболь

все на Колыме. А от Колымы де до реки ж, что выше той Колымы, сказывают Пагыча, а до ней от Колымы парусным погдьем бежать сутки трои и больши, и та де река большая ж и собольная ж, и иноземцов де по ней много ж, а язык у них свой же... И соболи все добрые черные и зверь коренной, да лисицы все красные, да песцы, а иного опрично того никакова зверя на тех реках нет, потому что место студеное. А они де, служилые и промышленные люди, жили на тех реках и кормились все рыбою, потому что те реки рыбные и рыбы всякой много» (31, с. 59, 60).

В расспросных речах М. Стадухин утверждал, что, как ему казалось, «идучи к той Колыме реке судами на левой руке», то есть на севере он видел южный берег огромного острова, протянувшегося от устья Лены до устья Колымы. Стадухин рассказал, что «гораздо тот остров в виду, и горы снежные и пади и ручьи знатны все. А тот де остров-Камень, в мори пояс... И те де чухчи по сю сторону Колымы от своего жилья с той речки зимою чухчи переезжают на оленях на тот остров одним днем. И на том де острову они побивают морской зверь морж» (31, с. 60). Сведения об острове на пути в Колыму подтвердила Стадухину юкагирка Калиба, которая три года жила среди чукчей, и об этом он также упомянул в расспросных речах.

Видимо, Стадухин объединил смутные сведения, циркулировавшие среди казаков-первопроходцев об островах против устья Колымы со своими наблюдениями и догадками. Не исключено, что он мог видеть один из еще не открытых в те годы Медвежьих островов (расположенных к северу от Колымского залива), например ближайший к материку о. Крестовский. В возникновении географической легенды о большом острове в Ледовитом море против берегов Восточной Сибири свою роль сыграли и миражи, и нагромождения ледовых торосов, которые наблюдатели принимали за горы, и т.д. Свою лепту в формировании легенды внесли и рассказы некоторых береговых жителей, действительно посещавших еще не известные русским первопроходцам в то время острова. Этой легенде, в чем-то стимулировавшей проведение новых поисковых экспедиций в Ледовитом море, суждено было прожить более ста лет после плавания Стадухина (18, с. 280).

Возвращаясь в Якутск, Стадухин оставил на Колыме 13 служилых во главе с Семеном Дежневым, которым вскоре пришлось выдержать в своем острожке осаду и атаки юкагиров, собравшихся в отряд численностью 500 воинов (2, с. 33).

Слухи о пушных богатствах бассейна р. Колымы вызвали в Якутске даже волнения среди казаков и промышленников. Дело в том, что желавших добираться до колымских пушных богатств оказалось слишком много. В 1645 г. якутский воевода попытался запретить казакам покидать Якутск и отказать промышленным людям в выдаче проезжих грамот. В ответ казаки и промышленники захватили стоявшие на Лене «воеводские суды» и поплыли вниз по реке к устью. Воеводе так и не удалось остановить захваченные суда, которые вышли в море и поплыли на восток. Часть захваченных судов погибла, но многие добрались до Колымы (14, с. 391).

Морской путь из Якутска на Колыму, проложенный Зыряном и Стадухиным, усилиями русских казаков, промышленников и торговцев вскоре превратился в оживленную полярную торговую дорогу. Летом 1643 г. Иван Ерастов, Федор Чюкичев, Третьяк Алексеев и др. совершили плавание с собранной «меховой казной», то есть мехами, полученными в качестве ясака, и добытыми казаками на охоте и в результате обмена, из устья Алазеи Восточно-Сибирским морем и морем Лаптевых на Лену. Из-за противных ветров и ледостава мореходы вынуждены были зазимовать в Жиганском зимовье.

В том же году из устья Индигирки в Жиганск прибыли морем торговые люди во главе с Иваном Корепановым и Иваном Ожегой, а в следующее лето из устья Лены на Индигирку морем прошли на кочах торговые люди Богдан Евдокимов Зырян и Епифан Иванов Волынкин. Поздней осенью 1645 г. с Колымы в Жиганск на коче купца Афанасия Андреева Вороны прибыл Михаил Стадухин. Такие плавания продолжались почти до конца XVII в. (10, с. 153, 155).

Успеху этих морских походов способствовало то, что моря Лаптевых и Восточно-Сибирское отличаются небольшими глубинами. В прибрежных районах этих морей много отмелей, которые задерживали плавающий морской лед. Казацкие и купеческие кочи того времени имели небольшую осадку 1,5–2 м

и могли проходить на прибрежном мелководье между льдами, сидевшими на мелях, особенно при отжимных ветрах, когда плавающий лед отжимался от берега. Но абсолютно ясно, что плавание на кочах в полярных морях было опасным и трудным делом. Для проведения успешных полярных рейсов мореходам необходимы были смелость, выдержка и сноровка. Требовались немалые физические и моральные усилия, чтобы преодолеть тягости полярных буден.

Так что вполне уместно привести заслуженно высокую оценку вклада сибирских моряков-первопроходцев XVII в. в открытие бескрайних полярных морей и сибирского побережья, данную отечественным историком мореходства профессором Н.П. Загоскиным в начале XX в. (к которой всецело присоединяется и автор уже в начале XXI в.): «Но пусть же современники мощных морских колоссов, силою пара рассекающих в наши дни покорные им воды океанов и морей, вспомнят иногда благодарным словом и те несчастные, «староманерные» даже для Петровской эпохи сибирские кочи доброго старого времени, на которых русские смельчаки XVII века стойко воспитывали в себе морской дух и морские качества, всегда отличавшие и отличающие собой тружеников русского мореходного дела и с такой неудержимой силой прорвавшиеся, в конце того же века, в страстной и экспансивной натуре юного царя-преобразователя (Петра Великого. — М.Ц.)» (44, с. 463).



СИБИРСКИЕ КАЗАКИ В ЗАБАЙКАЛЬЕ И НА БАЙКАЛЕ

А за славным было батюшкой, за Байкалом-морем,
А и вверх было по матке Селенге по реке,
Из верхнего острогу Селенденского,
Только высылка была удалым молодцам,
Была высылка добрым молодцам,
Удалым молодцам, селенденским казакам.

Старинная казачья песня

Русские казаки-первопроходцы появились в Забайкалье в 1638 г., и проникли они туда с севера, с Верхней Лены. Именно в том году енисейский казак Матвей Перфильев во главе отряда из 36 казаков и промышленников направился в верховья р. Витим, крупного правого притока Верхней Лены. Отряд поднялся по реке на лодках «бечевой». После зимовки в поставленном зимовье Перфильев на другое лето добрался до устья вытекающей из озера Баунт р. Ципы, левого притока Витима. Таким образом М. Перфильев, проследив около 1000 км течения Витима, впервые пересек Становое нагорье и достиг Витимского плоскогорья.

У местных эвенков он собрал сведения о живущих на р. Шилкар (Шилке) даурах, добывавших медную и серебряную руды. Они же сообщили ему, что от этих рудников пять-шесть дней ходу «до устья реки, а сие устье (р. Амур. — М.Ц.) простирается до моря...», на ней живут «многие даурские пашенные люди» (18, с. 281).

Казакам стало известно, что эвенки, проживавшие на впадающей в Витим в 150 км выше Ципы реки, обменивали у дауров соболя на серебро и шелковые ткани, а дауры проживали к югу и до них через горы ходу три-четыре дня. По возвра-

щении из разведывательного похода М. Перфильев составил карту-схему Витима, которой пользовались не менее 200 лет.

Для закрепления русского присутствия в Прибайкалье в 1641 г. был основан почти у самого южного участка Верхней Лены Верхоленский острог. Русские, зимовавшие на Верхней Лене, в устье р. Илги, левого притока Верхней Лены (у 55° с. ш.) узнали от местных бурят об озере Байкал, которое в те времена казаки называли эвенкийским словом «ламу» — большая вода, море. От них же казаки выяснили, что близ Байкала находится исток Лены «из ключей», а сам район богат серебряной рудой.

Уже в росписи о путях с Енисея на Лену, представленной в Москву мангазейским воеводой Андреем Федоровичем Палицыным в 1632 г., упоминается о возможности в двадцать и больше недель дойти до «великих Байкальских проливов Красного моря». По мнению академика Л.С. Берга, это место в росписи представляет собой «первое упоминание о Байкале в нашей литературе» (28, с. 55).

А в «Росписи против чертежу от Куты реки вверх по Лене реке и до вершины, и сторонним рекам, которые впади в Лену реку и сколько от реки до реки судового ходу и пашенным местом и распросные речи Тунгусского князца Можеулка про Брацких людей и про Тунгуских и про Ламу и про иные реки», составленной в 1640–1641 гг. воеводами Петром Головиным и Матвеем Глебовым, приведены важные сведения о Байкале и проживавших по его берегам жителях. Тунгусский князек сообщил воеводам: «в прошлом де во 148 году (1639–1640 гг. — М.Ц.) летом ходят по Ламе в судах русские люди казаки и побили де его родников... а отколева те казаки пришли и давно ли по Ламе ходят того не ведают... Ламу называют Брацкие люди Байкалом, озером... А на Ламе остров именем Ойхон (Ольхон. — М.Ц.), а ходу через Ламу до острова Ойхона судового день, а люди на том острове живут Братские многие, лошадей и всякого скота много, а хлеб у них родится просо... На другой стороне Ламы живут Братские люди конные, а Тунгусы олени, а Енисей река, которую называют Тунгускою и Ангарою вышла из Байкала озера... А вода в Ламе стоячая и

пресная, а рыба в ней всякая и зверь морской, а где пролива той Ламы в море того же тунгусы не ведают».

Значит, составители росписи предполагали наличие связи Байкала с океаном. Затем в росписи сообщалось о впадении в Ламу р. Селенги «двенадцатью устьи» и об особо интересующей воевод дороге в Китай: «Да тою же рекою Селенгою ходят в Китайское государство вверх по Селенге реке 10 ден судового ходу. А от тое реки Селенги по левую сторону дорога на реку, сухим путем дней в восемь переезжают конем, а та река течет в китайское государство, а имени тунгусы той реке не ведают. Да на той же реке Мугалы (видимо, монголы. — М.Ц.) емлют серебряную руду, а у той руды серебряной, на той реке стоит китайского государства порубежный город, а серебро в Браты идет из Мугалы, а покупают Брацкие люди то серебро у Мугал на соболи».

Упоминается в росписи и про Шилку (Амур), которая «впади устьем в большое море, а люди по ней живут Брацкие скотные» (28, с. 88, 89). Сведения из этой росписи несомненно послужили основанием для посылки к Байкалу казацких отрядов для присоединения этого региона к Московскому государству.

Что касается названия Байкал, то, оно, вероятнее всего, имеет якутское происхождение. Ведь якуты до исхода на север жили подле Байкала. В их языке и сейчас сохраняется слово «байгъал», что обозначает «море». Вероятнее всего, у них и переняли это слово буряты. Любопытно, что у китайцев Байкал называется Бэй-Хай — «северное море».

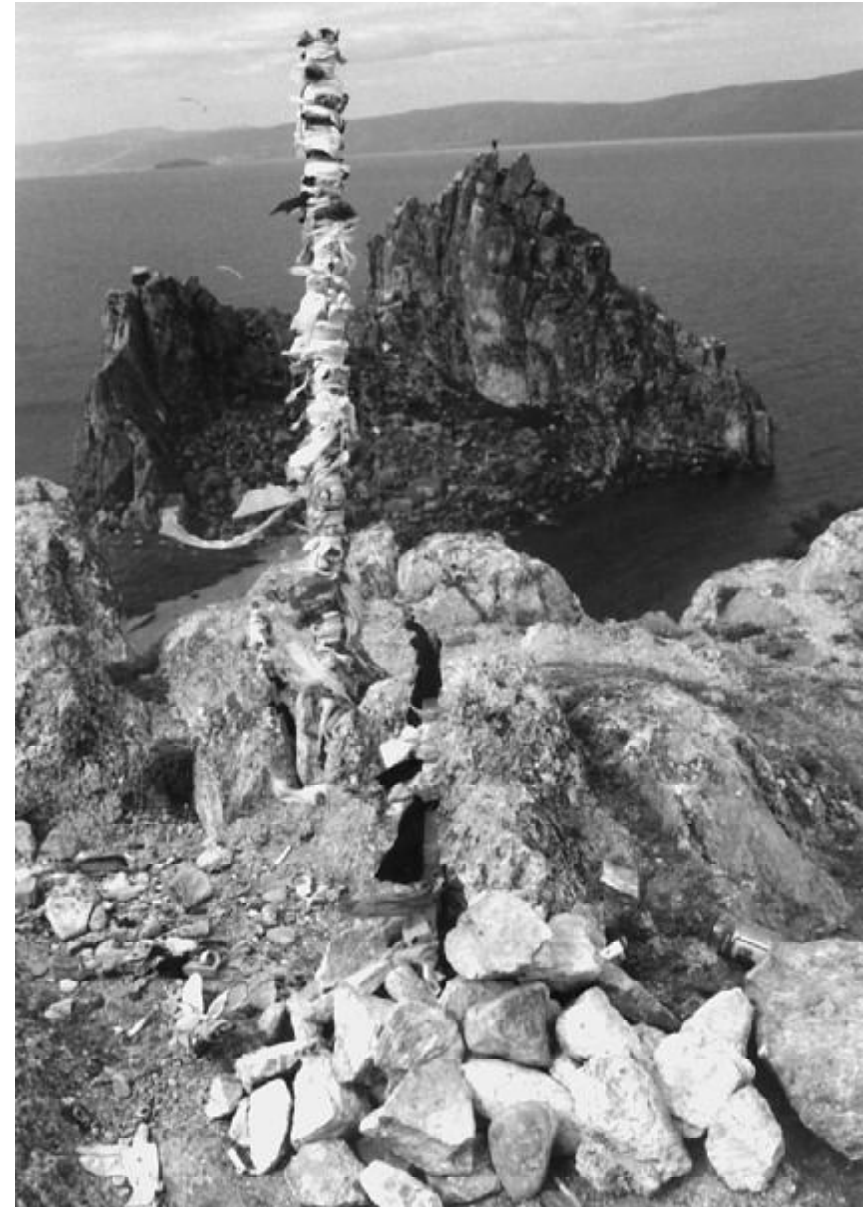
Важным шагом в освоении Прибайкалья явилась экспедиция казака Кондратия Ларионовича Мясина. Он впервые побывал в бассейне Средней и Верхней Киренги, правого притока Верхней Лены, которая вытекает из гор, обрамляющих с запада Байкал. Уже в октябре 1640 г. он на оленях перешел Ленско-Ангарское плато и собрал ясак с эвенков долин левых притоков Киренги. А в начале 1641 г. с верховьев Лены Мясин добрался до истоков Киренги и собрал там ясак соболями. Он же сообщил о «Ламском хребте» — горах, обрамляющих Байкал с запада, из которого вытекают обе реки (теперь там выделяют два хребта: Приморский и Байкальский).

Первым открыл путь от Верхней Лены на Байкал казачий пятидесятник Курбат Афанасьевич Иванов. Он с отрядом из 74 казаков и промышленников от устья Куленги, левого притока Верхней Лены, был послан на юг и в июле 1643 г. достиг западного берега озера Байкал и у 53° с. ш. за Малым морем (залив Байкала) открыл о. Ольхон.

После столкновений с местными бурятами, которые закончились в пользу казаков, на построенных стругах К. Иванов послал отряд из 36 казаков во главе с Семеном Скороходом вдоль северного берега озера. Скороход достиг северной оконечности озера и открыл устье Верхней Ангары, где поставил зимовье. В конце 1643 г. с половиной отряда Скороход прошел по льду почти до устья р. Баргузин и со своими спутниками погиб в бою с бурятами. Казаки, оставшиеся в зимовье в устье Верхней Ангары, были осаждены бурятами, но через полгода сумели вырваться из осады и летом 1644 г. добрались до Братского острога.

Курбат Иванов, базируясь на Ольхон, объясачил прибайкальских бурят, которые добровольно согласились принять русское подданство. К середине сентября он составил «чертеж Байкалу и в Байкал падучим рекам и землицам» — первую карту-чертеж Байкала, который, к сожалению, не сохранился (18, с. 282). До весны 1645 г. он собрал еще ряд сведений о Прибайкалье и составил уже карту-чертеж Верхней Лены и Байкала.

Безусловно, уникальная природа Байкала произвела неизгладимое впечатление на казаков-первопроходцев, вероятно такое же, как на видного церковного деятеля XVII в. протопопа Аввакума, проведенного в ссылке в Тобольске и Даурии 10 лет, с 1653 по 1663 г., и вспоминавшего о пребывании на Байкале в написанном им «Житии»: «Егда к берегу пристали, востала буря ветренная, и на берегу насилу место обрели от волн. Около ево горы высокоя, дебри непроходимыя, утес каменной, яко стена стоит, и поглядеть-заломя голову! Двадцеть тысяч верст и болши волчился, а не видал таких нигде. Наверху их полатки и повалуши, врата и столпы, ограда каменная и двory — все богоделанно. Лук на них растет и чеснок — болши романовского луковицы, и слаток зело. Там же растут и конопля богорасленныя, а во дворах травы красныя



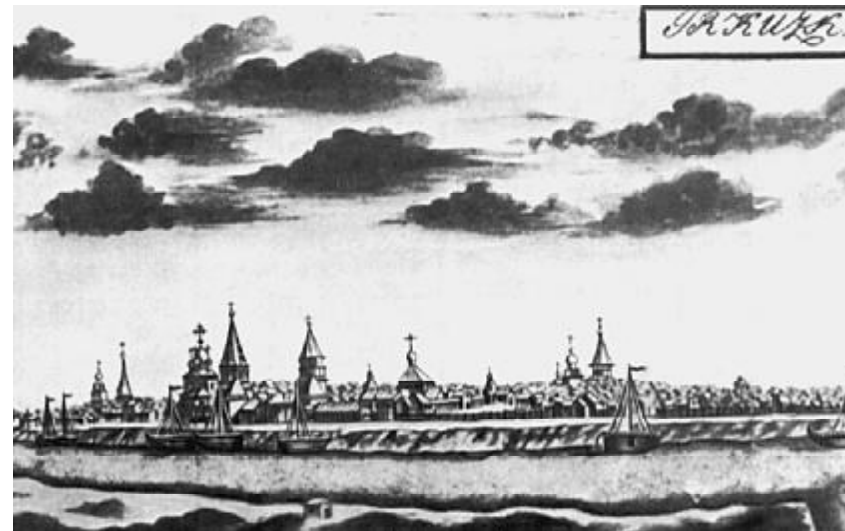
Скала Шаманка на озере Байкал — обитель местных бурятских шаманов. Фото Н. Федорова

цветны и благовонны гораздо. Птиц зело много, гусей и лебедей по морю, яко снег плавают. Рыба в нем — осетры и таймени, стерляди и омули, и сиги и прочих родов много. Вода пресная, а нерпы и зайцы (морские. — М.Ц.) великия в нем: во океане-море большом, живучи на Мезени, таких не видал. А рыбы зело густо в нем: осетры и таймени жирны гораздо-нельзя жарити на сковороде: жир все будет. А все то у Христа тово, света, наделано для человека, чтоб, успокояся, хвалу богу воздавал» (45, с. 126; 6, с. 133).

В 1643 г. из Енисейска на Байкал для поиска залежей серебряных руд был отправлен атаман Василий Колесников во главе отряда из 100 казаков. В конце года он вышел к северному берегу озера и зимовал в остроге, поставленном близ истока Ангары. Летом 1644 г. он прошел на стругах до устья Верхней Ангары и на месте зимовья поставил острог. Именно оттуда, вероятно, в следующем 1645 г. он отправил для розыска «новых землиц» в Забайкалье казака Константина Ивановича Москвитина с тремя казаками. По льду озера на нартах под парусом они достигли Баргузинского залива, а затем поднялись вверх по долине р. Баргузин. Проводники из местных жителей повели казаков через Икатский хребет на восток. Путь был исключительно тяжелым, так как в горах лежал снежный покров толщиной более 2 м.

Москвитин вышел к истокам Витима и повернул на юг. Затем через топкие и болотистые места в районе Еравнинских озер он достиг истоков р. Уды, а по ней и Селенги. Казакам не удалось обнаружить залежи серебряных руд. В Монголию их не пустили, но Москвитин принес известие о р. Онон, до которой оставалось шесть дней езды, по ней на стругах за шесть дней можно было добраться до р. Шилки, которая впадает в «Студеное море». Он узнал, что эта река велика и по ней живут оседлые люди, выращивавшие хлеб и овощи (18, с. 283).

Из-за самоуправства атамана Василия Колесникова в 1644–1647 гг. отношения казаков с местными бурятами резко обострились. Так как от него в Енисейск не поступало никаких сообщений, то ему на помощь в конце мая 1647 г. был направлен сын боярский Иван Похабов во главе отряда в 100 казаков. Похабов не был новичком в Забайкальских краях. В 1644 г.



Панорама Иркутска. С гравюры XVIII в.

он первый с 30 «охочими» людьми побывал на Нижней Селенге и собрал там ясак.

Похабов прошел вдоль западного и южного берегов озера и прибыл на Селенгу. Его поход сопровождался многочисленными стычками с бурятами. Требование Похабова по вторичной уплате ясака привело к продолжению сопротивления со стороны местных бурятов на Нижней Селенге и Уде. Только в 1655 г. буряты окончательно сложили оружие. Возвратившись на Байкал, Похабов основал острог в районе юго-западной части озера.

В 1648 г. отряд енисейского казачьего атамана Ивана Галкина прошел вдоль восточного берега Байкала к устью р. Баргузин и примерно в 50 км от него летом заложил Баргузинский острог, ставший основной базой для дальнейшего продвижения первопроходцев в Забайкалье. В следующем году он собрал ясак с эвенков, живших по притокам Верхнего Витима и в районе Еравнинских озер. Он, а может быть только его казаки, побывали в долине р. Муи, левого притока Среднего Витима. Несколько направленных им на восток от Еравнинских озер казаков перевалили Яблоновый хребет и вышли на р. Шилку, но нехватка продуктов заставила их в 1650 г. вернуться. Их рас-

сказы пополнили данные, собранные к этому времени русскими первопроходцами об огромной р. Шилке – Шилкаре (Амуре), текущей на восток к неведомому морю.

В середине XVII в. в Забайкалье находилось уже несколько отрядов первопроходцев. Один из них, возглавляемый основателем Якутска сыном боярским Петром Бекетовым в 1653 г. совершил поход на юг вверх по Селенге, а затем повернул на восток и направился по р. Хилок, где основал Иргенский острог (у оз. Иргень) и Шилкинский (в районе будущего Нерчинска).

Вхождение прилегающих к Байкалу земель в состав Московской Руси произошло сравнительно быстро. Дело в том, что, несмотря на первоначальное сопротивление, оказываемое местными племенами первопроходцам, значительная часть коренного населения предпочла опереться на русских в борьбе с набегами монгольских феодалов. Сооружение в районе Байкала цепи укрепленных острогов длительное время обеспечивало защиту русского и коренного населения от вражеских вторжений (2, с. 37)

В середине XVII в. русскими был сооружен ряд опорных пунктов (острогов) – это помимо указанных выше Балаганский на Верхней Ангаре, Телембинский на правом притоке Верхнего Витима (1659 г.), Удинский в устье р. Уды (1665 г.), Селенгинский в устье р. Хилок, правого притока Селенги (1665 г.), Нерчинский и другие остроги.

Особое значение для освоения Забайкалья имело создание в 1658 г. у впадения р. Нерчи в р. Шилку военно-административного центра – будущего Нерчинска – с самостоятельным воеводою во главе. Постройка всех этих острогов закрепила за Россией путь в Даурию, путь на Амур.

Окончательное укрепление русских на Байкале связывают с основанием Иркутска. В 1652 г. И. Похабов вначале построил ясачное зимовье на островке Дьячий близ устья Иркуты, левого притока Ангары. Через 9 лет на правом берегу Ангары против устья Иркуты был поставлен острог, ставший вскоре городом Иркутском, который в следующем столетии превратился в главный город Восточной Сибири.



КАЗАКИ И ПРОМЫШЛЕННИКИ ВЫХОДЯТ НА ПОБЕРЕЖЬЕ ОХОТСКОГО МОРЯ

Москвитин не только первым из русских вышел на побережье Тихого океана, открыл Охотское море – ему довелось первому увидеть Шантарские острова, и он привез в Якутск первые достоверные сведения об Амуре. Для одного человека это более чем достаточно, и Москвитину по праву принадлежит одно из первых мест в истории землепроходчества.

И. Забелин

«Встречи, которых небыло»

В 30-х гг. XVII в. русские казаки и промышленники, базирясь на Ленских острогах и зимовьях, в поисках «новых земель» двинулись и морской дорогой на восток от устья Лены, и прямо на восток по сухопутью, и на юг по Лене и ее правым притокам. От местных племен до них доходили смутные слухи о том, что на востоке простирается огромное море, а на юге за хребтами течет широкая, полноводная река «Чиркол, или Шилкор» (ясно, что речь шла несомненно о реках Шилке и Амуре).

11 января 1636 г. томский казачий атаман пятидесятник Дмитрий Епифанович Копылов, служивый человек Фома Федулов и енисейский подьячий Герасим Тимофеев подали томскому воеводе князю Ивану Ивановичу Ромодановскому челобитную, в которой утверждали: что знают дорогу «на реке Сивирю, а живут на той реке тунгусы многие... а на тебя государь, ясака с тех тунгусов не имывано, и служилые твои государевы люди в тех землях не бывали» (30, с. 24). Чело-

битчики просили князя отпустить их на эту реку и снабдить экспедицию оружием и продовольствием.

Воевода послал с Копыловым в поход 10 конных и 40 пеших казаков. В 1637 г. Копылов привел отряд, в составе которого были даже подьячий и кузнец «для пищальных поделок и для всяких судовых дел» (32, с. 21), из Томска в «Ленскую землицу». Наверное, в Якутске никто не мог указать Копылову дорогу к этой таинственной реке, на берегах которой можно было добыть много «мягкой рухляди». Как ни странно, но направление атаман выбрал правильное.

Весной 1638 г. отряд Копылова со взятым из Якутска переводчиком-толмачом Семеном Петровым по кличке Чистой спустился по Лене до устья ее правого притока Алдана, а затем пять недель на шестах и бечевой поднимался вверх по нему. В конце июля в 100 верстах выше устья р. Май, правого притока Алдана, Копылов поставил Бутальское зимовье и объяснял окрестных эвенков и якутов. Это зимовье стало базой для формирования разведывательных отрядов по поиску пути к неведомым морю и рекам.

Именно там, в Бутальском зимовье, были получены самые ранние сведения о существовании в низовьях р. Чиркол, впадающей в море, «серебряной горы» (горы Оджал). А ведь на Руси в ту пору ощущалась острая нехватка серебра. Именно поэтому на поиски этой горы решено было в конце 1638 г. отправить с Алдана специальную экспедицию.

Поздней осенью 1638 г. Копылов направил к верховьям Алдана отряд казаков с целью разыскать таинственный «Чиркол», но нехватка продуктов заставила посланных вернуться. Из расспросов местных жителей казаки узнали, что за горным хребтом Джугджур находится большое море. Возникла идея отправки экспедиции к устью Чиркола по этому морю.

В мае 1639 г. Копылов отправил на разведку пути к неведомому морю отряд из 19 томских и 11 красноярских казаков во главе с томским казаком Иваном Юрьевичем Москвитиним. В составе отряда был казак Нехорошко Иванович Колобов, который позже в январе 1646 г., как и Москвитин, представил «скаску» о своей службе в отряде Москвитина. Из этих «скасок» мы и знаем, как был открыт путь к Охотскому морю.

Приведем строки из «скаски» казака Нехорошко Иванова сына Колобова: «В прошлом де во 147 году (1639 г. — М.Ц.) с Алдана реки из Бутанского острожку посылал на государеву службу томской атаман Дмитрий Копылов томских служилых людей Ивашка Юрьева сына Москвитина да их, казаков, с ним тридцать человек на большое море окиян, по тунгускому языку на Ламу. А шли они Алданом вниз до Май реки восьмеры сутки, а Маю рекою вверх шли до волоку семь недель, а из Май реки малою речкою до прямого волоку в стружках шли шесть ден, а волоком шли день ходу и вышли на реку на Улью на вершину, да тою Ульею рекою шли вниз стругом плыли восьмеры сутки и на той же Улье реки, зделав лодью, плыли до моря до устья той Ульи реки, где она впала в море, пятеры сутки. И тут де они, на усть реки, поставили зимовье с острожком» (31, с. 51).

Вскоре после того, как отряд Москвитина в июне 1639 г. вышел на р. Маю, выяснилось, что среди тунгусов, сопровождавших казаков в качестве «вожей», есть две женщины, которые уже бывали в Приамурье. Они первыми и сообщили казакам, что нижнюю часть р. Чиркол называют еще «Омуром», или «Амуром». Так впервые русские узнали это новое название — «Амур», и впоследствии известный географ голландец Н. Витсен назвал его «московским словом» (33, с. 18).

Дорога по незнакомому новому маршруту была трудной и опасной. Прилагая немалые усилия, казаки протащили лодки по мелким рекам. В пути казакам не раз приходилось бросать старые и строить новые струги и ладьи, преодолевая волоки и водопады на горных участках рек. Это был поистине путь в неизвестность.

Из Бутальского зимовья казаки поплыли на дощанике — речном плоскодонном парусно-гребном судне, корпус которого был сбит из досок. При подъеме по Маю казаки шли в основном бечевой, но используя и весла, и шесты. Из Май они поплыли по небольшой и мелкой р. Нудьми, впадающей в Маю слева (близ 138° 20' в.д.). В ее устье казаки оставили дощаник, на котором плыть далее было нельзя, видимо из-за его большой осадки. Они построили два струга и продолжили подъем вверх по реке. Далее путь шел по сравнительно короткому

перевалу на открытом ими хребте Джугджур, отделяющем речную систему Лены от рек, текущих в Охотское море.

На перевале им пришлось бросить струги. В верховьях притока Ульи они построили новый струг и спускались на нем до водопада. Здесь они оставили струг и ниже водопада изготовили байдару, лодку, вмещающую до 30 человек, которую Колобов назвал «лодье».

Так в августе 1639 г. отряд Москвитина впервые вышел к морю, которое называли Ламским (от тунгусского слова «лама» — большая вода, теперь Охотское море). Русские казаки и промышленники в своем неудержимом стремлении двигаться по бескрайним просторам Сибири на восток, навстречу солнцу, наконец дошли до побережья дальневосточных морей.

У устья Ульи казаки Москвитина выстроили несколько изб, огородили их изгородью из сплошного ряда заостренных сверху бревен и окопали рвом. Этот небольшой острог стал первым известным в истории поселением русских на дальневосточном побережье.

Началось знакомство казаков с дальневосточной природой. Особо их поразило обилие рыбы в местных реках и соболя в прибрежной тайге. В «скасках» об этом походе содержатся самые первые сведения о тихоокеанских лососевых рыбах: кете, горбуше, кижуче, мальме. Колобов отметил в «скасках»: «Да они ж де ис того ж острожку ходили морем на Охоту реку трои сутки, а от Охоты до Ураку одне сутки... А те де реки собольные, зверя всякого много и рыбные, а рыба большая, в Сибири такой нет, по их языку кумжа, голец, кета, горбунья, столько де ее множество, только невод запустить и с рыбою никак не выволочь. А река быстрая и ту рыбу в той реки быстретью убивает и выметывает на берег, и по берегу ее лежит много, что дров, и ту лежащую рыбу ест зверь-выдры и лисицы красные, а черных лисиц нет» (26, с. 51).

По р. Улье жили ламуты или, как их называли казаки, «пешие тунгусы» (они не разводили оленей, теперь их называют эвенками), охотники и рыболовы каменного века, жившие родовым строем. Колобов описал их оружие и инструменты: «А на той де реке на Улье соболя и иного всякого зверя у них много, а бой у них лучной, у стрел копейца и рогатины все

костяные, а железных мало; и лес и дрова секут и юрты рубят каменными и костяными топорами» (31, с. 51).

От местных ламутов казаки узнали о том, что севернее их зимовья впадают в море реки, на берегах которых проживает сравнительно много местных жителей. Поэтому Москвитин выслал 1 октября на речной лодке 20 казаков на север вдоль побережья. Через трое суток они добрались до устья р. Урак, а затем через сутки доплыли до реки, получившей название «Охота» (от эвенкского слова «акат» — река). Оттуда казаки проследовали морем далее на восток, пройдя более 500 км вдоль северного побережья моря. В ходе плавания они открыли устья нескольких небольших рек и Тауйскую губу с устьем р. Тауи.

Зимой 1639–1640 гг. в устье Ульи Москвитин построил два небольших морских коча «по осьми сажен» (парусно-гребные суда традиционного поморского типа длиной около 17 м, предназначенные для плавания в северных морях). Это были первые русские морские суда, бороздившие дальневосточные моря.

Казаки попытались убедить эвенов добровольно платить ясак, но те отказались и сделали попытку взять острожек приступом, уничтожив его защитников. В результате было захвачено несколько аманатов — заложников, им набили на ноги колодки и посадили в «казенную избу», которую охранял один из казаков. Тогда восемь ламутских родов объединились и напали на острог в то время, когда большая часть казаков на плотбище строила кочи.

Ламуты проникли в острожек, закололи «пальмами» (ножами, привязанными к палкам) охранявшего аманатов казака. Заложники бросились к освободителям, волоча за собой колодки. В это время один из казаков убил ламутского «князца». По словам казаков, «те-де тунгусы учали над ним всеми людьми плакать». В это время к острогу подросли казаки, бывшие на плотбище. Захваченные врасплох казаки смогли одеть кюяки и бросились на нападавших. В конце концов нападение на острог было отбито, казаки захватили в плен еще семь ламутов, в том числе одного «знатного мужика» (30, с. 35).

Весной 1640 г. Москвитину местный родовой вождь «учел им рассказывать, что от них направо в летнюю сторону (к югу. — М.Ц.) на море по островам живут тунгусы гиляки сидя-

чие, а у них медведи кормленые и тех де гиляков до их приходу побили человек с пять сот на усть Уды реки, пришед в стругах бородатые люди доуры. А платье де на них азямы (то есть разнится от обычной тунгуской. — М.Ц.), а побили де их обманом: были у них в стругах в однодеревных в гребцах бабы, а они сами человек по сту и по осмьюдесят лежали меж тех баб и как пригребли к тем гиляком и, вышед из судов, и тех гиляков так и побили. А бой де у них топорки, а сами были все в кукьях збруйных (своеобразных доспехах. — М.Ц.). А русских де людей те бородатые люди называют себе братьями. А живут де те бородатые люди к той же правой стороне в лето по Амуре реки, дворами и хлеб у них и лошади и скот и свиньи и куры есть и вино курят и ткут и прядут со всего обычая с русского (как и русские. — М.Ц.). И промеж их и тех тунгусов живут тунгусы свой род анатарки сидячие, недоход до устья Муры (Амура. — М.Ц.). А те де онатарки люди богатые, соболей и того зверя и оленей у них много, а торгуют с теми бородатыми доурами на хлеб, на крупу. И про серебро де сказывал, что тех же де бородатых людей у даур есть» (31, с. 51, 52).

Это были одни из первых достоверных сведений о народах, обитавших на юго-западном побережье Охотского моря и по берегам устья Амура. Гиляков сидячих, то есть оседлых, сейчас называют нивхами. Выкармливание в неволе медведей связано с своеобразными местными обычаями, когда откормленного медведя убивали на торжественном празднике. Известный этнограф Л.Я. Штернберг по этому поводу заметил, что эти медвежьи праздники «играют такую же роль в социальном общении гиляцкого племени, какую некогда играли олимпийские и другие игры Греции» (31, с. 54). «Бородатые доуры» — это монголовидные тунгусы. Они являлись эвенкийским племенем, смешанным с монголами.

Получив все эти сведения, Москвитин весной 1640 г. поплыл на юг, используя пленного эвена в качестве проводника — вожа. Он прошел вдоль западного берега Охотского моря до Удской губы, побывал в устье р. Уды и, обойдя с юга Шантарские острова, попал в Сахалинский залив. В устье Уды местные

жители подтвердили Москвитину сведения о живших на Амуре и его притоках Чие и Омуте (вероятнее всего, речь шла о Зее и Амгуни) и на островах гиляках и даурах.

Где-то на западном берегу Сахалинского залива проводник сбежал, но Москвитин поплыл далее вдоль берега до островов, на которых жили «тунгусы голяки сидячие» (10, с. 152).

Многие историки географических открытий считают, что Москвитин видел небольшие острова у северного входа в Амурский лиман (теперь о. Чкалова и о. Вайдукова), а также часть северо-западного берега Сахалина: «И гиляцкая земля объявилась, и дьмы оказались, и они (казаки. — М.Ц.) без вожей в нее итти не смели». Эти же историки считают, что, очевидно, Москвитину удалось проникнуть и в район устья Амура. В «скаске» Колобова, по их мнению, совершенно недвусмысленно сказано, что казаки «амурское устье они видели через «кошку» (коса на взморье. — М.Ц.)» (31, с. 52).

Правда, не все историки согласны с этим, и считают, что Колобов допустил ошибку, так как широкий Амурский лиман не похож на устье обычной реки. Поэтому они предполагают, что Москвитин достиг только устья р. Уды, которая впадает в Охотское море напротив Шантарских островов. А, мол, сведения о коренных жителях Амура Колобову стали известны от местных жителей побережья Охотского моря. В его «скаске» упоминались и сахалинские айны, но ведь известно, что на Сахалине Москвитин и его казаки не высаживались. Но при любой трактовке «скаска» Колобова ясно, что подвиг казаков отряда Москвитина очевиден и вызывает восхищение потомков.

Продовольствие у казаков было на исходе, и Москвитин повернул на север. В ноябре он стал на зимовку в устье р. Алдомы, не успев добраться до Ульинского острога. Только весной 1641 г. Москвитин с отрядом, перевалив хребет Джугджур, вышел на один из притоков Май и к середине июля добрался до Якутска с большим количеством «мягкой рухляди» — соболиных шкур.

Открытия Москвитина стимулировали интерес якутских воевод к местам на побережье Ламского моря. На основании доносений Москвитина Курбатом Ивановым были составлены

первые чертежи охотского побережья. Хотя чертежи эти, вероятно всего, не сохранились до наших дней, о них есть упоминание в челобитной Курбата от 1642 г.

Следует отметить, что Курбат Иванов, как грамотный и обладавший, видимо, общим кругозором, неоднократно привлекался для составления чертежей различных районов Восточной Сибири. После составления им первого чертежа, который упоминался выше, якутский воевода привлек его к составлению нового, охватывавшего на этот раз более обширную территорию — Лену с ее основными притоками: Витимом, Киренгой, Алданом и Вилюем, а также р. Оленек и путь к побережью Охотского моря, где к тому времени уже побывали казаки.

Для изыскания новых путей к побережью «моря-окиана» осенью 1641 г. из Оймяконского зимовья на р. Индигирке был отправлен на юг конный отряд из 18 казаков и 20 якутов-проводников. Во главе отряда был казак Андрей Иванович Горелый. Разведывательный отряд проследовал, вероятно всего, по долине Куйдусуна, левого притока Индигирки. Куйдусун берет начало недалеко от истоков р. Охоты, лежащих за перевалом через хребет Сунтар-Хаята. Далее путь шел к истокам р. Охоты, впадающей в Охотское море. Именно Горелый сообщил о пути по этой реке, которая «пала в море». Этот путь длиной 500 км казаки прошли всего за пять недель в оба конца. По этому же маршруту перемещались обычно на оленях эвены. Пожалуй, это был кратчайший путь из уже знакомых русским районов Ленского бассейна к побережью Охотского моря.

В 1646 г. Андрей Горелый рассказал в расспросных речах об этой выдающейся экспедиции: «И с той де с Омокона реки тот Михалко Стадухин посылал ево, Ондрюшку, с товарищи, с служилыми людьми, которые тут наперед их были, с осьмьюнацатью человеки да с ним же якутов человек з дватцать коньми через горы на Охоту реку на вершины... А тех де тунгусов, ламутских мужиков, по той Охоте реки вниз к морю кочюют многие люди оленные, а ходят на тех оленях аргишами (караванами запряженных в нарты оленей. — М.Ц.). И дороги у них учинены большие пробойные. И они де по тем аргишским дорогам ходили вниз той Охоты реки к морю...»

А по той Охоте реки соболя и всякого зверя много и реки рыбные. Через они ту реку на лошадях бродили, и одва лошади в той рыбе перебрели. А река быстрая и тою быстредью рыбу убивает и на берег выметывает много и по берегу той рыбы, что дров лежит. А у тех же де ламутских мужиков по той реки юрты сидячие, как есть большие русские посады. А запасы у них все рыбные, сушеная юкола в рыбных же мешках и рыбная икра. А того де запаса у них запасают много, что русские хлебные анбары запасы, так у них той пасеной рыбы по юртам много. А ходили де они на ту Охоту реку с Омокона реки и назад шли до Омокона всего пять недель... А бой у них лучной, стрелы-копейца костяные, а бьютца на оленях сидя, что на конях гоняют. И в те поры у них, служилых людей, ранили двух человек» (31, с. 55, 56).

Наступил 1645 г., и русские казаки совершили первое, отраженное в старинных документах XVII в., исторически вполне доказанное плавание из устья Амура в Ламское море. В конце мая этого года, когда устье Амура освободилось ото льда, «письменный голова» (начальник воеводской канцелярии в Якутске) Василий Данилович Поярков со своими казаками после долгого и опасного плавания по Зее и Амуру и последующей зимовки в устье Амура вышли в Амурский лиман. Повернув на север, казаки прошли в Сахалинский залив. Они плыли на речных дощаниках с дополнительно наращенными «нашивами» (верхние бортовые доски наружной обшивки, увеличивавшие высоту борта лодки, ее вместимость и остойчивость), которые были построены ими из заготовленного во время зимовки леса.

Это опасное плавание по бурному неприветливому морю продолжалось три месяца. Казаки плыли вдоль берега, обходя «всякую губу». Во время шторма дощаники отбросило к какому-то большому острову (скорее всего, это был один из Шантарских островов). В начале сентября суда вошли в устье Ульи. Здесь в острожке, основанном в 1639 г. Москвитиньим, Поярков остался зимовать.

Ранней весной следующего года отряд Пояркова, оставив в Ульинском зимовье 17 казаков во главе с Ермилом Васильевым, проследовал на нартах и лыжах до верховьев р. Май. Там были

построены лодки, на которых по Мае, Алдану и Лене казаки возвратились в Якутск, совершив труднейшее путешествие по речным, морским и сухопутным маршрутам общей протяженностью 8 тыс. км и потеряв почти две трети отряда. Причем путь их проходил по совершенно неизведанным землям Сибири и Дальнего Востока (18, с. 300).

Летом 1646 г. из Якутска на побережье Ламского моря был послан отряд казаков, состоявший из 40 человек, в числе которых был и Алексей Филиппов. Возглавил отряд десятник Семен Шелковник. В качестве проводника с отрядом шел ламский (охотский) предводитель эвенского племени «аломунский князец Чюна», который ранее приходил на Оймякон и был доставлен в Якутск, где дал ценные показания о р. Охоте.

Путь отряда в основных чертах повторил маршрут Москвитина. Перевалив хребет Джугджур, отряд по небольшой речке Сикше спустился к Улье. Казаки срубили зимовье прямо в устье Сикши, название которой связано с обилием на ее берегах ягод шикши, или вороники. До побережья Ламского моря отряд добрался по Улье только весной. В ее устье к Шелковнику примкнули казаки Ермила Васильева, оставленные там Поярковым. От устья Ульи казаки перешли к устью р. Охоты (эвены называли реку Ахоть) и там, сломив сопротивление местных эвенов, в трех километрах от устья поставили острог, где объединенный отряд в составе 54 человек перезимовал.

Вот это зимовье в устье Охоты и стало впоследствии центром, откуда шло освоение всего побережья. И это было не случайно. Устье Охоты расположено в середине низменного участка побережья. В первой половине XVII в. именно этот район был более всего заселен местными племенами. Известно и то, что этот район был богат рыбой. Фактически, это была ключевая позиция на побережье Ламского моря. И вот по мере того, как возрастало экономическое и политическое значение Охотска, как центра огромного края, все чаще и море стали называть Охотским, что и закрепилось в конце концов на географических картах.

В июне 1648 г. отряд из 26 казаков под начальством Ермила Васильева и Алексея Филиппова на построенных в устье

Охоты двух кочах вышел в море и направился на восток. Кочи подошли к устью р. Ини и зашли в лагуну, в которую впадает река. Там им пришлось выдержать нападение ламутов. Пять дней провели казаки на Ине, но, заметив, что эвены вновь собираются напасть на их лагерь, ушли в море.

В море суда попали в шторм и поврежденные кочи выбросило на полосу галечникового берега. Когда шторм несколько утих, то казаки, починив суда, снова вышли в море. Они прошли далее на восток мимо Каменного мыса (полуостров Лисянского) и далее за сутки добрались до бухты Мотыклейской (у западного берега Тауйской губы, на побережье которой сейчас расположен г. Магадан). Казаки наблюдали вдалеке острова Спафарьева, Талан и др.

В устье р. Мотыклеи (вернее, их две – Большая и Малая) казаки прожили три года. И здесь мотыклейские эвены отказались добровольно платить ясак. Начались стычки, в ходе которых казаки захватывали аманатов, чтобы заставить эвенов платить ясак.

15 апреля 1649 г. эвены подожгли зимовье, но казаки и на этот раз вышли победителями и захватили много ламутского оружия. Казаки временами голодали, так как эвены мешали им ловить рыбу, надеясь избавиться от пришельцев. Только 15 июля 1651 г. Алексей Филиппов с товарищами возвратились на Охоту.

А там мирные отношения с эвенами налаживались с трудом. Семен Шелковник направил гонца в Якутск и просил прислать на помощь человек 100 казаков, обещая, что если начнут эвены платить ясак, то в «ясачном сборе будет прибыль большая». Новый отряд казаков во главе с Семеном Епишевым был послан на Охоту в июле 1650 г., но добраться до Охотского зимовья посланные сумели только 3 июня 1651 г. Когда кочи Епишева подошли к устью реки, то, по его словам, их встретило до тысячи эвенов, которые преградили казакам путь в реку. Епишев прорвался в Охоту и нашел в фактически осажденном зимовье 20 казаков, исхудалых и больных цингой. Среди них уже не было Семена Шелковника, который скончался еще в 1648 г.

Семен Епишев научил цинготных больных, как приготавливать хвойный настой, принял от целовальника отряда Шелковника собранную за четыре года в качестве ясака «мягкую казну» и продолжил переговоры с «лучшими мужиками» эвенов о добровольной сдаче ясака в дальнейшем. Все это сопровождалось новыми стычками во время походов казаков вверх по рекам Охоте и Кухтую для сбора ясака.

В марте 1652 г. Епишев отправил в Якутск весь собранный ясак, выделив для сопровождения «мягкой казны» отряд из 22 казаков. В его состав вошел и Алексей Филиппов. Там он сообщил о своем морском походе – втором (после казаков Москвитина) документально доказанном плавании русских вдоль северного побережья Охотского моря.

А главное, Филипповым была составлена и представлена властям «Роспись от Охоты реки морем итти подле землю до Ини и до Мотыхлея реки и каковы где места, и сколько где ходу, и где каковы реки и ручьи пали в море, и где морской зверь ложится и на которых островах» – первая лоция северного побережья Охотского моря, в которой были описаны берега на протяжении 500 км – от р. Охоты до Тауйской губы (30, с. 22). Именно в ней было впервые отмечено наличие у устья небольших рек этого региона перекрывающих их песчаных кос («кошек»). По этой лоции можно определить скорость движения казацких судов на веслах: кочи проходили «своею силою» за день 20–25 км.

В лоции было указано, богата или бедна река рыбой, есть ли на реке туземные становища, и, что особо важно, расположение моржовых лежбищ: «От речки Маши виден моржовый мыс Мотосу, а на нем – лежбища моржей на протяжении двух верст... Много моржей на островах против устья Мотыклеи» (30, с. 53).

Филиппов отметил, что на Охотском море возможен «звериный зубной промысел», то есть добыча моржовых клыков. В конце концов промысел «рыбьего зуба» на побережье Охотского моря начался в полной мере. Сейчас можно отметить только печальный факт: в водах Охотского моря не сохранилось ни одного моржа, все они уничтожены из-за добычи цен-

ных клыков. Теперь моржи обитают на Тихом океане лишь у берегов Чукотки, да и там их осталось совсем немного.

Трудно складывалась судьба русского острога на Охоте. В 1655 г. на замену Епишеву был направлен из Якутска боярский сын Андрей Булыгин. Когда он со своим отрядом добрался до устья Ульи, то, к своему удивлению, именно там встретил Епишева. Оказалось, что эвены все же сожгли Охотский острожек и служилые люди все перебрались на Улью. Булыгину пришлось с боем пробиваться вновь на Охоту и ставить там новый острог. В течение всего своего пребывания на Охоте до 1659 г. он продолжал укреплять и защищать этот важный опорный пункт Руси на тихоокеанских берегах.

Вскоре началось изучение и самого северного участка побережья Охотского моря. Из Анадыря в конце зимы 1651 г. отправился на лыжах и нартах на юг к р. Пенжине, впадающей в Пенжинскую губу Охотского моря, отряд известного землепроходца Михаила Васильевича Стадухина. В бассейне Пенжины казаки встретили новый для русских народ – коряков («коряцких людей»). 5 апреля 1651 г. отряд достиг устья р. Алкея (теперь Оклана), правого притока Пенжины. Там стояло укрепленное коряцкое селение, и казаки овладели им. С большим трудом добывая лес, Стадухин и его казаки построили лодки (вероятнее всего, байдары), годные для плавания по морю. Местные коряки сообщили им, что за морем есть р. Гижига, где и лес есть, и соболя много.

От устья Пенжины Стадухин отправился на р. Гижигу, впадающую в Гижигинскую губу того же моря. Там он поставил острог и перезимовал, отбивая все время нападения воинственных коряков. Правда, до него на Гижиге уже побывал во главе отряда из 35 казаков Иван Абрамович Баранов. Именно последний прошел по притоку Колымы р. Омолон до ее верховьев и перевалил в долину реки, принадлежавшую уже бассейну Гижиги, и по ней спустился к морю. Таким образом, Баранов открыл путь, связывавший Колыму с побережьем Охотского моря.

Но вернемся к Стадухину и его отряду. Летом 1653 г. Стадухин со своими казаками покинул Гижигу и продолжил пла-

вание вдоль побережья. Они проследовали вдоль западного побережья залива Шелихова и в конце лета дошли до устья р. Тауи. Так впервые были прослежены с борта судна около 1000 км северного побережья Охотского моря. На берегах Тауйской губы жили тунгусы, но и тут сбор ясака сопровождался стычками и захватом аманатов.

В устье р. Тауи Стадухин построил острожек и провел там около четырех лет, собирая ясак с окрестных жителей и охотясь на соболей. Только летом 1657 г. он отправился на запад вдоль побережья и добрался до устья Охоты, где уже был русский острог. Оттуда путь его лежал в Якутск, куда он и прибыл кратчайшим путем через Оймякон и Алдан летом 1659 г. Стадухин составил чертёж своего пути во время морского плаванья вдоль побережья Охотского моря (34, с. 46).

Так ценою невероятных усилий, жертв и тяжких трудов завершилось в основном открытие русскими казаками и промышленниками всего побережья Охотского моря, кроме западного побережья Камчатки, которое было обследовано уже позже в самом конце XVII и в начале XVIII в.

Важно, что казаки обследовали и нашли наиболее короткие и удобные пути на побережье Охотского моря из Якутска. Все эти пути шли по притоку Лены Алдану и его притоку Мае, на которой в середине XVII в. поставили Майское зимовье. Отсюда можно было «осенним путем» проехать «налегке» на оленях за четыре недели до р. Уди к морю. Всего же на проезд с устья Алдана до побережья моря требовалось три месяца.

Другой путь вел вверх по р. Мае до Волочанки. Там начинался Ульский волок, который проходили «грузными нартами», то есть с грузом на нартах, за 8–14 дней и достигали р. Сикши, впадающей в Улью, а затем по Улье спускались к Охотскому морю. Уже отмечалось, что плавание по Улье было не простым из-за порогов. Казаки отмечали, что «река вельми быстра, и убойных мест по ней много». Так в 1651 г. судно Семена Епишева «бросило на камень... среди Ульи реки», «только чуть живых бог вынес». Несколько ранее судно Семена Шелковника разбило у Большого Бойца камня. От Майского зимовья до моря можно было по Улье дообратиться за восемь недель.

Во второй половине XVII в. наиболее часто пользовались путем, ведшим с Маи на Охоту. Он шел вверх по Мае до устья р. Юдомы, далее вверх по Юдоме — до устья Горбицы. Там начинался волок по названию «Юдомский крест», ведущий на р. Влудную, приток р. Урак, или непосредственно на Урак, где находилось «Урацкое плотбище», на котором строились суда. С Урака было два пути: волоком на Охоту и второй вниз по Ураку до моря, откуда до устья Охоты было по подсчету академика Гмелина (XVIII в.) 10–15 верст.

Длительность пути и трудность перевала через Юдомский крест часто определяли использование более короткого, но не менее трудного сухопутного пути из Якутска через Амгу (Амгинская переправа) и Алдан (Бельская переправа) на Юдомский крест и далее на Урак. С Бельской переправы начинались, по выражению Гмелина, «поразительные горы, через которые проехать невозможно на телегах, приходится поклажу перевозить на вьючных лошадях и оленях» (6, с. 135, 136). «Вообще о сей дороге объявить можно, что она... столь беспокойна, что труднее проежей дороги представить нельзя, — пишет исследователь Камчатки С.П. Крашенинников (XVIII в.), — ибо она лежит или по берегам рек, или по горам лесистым; берега обломками камней или круглым серовиком так усыпаны, что тамошним лошадям довольно надивиться нельзя, как они с камня на камень лепятся» (35, с. 529). На эту дорогу от Якутска до моря тратили немного более месяца, и к началу XVIII в. она стала основной. Ее протяженность равнялась немногим более 800 верстам. Безусловно, такие тяжелые дороги требовали от казаков и промышленников невероятной затраты энергии и сил для их преодоления.

ОТКРЫТИЕ МОРСКОГО ПРОХОДА ИЗ ЛЕДОВИТОГО МОРЯ В ВОСТОЧНЫЙ ОКЕАН

Судно, по морю носимо,
Реет между черных волн;
Белы горы идут мимо,
В шуме их — надежд я полн...
Ты, Творец, Господь всесильный,
Без которого и влас
Не погибнет мой единый,
Ты меня от смерти спас!

Гаврила Державин

Одним из важнейших этапов великих русских географических открытий XVII в. явилось плавание русских казаков, промышленников и торговцев вокруг Чукотского полуострова, подтвердившее наличие морского прохода из Ледовитого моря в Восточный океан. Это выдающееся достижение связано с именами торговца Федота Алексеева Холмогорца (Попова) и казака Семена Иванова Дежнева.

О жизни Федота Алексеева Попова, позднее получившего прозвище Холмогорец, достоверно известно совсем немного. Считается, что он помор, родом из Холмогор — знаменитого села на Северной Двине, вблизи которого позднее родился Ломоносов. Возможно, что прозвище «Попов» свидетельствует о его происхождении из семьи священнослужителя. С большой долей вероятности можно утверждать, что он знал грамоту. По крайней мере, в дальнейшем ему доверяли большие партии товаров и крупные суммы денег, торговые операции с которыми предполагают элементарное знание грамоты и приемов счета.

В 30-х гг. XVII в. он попал в поле зрения крупного москов-

ского купца («царского гостя») Алексея Усова и сумел заслужить его доверие. Дальнейшая судьба Федота Попова свидетельствует, что он завоевал доверие Усова своей смелостью, настойчивостью и практической сметкой.

В 1638 г. Алексей Усов отправил большую партию своих товаров в далекую Сибирь, доверив свои товары Федоту Алексееву Попову и устюжанину Луке Васильеву Сиверову, причем первый был назначен старшим торгового каравана. Есть сведения, что Федот Алексеев Холмогорец начал свою торговую деятельность в Сибири продажей хмеля на Тюмени, в Тобольске, Томске и Енисейске (31, с. 91).

В июне 1641 г. Федот Алексеев в Енисейске выправил проезжую грамоту — таможенный пропуск — на Лену. На следующий год караван Федота Алексеева прибыл в Якутск. Ознакомившись с местными условиями, он, вероятнее всего, принял решение перенести свою торговую и промысловую деятельность в дальние «земли». Видимо, у него возникли какие-то разногласия с Лукой Сиверовым и они разделили порученные им товары: к Федоту, как к старшему, перешло почти две трети товаров и казны.

6 июля 1642 г. якутский таможенный голова выдал Федоту Алексееву Холмогорцу грамоту, в которой указывалось, что приказчик идет на «стороннюю» реку Оленек на рыбную ловлю и на соболиный промысел и везет с собой «хлебного запаса и промышленного заводу (снаряжения для промысла и рыбной ловли. — М.Ц.) и русково товару»: 700 пудов муки ржаной, 4 пуда меди зеленой в котлах, два пуда олова, 20 фунтов одекуя мелкого и большого (разноцветных стеклянных бус), 10 фунтов бисеру, 100 аршин белого сукна, 50 колокольцев-кутасов, 350 сажень неводных сетей, 20 сколотов подошвенных, 25 обметов собольих, 60 топоров, два пуда «прядена» неводного, 100 аршин холста среднего и толстого. Всего товару было по таможенной оценке на очень крупную для того времени сумму 1025 рублей (30, с. 229).

Купеческий караван, ведомый известным землепроходцем и мореходом Иваном Ребровым, благополучно прибыл на р. Оленек. Однако надежды Федота на удачные торговлю и промысел не оправдались. Местные эвенки восстали и вытеснили тор-

говцев и промышленников из лесов, где водился соболь, в тундру. Видимо, не удалось Федоту наладить меновую торговлю с местными жителями. Сопротивление местных племен заставило русских промышленников временно перейти на другие реки. Вероятнее всего, с ними ушел и Федот Алексеев. Пришлось ему перебраться на Лену, а оттуда и на расположенные к востоку северные реки. Зимой или весной 1647 г. он прибыл на Колыму, где собирался покрыть убытки, понесенные на оленекских промыслах. Именно на Колыме он встретил Семена Дежнева, и далее их жизненные дороги некоторое время шли рядом.

Судьба Семена Дежнева во многом была типичной для сибирского казака того времени. Наиболее вероятно, что родиной его является Поморский край, где он родился около 1605 г. в деревне Осиновская Волоко-Пинежской волости Двинского уезда. Там Дежневы имели свою землю и в начале XVIII в.

С.И. Дежнев по примеру многих поморян связал свою жизнь с Сибирью, где уже в молодые годы, видимо не позже 1630 г., начал казачью службу сперва в Тобольске, а затем в Енисейске. В 1638 г. он был направлен на службу в Якутск в составе казачьего отряда сотника Петра Бекетова. Вместе с ним на службу в Якутск из Енисейска пришли Михайло Стадухин, Василий Бугор, Постник Иванов и другие казаки, чьи имена навсегда вошли в историю русских географических открытий в Сибири и на Дальнем Востоке.

По прибытии в Якутск Дежнев был поставлен на денежное, хлебное и соляное довольствие с окладом рядового казака. Как и многие из сибирских казаков, С.И. Дежнев был женат, видимо, дважды и оба раза на якутках. Наверное, он говорил по-якутски. В 1639–1640 гг. Дежнев участвовал в походах для сбора ясака у местных жителей якутских волостей.

У сибирских казаков в те времена было принято сочетать службу с собственным промыслом. В «Книге покупочной» Якутского острога сохранилась запись, относящаяся к 1638 или началу 1639 г., — «Куплено у служилого Семейки Дежнева 4 соболя без хвостов, дано государевы муки 12 безмен» (36, с. 111). В первый же сезон пребывания на Лене Дежнев собрал в качестве ясака 100 соболей, больше, чем другие его сослуживцы.

В середине 1640 г. он с двумя казаками был направлен на

реки Татту и Амгу, левые притоки Алдана, для замирения непокорных якутов, нападавших на мирных якутов, аккуратно сдававших ясак. Ограбленные пожаловались на эти нападения якутским властям. Быстрое возвращение Дежнева в Якутск, видимо, связано с успешным выполнением порученного задания без применения к виновникам силовых действий. Следует отметить, что Дежнев на протяжении всей службы всегда старался действовать мирными средствами, применяя силу лишь в крайнем случае.

Осенью 1640 г. Дежнев был послан для усмирения мятежного якутского князца Сахея Отнакова. Еще летом 1640 г. несколько родов в центральной Якутии, недовольных большим ясачным обложением, осадили Якутск. Не сумев выбить русских из острога, князцы в конце концов вынуждены были заключить мирное соглашение с якутскими властями и согласились платить ясак. Но несколько князцов-тойонов и в том числе Сахей не замирились. Посланные к нему два сборщика ясака были убиты, а затем Сахей со своим родом откочевал в дальнюю Оргутскую волость на Среднем Вилюе. Посланный против Сахея отряд попал в засаду и понес тяжелые потери.

После этого якутские власти и послали Семена Дежнева для умиротворения непокорного князца и получения ясака. Подробности похода Дежнева против непокорного Сахея до нас не дошли. Известно, что отряд Дежнева возвратился в Якутск без потерь, доставив в Якутск сполна взысканный с Сахеева рода ясак — 140 соболей. Значит, и в этот раз Дежнев использовал, вероятнее всего, какие-то мирные средства для замирения князца, возможно он только постарался припугнуть Сахея, а затем наладил с ним добрые отношения, не провоцируя якутов на оказание сопротивления казачьему отряду.

Затем Дежнев был включен в состав отряда Дмитрия Михайлова Зыряна (Ярило), который с наступлением зимы отправился из Якутска на конях через Верхоянский хребет на р. Яну. Причем лошадей и все необходимое снаряжение Дежнев купил за собственные деньги. Позже в 1662 г. он напишет в челобитной по этому поводу: «И я, холоп твой, для твоей государевой службы купил две лошади, дал 85 рублей, и платье-ишко, и обувь и всякий служебный завод, покупачи в Якут-

ском остроге у торговых и у промышленных людей дорогою ценою: стал подъем мне, холопу твоему, больши сто рублей» (36, с. 131). При годовом окладе рядового казака 5 рублей ясно, что, вероятнее всего, Дежнев в предыдущие два года не только собирал государев ясак, но и выменивал у якутов шкурки на пользовавшиеся спросом товары. Не исключено и то, что он в ходе походов по заданиям властей находил возможность охотиться на соболя.

Путь от Якутска по долине р. Тумарх, притока Алдана, до перевала через Верхоянский хребет и далее на север в долину р. Дулгалах, одного из истоков Яны, был тяжелым. Через пять недель пути казаки добрались до Верхоянского зимовья, поставленного еще в 1638 г. при слиянии рек Дулгалаха и Сартанга, стекающих с Верхоянского хребта и образующих Яну.

На Яне отряд Зыряна собрал в качестве ясака 340 соболей и черно-бурых лисиц. Весной 1641 г. Зырян решил отправиться на реки, расположенные к востоку от Яны. А Дежнева с меховой казной в сопровождении трех казаков он отправил, вероятно, еще по зимнему пути в Якутск через Верхоянский хребет. Прознав о передвижении небольшой группы русских, кочевавшие там эвены, по словам самого Дежнева «40 ламуцких мужиков, а может и больше», устроили засаду. Внезапно атакованные казаки встретили нападавших «огненным боем». Дежнев метким выстрелом сразил предводителя нападавших, но сам был дважды ранен стрелой в левую ногу. После гибели предводителя нападавшие бежали. Меховая казна была доставлена в Якутск в целостности и сохранности. Он и его спутники привезли в Якутск и принадлежащую им пушнину, которая по распоряжению письменного головы Василия Пояркова была конфискована и возвращена только после подачи казаками челобитной на имя царя Михаила Федоровича.

В августе 1641 г. Дежнев вышел из Якутска в составе отряда из 16 казаков во главе с Михаилом Стадухиным с целью пройти на Оймякон, левый приток Индигирки, куда казаки прибыли уже глубокой осенью. Затем он в составе отряда побывал на р. Моме и спустился на коче к устью Индигирки. Осенью он вместе со Стадухиным перешел морем в устье Алазеи, где отряд Стадухина соединился с отрядом Зыряна и осе-

ню 1643 г. направился также морем к устью Колымы.

Вероятнее всего, Дежнев принял активное участие в постройке Нижнеколымского зимовья, где он прожил три года и отличился храбростью при сборе ясака с местных племен. На Колыме среди казаков все шире распространялись слухи о том, что на востоке от бассейна Колымы течет «захребетная река Погыча», по берегам которой в тайге водится множество соболей. Доходили до казаков слухи и о наличии на востоке от Колымы моржовых лежбищ, что сулило богатую добычу «рыбьих зубов» (моржовых клыков).

Все эти слухи стали известны и многим торговцам и промышленникам, которых немало собралось в Нижнеколымске. Федот Алексеев Холмогорец (Попов) решил организовать крупную промысловую экспедицию для поиска этой таинственной р. Погычи (с 1647 г. эту реку стали называть Анадырь).

Холмогорец сумел снарядить четыре коча, на которых вышли в плавание 63 промышленника и торговца. Дежнев был по его просьбе включен в состав экспедиции в качестве официального лица, представителя московских властей, ответственного за сбор ясака в «новых землях», получив наказную память на это от приказчика Нижнеколымского острога казака Второго Гаврилова. В своей отписке якутскому воеводе, датированной после июня 1647 г., Гаврилов докладывал: «В прошлом во 154 году (1646 г. — М.Ц.) летом с усть Ковьмы реки ходили на море гуляти в коче вперед промышленные люди девять человек: Исайко Игнатъев Мезенец, Семейка Алексеев Пустозерц с товарищи. И с моря пришли к нам на Ковьму реку в роспросе сказали: бежали де они по большому морю, по зальду, подле Камень двои сутки парусом и доходили до губы, а в губе нашли людей (академик Л.С. Берг вполне обоснованно предполагает, что они достигли Чаунской губы. — М.Ц.), а называются чухчами, а с ними торговали небольшое место потому, что толмача у них не было, а съезжати к ним с судна на берег не смели, вывезли к ним товарцу на берег, положили и они в то место положили кости рыба зуба немного а не всякой зуб цел; деланы у них пешни да топоры ис той кости, и сказывают, что на море де тово зверя много ложится де он на место. И в нынешнем во 155 году, июня... пошли на море мос-

квитина гостиной сотни торгового человека Алексея Усова приказчик Федотко Алексиев холмогорец с покрученниками двенадцать человек (промышленники, снаряженные за счет Алексеева. — *М.Ц.*), а иные збирались промышленные люди своиуженники (промышленники, которые снарядились сами, за свой счет. — *М.Ц.*), а сверх их собралось 50 человек, пошли на четырех кочах той кости рыбья зуба и соболиных промыслов разведывать. И тот Федотко Алексиев с товарищи к нам в съезжую избу словесно прошали (просили выделить. — *М.Ц.*) с собою служилого человека. И бил челом государю Якуцкого острогу служилой человек Семейка Дежнев ис прибыли, а челобитную подал в съезжей избе, а в челобитной явил государю прибыли на новой реке в Анандыре сорок семь соболей (сороков — это 40 шкурков соболей, семь сороков — 280 шкурков. — *М.Ц.*). И мы его, Семейку Дежнева отпустили для тое прибыли с торговым человеком с Федотом Алексиевым и для иных новых рек проводить и где бы государю мошно прибыль учинити. И дали им наказную память и где буде найдут неясных людей, и им аманатов имати (братъ заложников. — *М.Ц.*) и государев ясак с них збирати и под ево царскую высокую руку подводити и прочая» (31, с. 110, 111).

Из наказной памяти следует, что Федор Алексеев Холмогорец был назначен целовальником, то есть отвечал за поступление в казну денежных доходов. А благодаря этому и наличию в составе экспедиции лица, ответственного за сбор ясака (С.И. Дежнев), сугубо частная экспедиция становится в определенной степени экспедицией, посланной колымскими властями.

Летом 1647 г. четыре коча вышли из Колымы в море и повернули на восток. Так и неизвестно, как далеко к востоку смогли они продвинуться. Из-за тяжелых ледовых условий экспедиция тем же летом возвратилась в Нижнеколымск.

Известный историк географических открытий русских землепроходцев Б.П. Полевой сообщил, что лишь в 1957 г. удалось обнаружить две ранее не известные челобитные С.И. Дежнева, из текста которых впервые выяснилось, что осенью 1647 г. он решил на следующий год возвратиться на Лену, а зиму 1647–1648 гг. провести на соболином промысле. В челобитной, поданной в Нижнеколымском зимовье колымскому

приказчику Второму Гаврилову, Дежнев писал: «Яз, холоп твой, иду вверх по Ковьме для ради великие своея ножа (нужды. — *М.Ц.*).» (33, с. 26). Дежнев прошел в лесистую часть Средней Колымы и занимался там промыслом соболя. 28 мая 1648 г. в Среднеколымском зимовье он уплатил в счет промысла 40 соболей десятую часть — 4 соболя. А на следующий день он приобрел у промышленника Сысолетина 13 соболей, и только в середине июня он начал продавать своих соболей, видимо после получения предложения от Гаврилова участвовать в новом походе на восток.

Дело в том, что, несмотря на неудачу, Попов решил повторить плавание на восток на следующий год. Когда Дежнев снова подал просьбу о назначении его в экспедицию 1648 г. ответственным представителем властей и сборщиком ясака, то на этот раз подобное предложение подал и якутский казак Герасим Анкидинов, который обещал собрать для казны 280 соболей и вдобавок поступить на «государеву службу своим животом, судном и оружием, порохом и всякими заводы» (31, с. 112), то есть снарядив за свой счет судно и приобретя таким же образом оружие, боеприпасы и все необходимое снаряжение.

Дежнев в свою очередь обещал увеличить сбор ясака до 290 соболей и обвинил Анкидинова в том, что тот «прибрал к себе воровских людей человек с тридцать, и хотят оне торговых и промышленных людей побивати, которые со мною идут на ту новую реку, и животы их грабят, иноземцев хотят побивать же, с которых я прибыль явил» (31, с. 113). Колымские власти поддержали Дежнева и назначили его вновь своим официальным представителем. Тогда один из подчиненных Анкидинова Пятко Неронов подал Гаврилову жалобу на Дежнева, обвиняя его в незаконных действиях и требуя над ним «царского суда». Но Гаврилов, убедившись в абсолютной голословности обвинений, проигнорировал жалобу. Тем не менее Анкидинов со своими людьми снарядил коч и сумел присоединиться к экспедиции Попова–Дежнева.

Б.П. Полевой считает, что плавание новой экспедиции началось из Среднеколымского зимовья 20 июня. После остановки в Нижнеколымском зимовье экспедиция вышла в Ледови-

тое море в начале июля (33, с. 26)

Помимо Федота Алексеева и его 29 покручеников, в походе приняли участие приказчики богатого московского гостя Василия Гусельникова Афанасий Андреев и Бессон Астафьев со своими покручениками. Эти приказчики возглавляли отдельный отряд, разместившийся на двух или трех кочах.

Дежнев в экспедиции непосредственно возглавил один из отрядов, составивший экипаж одного коча. Отряд состоял из 18 промышленных и служилых людей. В снаряжении этого отряда он принял личное участие. Впоследствии он указывал в челобитной, что снарядился для похода к Анадырю «на свои деньги» и «от морского разбою (кораблекрушений во время бури. — М.Ц.) обнищал и одолжал великими некупными долгами» (36, с. 178). Видимо, он вложил в снаряжение экспедиции все свои деньги, полученные за продажу большой партии соболей, вымененных на русские товары и полученных в результате удачной охоты во время промысловых поездок на Колыме.

20 июня 1648 г. семь кочей, на которых разместились 90 казаков, промышленников и торговцев (по другим данным — 105 человек), вышли из устья Колымы в море и направились на восток. Вместе с Федотом Алексеевым отправилась в плавание его жена — якутка — первая в России женщина, участница полярного плавания, о которой упомянуто в официальных документах.

В проливе, который в XIX в. был назван именем Лонга, возможно у мыса Биллингса (близ 176° в.д.) во время бури о льды разбило два коча. Команды поврежденных кочей высадились на берег и погибли: часть из них была убита коряками, а часть умерла от голода. Вероятно, в августе пять кочей экспедиции вошли в пролив, отделяющий Азию от Америки, позже названный Беринговым. Вероятнее всего, там коч Анкидинова разбился, но команда его спаслась и разместилась на оставшихся неповрежденными четырех кочах.

20 сентября у мыса Чукотского, а может быть уже в районе залива Креста, кочи подошли к Чукотскому берегу, где в стычке чукчи ранили Федота Попова. А через несколько дней — примерно 1 октября — «того Федота со мною, Семейкою, на море разнесло без вести», — сообщил Дежнев позже в чело-

битной (18, с. 292). Отсюда следует, что четыре коча экспедиции сумели обогнуть мыс, который сейчас носит имя Дежнева, то есть северо-восточный мыс Чукотки, и впервые в истории вышли из Северного Ледовитого океана в Тихий океан. Видимо, еще два коча экспедиции потерпели крушение по выходе судов в Берингово море, а все люди на них погибли.

Д.и.н. М.И. Белов убедительно, на наш взгляд, показал, что место, где ранили Федота Попова, является мысом Чукотский: «В 1660 г. сменивший Дежнева в Анадырском остроге Курбат Иванов решил предпринять плавание от Анадырской «корги» в «русскую сторону», то есть вокруг Чукотского полуострова в сторону Колымы. В течение целого лета на одном коче он пробирался вдоль берега и пришел в Большую губу. Так назывался залив Креста до экспедиции Беринга. От залива Креста Курбат прошел к большому мысу, по всей вероятности к мысу Чукотскому. Этот мыс опознала бывшая с Курбатом Ивановым чукчанка, взятая в плен Яковом Пермьяком, участником похода Дежнева в 1648 г. Так удалось установить, что «драка», в которой ранили Федота Алексеева, случилась на мысе Чукотском, и следовательно, этот мыс был последним, откуда кочи Дежнева отошли в море» (14, с. 397).

Историки не пришли к единому мнению по поводу того, что понимал сам Дежнев под «Большим Каменным Носом» и о каких островах и местных жителях сообщал он в одной из своих отписок якутскому воеводе: «1655 года апреля 4... а тот Нос вышел в море гораздо далеко, а живут на нем люди чукчи добре много. Против того ж Носу, на островах живут люди, называют их зубатыми (зубатые чукчи — эскимосы, которые прежде на островах Диомиды носили в прорезях нижней губы украшения из моржового зуба, камня, кости. — М.Ц.), потому что пронимают они сквозь губу по два зуба немалых костяных, а не тот, что есть первой Святой Нос от Коломы (имеется в виду мыс Шелагский. — М.Ц.). А тот большой Нос мы, Семейка с товарищи, знаем, потому что разбило у того носу судно служивого человека Ярасима Онкудинова с товарищи. И мы, Семейка с товарищи, тех розбойных людей, потерпевших от морского розбою, имали на свои суды и тех зубатых людей на острове видели ж. А от того Носу та Анадырь река и корга

далеко» (31, с. 127, 128).

Некоторые историки (академик Л.С. Берг, д.и.н. Д.М. Лебедев) считали, что под «Большим Каменным Носом» Дежнев понимал именно тот мыс, который позже назвали его именем, а острова, где проживают «зубатые чукчи», — это острова Диомида в Беринговом проливе.

Другие (Б.П. Полевой) считают, что «Большим Каменным Носом» Дежнев считал всю Чукотку, а следовательно острова «зубатых людей» — это Аракамчечен и Ыттыгтран. Вполне возможно, что Дежнев употреблял одно и то же название «Большой Каменный Нос» в зависимости от текста в двух значениях и как мыс, и как весь полуостров Чукотка.

В другой отписке 1655 г. (не ранее 15 апреля) Дежнев рассуждает уже об открытом им большом северо-восточном полуострове: «А с Ковьмы реки итти морем на Анандырь реку, и есть Нос, вышел в море далеко, а не тот Нос, который от Чухочьи реки лежит, до того Носу Михайло Стадухин не доходил, а против того Носу есть два острова, а на тех островах живут чухчи, а врезываны у них зубы, прорезываны губы, кость рыбей зуб (моржовый клык. — М.Ц.), а лежит тот Нос промеж сивер на полуношник (по поморской мореходной терминологии — между севером и северо-востоком. — М.Ц.). А с рускую сторону Носа признака: вышла речка, становье тут у чухоч делано, что башни ис кости китовой. Нос поворотит кругом, к Онандыре реке подлегло. А доброго побегу от Носа до Онандыри реки трои сутки, а боле нет. А итти от берегу до реки недале, потому что река Анандырь пала в губу» (31, с.131, 132).

Правда, Б.П. Полевой сообщил, что в 1957 г. удалось разыскать давно искомый подлинник приведенной выше отписки 1655 г. (не ранее 15 апреля). Сравнение ее текста с обычно цитированной копией, приведенной историком Г.Ф. Миллером, показало, что точный текст отписки несколько отличен. В дежневском подлиннике одна из важнейших фраз звучит так: «Нос поворотит круто (вместо «кругом» в копии. — М.Ц.) к Онандыре реке под лето (вместо «подлегло» в копии. — М.Ц.)». То есть от самой западной части Чукотского полуострова, по представлениям Дежнева, до устья Анадыря было пути трое

суток, и само устье Анадыря по отношению к западной части Чукотки находилось «под лето», то есть к югу (33, с. 28).

После того как в Беринговом проливе кочи Дежнева и Попова разлучились, Дежнева ждали новые тяжелые испытания. «И носило меня, Семейку, по морю, — сообщал он в отписке якутскому воеводе в 1655 г., — после Покрова Богородицы (1 октября. — М.Ц.) всюда неволею, и выбросило на берег в передней конец за Анандырь реку. А было нас на коче всех дватцать пять человек. И пошли мы все в гору, сами пути себе не знаем, холодны и голодны, наги и босы. А шел я, бедной Семейка, с товарищи до Анандырь реку вниз близко моря, и рыбы добыть не могли, лесу нет. И с голоду мы, бедные, врознь розбрелись. И вверх по Анандыре пошло двенатцать человек, и ходили дватцать ден, людей и аргишниц (оленьих караванов. — М.Ц.), дорог иноземских не видали и воротились назад и не дошел за три дня днища (три дня ходу. — М.Ц.) до стану, обначевались, почели в снегу ямы копать» (31, с. 131).

Считается, что коч Дежнева, вероятнее всего, выбросило на берег на побережье Олюторского полуострова, расположенное в 900 км к юго-западу от Чукотки. Значит, Дежнев первым пересек Корякское нагорье и в начале декабря 1648 г. вышел в низовье Анадыря. 12 человек, половина отряда, отправились вверх по реке в поисках стойбищ местных жителей, чтобы раздобыть у них еду. Через 20 дней, не встретив никого, группа повернула обратно и остановилась за три дневных перехода до лагеря, где оставался Дежнев с остальными людьми. Из этой группы лишь трое — Фома Семенов Пермьяк, Сидор Емельянов и Иван Зырянин — смогли дойти до лагеря Дежнева, а остальные остались на месте и просили, чтобы прислали им «постеленко спальные и парки худые, чем бы нам напиться и к стану добрести» (36, с. 219).

Дежнев послал Фому Пермьяка, видимо, как наиболее сильного и выносливого, к оставшимся в снеговой яме людям, передав с ним «последнее свое постеленка и одеялишка». Но Пермьяк никого на месте не нашел. Дежнев полагал, что людей захватили местные племена, но, что вероятнее, люди замерзли и их замело снегом.

Остатки отряда зазимовали в районе устья Анадыря, и 12 из

них пережили страшную зиму 1648–1649 гг. За зиму трое дежневцев умерли от цинги. Из оставшихся 12 до нашего времени дошли имена десяти: Семен Иванов Дежнев, Фома Семенов Пермьяк, Павел Кокоулин, Сидор Емельянов, Иван Пуляев, Михаил Захаров, Терентий Куров, Ефим Меркурьев Мезеня, Петр Михайлов и Артемий Солдатко.

О судьбе Федота Алексеева и Герасима Анкидинова точно ничего неизвестно. Они, вероятнее всего, попали на побережье Камчатки. Об их предполагаемой судьбе мы расскажем позже в очерке об открытии Камчатского полуострова.

К началу лета 1649 г. Дежнев с товарищами построили речные суда и после ледохода спустили их на воду и поплыли вверх по реке. «И пошли 12 человек, в судах вверх по Анадыре реке и шли (500 км. — М.Ц.) до онаульских людей (анаулы — одно из юкагирских племен. — М.Ц.)... и ясак с них взяли» (31, с. 131).

Вначале анаулы встретили появление незнакомых вооруженных бородатых людей с опаской. Дело дошло до столкновений. Позже Дежнев так описал эти столкновения: «И взяли мы два человека, за боем ранили меня смертною ранюю, и ясак с них взяли. И по ясачным книгам поименно с кого что взято, и что взято государева ясаку, и больше того, я, Семейка, у тех анаульских людей что взять государева языка хочу» (36, с. 223).

Постепенно между русскими и анаулами установились, видимо, добрые отношения. Вероятнее всего, в этом заслуга именно Дежнева, который был всегда сторонником установления с местным населением именно таких отношений. Более того, некоторые из дежневцев взяли себе в жены анаульских женщин. Среди них был, например, Фома Семенов Пермьяк, о котором уже упоминалось ранее. Его жена, названная после крещения Устиньей, была впоследствии венчана с ним по православному обряду.

На Верхнем Анадыре Дежнев основал зимовье. Он выбрал место для него на возвышенном островке, на Среднем Анадыре, чуть выше устья Майна, правого притока Анадыря, в районе, где сейчас расположено селение Марково. Поблизости произрастал строевой лес, из которого срубили жилые избы, аманатскую избу, амбары для хранения «мягкой рухляди» и

съестных припасов.

В 1649 г. попытку пройти морем из устья Кольмы на Анадырь предпринял казак Михаил Стадухин, но его коч вынужден был возвратиться из-за непроходимых льдов у северных берегов Чукотки, дойдя, вероятнее всего, до Колоченской губы. От юкагиров кольмские казаки узнали о сухопутном пути на р. Анадырь через долину р. Анкой, верховья которой близко подходят к верховьям р. Анадырь и разделены хребтом.

В начале марта 1650 г. этой дорогой на собачьих и оленьих упряжках отправился с небольшим отрядом казак Семен Иванов Мотора, которого кольмские власти назначили приказчиком на Анадыре, так как ничего не знали о судьбе Алексеева и Дежнева. Туда же отправился небольшой отряд Михаила Стадухина, влиятельного и честолюбивого казака-землепроходца, который стремился сам представлять кольмские власти на Анадыре. Стадухин догнал Мотору на Анюйском хребте, и они вместе прибыли в Анадырское зимовье.

Дежнев сразу признал старшинство Моторы, но присутствие на Анадыре неоднозначного, беспокойного и разгульного Стадухина очень осложнило жизнь и Моторы, и Дежнева. Так продолжалось до ухода Стадухина и его людей на р. Пенжину.

Зимой 1652 г. во время похода объединенного отряда Моторы и Дежнева против анаульского князца Мекерки, который со своими людьми грабил мирных объясаченных анаулов, во время одного из столкновений погиб Мотора. С этого времени предводителем объединенного отряда и приказчиком на Анадыре стал С.И. Дежнев.

Во время походов и поездок он ознакомился с долиной Анадыря и частью его притоков. Более того, по возвращении Дежнев представил чертеж Анадыря и главных его притоков. Он же дал первое описание природы этого региона: «А река Анадырь не лесна и соболей по ней мало, с вершины малой лисвяк днищей на шесть или на семь (на протяжении пути в шесть или семь дней. — М.Ц.), а иногo черново лесу (лиственного. — М.Ц.) нет никаково, кроме березнику и осинника. А от Малого Маена (р. Майн при разветвлении образует Малый и Большой Майн. — М.Ц.) кроме тальника нет лесу никаково, а от берегов лесу не широко, все тундра да Камень» (31, с. 128).

В 1652 г. Дежневу удалось обнаружить в устье Анадыря

крупное лежбище моржей, что явилось большой удачей, так как сулило громадные прибыли из-за добычи «рыбьего зуба»: «И того ж 160 году пошли мы в судах на море, — сообщал он в отписке якутскому воеводе, — чтоб где государю учинить прибыль большая, и нашли усть той Анандыру реки корга (коса Русская Кошка, расположенная в устье р. Анадырь и прикрывающая вход в реку с моря. — М.Ц.), за губою вышла в море, а на той корге заморной зуб зверя того. И мы, служилые и промышленные люди, того зверя промышляли и заморной зуб брали. А зверя на коргу вылегал добре много, на самом мысу вкруг с морскую сторону на полверсты и больше места, а в гору сажень на тридцать и на сорок (более 60–80 м. — М.Ц.). А весь зверь с воды с моря землю не вылегал, в море зверя добре много, у берегу. А потому всего зверя на землю не выжидали, что ясашное зимовье вверху Анандыря реки и рыбные ловли высоко в шиверах (речных порогах. — М.Ц.), а корму у нас нет, и того б рыбного промыслу не проходить и не опоздать и голодную смертью не помереть бы... А которые промышленные люди-поморцы, и они сказывают, что в Руском де Поморье столь много зверя того нет» (31, с. 126).

В 1660 г. закончилась трудная служба Дежнева на Анадыре, по его просьбе он был заменен и с грузом «костяной казны» сухим путем, который был открыт казаком Семеном Ивановичем Моторой в 1650 г., прошел на Колыму, а оттуда морем — в Жиганск, расположенный на Лене. Весной 1662 г. Дежнев прибыл в Якутск, а в конце июля того же года отправился в Москву.

Он приехал в столицу в сентябре 1664 г., доставив туда «костяную казну» — 289 пудов моржовых клыков на сумму 17 340 руб. серебром. В январе следующего года с ним был произведен полный расчет: ведь с 1641 по 1660 г. Семен Иванович не получал ни денежного, ни хлебного жалования. По постановлению Сибирского приказа «Великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович... слушав сее выписки и челобитья ленского казака Сеньки Дежнева, пожаловал — велел ему, Сеньке, свое государево годовое денежное жалованье и за хлеб на прошлые годы со 151-го по 170-й год (1643–1662 гг. — М.Ц.) на 19 лет за ево службу, что он в тех годех был на ево, государеве, службе на Андыре реке для государе-

ва ясашново збору и прииску новых землиц, и будучи на государеве службе упромышлял кости рыбья зубу 289 пуд, цена по штидесят рублей пуд, и ясак на великого государя збирал, и аманаты имал. А на те прошлые на 19 лет государева годового денежного и хлебного жалованья нигде не имал. И за ту ево, Сенькину, многую службу и за терпение пожаловал великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович... ленскому казаку Сеньке Дежневу за государево годовое денежное и за хлебное жалованье... всего сукнами и деньгами на 100 на 20 на 6 рублей на 6 алтын на 4 деньги дано» (24, с. 285, 286).

Кроме того, царь «за ево, Сенькину, службу и за прииск рыбья зуба, за кость и за раны поверстать в атамань» (18, с. 294). За лично добытые Дежневым моржовые клыки (31 пуд 39 фунтов) он получил от московских властей 500 руб. Известный полярный исследователь член-корреспондент АН СССР В.Ю. Визе считал, что эта сумма составляла всего примерно третью часть действительной стоимости (36, с. 290).

В Сибири атаман С.И. Дежнев служил еще на реках Оленек, Вилкой и Яне. Он сопровождал в Москву соболиную казну и прибыл туда в конце 1671 г. Семен Иванович успешно выполнил последнюю службу. В Москве он заболел, видимо сказались годы и все трудности и тревоги сибирской службы, все болезни и раны, полученные за время походов и плаваний. Он не вернулся в Якутск, не увидел более свою жену Пелагею и сыновей казаков Любима и Афанасия и скончался в начале 1673 г. Так окончилась земная жизнь славного русского морехода-первопроходца Семена Иванова Дежнева, совершившего с экспедицией Федота Алексеева Попова одно из выдающихся географических открытий — отыскание морского прохода из Ледовитого моря в Восточный океан.

Некоторые сообщения С.И. Дежнева о замечательном плавании экспедиции Алексеева–Дежнева пролежали много лет в Якутском архиве и были там обнаружены в 1736 г. и опубликованы академиком Г.Ф. Миллером. Но это не значит, что результаты этого плавания не нашли отражения в представлениях географов и мореплавателей XVII — начала XVIII в. о морях, омывающих Северо-Восточную Азию.

Во-первых, на знаменитых картах Сибири 1667 г., состав-

ленных под руководством тобольского воеводы стольника П.И. Годунова, и дополненном чертеже 1672 г. показан свободный проход морем от Колымы до Амура. О таком же свободном проходе писал хорватский священник Юрий Крижанич, сосланный московскими властями в Тобольск в 1661 г., где он и пробыл до 1676 г.

В написанном им позже по-латыни сочинении «История о Сибири, или сведения о царствах Сибири и о береге Ледовитого и Восточного океана, также о кочевых калмыках, и некоторые повествования об обманах ювелиров, рудопластов и алхимиков», основанном на собранных автором в Тобольске географических сведениях, сказано: «Было и другое сомнение: соединено ли Ледовитое море с Восточным океаном, омывающим с востока Сибирь, затем южнее области Даурию и Никанию (южные провинции Китая, ведшие в середине XVII в. борьбу с новой маньчжурской династией, овладевшей Пекином. — М.Ц.)... Сомнение это в самое последнее время было разрешено воинами Ленской и Нерчинской области: они, собирая с туземцев дань, прошли всю эту страну до самого океана и утверждают, что к востоку нет никакой твердой земли и что сказанные моря ничем друг от друга не отделены, но что Сибирь, Даурия, Никания и Китай с востока омываются сплошным океаном».

Правда, Ю. Крижанич, опираясь на собранные им в Тобольске сведения о Ледовитом море, сообщал о крайней опасности плавания судов в тяжелых арктических льдах: «В Ледовитом море лед никогда не тает вполне, но в течение всего лета по водам плавают в большом количестве огромные глыбы льда, сталкиваясь между собою и поэтому глыбы эти (особенно при сильном ветре) могут уничтожить какое угодно судно» (20, с. 175).

«Эти сведения, — писал академик Л.С. Берг, — полученные Крижаничем в Тобольске между 1661 и 1676 гг., не могут относиться ни к чему другому, кроме плавания Дежнева 1648 г., хотя Крижанич имени последнего не называет и изображает дело так, как будто вопрос мог быть разрешен в XVII в. исследованиями с суши» (28, с. 63).

На карте Татарии (так в Европе долго называли Сибирь),

составленной в 1687 г. известным голландским географом, амстердамским бургомистром Николасом Витсенем по данным, полученным во время его пребывания в Москве в 1664—1665 гг., на месте Чукотского полуострова нанесен узкий выступ суши, у северного конца которого надпись — «Необходимый нос» (и указана причина этого — наличие непроходимых льдов). Река Анадырь на этой карте впадает в Восточный океан.

В своей книге «Северная и Восточная Татария», изданной в 1692 г. и переизданной в Амстердаме в 1705 г., Витсен приводит несколько высказываний, свидетельствующих о том, что автор во время пребывания в России и впоследствии в ходе переписки с корреспондентами оттуда получил сведения о результатах плавания русских вокруг северо-восточной окраины материка Азия.

Приведем несколько высказываний из этой книги: «Однажды семь судов с московскими военными спустились по этой реке (Колыме. — М.Ц.), чтобы обогнуть Ледяной нос, называемый также Необходимый нос, или выступ, но все погибли».

В своей книге Витсен привел выдержку из письма, полученного им из Архангельска в 1698 г. от знакомого голландского купца: «Я говорил здесь с одним русским, который сообщил мне, что прошлую зиму он видел в Москве казаков, бывших на охоте за соболями в самых отдаленных местностях Сибири. Они обогнули на маленьком судне Ледяной мыс, или самый восточный выступ, как это показано на вашей карте, и ехали три дня, пока добрались до конца выступа. Там было очень сильное течение, так что им пришлось держаться вплотную к берегу; но льда они не видели, ибо это было в самом разгаре лета. Таким образом они обогнули мыс и достигли границ Китая».

Приведем еще один отрывок из книги Витсена: «Один видный московский купец рассказал мне, что в Архангельске он говорил с казаками, сообщившими ему, что они за три дня добрались до Ледяного мыса. В некоторых местах он (пролив. — М.Ц.) настолько узок, что видны оба берега. Эти казаки или московские солдаты были отправлены из Якутска для сбора дани, как это обычно производилось ими группами в 10 или 20 человек... Далее они рассказывают, что у них было

8 маленьких судов, из которых четверем, как они думают, удалось обогнуть Ледяной мыс. Но под конец они встретили таковой сильный водоворот или, скорее, прибой, так как северное течение сталкивается там с южным, что эти четыре судна были разбиты вдребезги и все люди погибли» (36, с. 282, 283)

Если отбросить явные несуразицы, то эти сообщения Витсена очень близки к сведениям из «скасок» и «отписок» казаков-первопроходцев, открывших северо-восточное побережье Чукотки и пролив из Ледовитого моря в Восточный океан. По крайней мере ясно, что сведения об этих русских открытиях стали известны Витсену, а через его книгу и всем географам Европы.

И в первые годы XVIII в. сведения об открытом Федотовым и Дежневым проливе продолжали поступать в Москву и далее на запад. Посланному в 1711 г. из Анадырского острога на Чукотку якутскому служилому человеку Петру Ильину сыну Попову местные чукчи говорили, что «и прежде русские люди у них, чукочь морем бывали» (29, с. 126). Сведения о плавании кочей вокруг Чукотки были распространены в начале XVIII в. и среди русских промышленников.

Подтверждением того, что результаты морских походов Алексея Дежнева стали известны в Западной Европе еще до находок академика Г.Ф. Миллера, явилась анонимная карта, вышедшая в Лейдене в 1726 г. На ней Азия кончается на северо-востоке мысом Святой Нос и несколькими островами, а рядом надпись: «Русские суда проходили здесь, чтобы итти на Камчатку».

На анонимной карте 1727 г., изданной в Амстердаме, на северо-востоке Азии нанесен остров и рядом надпись: «Русские, приходящие с Лены и рек восточнее Лены, проходят здесь со своими судами, чтобы итти торговать с камчадалами».

На карте долго жившего в Сибири пленного шведского офицера Страленберга, которую он поднес Петру I в Москве, а опубликовал в 1730 г. в Швеции, против устья Индигирки нанесена надпись: «Отсюда русские, пересекая море, загроможденное льдом, который северным ветром пригоняет к берегу, а южным отгоняет обратно, достигли с громадным трудом и опасностью для жизни Камчатки» (28, с. 63).

И наконец, сам тогда еще капитан 1-го ранга Витус Беринг,

успешно плававший в проливе между Азией и Америкой, первооткрыватель Алеутских и Командорских островов и Северо-западного побережья Северной Америки, в одном из своих донесений, посланных летом 1725 г. из Енисейска, пишет: «Ежели б определенно было итти с устья Колымы до Анадыря, где пройти всемерно возможно, о чем новые Азийские карты свидетельствуют и жители сказывают, что преже сего сим путем хаживали» (28, с. 64).

Все это подтверждает несомненное влияние сведений о походе Алексея Дежнева вокруг Чукотки на новые географические представления о свободном проходе из Ледовитого моря в Восточный океан, уже во второй половине XVII в. и в первой трети XVIII в., задолго до находок Миллера в Якутской приказной избе.

Так уж распорядилась история, что имя С.И. Дежнева и его плавание вокруг Чукотки стало достоянием школьных учебников и известно большинству россиян. Присовокупим к этому славному имени и имя смелого и предприимчивого помора Федота Алексея Попова, организатора вошедшей в историю географических открытий экспедиции в полярных морях России.

Р.С. А бывали ли казацкие кочи в проливе между Ледовитым морем и Восточным океаном в XVII в. после 1648 г.? В конце 40-х гг. прошлого века в Российском государственном архиве древних актов была обнаружена «Книга расходная судов и судовых запасов» (Якутск, 1661 г.). В ней ученые прочитали запись: «Июня в 6 день посланы великого государя на службу за море на Анадырь реку десятник козачей Иван Рубец, а с ним послано якутских служилых людей 6 человек. И тем служилым людям дан коч мерою 8 сажен (около 17 м. — М.Ц.)».

Историк и знаток русских географических открытий в Сибири и на Дальнем Востоке член-корреспондент Академии наук СССР А.В. Ефимов, комментируя эту запись, вполне обоснованно отметил, что такой коч по сухопутной дороге доставить в то время на р. Анадырь было невозможно. И найденная запись побудила его в 1951 г. опубликовать в 24-м сборнике «Вопросов географии» (с. 427–430) статью «К вопросу о повторении похода по трассе исторического плавания С. Дежнева 1648 г.».

Позже в архиве Ленинградского отделения Института исто-

рии в собрании якутских авторов удалось выявить «наказную память» Ивану Меркурьеву Рубцу (Бакшееву), из текста которой ясно, что Рубец должен был пройти морем на анадырскую моржовую коргу. Ему предписывалось «плавучи вниз Леною и морем до Индигирки и до Алазеи и до Ковыми и до Анадыря рек в дороге беглых и беспроезжих никого служилых и торговых и промышленных людей на суды к себе отнюдь не принимать и на Анадырь не свозить» (33, с. 34). Первых анадырских казаков Рубец должен был принять к себе уже на устье Анадыря.

В начале августа 1661 г. коч Рубца потонул во время бури в низовьях Лены. Основные грузы удалось спасти, и Рубец продолжил плавание на коче Ивана Хворова, направлявшегося на Колыму. Рубец зимовал в Нижнеянском зимовье и в середине июля 1662 г. доплыл до устья Колымы. Там он в соответствии с наказом из Якутска получил для анадырской службы дополнительный карбас, который позже числился за Анадырским острогом. До 31 августа 1662 г. Рубец дошел морем до Анадырской корги. Следовательно, в августе 1662 г. он прошел проливом, соединяющим Ледовитое море с Восточным океаном.

Рубец обязан был немедленно приступить к промыслу моржей. Для этого он доставил на коргу из Якутска 30 тяжелых моржовых спиц (копья для охоты на моржей), пудовый безмен, котел и прочие тяжелые принадлежности для промысла. Но, увы, на корге не оказалось моржей, видимо сказались последствия интенсивного промысла там с 1652 по 1662 гг.

Он решил искать новые моржовые лежбища. От промышленных людей Рубец слышал, что эти лежбища могут находиться южнее Анадырского устья. Это и привело его, по мнению историка В.П. Полевого, к устью р. Камчатки. О его камчатских приключениях расскажем позже. Исходя из этих новых данных, В.П. Полевой утверждает, что по крайней мере в 1662 г. легендарный рейс экспедиции Попова–Дежнева через пролив между Азией и Америкой был успешно повторен.



ПЕРВЫЕ ПЛАВАНИЯ ПО АМУРУ

Во сибирской во украине,
 Во даурской стороне,
 В даурской стороне,
 А на славной на Амур-реке,
 На устье Комары-реке
 Казаки царя белого
 Они острог поставили,
 Острог поставили,
 Ясак царю собирали.

Старинная казачья песня

Ранее уже отмечалось, что именно из Якутска отправились первые землепроходцы для поиска «новых земель» в южном направлении, продвигаясь вверх по течению притоков Лены – Олекмы и Витима. От коренных жителей этих районов эвенков и кочевых дауров русские получили первые сведения о громадной реке Шилкар, или Чиркола (Амур), текущей на восток через районы, заселенные оседлыми даурами, монгольскими племенами, земледельцами и скотоводами, которые проживали в больших селениях.

Одним из первых перевалил водораздельные хребты и посетил Даурию «промышленный человек» Аверкиев. Он добрался до места слияния Шилки и Аргуни, то есть до места, где начинается сам Амур. Местные жители начали меновую торговлю с ним, обменивая его товары – мелкий бисер и железные наконечники для стрел – на соболя. Затем он попал в плен к даурам. Один из «князей» хотел его убить, другой защитил. Аверкиева все же отпустили, он возвратился в Якутск и поведал об Амуре (30, с. 84).

Сведения о богатых амурских краях не давали покоя якутским воеводам. И уже первый из них стольник Петр Петрович

Головин в июле 1643 г. послал на Шилкар «письменного голову» Василия Даниловича Пояркова во главе отряда из 132 человек. В составе отряда были 112 казаков, 15 «охочих людей» — промышленников, два целовальника, два толмача и кузнец.

Для этой экспедиции Якутская приказная изба выделила «для угрозы немирных земель пушку железную ядром полфунта» (28, с. 83), инструмент для постройки судов, парусину для парусов, пищали и боеприпасы, а также медные котлы, тазы, сукна и бисер — для подарков местным жителям.

Пояркову были поручены «прииск вновь неясачных людей», сбор ясака, а также поиски месторождений серебра, меди и свинца и, по возможности, организация добычи руд и выплавки ценных металлов.

Не исключено, что, назначая руководителем экспедиции письменного голову, грамотного человека, якутский воевода учитывал близость Амура и Даурии к Китаю и возможность того, что в ходе экспедиции потребуются проводить дипломатические переговоры с китайцами.

Экспедиция направилась в Даурию неизведанными путями. В конце июля на шести дощаниках Поярков с отрядом поднялись по Алдану, его правому притоку Учтуру и левому притоку последнего Гонаму (по нему удалось подняться лишь на 200 км от устья, далее путь преградили многочисленные пороги). Осенью, когда река замерзла, отряд, потеряв два дощаника, все еще не добрался до водораздела между реками бассейнов Лены и Амура.

Поярков принял трудное решение и разделил свой отряд: часть его во главе с пятидесятником Патрикеем Мининым, которому велено было весной идти к Зее, левому притоку Амура, осталась зимовать с судами и запасами на Гонаме. Сам Поярков и его 90 человек пошли на лыжах по долине р. Ньюмки к перевалам через Становой хребет. Двигаясь по глубокому снегу и таща за собой нарты с погруженными на них провиантом и оружием, казаки вышли к верховьям р. Бранты (бассейн р. Зеи) у 120° в.д. Через 10 дней пути Поярков дошел до р. Умлекан, левого притока Зеи.

В Даурии русским по берегам Зеи встретились селения с просторными деревянными домами, в которых окна были затянуты промасленной бумагой. Местные жители — оседлые дауры занимались хлебопашеством и скотоводством, у них имелись запасы хлеба, бобовых, много скота и домашней птицы. Они носили одежды из шелковых и хлопчатобумажных тканей. Торговля с маньчжурами позволяла им обменивать пушнину на шелк, ситцы, металлические изделия. Дань маньчжурским властям они также платили пушниной.

В отчете об экспедиции Поярков сообщил, что на Зее и Амуре ценных руд и красок нет, «кумачей не делают, а приходят де к ним серебро и камки и кумачи и медь и олово от хана (маньчжурских правителей. — М.Ц.) и покупают на соболи... А на Зее и на Шилке (в данном случае тот же Амур. — М.Ц.) родится шесть хлебов: ячмень, овес, просо, греча, горох и конопля, да у Балдачи же родится овощ, огурцы, мак, бобы, чеснок, яблоки, груши, орехи грецкие и русские» (28, с. 84).

Поярков захватывал заложников из числа знатных дауров, чтобы заставить их платить ясак. Он сажал заложников на цепь и обращался с ними очень жестоко. От заложников Поярков получил правдивые сведения о стране и ее жителях, о соседней Маньчжурии. Собрал он точные сведения о Селемдже, крупном левом притоке Зеи.

Во втором отчете об экспедиции Поярков сообщил немало сведений о жизни дауров и дючеров (монгольское племя, близкое даурам, которое жило между реками Зеей и Буреей, а также к востоку от р. Буреи, левого притока Амура): у них «лошади и коровы и бараны и свиньи много и рыси и лисицы много, а соболи де промышленяют, всего ходят из юрт на день и добывают соболей по 10 и болше, и добывают де государь те соболи, также как и иные сибирские и ленские иноземцы, стреляют из луков, а иного промыслу, как промышленяют русские люди с обметы и с кулемником (сети и механические ловушки. — М.Ц.), соболей не добывают и того не знают, а те де государь, которые промышленяют продают на камки и на кумачи хану (маньчжурским правителям. — М.Ц.), а того де хана орда своя, где он живет, город у него деревянной, а около вал земляной...

По той же Зие реке вниз же иная земля, живут Дючеры родами, такие же сидячие и хлебные и скотные, что и дауры, и рыбы у них в той реке Зие белуг и осетров и иной всякой много, а зверя соболя и иного всякого ж много, а от Дючер по той же Зие реке к морю иная земляца Натцкая, живут на ней сидячие же Натки (маньчжурско-тунгусское племя, обитавшее в среднем течении Амура. — М.Ц.), а хлеба у них не пашут, а скот есть только не большой, а кормятся все рыбою» (28, с. 85).

Поярков поставил острог на Зее возле устья Умлекана и зазимовал там. Попытки казаков собрать большой ясак с местных племен окончательно обозлили дауров, и они прекратили снабжение казаков съестными припасами. Зимовка прошла тяжело. В середине зимы запасы у казаков подошли к концу, а окрестные селения были уже опустошены. Помощь с Гонама могла подойти только после вскрытия рек. Среди казаков начался голод. Окрестные дауры, скрывавшиеся в лесах, решили воспользоваться голодом и уничтожить пришельцев. К счастью для последних, нападения на острог были неудачны. Казаки до того оголодали, что стали есть трупы убитых врагов.

Наконец 24 мая 1644 г. подошли суда со съестными припасами. Поярков с оставшимися в живых 70 казаками поплыли вниз по Зее. Правда, жившие в долине Зеи дауры всячески препятствовали русским высаживаться на берег. В июне отряд вышел на Амур. Поярков убедился, что район устья Зеи оказался благодатным краем, где хорошо произрастали зерновые и овощи, вокруг было множество заливных лугов, позволявших прокормить много скота.

Поярков срубил острог немного ниже устья Зеи и решил в нем зимовать, а весной направиться вверх по Амуру на Шилку для поиска там серебряных руд. Вниз по Амуру на разведку он отправил два струга, на которых разместились 25 казаков. Но разведчики вскоре возвратились обратно, так как убедились, что до устья Амура очень далеко. На обратном пути, когда они двигались против течения бечевой, дауры напали на них и убили 20 человек. Только пятеро разведчиков присоединились к Пояркову, у которого осталось в строю только около 50 казаков.

Поярков принял смелое решение плыть к устью Амура, так как понял, что против течения ему с истощенными людьми

будет трудно подняться. От устья р. Сунгари начались земли пашенных дючеров. Вскоре казаки добрались до крупного притока, текущего в Амур с юга. Казаки назвали его Верхним Амуром, а была это р. Уссури.

Ниже по течению пошли земли, заселенные гольдами (теперь их зовут нанайцами), которые жили в крупных селениях — до 100 и более юрт в каждом. Гольды занимались в основном рыболовством. Из рыбьей кожи они шили себе одежду. Помимо этого они охотились на соболя и лисиц. Для езды гольды пользовались только собачьими упряжками.

На берегах Нижнего Амура казаки познакомились еще с одним народом — гиляками (теперь их зовут нивхами), жившими в летних жилищах на сваях. Это были также рыболовы и охотники. Ездили они на собачьих упряжках, а плавали по реке в небольших берестяных лодках.

Дойдя в сентябре до устья Амура, Поярков остался там недалеко от устья Амгуни, левого притока Амура, на вторую зимовку. Он по-своему расставил географические наименования Амура и его главных притоков. Поярков в отчетах называет Амур Шилкою вплоть до впадения в него Сунгари, а оттуда — Шунгалом до слияния с Уссури. Амуром он называет реку вниз от места впадения в нее Уссури.

В отчете об экспедиции он отметил: «Да и на море по островам и губам живут многие ж гиляцкие люди сидячие улусами, а кормятся рыбою, ясаку от гиляка хану не дают, а в Камею в горе живут тунгусь» (28, с. 85).

Казаки разместились рядом с землянками гиляков, стали покупать у них рыбу и дрова и собрали некоторые сведения об о. Сахалин, богатом пушиной, и проживавших там «волосатых людях» — айнах. Поярков выяснил, что из устья Амура можно выйти в море и плыть в южные моря, в частности в Китай. Таким образом, именно Поярков впервые узнал о существовании пролива, отделяющего Сахалин от материка.

И эта зимовка была не простой, казакам пришлось претерпевать и голод, и холод. Перед тем как покинуть устье Амура, Поярков совершил нападение на гиляков, захватил заложников и собрал ясак: 12 сороков соболей и 16 собольих шуб (53, с. 28).

После освобождения устья Амура ото льда в конце мая 1645 г. Поярков вышел в Амурский лиман и повернул на север. О трехмесячном плавании его отряда в Охотском море до устья р. Ульи и возвращении в Якутск рассказано ранее.

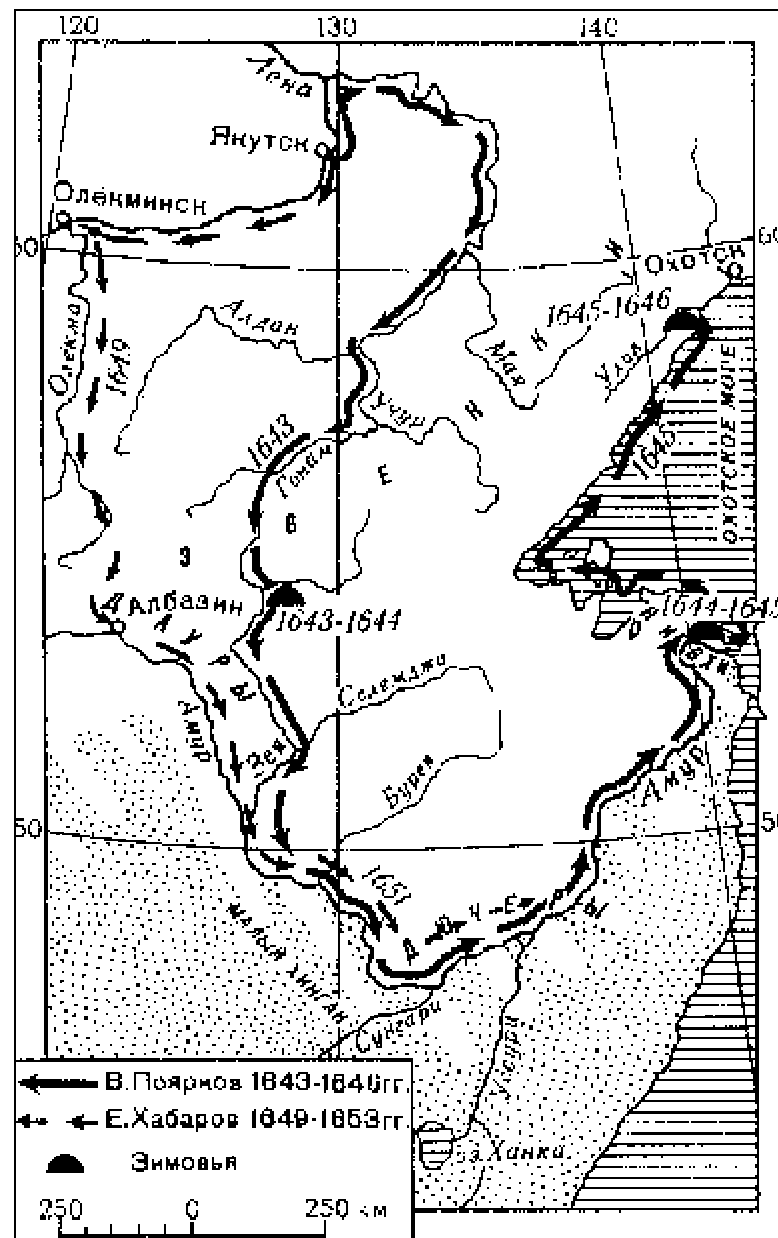
В Якутске Поярков поведал воеводам о политической обстановке на Амуре, которая явно благоприятствовала для распространения русского влияния в этом регионе. Ведь по верхнему и среднему течению Амура только часть местного населения платила дань маньчжурам, остальные, не желая подчиниться, воевали с ними. А народы Нижнего Амура вообще никому до прихода русских не давали ясака.

Поярков впервые смог дать характеристику народам, жившим в бассейне Амура, и настойчиво убеждал якутских воевод в необходимости присоединения амурских земель к Московской Руси. «Там в походы ходить и пашенных хлебных сидячих людей под царскую... руку привести можно, и ясак с них собирать, — в том государю будет многия прибыль, потому что те земли людны, и хлебны, и собольны, и всякого зверя много, и хлеба родится много, и те реки рыбы» (18, с. 300).

Поярков сообщил воеводам, что, по его мнению, весь амурский край можно присоединить к России, имея 300 хорошо вооруженных воинов. Из их числа он предлагал половину оставить в трех-четыре острогах, а остальных направить для усмирения тех иноземцев, которые окажутся непокорными и не будут платить ясак. Снабжение русского войска он предлагал проводить за счет запасов местных жителей (53, с. 29).

Обследование Амура продолжила экспедиция под руководством видного землепроходца Ерофея Павловича Хабарова-Святитского, крестьянина из-под Устюга Великого. Вся его жизнь — это сплошное великое приключение, благо Сибирь XVII в. предоставляла для этого все возможности.

Уже в 1629 г. он с пятью покручениками плывал на промысел по таймырской р. Волочанке, близ устья которой находилось Хетское (Хатангское) зимовье, где в течение года Хабаров был целовальником — сборщиком таможенной пошлины. В июле 1630 г. по решению мангазейской мирской общины (собрания торговцев, промышленников и ремесленников) он был отпущен в Москву для доставки челобитной с жалобой всей



Пути первопроходцев В. Пояркова и Е. Хабарова

общины на мангазейского воеводу Г.И. Кокорева: «А у кого, у нашей братии, — писал от имени всей общины Ерофей Хабаров, — что не сведает какого товарца доброго или соболи, то все грабит: и как стала наша государская дальняя вотчина, Мангазейская землица, и таких, государь, нестерпимых бед нам, сиротам твоим, и иноземцам таких грабительных продаж и обид отнюдь ни от кого не бывало».

Проявив недожиданную храбрость, он не побоялся представить список из 83 лиц, претерпевших от лихоимства Кокорева, и указать конкретно, на какую сумму пострадал каждый купец или промышленник. Хабаров жалуется, что Кокорев отнимал даже «образы и книги и четьи и певчие и святцы, не оставил чему перекреститься и по чему имя божие прославить, во всем мангазейском городе не оставил ни у какого человека ни постели, ни одежды, ни подушонка: все выбрал себе» (38, с. 194, 195).

В 1632 г. Хабаров, бросив семью, прибыл на Лену. Он сразу стал проводить, «каков хлеб родится и какова соль и варничное строенье», открыл соль-самосадку на Вилюе, а потом на устье р. Куты, откуда посылал в Енисейск «соляной опыт» (образцы соли). Там же на Куте он нашел места, пригодные для пашни, и там же «на пустом месте, где и русские люди мало бывали», он завел соляную варницу и пашни многие распахал и мельницы устроил и всякие заводы завел «своим пожичишком» (38, с. 213). В 1633 г. он, используя наемную рабочую силу, организовал в устье р. Куты солеварню, вырабатывавшую за год сотни пудов соли (10, с. 130, 144).

В 1641 г. его заимка состояла из 26 десятин, в том числе «паханой земли, что было сеяно под рожью к нынешнему 149 году... 8 дес., под яровым хлебом — десятина, и что посеяно ко 150 году — 3 дес., а сверх той паханой земли, пашенных мест — 3 дес., да пашенного лесу 5 дес., да в лугах — 6 дес. под санными покосы» (39, с. 213).

В том же 1641 г. Хабаров испросил разрешение перебраться на новое место, на устье Киренги, и завести там пашню, причем отказался от обычной ссуды, положенной от казны при распаивании сибирской целины. После первого льготного года

он обязался пахать десятую десятину на государя и засеивать ее собственными семенами — это была как бы арендная плата за землю.

Он вел хозяйство широко, используя наемных работников, имел лошадей, на которых пахал, а также занимался извозом на Ленском волоку. У него был приказчик, который в 1645 г. строил для него мельницу и нанимал работников. Хабаров торговал хлебом в таком объеме, что это ставило его в ряды наиболее крупных торговых людей Якутского уезда. Об объемах его торговых операций свидетельствуют такие факты: в 1641 г. он дал займы торговому человеку Ивану Сверчкову 600 пудов муки, в следующем году он продал в Якутске 300 пудов. Первый якутский воевода Петр Головин реквизировал у него «на государев обиход», то есть в пользу казны, 3000 пудов.

Кроме занятий земледелием он продолжал вести торговые операции и давал деньги в рост. Таким образом, Хабаров — это крупный по тому времени хозяин-предприниматель, который в 1649 г. вложил и немало собственных денег в организацию и снабжение своей экспедиции на Амур.

Якутский воевода П.П. Головин разорил его: отнял у него весь хлеб, забрал в казну соляную варницу, заточил в тюрьму. Освободился из заточения он только в конце 1645 г., потеряв немало своих денег. На его счастье, Головин был заменен в 1648 г. другим воеводой Дмитрием Андреевичем Францбековым. Встреча нового воеводы с Хабаровым состоялась в Илимском остроге в марте 1649 г.

Узнав об итогах экспедиции Пояркова, Хабаров попросил разрешения организовать новую экспедицию на Амур. Францбеков выдал Хабарову в кредит казенное военное снаряжение, в том числе несколько пушек и пищали, сельскохозяйственные орудия. Из своих личных средств новый воевода под ростовщические проценты выдал деньги всем участникам новой экспедиции и выделил для нее суда якутских промышленников. После окончания формирования хабаровского отряда из 70 человек воевода снабдил его хлебом, отняв его у тех же промышленников, и выдал Хабарову 6 марта 1649 г. наказную память.

Все эти незаконные поборы и конфискации вызвали волнения в Якутске. Но Францбеков арестовал главных зачинщиков.

В ответ промышленники послали в Москву челобитные и доносы на воеводу. Правда, к этому времени (осенью 1649 г.) Хабаров уже отплыл из Якутска, поднялся вверх по Лене и Олекме и к концу лета дошел до устья Тугира (теперь Тунгир). Он выбрал для проникновения в Даурию путь по так называемому Тугирскому волоку.

Путь этот шел по притоку Лены Олекме. А плавание по последней было затруднено из-за обилия на реке порогов и «шивер больших многих». Пробиваясь сквозь хребет, Олекма образует 10 порогов. Правда, сами пороги хоть и затрудняли плавание, но были доступны «водяным и большим судам». А за порогами по реке «ход судовой добрый». По Тугиру отряд Хабарова добрался до р. Нюгзи (Нюгчи) или Нюзи (Нюнчи). От Нюгзи шел волок «через хребет итти на нартах до Амура 12 дней» (по другим сведениям, «с ношами пешего ходу» 8 дней) (6, с. 130).

В январе 1650 г. отряд двинулся на нартах к югу вверх по Тугиру, перевалил отроги Олекминского Становика и весной того же года добрался до р. Урки (или Уры), впадающей в Амур. Там делали суда и спускались в самый Амур. Другой вариант волокового пути вел на р. Амазар, впадающую в Амур несколько выше Урки. Это была маловодная река с порогами и шиверами, на которых приходилось разгружать суда и переносить грузы по берегу. Продолжительность пути от устья Олекмы через Тугирский волок до Амура была равна почти 12 неделям. По другим сведениям, этот путь можно было пройти за 8 недель. Тугирский волок, которым прошел Хабаров, сыграл главную роль в дальнейшем завоевании Даурии, что и вызвало вскоре борьбу за него с маньчжурами.

Уже в 1649 г. здесь существовало русское зимовье, откуда производилось дальнейшее обследование пути на Амур. В 1653 г. для закрепления на волоке там был основан Тугирский острог, складочное место и пристанище на пути к Амуру. В следующем году приказному человеку Онуфрию Степанову, сменившему Хабарова, было велено поставить острог на устье Урки, но «драки сильные от богдойских людей (то есть с маньчжурами. — М.Ц.)» не позволили укрепиться на этом пути. Разгром казаков отряда Степанова в 1658 г., о котором расскажем

позже, и основание Нерчинска в качестве центра русского влияния в Даурах способствовали тому, что Тугирский острог уже в первой половине 60-х гг. потерял свое значение и был заброшен. Около 1670 г. китайские власти попытались поставить под Тугирским волоком свой острог, чтобы оттуда перейти на Олекму и той рекою вторгаться в русские владения.

И на другом волоке на Амур, по которому прошел Поярков, китайцы позже попытались противодействовать русским. В 1675 г. царский посол Спафарий во время переговоров с китайскими дипломатами в Науне был вынужден «поступиться» ясачными эвенками, жившими на Зее, но уже в 1677 г. русские основали острог на верховьях Зеи и через два года — еще два острожка, Селенгинский и Долонский, чтобы держать в своих руках всю Зею. В 1682 г. китайцы потребовали уничтожить эти острожки. Долонский острожек был эвакуирован. В 1683 г. на Амуре появился сильный китайский флот, под прикрытием которого близ устья Зеи была заложена крепость Айгун (Сахалин-Ула-Хотон), после чего русские острожки на Зее были покинуты.

Вернемся к действиям Хабарова и его казаков. Когда слухи о появлении нового русского отряда дошли до местных дауров, то они оставили долину реки и ушли в глубь территории. Хабаров вступил в пустой, хорошо укрепленный городок даурского князя Лавкая, расположенный на р. Урке. Городок состоял из сотен домов, в каждом из которых проживало по 50 и более жителей. Сами дома поразили казаков — светлые, с широкими окнами, затянутыми промасленной бумагой. В городе остались большие запасы хлеба.

Оттуда Хабаров двинулся вниз по Амуру, а по пути ему встречались опустевшие городки и селения. В одном из городков казаки привели к Хабарову местную женщину, которая рассказала ему о том, что к югу от Амура лежит богатая маньчжурская страна, где по рекам плавают большие суда с товарами, а у правителя есть войско, вооруженное пушками и пищалями.

Взвесив все эти полученные сведения, Хабаров оставил в «Лавкаевом городке» около 50 казаков, а сам с остальными в конце мая возвратился в Якутск. Там он представил воеводам

чертеж Даурии и отчет о походе, которые были срочно пересланы в Москву. Этот чертеж использовали при создании карт Сибири 1667 и 1672 гг.

В Якутске Хабаров набрал добровольцев – 110 «охочих» людей для нового похода в Даурию. А воевода Францбеков присоединил к добровольцам еще 27 «служилых» с тремя пушками. Осенью 1650 г. Хабаров с отрядом из 160 человек возвратился на Амур. Он встретил оставленных им там казаков ниже по Амуру, где они безуспешно штурмовали укрепленный городок Албазин. При приближении отряда Хабарова дауры оставили Албазин и бежали. Казаки нагнали их и разгромили, захватив большую добычу и много пленных.

Опираясь на Албазин, Хабаров атаковал ближайшие селения дауров, захватил много пленных, в основном женщин, и передал их своим казакам. Построив струги, Хабаров двинулся вниз по Амуру. Сперва казакам попадались лишь сожженные самими даурами поселки, но вскоре они взяли приступом хорошо укрепленный городок, при этом погибло около 600 дауров. Хабаров рассылал в окрестные поселки своих гонцов и убеждал дауров покориться царю и выплатить ясак. Так как желающих добровольно принять русское подданство не нашлось, то Хабаров поплыл далее вниз по реке.

В августе ниже устья Зеи казакам без сопротивления сдалась крепость, жители окрестных селений также добровольно признали себя подданными московского царя. Окрестные жители принесли немного соболей, обещая остальной ясак выплатить осенью. Но через несколько дней окрестные дауры с семьями ушли, бросив свои жилища.

От устья Буреи начались земли, заселенные народом, родственным маньчжурам. Их небольшие поселки казаки легко захватили. Слабое сопротивление оказали казакам и пашенные джочеры. В конце сентября казаки достигли земель, заселенных нанайцами, и Хабаров остановился в их большом селении около устья Уссури. Половину казаков он послал вверх по реке за рыбой. Тогда нанайцы, соединившись с джочерами, 8 октября напали на казаков, но потерпели поражение, потеряв убитыми более 100 человек. Казаки почти не пострадали. Хабаров

укрепил селение и остался там на зимовку. Отсюда из Ачанского острожка казаки совершали набег на нанайцев и собирали ясак.

24 марта 1652 г. к Ачанскому острожку подошел маньчжурский отряд из города Нюм-гута (теперь Нингута) во главе с князем Изинеем, посланный заместником китайского богдыхана в Маньчжурии. Отряд насчитывал около 2000 воинов и имел на вооружении 8 пушек, 30 фузей и 12 папардов (типа мины из глины, употреблявшейся для подрыва крепостных стен).

После обстрела острожка маньчжуры сумели сделать пролом в острожной стене и ворвались внутрь. Казаки отбили нападение, захватили у маньчжур две самые большие пушки и сразу пустили их в дело против нападавших. Маньчжуры, потеряв 670 человек убитыми и большую часть запасов, отступили (53, с. 29, 30). Они сами признавали, что не ожидали встретить в лице казаков Хабарова людей «храбрых как тигры и искусных в стрельбе» (2, с. 38).

Но Хабаров понимал, что маньчжуры продолжат попытки выбить казаков с Амура, и весной, как только Амур очистился ото льда, поплыл на стугах вверх по течению. В июне выше устья Сунгари Хабаров встретил небольшой русский отряд, посланный ему на помощь, и продолжил плавание вверх по реке. Тем более что до него дошли слухи о большом маньчжурском отряде, состоящем из 6 тыс. солдат, который должен был выступить против него. Он остановился только в начале августа у устья Зеи, а затем в устье р. Кумары, правого притока Амура, построил укрепленный острог.

Отсюда на трех стругах бежала вниз по Амуру группа бунтовщиков, которая грабя и убивая дауров, джочеров и нанайцев, добралась до земли гиляков и поставила там острог, чтобы собирать ясак. В сентябре Хабаров поплыл по Амуру и добрался до острога бунтовщиков. Они сдались при условии, что Хабаров сохранит им жизнь и награбленную добычу. Хабаров приказал нещадно бить их батогами, от чего многие умерли, и забрал себе все добытое грабежом имущество бунтовщиков.

Там же в Гиляцкой земле Хабаров провел вторую зимовку, а весной 1653 г. возвратился в Даурию, к устью Зеи. Летом он сумел собрать ясак, посылая казаков вверх и вниз по Амуру.

По приказу маньчжурских властей все жители левого берега Амура ушли на правый берег. В августе 1653 г. в отряд Хабарова, находившийся в устье р. Зеи, прибыл царский посланец дворянин Дмитрий Иванович Зиновьев, командированный из Москвы в 1652 г. для приема под свое управление новой Даурской земли.

Он привез царские награды казакам и самому Хабарову, но последний был отстранен от руководства отрядом, а когда он стал возражать, то посланец избил его и увез в Москву. В дороге у Хабарова было отнято все, что было при нем. В Москве личное имущество ему возвратили, царь пожаловал его в «дети боярские» и дал «в кормление» несколько деревень в Восточной Сибири, но не разрешил вернуться на Амур.

Примечательна судьба отряда, возглавляемого служилыми людьми Иваном Антоновым Нагибой и Иваном Уваровым, в ходе Амурской эпопеи тех лет. Летом 1651 г. с разрешения якутского воеводы Дмитрия Францбекова из Якутска на Амур был отправлен к Хабарову с боеприпасами отряд служилых людей во главе с Терентием Ермолиным и Артемием Филиповым. В числе казаков этого отряда были и Нагиба и Уваров.

Отряд Ермолина по Лене поднялся до устья Олекмы, ее правого притока, а затем поплыл вверх по Олекме и через шесть недель добрался до устья Тунгира. Поднимаясь по долине Тунгира, Ермолин встретил посланца Хабарова, который вез грамоту с просьбой последнего поспешить к нему с запасами. Ермолин решил часть груза оставить в срубленном зимовье у Тунгирского волока под охраной небольшого отряда, а сам с запасами свинца и пороха направился на соединение с отрядом Хабарова, хотя он и не знал точно, где последний находится.

Отряд Ермолина вышел на Шилку, где казаки построили струги и поплыли вниз по реке. Взяв на берегу языка, казаки выяснили, что Хабаров спустился вниз по реке и «землю Даурскую проплыл». Так как дело шло к ледоставу, то отряд Ермолина зазимовал в городке Банбулаев, покинутом даурами, которые бежали от людей отряда Хабарова.

После вскрытия Амура Ермолин, не получив никаких вестей о Хабарове, с согласия казаков отряда решил выслать вниз

по реке разведку. Ее возглавил Иван Нагиба, и с ним отправились в путь 26 казаков. В наказной памяти, врученной Нагибе, было предписано плыть с предельной осторожностью и в бой с местными жителями не ввязываться, и если не встретит Хабарова, то на одиннадцатый день повернуть обратно и возвратиться.

А сам Ермолин, дождавшись прибытия оставленных на Тунгирском волоке казаков, отправился также вниз по реке и в конце концов соединился с Хабаровым. Но своих разведчиков в отряде Хабарова он не встретил. Правда, Хабаров о разведчиках слышал от взятых языков, а неподалеку от устья Сунгари было найдено казаками Хабарова письмо разведчиков. Ермолин хотел отправиться на поиски пропавших разведчиков, но Хабаров его непустил.

Как впоследствии выяснилось, Нагиба с товарищами на своем пути вниз по Амуру несколько раз причаливали к берегу и оставляли на видных местах письма Хабарову. В устье Сунгари, где они также оставили письмо, как раз и находился Хабаров, но разведчики с ним разминулись.

На седьмой день пути отряд Нагибы был атакован флотилией стругов дючеров. Казаки прорвались, но на берегу их сторожил большой конный отряд. И в течение нескольких дней казацкие струги подвергались неоднократным нападениям днем и ночью. На одиннадцатый день казакам стало ясно, что возвратиться вверх по течению к основному отряду им будет чрезвычайно трудно. Боеприпасы кончались, а без них воевать с многочисленным войском дючеров было невозможно.

Было принято решение идти вниз в Гиляцкую землю. Когда струги Нагибы доплыли до нее, то и там их встретила враждебная флотилия гиляков. Бой закончился в пользу казаков, но гиляки перегородили реку и выше и ниже по течению выставили сторожевые посты.

Две недели продолжалась такая осада. Оголодавшие казаки наконец пошли на прорыв. Но в первом же становище, где казаки рассчитывали поживиться продуктами, их встретила гиляцкая засада. Бой длился с половины дня до вечера. Потеряв более 30 человек убитыми, гиляки отступили.

Так казаки прорвались к устью Амура. Там, высадившись на берег, они подготовили к морскому плаванию один из своих стругов, нашивными досками увеличили высоту борта и подкрепили их дополнительно. И тут их вновь атаковали гиляцкие струги, но казакам удалось уйти в лиман. Оттуда Нагиба и его спутники, по словам выдающегося историка Сибири С.В. Бахрушина, «с необычайной смелостью пустились по морю на веслах и выгребли из губы» (28, с. 58).

А там они встретили ледяные поля, и это в разгаре лета. Десять дней продолжался ледовый дрейф, а затем льды раздавили струг. «И мы, холопы государевы, на берег пометались душою и телом, хлеб, и свинец, и порох потонул, и платье все потонуло, и стали без всего», — писал позже в донесении Иван Уваров (30, с. 110).

Добравшись до берега, казаки тронулись «пешую ногою» вдоль берега на север. Питались они ягодами и кореньями, охотились на нерп и моржей, нашли кем-то раненного и умершего лося. На пятый день пути казаки вышли на берег реки. Они построили лодку и перебрались на другой берег. А затем даже рискнули на этой лодке плыть далее по морю, тем более что ледяные поля, видимые на горизонте, уменьшили волнение в прибрежной полынье.

Казаки остановились во встретившемся по пути тунгусском селении, куда они шли с устья Амура восемь недель, и дождались там зимы. А затем, сделав нарты, перевалили прибрежные хребты и вышли в бассейн Лены. Они шли тайгой четыре недели и случайно наткнулись на тунгусскую дорогу, по которой следовали караваны запряженных в нарты оленей, добрались до тунгусского селения, где и зазимовали.

Летом Иван Нагиба с пятью казаками сумели дойти до Якутска и вручить там якутским властям отписку Ивана Уварова, который, оставшись старшим в отряде, в ней поведал об этой удивительной казацкой одиссее.

Для закрепления власти московского царя в Забайкалье и постройки острога на Шилке енисейский воевода в июне 1652 г. направил туда 100 казаков во главе с сотником Петром Ивановичем Бекетовым. Отряд поднялся вверх по Енисею и Ангаре до Братского острога. Оттуда Бекетов отправил к истокам

р. Хилок, притока Селенги, разведывательную группу пятидесятника Ивана Максимова с проводником-казакком Яковом Софоновым, уже побывавшим в Забайкалье в предыдущем году. Из Баргузинского острога за шесть дней Софонов с пятью спутниками на лошадях добрались до истоков р. Хилок. От эвенков он первым услышал о «захребетной» р. Ингоде и о четырехдневном пути по ней к «великой Шилке». Он выяснил также, что по р. Хилок можно проплыть до Селенги и, следовательно, на Шилку можно выплыть, минуя Баргузинский острог.

Бекетов поставил на Селенге Усть-Прорвинский острожек и зазимовал южнее ее устья, где казаки заготовили огромное количество рыбы. В начале июля 1653 г. Бекетов стал подниматься по Хилку и вместе с отрядом И. Максимова, встреченным по пути, в начале октября прибыл к истокам реки. Здесь был срублен на озере Ирген Иргенский острог. Максимов передал Бекетову собранный ясак и чертеж рек Хилок, Селенги, Ингоды и Шилки, составленный им во время зимовки — первую схему гидрографической сети Забайкалья. Таким образом Бекетов смог укрепиться на новом пути с Байкала на Шилку.

Бекетов спешил продвинуться на восток, он перевалил Яблоновый хребет и на Ингоде построил плоты, но ранняя зима перечеркнула его планы, и он возвратился на р. Хилок. В мае 1654 г., когда Ингода освободилась ото льда, он спустился по ней, вышел на Шилку и против устья р. Нерчи поставил острог. Но эвенки сожгли засеянные хлеба и из-за нехватки продовольствия отряду пришлось уйти. Бекетов спустился по Шилке до слияния ее с Аргунью и первым из русских вышел из Забайкалья на Амур.

Проследив верхнее течение реки до впадения Зеи (900 км), он соединился с казаками Онуфрия Степанова, назначенного вместо Хабарова «приказным человеком... новой Даурской земли» (18, с. 304). Степанов провел на Среднем Амуре полтора года, «не доплыв Гиляцкие земли». За это время казаки на стругах четыре раза ходили за хлебом на р. Сунгари. Весной 1654 г. Степанов на Сунгари встретился с маньчжурским отрядом. Последний не пропускал казаков вверх по реке, но после

краткого боя русские обратили отряд в бегство. Степанов собрал ясак с дауров, дучеров и гиляков и зазимовал в Зейском остроге.

Объединенный отряд Бекетова и Степанова (до 500 казаков) зимовал в Кумарском остроге, поставленном Хабаровым примерно в 250 км выше устья Зеи. В конце марта 1655 г. десяти-тысячное войско маньчжуров с 15 орудиями окружило острог. В ночь с 24 на 25 марта маньчжуры пошли на приступ, но были отбиты. Осада длилась до 15 апреля. После решительной вылазки казаков маньчжуры ушли, потерпев большой урон в людях. Казаки захватили 2 пушки, до 800 ядер и более 30 пудов пороха. С группой казаков Степанов отправил собранный ясак и отбитые у маньчжуров трофеи вверх по Амуру через Забайкалье.

С этой группой пошел отряд Федора Пушина с переводчиком С. Петровым Чистым. В мае казаки впервые обследовали р. Аргунь, правую составляющую Амура. Не встретив по Аргуни населения, Пушин возвратился к основному отряду Степанова и Бекетова. Только несколько лет спустя Аргунь стала торговым путем из Забайкалья в города Восточного Китая.

На следующий год Степанов из Кумарского острога вновь поплыл вниз по Амуру и на Сунгари взял большое количество продовольственных запасов, а затем отправил все это по основанному на Амуре русским острогам.

Объединенный отряд казаков спустился в июне к устью Амура, в Гиляцкую землю, где был срублен еще один острог, в котором отряд и перезимовал. В конце весны 1656 г. Степанов с основной частью казаков добрался по Амуру к устью Уссури, а по ней поднялся более чем на 300 км и летом обследовал ее крупнейшие правые притоки: Хор, Бикин и Иман.

В 1656 г. воеводой в Нерчинский край был назначен енисейский воевода Афанасий Филлиппович Пашков. Московские власти поручили ему начальствовать над всеми казаками и на Амуре. В 1658 г. он укрепил Нерчинск, место своего основного пребывания, и послал на Амур Степанову указ со строжайшим запрещением походов в Маньчжурию. Несмотря на это, Степанов с 500 казаками вновь отправился за продовольствием на Сунгари. В низовьях реки он встретил крупный маньч-

журский отряд. Произошла упорная битва, в ходе которой Степанов и 270 казаков были убиты, многие попали в плен. Из остальных часть ушла берегом, часть – на одном уцелевшем струте. Некоторые казаки из отряда Степанова добрались до Якутска, а 17 человек в 1661 г. явились с известием о разгроме отряда в Нерчинск к Пашкову (53, с. 32).

Бекетов в августе 1656 г. со своими казаками и собранным ясаком до разгрома отряда Степанова поплыл вверх по Амуру и через Нерчинск возвратился в Енисейск. Он первый проследил весь Амур от слияния Шилки и Аргуни до устья (2824 км) и обратно (18, с. 304).

Вслед за казаками уже в 50-е гг. XVII в. по Олекме и Тутигру на Амур потянулись русские промышленники и крестьяне. Якутские власти в 1656 г. для прекращения самовольных попыток обоснования на Амуре вынуждены были устроить в устье Олекмы заставу из-за «побегу в Дауры служилых и промышленных и всяких людей и пашенных крестьян» (6, с. 131).

А в 1665 г. на Амуре сформировалось что-то наподобие вольной казацкой общины с центром в укрепленном городке Албазине. Основу такой общины составила группа восставших жителей Илимского уезда – беглых казаков, крестьян и заключенных, бежавших на Амур во главе с поляком Никифором Романовым Черниговским после убийства воеводы. Укрепив Албазин – разрушенный городок даурского князца Албазы, «воровские казаки» построили несколько новых острожков на р. Зее и на ее притоке Селинбе. Свободная казацкая община, получившая в конце концов в 1672 г. прощение от царских властей, просуществовала в Албазине до 1674 г. (2, с. 132).

В 1681 г. из Албазина была отправлена экспедиция по Амуру, которая основала на реках Амгуни и Тутуре остроги: на Амгуни, при устьях рек Делина и Немилена – Усть-Делинский и Усть-Немиленский, а на Тутуре – Тутурский. Все жители по берегам этих рек были объясачены и стали русскими подданными.

Таким образом, к 1681 г. к Российскому государству был присоединен не только весь Приамурский край, но и часть берега р. Уссури. На Амуре главным и укрепленным пунктом был Албазин, вниз от Албазина располагались Кумарский, Зейский,

Косогорский и Ачинский остроги; на р. Амгуни – Усть-Делинский и Усть-Немиленский остроги, а на р. Тутуре, в 100 км от ее устья, – Тутурский. Кроме того, по Амуру в окрестностях Албазина были основаны русские деревни и слободы: Андрюшкина, Игнатина, Монастырщина, Покровская, Озерная и др.

В 1684 г. весь Приамурский край был назван отдельным Албазинским воеводством. Городу Албазину были даны особый герб и печать. Первым воеводою был назначен Алексей Толбузин (53, с. 32).

Маньчжурские власти не могли примириться с появлением русских не только на Амуре, но и в Забайкалье. Малочисленные русские отряды при поддержке бурятских и тунгусских воинов не раз наносили поражение маньчжурам и союзным с ними монгольским феодалам. Одним из ярких эпизодов этой борьбы была осада Албазина.

Маньчжуры разорили русские остроги, расположенные от Албазина вниз по реке Амур. В 1685 г. 5000 маньчжурских воинов приплыли к Албазину на 100 судах и 10-тысячный отряд прибыл из маньчжурского города Цицикара по суше с 150 полевыми и 50 осадными орудиями. 12 июня, после того как албазинцы отвергли предложение маньчжуров о добровольной сдаче, начался обстрел острога вражескими батареями.

Албазин защищали всего 450 человек гарнизона. Вражеская артиллерия полностью разрушила укрепления острога, и воевода вступил в переговоры с осаждавшими. Маньчжуры согласились отпустить Толбузина с гарнизоном и жителями Албузина в Нерчинск. В разрушенном остроге остались всего 25 жителей со священником Максимом Леонтьевым, который впоследствии основал первую в Пекине православную церковь. Албазин был разорен, а маньчжуры ушли к своей крепости Айгунь, основанной перед этим ниже устья Зеи на правом берегу Амура.

А в 1686 г. по приказанию нерчинского воеводы Власова албазинцы во главе с полковником Афанасием Бейтоном и воеводой Толбузиным вновь добрались до разрушенного Албузина и восстановили его укрепления. Но в июне 1687 г. к Албузину подошло маньчжурское войско, состоявшее из 8000 человек с 40 орудиями. Русские сожгли все дома вне крепости,

укрылись в ней и выкопали там землянки. Оборону крепости держали всего 736 казаков, стрельцов и промышленников.

Маньчжуры огородили лагерь деревянной стеной, но казаки уничтожили ее. Тогда неприятели возвели вокруг своего лагеря земляной вал и поставили на нем пушки. 1 сентября маньчжуры попытались штурмовать крепость, но были отбиты с большими потерями. В сентябре от вражеского ядра погиб воевода Толбузин. Оборону возглавил полковник Бейтон. Так как обстрел крепости маньчжурами не дал результатов, то они блокировали ее, а в мае 1688 г. даже отступили на 4 версты от крепости.

К тому времени в крепости осталось в живых всего 66 бойцов, остальные пали в боях и умерли от цинги. Но и неприятель потерял более половины своих солдат. В это время в стан маньчжуров прибыл из Пекина гонец с повелением богдыхана прекратить осаду под тем предлогом, что о разграничении земель начались переговоры с царским представителем. Маньчжуры сняли осаду и 30 августа 1688 г. возвратились в Айгунь (53, с. 33).

Москва прислала в Нерчинск своим уполномоченным по заключению договора с Китаем окольного Федора Алексеевича Головина. Вторым лицом на переговорах был нерчинский воевода Иван Астафьевич Власов. В январе 1689 г. Ф.А. Головину удалось заключить договор с монгольскими ханами о нейтралитете, то есть они обязались не помогать китайцам и не производить нападения на русские «окраинные города» в Забайкалье.

Теперь у Головина появилась возможность более уверенно вести себя на переговорах с китайцами. Ведь в то время во всем Нерчинском крае у Головина было менее 500 человек войска. А китайцы привели в окрестности Нерчинска в виде свиты присланных для переговоров китайских послов множество пеших и конных воинов (чуть ли не 10 000 человек) (53, с. 34).

В таких условиях московские представители вынуждены были заключить с Китаем 27 августа 1689 г. Нерчинский мирный договор, согласно которому Забайкалье полностью закреплялось за Московским государством, но в Приамурье в тот раз русские вынуждены были покинуть часть уже освоенной тер-

ритории. Албазин – казачья крепость на Амуре – был скрыт.

Владения московского царя по Амuru согласно договору ограничивались территорией верхних притоков реки, которая вошла в состав вновь образованного Нерчинского уезда. Граница была определена от истоков Аргуни до устья, затем по левому притоку Амуре р. Горбице, далее от ее верховья по хребтам, «близ Амуре» до верховьев бассейна р. Уды, впадающей в Охотское море. Территория к югу от р. Уды, между ней и средним течением Амуре, а также океаном, была оставлена по Нерчинскому договору неразграниченной (2, с. 39; 5, с. 282).

Правда, Ф.А. Головин твердо отстаивал торговые интересы Руси. После подписания договора он, не связываясь с Москвой, прямо «из разрядного шатра» – своей резиденции – поспешил отпустить в Китай торговый караван из служилых и торговых людей. И с этого момента объем русско-китайской торговли, исключительно выгодной для Руси, в первые же три года после заключения Нерчинского договора возрос более чем в три раза (6, с. 156).

Таким образом, Нерчинский договор разрушил монополию среднеазиатских купцов, которые до его заключения были фактически единственными посредниками между Сибирью и Китаем. Теперь русское купечество смогло установить прочные непосредственные сношения с китайскими партнерами. Русские купцы в обмен на пушнину и другие традиционные сибирские товары вывозили из Китая чай, шелковые и хлопчатобумажные ткани и одежду из них, фарфоровую посуду, ревень и др.

Историческая справедливость в части принадлежности приамурских земель была восстановлена лишь через 170 лет, когда генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев заключил с Китаем в 1858 г. Айгунский договор, по которому все левобережье Амуре навсегда стало частью русского государства.

А 14 ноября 1860 г. в Пекине русским посланником в Китае Н.П. Игнатьевым и китайскими представителями был подписан русско-китайский договор, подтверждавший условия Айгунского трактата и определяющий границы между обоими государствами по рекам Амuru и Уссури, далее по северной

части озера Ханка и затем на юг до побережья Японского моря, то есть помимо Приамурского края в состав Российского государства навечно вошел весь Приморский край (левобережье Амуре от устья Уссури до впадения Амуре в лиман, а также правобережье Уссури и земли по побережью залива Петра Великого, где в том же году на берегу бухты Золотой Рог был основан военный пост Владивосток).

Таким образом, примерно за 70 лет (от 80-х гг. XVI до середины XVII в.) громадная Сибирь была пройдена русскими землепроходцами, которые собрали вполне достоверные сведения практически обо всех районах этой колоссальной страны, до XVII в. фактически не известной европейцам. И вся эта грандиозная работа была проведена в крайне малые по историческим меркам сроки. «Такого огромного масштаба, такой быстроты и энергии в исследованиях новых стран, – отметил член-корреспондент АН СССР С.В. Вахрушин, – не знала история мировых географических открытий» (2, с. 40).

ЧЕРЕЗ СИБИРЬ В ДАЛЕКОЕ ГОСУДАРСТВО БОГДЫХАНОВ

Чтобы ведали всю как есть Сибирь:
где и что растет,
кто кочует где, кто где селится,
что за веры у них и обычаи
и как русскому с инородцем жить,
друг на друга чтоб зла не мыслили.

*Сказание о «Сибирском взятии»
в переложении А.В. Преловского.*

Говоря о Сибири, надо знать, что Сибирь безмерно выгодна и необходима. Ибо от всех тамошних народов мы можем добывать их товары без денег за наши простые отечественные товары, то есть за простые ткани из полотна, за соль и за жито. И те товары там дорого ценятся.

*Юрий Крижанич «Разговоры
об владетьстве», 1663 г.*

4 марта 1675 г. из Москвы в сопровождении воинского отряда и обширной свиты выехал в Китай посол царя всея Руси молдавский боярин Николай Гаврилович Мелеску Спафарий. Это был образованный человек и опытный дипломат. Родился он в Милештах (отсюда и фамилия — Милеску), в Запрутской Молдавии, учился сначала в Яссах, а затем в греческой патриаршей школе в Константинополе, где изучал греческий, латинский, турецкий и арабский языки. Затем он продолжил обучение в г. Падуя (Италия).

Начал Милеску службу секретарем молдавского господаря Георгия Штефана, затем служил у господаря Штефаницы. Господарь Георгий Гика назначил его командующим войсками, за что Николай Милеску получил звание «спатар», или «спафарий» (что означало «хранитель оружия»). От придворной должности Н. Милеску и произошла вторая его фамилия — Спафарий. Он выполнял дипломатические поручения в Константинополе (1660–1664), Стокгольме (1666), Париже (1667–1668). Сам Николай Милеску был сторонником политического и культурного сближения Молдавии с Россией с учетом единой православной веры у обоих народов.

В 1671 г. в возрасте около сорока лет (или чуть больше) он был направлен иерусалимским православным патриархом Досифеем в Москву и остался на русской службе, через год став переводчиком Посольского приказа. Досифей писал о нем, что Спафарий — «человек премудрый в еллинском и других языках и русской может скоро выучить и готов сам переводить» (20, с. 151).

В Посольском приказе Спафарий быстро выдвинулся. Он получал самый высокий оклад среди переводчиков и пользовался поддержкой влиятельного боярина Артамона Сергеевича Матвеева, родственника Натальи Кирилловны, второй жены царя Алексея Михайловича и матери будущего императора Петра I.

Через три года Спафарий по рекомендации боярина А.С. Матвеева был отправлен послом в Китай для улаживания трений на приамурской границе и завязывания торговых отношений. Это посольство было тщательно подготовлено. В грамоте, данной Спафарию 20 февраля 1675 г., указывалось: «... быть на своей великого государя службе в послех своего великого государя любительного грамотою у китайского Богдыхана Николаю Гавриловичю Спафарию. Да с ним велено быть в дворянех из иноземского списку Федору Павлову, Костянтину Гречанину, да для письма Посольского Приказу подьячим Никифору Венюкову, Ивану Фаворову. Да... взят был для знания камня гречанин Спиридон Евстафиев, а для лекарства гречанин Иван Юрьев» (28, с. 129). Таким образом, в составе посольства были люди, знакомые с минералогией, ботаникой и

медициной. Сам Спафарий в ходе путешествия выполнил с помощью астролябии первые отпределения географической широты ряда пунктов в Сибири по пути следования посольства. А Никифор Венюков и Иван Фаворов составили множество маршрутных чертежей, послуживших основой для общего чертежа, имевшего уже градусную сетку, который, к сожалению, не сохранился. Так что само посольство имело и некоторый явно научный характер, и его отчетные материалы явились существенным вкладом в изучение огромного Сибирского края и малоизвестного в то время Китая.

Одной из основных задач путешествия, согласно данному Спафарию наказу, было выполнение подробного описания новых русских владений в Сибири, а затем – Китая. От него требовалось описать «все Китайское государство, и от Тоболска по дороге до порубежного китайского города изобразити все землицы, города и путь на чертеже» (28, с. 128).

В соответствии с замыслом этой книги нас будут интересовать в первую очередь материалы экспедиции Спафария, связанные с описанием Сибири и Русского Дальнего Востока, которые явились в некотором смысле обобщающими материалами по географии Сибири и вобрали в себя большинство открытий, сделанных русскими первопроходцами к тому времени.

Спафарию было поручено «проведать всякими мерами накрепко» дороги в Китай и представить им чертеж. 30 марта того же года посольство прибыло в Тобольск, где простояло пять недель. В Москве из библиотеки Посольского приказа Спафарию выдали книгу о посольстве в Китай голландца Петра Ван-Горна, ездившего туда в 1666–1668 гг. и опубликовавшего в 1670 г. о своем путешествии книгу на голландском языке, которого Спафарий не знал.

По прибытии в Тобольск он расспрашивал местных жителей, русских, а также «бухарцов и татар» и на основании их показаний решил проследовать через Енисейск на Селенгу и затем на Амур. Почти ежедневно у посла бывал ученый священник хорват Юрий Крижанич, находившийся в Тобольске в ссылке. Именно Крижанич по поручению Посольского приказа перевел для посла с голландского языка на латынь книгу голландца Петра Ван-Горна о поездке в Китай, куда он ездил

с посольством в 1666–1668 гг. Крижанич передал послу все собранные им для своей книги «Письмо о Китайском торгу» материалы по торговле с Китаем.

Через два месяца после выезда из Москвы посольство покинуло Тобольск, главный город Сибири, и поплыло по Иртышу и вверх по Оби до Нарыма, а затем по р. Кеть до Маковского острога. Далее посольство перебралось по суше в Енисейск.

В июле Спафарий с сопровождавшими поплыл по Енисею и Ангаре и 12 сентября прибыл к Байкалу. Переплыв озеро в самом узком месте, называемом Култук, посольство достигло Селенги, высадилось на берег и прибыло в русское зимовье в трех днях езды от Селенгинского острога в районе кочевок монголов-халхасцев.

От Селенгинска Спафарий отправился в Нерчинск через Даурию по новой дороге, где «прежде сего никто не бывал», а именно: устье р. Уды (здесь позже был основан г. Верхнеудинск) – северный берег Уды – Еровинские озера и далее на юго-восток к Телембинскому острогу при озере Телембе – Яблоновый хребет – Ингода и Шилка до Нерчинска. Далее путь шел вдоль Аргуни и ее притоков и затем степью и горами до р. Науна (Нонни). В то время граница русских владений временно доходила до р. Улучи у Тургачинского (Хинганского) хребта. Затем посольство вступило на территорию Маньчжурии. 15 мая 1676 г. Спафарий прибыл в Пекин. Больших успехов посольству добиться не удалось. Спафарий выехал из Пекина 1 сентября того же года, в мае 1677 г. он был уже в Иркутске и лишь 5 января 1678 г. возвратился в Москву.

Спафарий привез с собой дорожный дневник путешествия по Сибири, статейный список, книгу с описанием Китая и чертеж-схему по маршруту путешествия и сопредельных с Россией стран по сибирской границе. Дорожный дневник Спафария имел название: «Книга, а в ней писано путешествие царства Сибирского от города Тобольска и до самого рубежа государства Китайского лета 7183 (1675 г. – М.Ц.) мая в 3-й день». Фактически это было первое в России большое географическое описание значительной части Сибири, написанное и по личным наблюдениям, и по расспросам сведущих собеседников – жителей Сибири.

Дневник начинается подробным описанием плавания по Иртышу, описанием особенностей самой реки, ее притоков, селений по берегам и их жителей: «...а река Иртыш зело тихо течет, а в ширину сажен по 50, а в глубину сажен по 10 и по 11 и по 20 и больше... Да на правой стороне Иртыша речка Бобровка, а вода черна, а ловят на ней бобров, соболей, лосей и иных всяких зверей, а течет из далнова места из болотов от острова Толстова полверсты. А на левой стороне юрт остяцкой Коренев... а вера у них, сказывают, есть де мечати, а в мечатях вырезаны болваны, серебряные, и медные деревянные и всякие, и молятся стоя мызжут, да пляшут» (28, с. 132, 133).

Затем дано целостное описание р. Иртыш. Здесь уже изложены не только дорожные впечатления, но и дается некое целостное описание огромной реки с учетом физико-географических (протяжение реки, глубина ее, истоки, притоки и т.п.), этнографических и экономических аспектов.

По вопросу происхождения названий сибирских рек Спафарий отмечает: «...река Иртыш имя русское не имеет, для того что Иртыш именуется по татарски, а не по русски и не токмо Иртыш... , но и Тобол и Тура и иные Сибирские реки именуется тем именем, которым именовались прежде взятия Сибири от иноземцев, от Татар или Остяков».

Довольно точно для своего времени описано верхнее течение Иртыша: «Вершины Иртыша текут из Мугальских гор (Южный Алтай. — М.Ц.), которые по-русски именуется камень и от того места разделяются вершины Иртыша на две протоки: и одну протоку называют мугальцы и калмыки Уренгою, а другую Балаган. И от того места недалеко есть рубеж китайского государства и при вершине реки Иртыша кочует Мугальской тайша Зурухта-Кун. И от того места до самого китайского рубежа все камень... А из Тобольска до самой вершины реки Иртыша мочно лехкими судами ходить» (28, с. 134).

Описал Спафарий и озеро Кизылбаш (Нор-Зайсан) и указал на его связь с Иртышом: «А от того тайши до озера Кизыл баш ходу 9 дней возле реки Иртыша. И сквозь от озера пошла река Иртыш и не мешается с озером и опять за озеро течет своим течением. А в том озере вода пресная зеленая, и рыбы много и зверей. И в нем есть зверь некоторой незнаемой,

который ловит лебедей и гусей и иные птицы, будто крокодил и можно бы и крокодиллом быти, только никто не ведает... а калмыцким языком именуется то озеро Кизылбаш» (28, с. 134). Значит, русские знали об озере Нор-Зайсан уже в последней трети XVII в. и, вероятнее всего, значительно раньше. Спафарий замечает по этому поводу, что «в давних годах близ того озера плыли из Тоболска и сыскали слюду, однакожде была худа и для того промыслу не учинили» (28, с. 135). Довольно правильно указана и географическая широта устья Иртыша, с ошибкой, превышающей 5° — широта его истока.

Описывает он и сибирские растительные зоны: «А лес по Иртышу есть розной и по займищам, что близ вершины ее суть горы каменные и лесные и безлесные. А после того степь великая и песочная. А потом следует лес тот, который идет и по Обе реке и по всему Сибирскому государству до самого до Окиянского моря, которой лес преславной есть и превеликой и именуется от земнописателей по еллински «эркинос или», а по латински «эрцьнио силва», се есть эркинский лес, и тот лес идет возле берега Акияна до Немецкой и Французской земли и дале, и чуть ли не по всей земле... однакожде нигде нет так пространной и великой, как в Сибирском государстве».

Отмечены им и частые северные ветры, дующие в Сибири: «А ветры по Иртышу и по Обе реке наипаче суть Север, для того, что государство Сибирское по самого северного вертежа» (28, с. 136).

Подробно описывает Спафарий все, что касается торговли. Так он отметил, что к Ямышеву озеру в бассейне Верхнего Иртыша ходят из Тобольска, из Томска и других городов ежегодно по 30–40 дощаников «по соль и соль собирают в дощаники из озера самородного в пост Успения Богородицы». О ярмарке у того озера первое русское известие встречается в наказе 1594 г. о строении г. Тары: «приходят многие тысячи людей Калмыки и Бухарцы и Татары и торгуют с русскими людьми. И они продают лошади и ясырь и иные китайские товары». Указан в дневнике и торговый путь в Индию: «А из Тоболска дорога есть в Индискую Землю через казачью орду (Казахскую орду. — М.Ц.) и через Бухарию, а езду до Индии полгода и торгом итти» (28, с. 136).

Затем в дневнике описана река Обь: «А длина реки Оби зело великая есть, потому что начинается от самых далних полуденных степных мест, и теплых, и падает устьем в Северное Ледовитое море. А глубина ея зело велика, потому что когда живет погодь, будто по морю волны ходят, и до самого берегу глубока; и розливается по сорам, и по озерам, и по лесам. А ширина ее неравная, потому что дале устья Иртыша гораздо широка, а вверху, когда к берегу в дву или в трех верстах, только по ней многие протоки и острова есть. А река Обь не каменная, берега ее все земляные, и нигде камня нет.

А рыбы всякой в той реке зело множество, а наипаче осетры великия ловят... А вода в Оби реки зело белая и мутная, не так, что в иных реках, потому из озера течет. А течет Обь не очень быстро, как иные каменные реки, однакоже и не такая тихая и во иных местах гораздо быстрая, а для того и не быстра, потому что зело глубока» (36, с. 55).

В сочинении указаны истоки Оби, в числе которых и Бия, и Катунь, а также ошибочно указано в качестве третьего истока озеро Телецкое (фактически, исток Бии).

Выше Сургутта Обь разбивалась «на протоки». При противных ветрах («на парусном непогодье», как тогда говорили) суда каравана «разносило в разные протоки». На одной из таких протоков воеводе Кетского острога даже пришлось установить постоянный караул, так как «тою протокою проезжают ночью всякие люди сверху и снизу, торговые и проомышленные, ярышки бегают... не хотя государевы пошлины платити, и опальные и ссыльные люди и воры, кои грабят торговых людей, и всякие воры» (6, с. 112).

Довольно детально описана р. Кеть с ее притоками, озерами, «сорами» (травами и цветами), в которую посольский караван вошел, пройдя Нарым. Кеть впадала в Обь тремя устьями. Отметил Спафарий и малолюдность этого региона: «Только сия река зело тосклива для того, что жилья по ней нет от Кецкого острога до Маковского» (28, с. 137). «По ней ни елани, ни поля нет, только лес непроходимой, болота и озера; и для того в Кети вода черная, а места сухого мало (по берегам. — М.Ц.)» (36, с. 56). По описанию Спафария, острог стоял на

возвышенном месте, в нем дворов 20, да две церкви. Выше него «струги великие не плавают для того, что вода живет малая» (36, с. 56).

Маковский острог, поставленный на волоковом участке пути с Оби на Енисей, «стоит на красном месте, на Кете реке, на яру, левой стороне; а во остроге церковь, а дворов с 20, и тут дощаников и каюков зело множество разбитых и целых, потому что здесь пристанище великое государевым людям. А с полверсты от острогу есть слобода торговых людей, и тут амбаров множество построено для ради того, что торговые товары тут кладут и после того ходят через волок» (36, с. 57). Все эти товары по зимней дороге перевозили в Енисейский острог.

Спафарий прошел путь от устья Иртыша до Маковского волока за 8 недель и 3 дня. Но, вероятно, он как посол пользовался всякими преимуществами и ему выделяли лучшие суда и лучших гребцов.

Подробно останавливается Спафарий на этнографической характеристике остяцкого народа (хантов): «Народ остяцкий древний, как и иные разные народы царства Сибирского. Жители все те от скифов произведены суть». Остяки «рыбодды», «соли и хлеба не знают, oprичь рыбы, да корень белый сусак... И платье из рыбной кожи делают, и сапоги и шапки, а шьют их рыбьими жилами, а ходят они в лодках в самых легких, деланы деревянные, сидят по 5 и по 6 человек и болши. А всегда при них луки и стрелы... А жен у них множество, сколько хотят, столко и держат» (28, с. 137).

Спафарий отмечает отсутствие достоверных сведений об истоках Енисея, но приводит одно поэтическое (правда, абсолютно неверное): «А не пишем про Енисей и для того, что вершина той реки не знается откуда начинается, только сказывают, что вершины ее недалеко от обских. И слышатся лебеди, когда крычат, от вершины Енисея и до вершины Оби, как иноземцы сказывают» (28, с. 138).

Упоминает он и об енисейских писаницах на береговых утесах, хотя сам их не видел: «А до большого порогу не доезжая есть место, утес каменной по Енисею. На том утесе есть вырезано на камню неведомо какое письмо и меж писмом есть и кресты вырезаны, так же и люди вырезаны, и в руках у них

булавы, и иные многие такие дела... А никто не ведает, что писано и от кого. И за тем местом начинается страшный порог по Енисею, по котором никто не смеет ходить на судах, потому что утесы высокие по обеим сторонам стоят. Только ходят дорогою и обходят тот порог по пять дней» (36, с. 58).

Плавание по Ангаре было трудным и опасным из-за «великие ради быстрины и больших порогов и необычных... а судовой ход тяжек и нужен, река Тунгуска (Верхняя или Ангара. — М.Ц.) быстрая, и пороги великие».

Именно грозные ангарские пороги произвели на него огромное впечатление. Он дал описание четырех наиболее опасных. Первым из них был Тунгусский, или Стрелочный, порог: «В том месте камения по всей реке великие, и вода зело быстра, и волны великие от камени; только есть небольшие порозгия места, где камней нет, и в те места дощаники проводят канатами великими и бечевами человек с 50 и болше».

Второй Мурский (Муринский) порог лежал в устье реки Муры. «А того порогу версты с две. На том месте камения великие и вода зело быстрая, и волны великие от камени. И только есть небольшие порозгия места, где камней нет. И в те места дощаники проводят канатами великими и бечевами».

Проход третьим Кашиным порогом еще сложнее: «В том месте зело быстро, и по всей реке лежат камения великие, и вода бывает мелкая, и дощаник не проходит... А толко есть посреде реки ворота, и в те места дощаники проводят великими канатами, а тянут воротами, и протянуть не могут никоими мерами. И для того недель по 8 и стоят и дожидаются парусного погоды. А как парусного погоды не будет, и в том месте зазимумют. А как тянут канатами, и с канатов людей срываает. И утопают в том месте много. И ниже той шиверы поставлены крестов с 40».

Четвертый порог Аплинский: «место самое нужное... И в том месте зело быстро, для того, что во всю реку Тунгуску лежат камения великие, и об те камени воду бьет, и для того волны и быстреть великие... И толко есть ворота, где можно проитить дощанику, и тянули дорщаник великим канатом и бечевою все что есть на дощанике людей, а только остается на дощанике пять человек, которые знают ворота, где дощаник проводить».

«Промеж больших порогов» посольскому каравану на Ангаре приходилось проходить немало «шивер» — стремнин с каменистыми перекатами. На одной из таких шивер потерпел аварию дощаник, на котором плыл илимский воевода Т.А. Вындомский, и место это назвали «бык Вындомского». На другом месте потерпело аварию судно воеводы Б.Д. Оладыина, и называли его «Оладыина шивера», была и Овсяная шивера и др. При прохождении этих мест суда постоянно подвергались опасности удариться «о камень, тайно в воде лежащий». (36, с. 62, 63; 6, с. 122).

С Енисея путь на Амур шел вверх по Ангаре мимо устья Илима. При движении вверх по Ангаре берега становились все более гористыми, а на реке появлялись все новые гряды камней и скал, образовывавших новые грозные пороги. Для преодоления каждого из них приходилось разгружать суда и «обносить» грузы «по берегу горами», «для легкости и сердитого порогу и для того, что на том пороге дощаники разбивает много», а суда приходится тянуть «великими завозами русских людей и тунгусов человек с 60».

Самыми страшными, «нужными», то есть создающими трудности и нужду, были пороги Шеманский и Падун. Спафарий так описывает Шеманский порог: «река простирается поперег версты на 3, а обносить порог 4 версты... А порог на пол-шесты версты, и на том пороге по всей реке лежат камения самые великие и место быстрое; и об те камни воду бьет, и от того волны, будто горы. И на обоих берегах утес каменной зело высокоий... И Шеманский порог зимою не мерзнет».

За Шеманским порогом проходили порог Долгий, а за ним Падун, который был особо опасным. Вот его описание, данное протопопом Аввакумом: «Река в том месте шириною в версту, три залавка чрез всю реку зело круты, не воротами, что поплывет, ино в щепы изломает». А Спафарий описывает эти пороги не менее эмоционально: «И нужнее сего порога Падунна и Шеманского по всей реке Тунгуске нет, а называют порог Падунном для того, что дощаники разбивает многие». Выше по реке находились пороги Пьяный и Похмельный: «Тут суда разгружаются и проходят порожные ворота шириною менее 10 саженой (21,6 м. — М.Ц.)» (6, с. 132).

У Братского острога Верхняя Тунгуска (теперь Ангара) раздваивалась, слева в нее впадала р. Ока. Именно отсюда верхнее течение Верхней Тунгуски в XVII в. называли Ангарой. Путь посольства шел далее вверх по Ангаре мимо острогов Балаганского и Иркутского к Байкалу. Спафарий описал выход Ангары из Байкала: «По обе стороны усть-реки Ангары горы великия каменные, высокия и лесныя, а устье Ангары будет ширина больше версты, а из Байкала течет великою быстротою река Ангара, и из тех высоких гор видеть горы за Байкалом снежныя и превысокия» (6, с. 132).

В Дорожном дневнике особая глава посвящена Байкалу: «Описание Байкальского моря, кругом от устья реки Ангары, которая течет из Байкала и опять до устья той же Ангары». «Байкальское море, — пишет автор, начиная главу, — неведомое есть ни у старых, ни у нынешних земнописателей, потому что иные мелкие озера и болота описуют, а про Байкала, которая толикая великая пучина есть, никакое воспоминание нет; и потому его здесь вкратце описуем».

Далее Спафарий рассуждает о том, что Байкал сочетает в себе черты и моря, и озера: «Байкал может назваться морем потому... что объезжати его вокруг нельзя... что величина его в длину и в ширину и в глубину велика есть... А озером можно называться для того, что в нем вода пресная, а не соленая и земнописатели тех озеров, которые в них вода не соленая хотя великие, а не называют морем».

Вообще-то, русские казаки переняли суеверный страх перед «святым морем», которое они считали опасным обидеть названием «озера», при переезде через него они воздерживались от вина и табака (6, с. 134).

В главе приводятся некоторые данные о размерах Байкала и другие сведения, характеризующие уровень знаний русских людей об озере в то время: «Длина его парусом бежати большим судном дней по десяти и по двенадцати и больше какое погодье, а ширина его — где шире, а где уже, меньше суток не перебегают. А глубина его великая, потому что многожды мерили, сажень по сту и больше (216 м и больше. — М.Ц.), а дна не сыщут, и то чинится от того, что кругом Байкала везде лежат горы превысокие, на которых и летнею порою снег не

тает. А в середине Байкала есть остров великой, который именуется Ольхон. Тот остров стоит посреди в длину моря, кругом будет больше ста верст и преж сего жили на том острову многие Братские иноземцы (буряты. — М.Ц.), потому что на том острову горы и леса и степь великая есть, а после того, как погромили их казаки, и с того острова разбежались, и ныне пуст, а зверей всяких много на острове, а опричь того острова есть иные острова небольшие, однакож немного. А погодие живет на Байкале великое всегда, но паче осеннею порою для того, что лежит Байкал, что в чаше, окружен каменными горами будто стенами и нигде же не отдыхает и не течет опричь того, что от него течет Ангара река, а в нем большие реки и мелкие и иные многие в него впали, а по край берегу везде камень и пристанища немногие (то есть на берегах мало мест для укрытия судов при непогоде. — М.Ц.), наипаче на левой стороне, едучи от реки Ангары, и оттого разбивает суда часто».

Спафарий в книге несколько раз подчеркивает опасность плавания по Байкалу: «Пристанец нет, только все утес да камень, и зело страшно, наипаче тем, которые прежде сего на нем не бывали, потому что везде кругом обстоят горы превысокия снежныя и лесы непроходимые и утесы каменные».

«А рыбы в Байкале всякие много и осетры и сиги и иные всякие и зверя нерпа в нем есть много ж, только жилья немного около Байкала, опричь немногих тунгусов, которые питаются рыбою потому, что близ Байкала пашенных мест нет и живут по рекам в зимовьях промышленные люди зимою. А лес около Байкала есть, кедровник большой и на нем орехов много, и иной лес есть же. А вода в нем зело чистая, что дно виднеется многие сажени в воде, и к питию зело здрава, потому что вода пресна» (28, с. 138, 139; 37, с. 82, 83; 6, с. 133).

В «Дорожном дневнике» перечислены все впадающие в Байкал реки, в том числе Селенга, Баргузин, Верхняя Ангара. Верно описано северное и южное побережья острова: «От Верхней Ангары до устья Нижней Ангары везде подле море-утесы каменные и горы высокие и места самые страшные... а по Селенгинской стране (стороне. — М.Ц.) — земля низкая» (40, с. 145). Ясно, что для современных Спафарию географов первое в географической литературе детальное описание озера

Байкал явилось выдающимся событием, так как до этого оно воспринималось ими как «море неведомое есть».

Через Байкал перебирались в наиболее узком месте, от устья Ангары к устью Селенги. Обычно этот переход делали за сутки. Спафарий, учитывая возможные задержки из-за погоды, также отметил, что нигде «меньши сутки не перебегают». Большие опасности для судов представляли мели в устье Селенги: «хотя та река немалая, однако ж устье зело мелкое, и с великим трудом в нее ходят, которые и многожды бывали тем устьем» (6, с. 133). Зимой Байкал переезжали обычно в том же месте на санях, — по Ремезову также в один день.

Совершали переход через Байкал и с устья Ангары на Баргузинский острог: «перенимаются чрез море на остров Олхон, и подле острова ходят днище, а от острова Олхона до Святого Носу, где перенимаются, пучина великая, на силу в полтора днище могут перениматься, и для того в тех местах многие суды разбивают». Переезжавшие в этом направлении Байкал выходили в «Баргузинский Култук», откуда через «Камень» за полдня ходу добирались до Баргузинского острога. Этот путь долгое время служил официальной дорогой, которой ходили «дощаники с запасом из Енисейска (для снабжения даурских острогов. — М.Ц.) и торговые люди чрез море... для торгу». Видимо, этот более сложный и дальний путь через Байкал использовали из-за значения Баргузинского острога в качестве административного центра Забайкалья.

С южного берега Байкала открывалось несколько дорог на Шилку и далее в Китай. Из Баргузинского острога путь лежал «сухим путем верблюдами и конми чрез превысокия горя, камени, и леса и болота, с великою трудностию... такого нужного пути нет». Зимой на горах лежал снег «в печатную сажень (примерно 1,76 м. — М.Ц.), а в иных местех и больши сажени», и через тот снег казакам приходилось просекать дорогу топорами. Так что при благоприятных условиях до Нерчинского острога шли недели две и больше.

В начале 50-х годов XVII в. по поручению воеводы А.Ф. Пашкова енисейские служилые обследовали путь через Иргенский волок. Дорога шла вверх по Селенге, затем по ее притоку Хилку до озер Иргеня и Еракля, затем «озерами и волоками» в

Ингоду, которая, соединяясь с р. Нерчею, образует р. Шилку. Волок между верховьями Хилка и Ингоды имел продолжительность в один день пути. Иргенский путь красочно описан знаменитым ревнителем старообрядчества протопопом Аввакумом, которого везли по этому пути в ссылку: «потом доехали до иргеня-озера; волок тут, — стали зимою волочить... весною на плотах по Ингоде реке поплыли на низ... Стало нечего есть, люди учали с голоду мереть и от работных водяных бродни. Река мелкая, плоты тяжелые... Ох времени тому!» (6, с. 134). Для закрепления на этом пути в 1653 г. был построен у начала волока Иргенский острог. Но лет через 20 этот путь был почти совершенно заброшен.

Третий путь с Байкала, который в последнюю четверть XVII в. стал наиболее используемым, шел с Селенги сухим путем по берегу ее притока р. Уды, затем поворачивал к трем Еравнинским озерам: «и будут те озера кругом верст в 20 и больше, и рыбы в них щуки и иныя всякия есть много же, а называют их Еравнинскими, одно большим, а другое средним, третье меньшим». Далее путь шел мимо озера Телембе на речку Читу и на Ингоду, в которую она впадает, и выходили на Шилку. Именно по этому пути ехал Спафарий в 1675 г., а затем и другие русские послы в Китай в конце XVII в. и в начале XVIII в. Именно по этой дороге двигались русские дипломаты и торговцы. Вдоль нее построили ряд укрепленных пунктов на всем протяжении от Селенги до Шилки. В 1658 г. у впадения Нерчи в Шилку был поставлен Нерчинский острог. А к 1675 г. на озерах Телембе и Еравне стояли Телембинский и Еравнинский остроги. Сам Спафарий считал необходимым построить острог на р. Уде: «и подле реки Уды, — писал он, — мочно и острог ставить и суды делать и места хлебородного сыскать мочно» (6, с. 134, 135). Основанный вскоре после этого Удинский острог стали называть «ключом Даурии».

Николай Спафарий обобщил сведения русских землепроходцев, дал первую, еще далекую от истинной схему расположения горных хребтов Восточной Сибири. Он считал, что в Лено-Амурском междуречье от Байкала до Охотского моря протянулся «великий хребет» — водораздел бассейнов этих рек. Такое неверное представление о едином очень длинном Стано-

вом хребте оказалось очень живучим и просуществовало до середины XX в.: считалось, что восточнее Станового нагорья, от правого берега р. Олекмы до 60° с.ш. идет непрерывный 1500-километровый хребет, имеющий форму дуги, выпуклой к юго-востоку (40, с. 145).

«Дорожный дневник» заканчивается сообщением о встрече на границе с китайскими чиновниками. Описание путешествия по Китаю, самого китайского государства, впечатлений об обычаях и поведении китайцев дано Спафарием в отдельной книге.

В «Дорожном дневнике» для нас особый интерес представляют те страницы, где посол провидчески, опередив географические понятия современных ему ученых не менее чем на 175 лет, упоминает о возможности попасть в Китай и Японию морем, выйдя на корабле из устья Амура. Он обращает внимание на наличие по берегам Амура густых лесов, что позволяет заготовить лес для строительства судов: «Другой путь морской в Китай хотя еще незнатный, однакож подлинно есть, потому что, на устьи реки Амура, где падает в океанское восточное море, лес есть великой и всякой из которого мочно суды как-кие нибудь делати и морем ходити в Китай и от того бо места недалеко и до Китай, только же одна трудность есть, что нос морской великой государства Корей обойти и прити в страну Леоатунг (Ляо-Дун. — М.Ц.) и потом в Тиенжин (Тяньцзинь. — М.Ц.) город и пристанище более всех в Китай. А от того города рекою только 200 верст до Пежина (Пекина. — М.Ц.)» (28, с. 144).

Спафарий является автором еще одной важной географической работы, помещенной в один из рукописных сборников XVII в. и посвященной Амуру. Она называется «Сказание о великой реке Амуре, которая разгранила русское селение с Китайцы». Эта работа как бы обобщила все собранные русскими первопроходцами сведения о великой восточной реке.

Сказание начинается такими словами: «Великая и преименитая река Амур, хотя у земнописателей у древних и у нынешних и слуху про нее нет и не описуют ни в чем ее, однакоже река Амур превосходит величиною не только сибирские реки, но чаю, что и иных всех, что на свете нет, превосходит и наипаче в тех местех, в которьх впадает в нее великая река Шин-

гал (Сунгари. — М.Ц.). Начало и вершины реки Амура разные и дальние суть, и иные ведомые, а иные и неведомые».

Но гидрографическая сеть бассейна Амура в основных чертах была прослежена русскими первопроходцами и известна Спафарию: «...а Ингода река большая и судовая... и по той реке Ингоде в прошлых годах приплыл досчаниками Афанасий Пашков и построил острог Нерчинский... От впадения Онона в Ингоду обе реки теряют имена своя и именуются одним именем река Шилка... Другая вершина великая реки Амура есть река Аргуния, течет из великого озера Далая через хребты и Камени степные и впаде в Шилку реку... Где сошлись реки Шилка да Аргуния и те обе реки потеряют имена свои и назвася Амуром» (28, с. 160).

Спафарий со знанием дела перечислил ряд правых и левых притоков Амура: «Первая река направо Камара, течет с хребта Богдойской стороны и по ней живут Богдойские Дауры... Вторая река на левой стороне Зия, а на усть той реки жили Дауры. Третья река Быстрая вниз по Амуру налево, а на устье живут Джючера, пашенные китайские люди, а в вершине ее живут оленные тунгусы, никакого ясаку не платят... по ней лесу много». Упоминаются и «Шангар» (Сунгари) и Наун (Нонни) и другие амурские притоки, протекающие по Маньчжурии.

И опять Спафарий говорит о возможности плавания в Китай и Японию, то есть на юг из устья Амура: «Здесь на Амурском устье, при море, в прошлых годах, лет тому с тридцать казаки Даурские зимовали многожды и сказывают, что море около берегу мерзнет, а далее пучина не мерзнет зимою. А снега живут большие по сажени, однакоже не долго: зима стоит до мая месяца, а около Николина дни река Амур и береги морские отпущаются и тогда мочно плавати на море».

О возможности плавания из Ледовитого моря в Восточный океан Спафарий высказался в сочинении об Амуре, где он писал: «А от усть Лены реки до усть Амура реки плавати нельзя для того, что льды большие по морю ходят, да и каменная гора-Камень, который от Байкала идет до океанского моря и в море также прошел будто стеною и никто его конца не знает, а проведывать нельзя, а суды разбило, а сказывают, что тот камень идет до самого западного Индия до Нового Света» (28, с. 161, 33, с. 41).

Правда, он не отрицает возможность плавания на далекое расстояние из устья Амура на север к устью ряда рек. Видимо, он не составил окончательного мнения по поводу решения этой великой географической проблемы о проливе между Азией и Америкой.

В другом месте «Сказания» Сапфарий утверждал, что против устья Амура лежит большой остров, то есть Сахалин: «Вышепоименованная река Амур гористая и лесистая и в океан впадала одним своим устьем, и против того устья есть остров великой и живут на том острове многие иноземцы и гиляцкие народы» (28, с. 162). Правда, он ошибочно преувеличил длину и ширину Сахалина (1500 и 300 км, тогда как истинные размеры соответственно 948 и около 100 км). Видимо, он присоединил к нему о. Хоккайдо. Сапфарий первый отметил суровость климата острова («великие снега и стужи») и первый привел правдивые и довольно полные сведения о населяющих Нижний Амур и частично Сахалин гиляках (40, с. 146).

Таким образом, Сапфарий намного точнее представлял себе выход из устья Амура и положение Сахалина, чем выдающиеся мореплаватели конца XVIII — начала XIX в. Лаперуз, Крузенштерн и другие, кто считал устье Амура несудоходным, а Сахалин — связанным перешейком с материком. Только мужество и настойчивость помогли адмиралу Г.И. Невельскому доказать в середине XIX в. то, что русские первопроходцы знали уже в XVII в.

Следует отметить, что в «Сказании» Сапфарий перечислил и реки, впадающие в Охотское и Берингово моря: Лама (Уда), Охота, Тавуй, Тодуй, Пенжина и некоторые другие, в том числе и р. Анадырь. На этом завершим рассказ о выдающемся описателе Сибири и дальневосточных земель XVII в. Николае Гавриловиче Милеску Сапфарии.



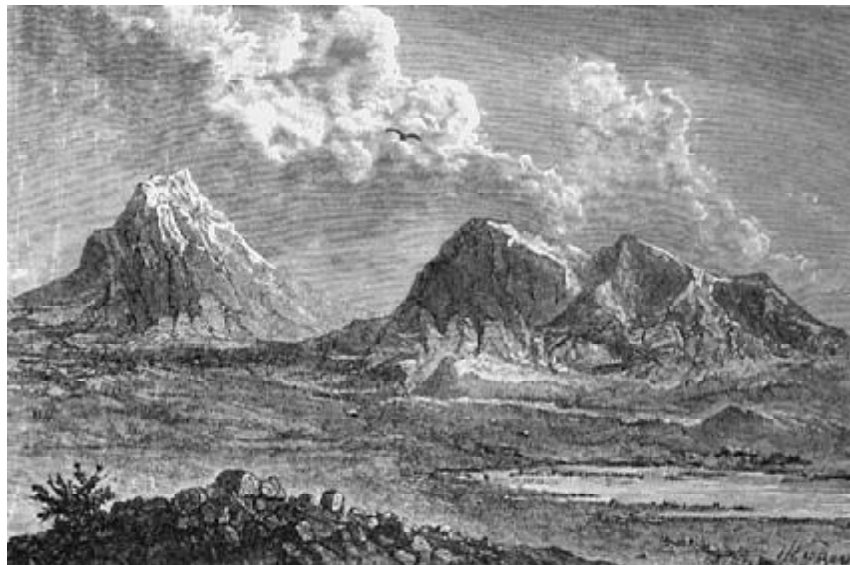
РУССКИЕ ПЕРВОПРОХОДЦЫ НА КАМЧАТКЕ

Сторона ль моя, сторонушка,
Сторона незнакомая!
Что не сам ли я на тебя зашел,
Что не добрый ли да меня конь завез:
Завезла меня, доброго молодца,
Прытость, бодрость молодецкая.

Старинная казачья песня

Когда русские люди добрались до Камчатки? Точно этого до сих пор никто не знает. Но абсолютно ясно, что произошло это в середине XVII в. Ранее мы уже рассказывали об экспедиции Попова—Дежнева в 1648 г., когда впервые русские кочи прошли из Ледовитого моря в Восточный океан. Из семи кочей, вышедших из устья Колымы на восток, пять погибли в пути. Шестой коч Дежнева выбросило на побережье значительно южнее устья Анадыря. А вот судьба седьмого коча, на котором находился Федор Попов с женой—якуткой и подобранный с погибшего в проливе между Азией и Америкой коча казак Герасим Анкидинов, точно неизвестна.

Самое раннее свидетельство о судьбе Федора Алексеева Попова и его спутников находим в отписке С.И. Дежнева воеводе Ивану Акинфому, датированной 1655 г.: «А в прошлом 162 году (1654 г. — М.Ц.) ходил я, Семейка, возле моря в поход. И отгрошил... у коряков якутскую бабу Федота Алексеева. И та баба сказывала, что-де Федот и служилый человек Герасим (Анкидинов. — М.Ц.) померли цингою, а иные товарищи побиты, и остались невеликие люди, и побежали с одною душою (то есть налегке, без припасов и снаряжения. — М.Ц.), не знаю-де куда» (18, с. 296).



Авачинская сопка на Камчатке

Отсюда следует, что Попов и Анкидинов погибли, вероятнее всего, на берегу, куда они высадились либо куда выбросило коч. Скорее всего, это было где-то значительно южнее устья р. Анадырь, на Олюторском берегу или уже на северо-восточном побережье Камчатки, так как захватить в плен жену-якутку коряки могли только в этих районах побережья.

Академик Г.Ф. Миллер, который первым из историков тщательно изучил документы Якутского воеводского архива и нашел там подлинные отписки и челобитные Семена Дежнева, по которым восстановил в возможной мере историю этого знаменательного плавания, в 1737 г. написал «Известия о Северном морском ходе из устья Лены реки ради обретания восточных стран». В этом сочинении о судьбе Федора Алексея Попова сказано следующее: «Между тем построенные (Дежневым в основанном им Анадырском зимовье. — М.Ц.) кочи были к тому годны, что лежащие около устья Анадыря реки проведать можно было, при котором случае Дешнев в 1654-м году наехал на имеющиеся у моря коряцкие жилища, ис которых все мужики с лутчими своими женами увидя русских людей убежа-

ли; а протчих баб и ребят оставили; Дешнев нашол между сими якуцкую бабу, которая прежде того жила у вышеобъявленного Федота Алексея; и та баба сказала, что Федотово судно разбило близь того места, а сам Федот поживши там несколько времени цынгою умер, а товарищи ево иные от коряков убиты, а иные в лодках неведомо куды убежали. Сюды приличествует носящейся между жителями на Камчатке слух, который от всякого, кто там бывал подтверждается, а именно сказывают, что за много де лет до приезде Володимера Отласова на Камчатку, жил там некто Федотов сын на реке Камчатке на устье речки, которая и ныне по нем Федотовкою называется, и прижил де с камчадалкою детей, которые де потом у Пенжинской губы, куды они с Камчатки реки перешли, от коряков побиты. Оной Федотов сын по всему виду был сын вышепомянутого Федота Алексея, который по смерти отца своего, как товарищи его от коряков побиты, убежал в лодке подле берегу и поселился на реке Камчатке; и еще в 1728-м году в бытность господина капитана командора Беринга на Камчатке видны были признаки двух зимовей, в которых оной Федотов сын с своими товарищами жил» (41, с. 260).

Сведения о Федоре Попове привел и известный исследователь Камчатки, также работавший в составе академического отряда экспедиции Беринга, Степан Петрович Крашенинников (1711–1755). Он путешествовал по Камчатке в 1737–1741 гг. и в своем труде «Описание Земли Камчатки» отметил: «Но кто первый из русских людей был на Камчатке, о том я не имею достоверных сведений и лишь знаю, что молва приписывает это торговому человеку Федору Алексею, по имени которого впадающая в р. Камчатка речка Никуля называется Федотовщиной. Рассказывают, будто бы Алексеев, отправившись на семи кочах по Ледовитому океану из устья р. Ковьими (Колымы. — М.Ц.), во время бури был заброшен со своим кочем на Камчатку, где перезимовав, на другое лето обогнул Курильскую Лопатку (самый южный мыс полуострова — мыс Лопатка. — М.Ц.) и дошел морем до Тигеля (р. Тигиль, устье которой расположено у 58° с.ш. Вероятнее всего, он мог добраться до устья р. Тигиль с восточного побережья полуострова по суше. — М.Ц.), где тамошними коряками был убит зимой (ви-

димо, зимой 1649–1650 гг. — М.Ц.) со всеми товарищами. При этом рассказывают, что к убийству они сами дали повод, когда один из них другого зарезал, ибо коряки, считавшие людей, владеющих огнестрельным оружием, бессмертными, видя, что они умирать могут, не захотели жить со страшными соседями и всех их (видимо, 17 человек. — М.Ц.) перебили» (35, с. 740, 749).

По мнению Крашенинникова, именно Ф.А. Попов первым из русских зимовал на земле Камчатки, первым побывал на ее восточном и западном побережье. Крашенинников, ссылаясь на приведенное выше сообщение Дежнева, предполагает, что Ф.А. Попов с товарищами погиб все же не на р. Тигиль, а на побережье между Анадырским и Олюторским заливами, пытаясь пройти к устью р. Анадырь.

Определенным подтверждением пребывания Попова с товарищами или других русских первопроходцев на Камчатке является то, что за четверть века до Крашенинникова об остатках двух зимовий на р. Федотовшине, поставленных русскими казаками или промышленниками, сообщил в 1726 г. первый русский исследователь Северных Курильских островов, бывавший на р. Камчатке с 1703 по 1720 г. есаул Иван Козьревский: «В прошлых годах из Якуцка города на кочах были на Камчатке люди. А которых у них в аманатах сидели, те камчадалы сказывали. А в наши годы с оных стариков ясак брали. Два коча сказывали. И зимовья знать и поныне» (18, с. 295; 33, с. 35).

Из приведенных разновременных (XVII–XVIII вв.) и довольно отличных по смыслу показаний можно все же с большой долей вероятности утверждать, что появились русские первопроходцы на Камчатке в середине XVII в. Возможно, это был не Федот Алексеев Попов с товарищами, не его сын, а другие казаки и промышленники. По этому поводу однозначного мнения у современных историков нет. Но то, что первые русские появились на полуострове Камчатка уже не позднее начала 50-х гг. XVII в., считается несомненным фактом.

Вопрос о первых русских на Камчатке детально исследовал историк Б.П. Полевой. В 1961 г. ему удалось обнаружить челобитную казачьего десятника И.М. Рубца, в которой он упо-



Камчадалы

мянул о своем походе «вверх реки Камчатки». Позже изучение архивных документов позволило Б.П. Полевому утверждать, «что Рубец и его спутники смогли провести свою зимовку 1662–1663 гг. в верховьях р. Камчатки» (33, с. 35). Он относит к Рубцу и его товарищам и сообщение И. Козыревского, которое упомянуто выше.

В атласе тобольского картографа С.У. Ремезова, работу над которым он закончил в начале 1701 г., на «Чертеже земли Якутцкого города» был изображен и полуостров Камчатка, на северо-западном берегу которого у устья р. Воемля (от корякского названия «Уэмлян» – «ломаная»), то есть у современной р. Лесной было изображено зимовье и рядом дана надпись: «Р. Воемля. Тут Федотовское зимовье бывало». По сообщению Б.П. Полевого, лишь в середине XX в. удалось выяснить, что «Федотов сын» – это беглый колымский казак Леонтий Федотов сын, который бежал на р. Блудную (теперь р. Омолон), откуда перешел на р. Пенжину, где в начале 60-х гг. XVII в. вместе с промышленником Сероглазом (Шароглазом) некоторое время держал под своим контролем низовье реки. Позже он ушел на западный берег Камчатки, где и поселился на р. Воемле. Там он контролировал переход через самую узкую часть Северной Камчатки с р. Лесной (р. Воемля) на р. Карагу. Правда, данных о пребывании Леонтия «Федотова сына» на р. Камчатке Б.П. Полевой не приводит. Возможно, у И. Козыревского сведения об обоих «Федотовых сыновьях» и слились вместе. Тем более что по документам в отряде Рубца сбором ясак ведал целовальник Федор Лаптев.

Подтверждаются сведения С.П. Крашенинникова о пребывании на Камчатке участника похода Дежнева «Фомы Кочевщика». Оказалось, что в походе Рубца «вверх реки Камчатки» участвовал Фома Семенов Пермьяк, по кличке «Медведь» или «Старик». Он приплыл с Дежневым на Анадырь в 1648 г., потом неоднократно ходил по Анадырю, с 1652 г. занимался добычей моржовой кости на открытой Дежневым Анадырской корге. А оттуда осенью 1662 г. он пошел с Рубцом на р. Камчатку.

Нашел подтверждение и рассказ Крашенинникова о распрях среди русских казаков из-за женщин в районе верховьев Кам-

чатки. Позже анадырские казаки упрекали Ивана Рубца в том, что он во время дальнего похода «с двумя бабами... всегда был... в беззаконстве и в потехе и с служилыми и торговыми и с охочьими и с промышленными людьми не в совете о бабах» (33, с. 37).

Сведения Миллера, Крашенинникова, Козыревского о пребывании первых русских на Камчатке могли относиться и к другим казакам и промышленникам. Б.П. Полевой писал, что известие о лежбищах моржей на побережье южной части Берингова моря было получено впервые от казаков группы Федора Алексеева Чюкичева – Ивана Иванова Камчатого, ходившей на Камчатку из зимовья в верховьях Гижиги через северный перешеек с р. Лесной на р. Карагу «на другую сторону» (33, с. 38). В 1661 г. вся группа погибла на р. Омолон при возвращении на Колыму. Их убийцы – юкагиры бежали на юг. Отсюда, возможно, исходят рассказы об убийстве русских, возвращавшихся с Камчатки, о которых упоминает Крашенинников.

Полуостров Камчатка получил свое название от р. Камчатки, пересекающей его с юго-запада на северо-восток. А название реки, по авторитетному мнению историка Б.П. Полевого, с которым соглашается большинство ученых, связано с именем енисейского казака Ивана Иванова Камчатого, который упоминался ранее.

В 1658 и 1659 гг. Камчатый дважды из зимовья на р. Гижиге проследовал на юг для разведывания новых земель. По Б.П. Полевому, он, вероятно, прошел западным берегом Камчатки до р. Лесной, впадающей в залив Шелихова у 59° 30' с.ш. и по р. Караге достиг Карагинского залива. Там же были собраны сведения о наличии большой реки где-то на юге.

В следующем году из Гижигинского зимовья вышел отряд из 12 человек во главе с казаком Федором Алексеевым Чюкичевым. В составе отряда был и И.И. Камчатый. Отряд перешел на Пенжину и проследовал на юг, на реку, впоследствии названную Камчаткой. Возвратились казаки на Гижигу только в 1661 г.

Любопытно, что по прозвищу Ивана Камчатого получили одинаковое название «Камчатка» две реки: первая – в середине 1650-х гг. в системе р. Индигирки – один из притоков Паде-



Шаманы у коряков

рихи (теперь р. Бодяриха), вторая – в самом конце 1650-х гг. – крупнейшая река совсем еще малоизвестного в то время полуострова. А сам этот полуостров стали именовать Камчаткой уже в 90-х г. XVII в. (33, с. 38).

На «Чертеже Сибирская земля», составленном по указу царя Алексея Михайловича в 1667 г. под руководством стольника и тобольского воеводы Петра Ивановича Годунова, была впер-

вые показана р. Камчатка. На чертеже река впадала в море на востоке Сибири между Леной и Амуром и путь к ней от Лены морем был свободен. Правда, на чертеже не было даже намечка на Камчатский полуостров.

В Тобольске в 1672 г. был составлен новый, несколько более подробный «Чертеж Сибирские Земли». К нему был приложен «Список с чертежа», который содержал указание на Чукотку, и в нем впервые упоминаются реки Анадырь и Камчатка: «...а против устья Камчатки реки вышел из моря столп каменной, высок без меры, а на нем никто не бывал» (28, с. 27), то есть не только указано название реки, но и даны некоторые сведения о рельефе в районе устья.

В 1663–1665 гг. упоминавшийся ранее казак И.М. Рубец служил приказчиком в Анадырском остроге. Историки И.П. Магидович и В.И. Магидович считают, что именно по его данным течение р. Камчатки, в верховьях которой он зимовал в 1662–1663 гг., на общем чертеже Сибири, составленном в 1684 г., указано довольно реалистично.

Сведения о р. Камчатке и внутренних районах Камчатки были известны в Якутске задолго до походов якутского казака Владимира Васильевича Атласова, этого, по словам Александра Сергеевича Пушкина, «камчатского Ермака», который в 1697–1699 гг. фактически присоединил полуостров к Российскому государству. Об этом свидетельствуют документы Якутской приказной избы за 1685–1686 гг.

В них сообщается, что в эти годы был открыт заговор казаков и служилых людей Якутского острога. Заговорщикам ставилось в вину то, что они хотели «побить до смерти» стольника и воеводу Петра Петровича Зиновьева и градских жителей, «животы их пограбить», а также «пограбить» торговых и промышленных людей на гостином дворе.

Кроме того, заговорщиков обвиняли в том, что они хотели захватить в Якутском остроге пороховую и свинцовую казну и бежать за «Нос», на реки Анадырь и Камчатку. Значит, казаки-заговорщики в Якутске уже знали о Камчатке и собирались бежать на полуостров, по-видимому, морским путем, о чем свидетельствуют планы «бежать за нос», то есть за полуостров Чукотка или восточный мыс Чукотки – мыс Дежнева, а

не «за Камень», то есть за хребет – водораздел между реками, впадающими в Северный Ледовитый океан, и реками, текущими в дальневосточные моря (29, с. 66).

В начале 90-х гг. XVII в. начались походы казаков из Анадырского острога на юг для проведывания «новых земель» на Камчатском полуострове. В 1691 г. оттуда отправился на юг отряд из 57 человек во главе с якутским казаком Лукой Семеновым Старицыным, по прозвищу Морозко, и казаком Иваном Васильевым Голыгиным. Отряд прошел по северо-западному, а может быть и по северо-восточному побережью Камчатки и к весне 1692 г. возвратился в Анадырский острог.

В 1693–1694 гг. Морозко и Голыгин с 20-ю казаками вновь направились на юг и, «не дойдя до Камчатки-реки один день», повернули на север. На р. Опуке (Апуке), которая берет начало на Олюторском хребте и впадает в Олюторский залив, в местах обитания «оленных» коряков они построили первое в этой части полуострова русское зимовье, оставив в нем для охраны взятых у местных коряков аманатов-заложников двух казаков и толмача Никиту Ворыпаева (10, с. 186).

С их слов не позднее 1696 г. была составлена «скаска», в которой дано первое, дошедшее до наших дней сообщение о камчадалах (ительменах): «Железо у них не родится, и руды плавить не умеют. А остроги имеют пространны. А жилища... имеют в тех острогах – зимою в земли, а летом... над теми же зимними юртами наверху на столбах, подобно лабазам... А промежду острогами... ходу дни по два и по три и по пяти и шести дней... Иноземцы олениные (коряки. – *М.Ц.*) называются, у коих олени есть. А у которых оленей нет, и те называются иноземцы сидячи... Олениные же честнейши почитаются» (40, с. 73).

В августе 1695 г. из Якутска был послан в Анадырский острог с сотней казаков новый приказчик (начальник острога) пятидесятник Владимир Васильевич Атласов. В следующем году он направил на юг к приморским корякам отряд из 16 человек под командой Луки Морозко, который проник на полуостров Камчатка до р. Тигиль, где встретил первый поселок камчадалов. Именно там Морозко увидел неведомые японские письма (видимо, попали туда с прибитого штормом к камчат-

ским берегам японского судна), собрал сведения о Камчатском полуострове, протянувшемся далеко на юг, и о гряде островов южнее полуострова, то есть о Курильских островах.

В начале зимы 1697 г. в зимний поход против камчадалов направился на оленях отряд из 120 человек, во главе которого стал сам В.В. Атласов. Отряд состоял наполовину из русских, служилых и промышленных людей, наполовину из ясачных юкагиров и прибыл на Пенжину через 2,5 недели. Там казаки собрали с пеших (то есть оседлых, не имеющих оленей коряков, которых было свыше трехсот душ, ясак красными лисицами. Атласов прошел по восточному берегу Пенжинской губы до 60° с.ш., а затем повернул на восток и через горы добрался до устья р. Олюторы, впадающей в Олюторский залив Берингова моря. Там были объясачены коряки-олюторцы, никогда ранее не видавшие русских. Хотя неподалеку в горах водились белые соболи (так названы потому, что их мех не так темен, как у сибирских), но олюторцы их не промышляли «потому что в соболях, – по словам Атласова, – они ничего не знают».

Затем Атласов послал половину отряда на юг вдоль восточного побережья полуострова. Д.и.н. М.И. Белов заметил, что по неточному сообщению С.П. Крашенинникова этой партией командовал Лука Морозко. Но последний в это время был в Анадырском остроге, где после ухода Атласова в поход оставался за него приказчиком острога. В походе Атласова могли принять участие оставленные на Камчатке Морозкой казаки и толмач Никита Ворыпаев, а не он сам (10, с. 186, 187).

Сам Атласов с основным отрядом возвратился к побережью Охотского моря и направился вдоль западного побережья Камчатки. Но в это время часть юкагиров отряда восстала: «На Палане реке великому государю изменили, и за ним Володимером (Атласовым. – *М.Ц.*) пришли и обошли со всех сторон, и почали из луков стрелять и 3 человек казаков убили, и его Володимера во шти (шести. – *М.Ц.*) местех ранили, и служилых и промышленных людей переранили». Атласов с казаками, выбрав удобное место сел в «осад». Он послал верного юкагира известить посланный на юг отряд о случившемся. «И те служилые люди к нам пришли и из осады выручили» – сообщал он впоследствии (32, с. 41).

Далее он прошел вверх по р. Тигиль до Серединного хребта, перевалил его, выйдя в июне-июле 1697 г. к устью р. Канучи (Чаныч), впадающей в р. Камчатки. Там был водружен крест с надписью: «В 205 году (1697 г. — М.Ц.) июля 18 дня поставил сей крест пятидесятник Володимер Атласов с товарищи», сохранившийся до прихода в эти места через 40 лет С.П. Крашенинникова (42, с. 41).

Оставив здесь своих оленей, Атласов со служилыми людьми и с ясачными юкагирами и камчадалами «сели в струги и поплыли по Камчатке реке на низ». Присоединение к отряду Атласова части камчадалов объяснялось борьбой между различными туземными родами и группами. Объясаченные камчадалы с верховьев р. Камчатки просили Атласова помочь им против их же сородичей с низовьев реки, которые нападали на них и грабили их селения.

Отряд Атласова плыл «три дни», объясачивая местных камчадалов и «громя» непокорившихся. Атласов послал разведчика к устью р. Камчатки и убедился в том, что долина реки была сравнительно густо заселена — на участке длиной около 150 км было до 160 камчадалских острогов, в каждом из которых проживало до 200 человек.

Затем отряд Атласова возвратился вверх по р. Камчатке. Перевалив через Серединный хребет и обнаружив, что коряки утнали оставленных Атласовым оленей, казаки пустились в погоню. Отбить оленей удалось после жестокого боя уже на побережье Охотского моря, во время которого пало около 150 коряков.

Атласов вновь спустился по побережью Охотского моря к югу, шел шесть недель вдоль западного берега Камчатки, собирая ясак со встречавшихся по пути камчадалов. Он достиг р. Ичи и продвинулся еще далее к югу. Ученые полагают, что Атласов доходил до р. Нынгучу, переименованной в р. Гольгину, по имени потерявшегося там казака (устье р. Гольгиной рядом с устьем р. Опалы) или даже несколько южнее. До южной оконечности Камчатки оставалось всего около 100 км.

На Опале жили камчадалы, а на р. Гольгиной русские встретили уже первых «курильских мужиков — шесть острогов, а людей в них многое число». Курилы, жившие на юге Камчат-



Корякская женщина

ки, это айны — обитатели Курильских островов, смешавшиеся с камчадалами. Так что именно р. Гольгину имел в виду сам Атласов, сообщая, что «против первой Курильской реки на море видел как бы остров есть» (42, с. 69).

Несомненно, что с р. Гольгиной, под 52°10' с.ш. Атласов мог видеть самый северный остров Курильской гряды — Алаид (теперь о. Атласова), на котором расположен вулкан того же имени, самый высокий на Курильских островах (2330 м) (43, с. 133).

Вернувшись оттуда на р. Ичу и поставив там зимовье, Атласов отправил на р. Камчатку отряд из 15 служилых людей и 13 юкагиров во главе с казаком Потапом Сердюковым. Сердюков с казаками провели в заложенном Атласовым Верхнекамчатском остроге в верховьях р. Камчатки три года.

Оставшиеся с Атласовым «подали ему за своими руками челобитную, чтоб им с той Игиреки итти в Анадырский острог, потому что у них порошу и свинцу нет, служить не с чем» (42, с. 41). 2 июля 1699 г. отряд Атласова в составе 15 казаков и 4 юкагиров возвратился на Анадырь, доставив туда ясачную казну: 330 соболей, 191 красную лисицу, 10 лисиц сиводущатых (нечто среднее между красной и чернобурой), парку (одежду) соболью. В числе собранных мехов было и 10 шкур морских бобров (каланов) и 7 лоскутов бобровых, до того не известных русским.

В Анадырский острог Атласов привез камчадальского «князца» и повез его в Москву, но в Кайгородском уезде на р. Каме «иноземец» умер от оспы.

Поздней весной 1700 г. Атласов добрался с собранным ясаком до Якутска. По снятии с него допросов «скасок» Атласов выехал в Москву. По пути в Тобольске со «скасками» Атласова познакомился известный сибирский картограф сын боярский Семен Ульянович Ремезов. Историки считают, что картограф встречался с Атласовым и с его помощью составил один из первых детальнейших чертежей полуострова Камчатка.

В феврале 1701 г. в Москве Атласов представил в Сибирский приказ свои «скаска», которые содержали первые сведения о рельефе и климате Камчатки, о ее флоре и фауне, о морях, омывающих полуостров, и их ледовом режиме, и, естественно, массу сведений о коренных жителях полуострова.

Интересно, что именно Атласов сообщил и некоторые сведения о Курильских островах и Японии, собранные им у жителей южной части полуострова — курильчан.

Атласов описал местных жителей, с которыми встретился во время похода по полуострову: «А на Пенжине живут коряки пустобородые, лицом русаковаты, ростом средние, говорят своим особым языком, а веры никакой нет, а есть у них их же братья-шеманы: вышешанят о чем им надобно, бьют в бубны и кричат. А одежду и обувь носят оленью, а подошвы нерпичьи. А едят рыбу и всякого зверя и нерпу. А юрты у них оленьи и ровдушные (замшевые, выделываемые из оленьих шкур. — М.Ц.).

А за теми коряками живут иноземцы люторцы (олюторцы. — М.Ц.), а язык и во всем подобие коряцкое, а юрты у них земляные подобные остяцким юртам. А за теми люторцы живут по рекам камчадалы возрастом (ростом. — М.Ц.) невелики с бородами средними, лицом походят на зырян (коми. — М.Ц.). Одежду носят соболью и лисью и оленью, а пушат то платье собаками. А юрты у них зимние земляные, а летние на столбах, вышиною от земли сажени по три (примерно 5–6 м. — М.Ц.), намошено досками и покрыто еловым корьем, а ходят в те юрты по лестницам. И юрты от юрт поблиску, а в одном месте юрт ста по 2, и по 3, и по 4.

А питаются рыбою и зверем, а едят рыбу сырую, мерзлую, а в зиму рыбу запасают сырую: кладут в ямы и засыпают землей, а та рыба изноет, и тое рыбу, вынимая, кладут в колоды и воду нагревают и ту рыбу с тою водою размешивают и пьют, а от тое рыбы исходит смрадный дух, что русскому человеку по нужде терпеть мочно. А посуду деревянную и глиняные горшки делают те камчадалы сами, а иная посуда у них есть левкашенная и олифляная, а сказывают оне, что идет к ним с острова, а под каким государством тот остров того не ведают» (42, с. 42, 43). Академик Л.С. Берг полагал, что речь шла, «очевидно, о японской лаковой посуде, которая из Японии попадала сначала к дальним курильцам, потом к ближним, а эти привозили ее в южную Камчатку» (43, с. 66, 67).

Атласов сообщил о наличии у камчадал больших байдар длиною до 6 сажень (около 13 м), шириною 1,5 сажени (3,2 м),

вмещавших по 20–40 человек. Отметил он особенности родового строя у них, специфику хозяйственной деятельности: «Державство великого над собою не имеют, только кто у них в котором роду богаче, того больше и почитают. И род на род войною ходят и дерутся». «А в бою временем бывают смелы, а в иное время плохи и торопливы». Оборонялись они в острожках, бросая из них во врагов камни из пращ и руками. Острожками казаки называли камчадалские «юрты», то есть землянки, укрепленные земляным валом и частоколом. Такие укрепления камчадалы стали сооружать только после появления на полуострове казаков и промышленников.

Атласов рассказал, как казаки беспощадно расправлялись с непокорными «иноземцами»: «И к тем острожкам русские люди приступают из-за щитов и острог зажигают, и станут против ворот, где им (иноземцам. — М.Ц.) бегать, и в тех воротах многих из иноземцев-противников побивают. А те острожки сделаны земляные, и к тем русские люди приступают и разрывают землю копьем, а иноземцам на острог взойти из пищалей не допустят» (43, с. 68).

Рассказывая о боевых возможностях местных жителей, Атласов отметил: «...огненного ружья гораздо боятся и называют русских людей огненными людьми... и против огненного ружья стоять не могут, бегут назад. И на бои выходят зимою камчадалы на лыжах, а коряки оленные на нартах: один правит, а другой из лука стреляет. А летом на бои выходят пешком, наги, а иные и в одежде» (42, сс. 44, 45). «А ружья у них — луки усовые китовые, стрелы каменные и костяные, а железа у них не родится» (40, с. 74).

Об особенностях семейного уклада у камчадалов он сообщает: «а жен имеют всяк по своей мочи — по одной, и по 2, и по 3, и по 4». «А веры никакой нет, только одне шаманы, а у тех шаманов различье с иными иноземцы: носят волосы долги». Переводчиками у Атласова были коряки, жившие у казаков некоторое время и освоившие азы русского языка. «А скота никакова у них (камчадалов. — М.Ц.) нет, только одни собаки, величиною против здешних (то есть одинаковы со здешними в Якутске. — М.Ц.), только мохнаты гораздо, шерсть на

них длиною в четверть аршина (18 см. — М.Ц.)». «А соболей промышляют кулемами (особыми ловушками. — М.Ц.) у рек, где рыбы бывает много, а иных соболей на деревье стреляют» (42, с. 43).

Атласов оценивал возможность распространения хлебопашества в Камчатской земле и перспективы торгового обмена с камчадалами: «А в Камчадалской и в Курильской земле хлеб пахать мочно, потому что места теплые и земли черные и мягкие, только скота нет и пахать не на чем, а иноземцы ничего сеять не знают» (43, с. 76). «А товары к ним надобны: адекуй лазоревый (голубой бисер. — М.Ц.), ножи». А в другом месте «скаска» прибавляет: «...железо, ножи и топоры и пальмы (широкие железные ножи. — М.Ц.), потому что у них железо не родится. А у них против того брать соболи, лисицы, бобры большие (видимо, морские бобры. — М.Ц.), выдры».

Значительное внимание в своем отчете Атласов уделил природе Камчатки, ее вулканам, флоре, фауне, климату. О последнем он сообщил: «А зима в Камчатской земле тепла против московского, а снега бывают небольшие, а в Курильских иноземцах (то есть на юге полуострова. — М.Ц.) снег бывает меньше. А солнце на Камчатке зимою бывает в день долго против Якуцкого близко вдвое. А летом в Курилах солнце ходит прямо против человеческой головы и тени против солнца от человека не бывает» (43, с. 70, 71). Последнее утверждение Атласова вообще-то неверно, потому что даже на самом юге Камчатки солнце никогда не поднимается выше 62,5° над горизонтом.

Именно Атласов сообщил впервые о двух крупнейших вулканах Камчатки — Ключевской сопке и Толбачике и вообще о камчатских вулканах: «А от устья итти вверх по Камчатке реке неделю есть гора, подобна хлебному скирду, велика и гораздо высока, а другая близ ее ж подобна сенному стогу и высока гораздо, из нее днем идет дым, а ночью искры и зарево. А сказывают камчадалы, буде человек взойдет до половины тое горы, и там слышат великий шум и гром, что человеку терпеть невозможно. А выше половины той горы которые люди восходили, назад не вышли, а что там людям учинилось — не ведают» (42, с. 47). «А из под тех гор вышла река ключевая, в ней вода



Камчатская езда на собаках

зелена, а в той воде, как бросят копейку, видеть в глубину сажени на три».

Уделил Атласов внимание и описанию ледового режима у побережья и в реках полуострова: «А на море около люторов (то есть олжоторов. — М.Ц.) зимою лед ходит, а все море не мерзнет. А против Камчатки (реки. — М.Ц.) на море лед бывает ли, не ведает. А летом на том море льду ничего не бывает». «А по другую сторону той Камчадалской земли на море зимою льду не бывает, только от Пенжины реки до Кыгылу (Тягилия. — М.Ц.) на берегах лед бывает небольшой, а от Кыгылу вдаль ничего льду не бывает. А от Кыгыла реки до устья ходу бывает скорым ходом пешком до Камчатки реки, через камень то есть через горы. — М.Ц.), в 3-й и в 4-й день. А Камчаткою на низ плыть в лотке до моря 4 дни. А подле моря медведей и волков много». «А руды серебряные и иные какие есть ли, того не ведает и руд никаких не знает» (43, с. 71, 72).

Описывая леса на Камчатке, Атласов отмечал: «А деревья растут — кедры малые, величиною против мозжевельнику, а

орехи на них есть. А березнику, лиственничнику, ельнику на Камчадалской стороне много, а на Пенжинской стороне по рекам березник да осинник». Перечислил он и встречающиеся там ягоды: «А в Камчатской и в Курильской земле ягоды — брусница, черемха, жимолость — величиною меньше изюму и сладка против изюму» (43, с. 72, 74).

Поражает его наблюдательность и дотошность при описании неизвестных ранее русским ягод, трав, кустарников, зверей. Например: «А есть трава, иноземцы называют агататка, вышиною растет в колено, прутиком, и иноземцы тое траву рвут и кожицу счищают, а середину переплетают таловыми лыками и сушат на солнце, и как высохнет, будет бела и тое траву едят, вкусом сладка, а как тое траву изомнет, и станет бела и сладка, что сахар» (43, с. 73). Из травы агататка — «сладкой травы» местные жители добывали сахар, а казаки приспособились впоследствии гнать из нее вино.

Особо отметил Атласов наличие у берегов Камчатки важных для промысла морских зверей и красной рыбы: «А в море бывают киты великие, нерпа, каланы, и те каланы выходят на берег по большой воде, а как вода убудет, и каланы остаются на земле и их копыями колют и по носу палками бьют, а бежать те каланы и не могут, потому что ноги у них самые малые, а берега дресвяные, крепкие (из мелких камней с острыми краями. — М.Ц.)» (43, с. 76).

Особо отметил он ход на нерест рыб из породы лососевых: «А рыба в тех реках в Камчатской земле морская, породю особая, походит она на семгу, и летом красна, а величиною больши семги, а иноземцы (камчадалы. — М.Ц.) ее называют овечиною (чавыча, у камчадалов човуича, самая лучшая и самая крупная из камчатских проходных, то есть из входящих из моря в реки для икротетания рыб. — М.Ц.). И иных рыб много — 7 родов разных, а на русские рыбы не походят. И идет той рыбы на море по тем рекам гораздо много и назад та рыбы в море не возвращается, а помирает в тех реках и в заводях. И для той рыбы держится по тем рекам зверь — соболи, лисицы, выдры» (43, с. 74).

Отметил Атласов наличие на Камчатке, особенно в южной части полуострова, множества птиц. В его «скасках» говорит-

ся и о сезонных перелетах камчатских пернатых: «А в Курильской земле (на юге полуострова Камчатка. — М.Ц.) зимою у моря птиц-уток и чаек много, а по ржавцам (болотам. — М.Ц.) лебедей многож, потому что те ржавцы зимою не мерзнут. А летом те птицы отлетают, а остаетца их малое число, потому что летом от солнца бывает гораздо тепло, и дожди и громы большие и молния бывает почасту. И чаёт он, что та земля гораздо подалась на полдень (на юг. — М.Ц.)» (43, с. 75). Атласов так точно описал флору и фауну Камчатки, что впоследствии ученые легко установили точные научные наименования всех отмеченных им видов животных и растений.

В завершение приведем меткую и емкую, на наш взгляд, характеристику «камчатского Ермака», которую ему дал академик Л.С. Берг: «Атласов представляет собой личность совершенно исключительную. Человек малообразованный, он вместе с тем обладал недюжинным умом и большой наблюдательностью, и показания его, как увидим далее, заключают массу ценнейших этнографических и вообще географических данных. Ни один из сибирских землепроходцев XVII и начала XVIII в., не исключая и самого Беринга, не дает таких содержательных отчетов. А о моральном облике Атласова можно судить по следующему. Пожалованный после покорения Камчатки (1697–1699) в награду казачьим головой и посланный снова на Камчатку для довершения своего предприятия, он на пути из Москвы в Камчатку решился на крайне предерзостное дело: будучи в августе 1701 г. на реке Верхней Тунгуске, он разграбил следовавшие на судах купеческие товары. За это, несмотря на заслуги, был посажен, после пытки, в тюрьму, где просидел до 1707 года, когда был прощен и снова отправлен приказчиком на Камчатку. Здесь, во время восстания казаков в 1711 году убит» (43, с. 60). Так трагически завершился земной путь этого незаурядного человека, присоединившего к Российской державе Камчатку, равную по площади Федеративной Республике Германии, Австрии и Бельгии вместе взятых.



ВЫДАЮЩИЙСЯ СИБИРСКИЙ КАРТОГРАФ XVII В. И ПЕРВЫЙ ИСТОРИК СИБИРИ

«Сибирь—земля хлебородна, овощна и скотна, опричь меду и винограду ни в чем скудно. Паче всех частей света исполнена пространством и драгими зверьми безценными. И торги, привозы и отвозы преволны. Рек великих и средних, заток и озер неизчетно, рыб изобильно, множество и ловитвенно. Руд, злата и серебра, меди, олова и свинцу, булату стали, красного железа и укладу и простова и всяких красок на шелки, и камней цветных много и от иноземцов скрыто, а сибиряном неразумно»

Семен Ремезов (47, с. 139)

В 1696 г. Боярская дума, видимо по желанию молодого царя Петра I, постановила: «Послать великих государей грамоты во все сибирские города, велеть всем сибирским городам и с уезды русских деревень и волостей и с ясачными волостями написать чертежи на холстине и сколько верст или дней ходу город от города, также и русские деревни и волости и ясачные волости от того города» (48).

Затем предлагалось в главном сибирском городе Тобольске: «Велеть сделать доброму и искусному мастеру чертежи всей Сибири и подписать внизу от которого города до которого сколько верст или дней ходу и уезды всякому городу определить и описать в котором месте какие народы кочуют и живут, также с которой стороны к порубежным местам какие люди подошли». Боярская дума даже определила размер необходимых чертежей: отдельных районов — два на три аршина (аршин равен 71 см), а большой чертеж всей Сибири — три на четыре аршина (28, с. 28).

Итак, программа работ была задана. Нашелся и «добрый и искусный мастер». Это был тобольский сын боярский Семен Ульянович Ремезов, замечательный русский картограф, географ и первый историк Сибири. Дед его, Моисей (Меньшой) Лукьянов сын Ремезов в Москве был на службе у патриарха Филарета. 2 декабря 1628 г. сын боярский Меньшой Ремезов по государеву указу был сослан из Москвы в Тобольск и вскоре стал там заметной фигурой в администрации Тобольска – главного города Сибири в XVII в., военно-политического, административно-хозяйственного и культурного центра Сибири.

Дети боярские, как уже отмечалось ранее, одна из категорий служилых людей в Московской Руси, несли обязательную службу, получая за это определенное содержание. Это были потомки младших членов княжеских дружин – «отроков» или же обедневших боярских родов. В период присоединения Сибири московские власти эту категорию служилых людей пополняли за счет особо заслуженных казацких командиров. В XVII в. большинство детей боярских служило непосредственно московскому царю. Отец Семена Ульян Мосеев сын Ремезов дослужился в Тобольске до чина стрелецкого сотника.

Семен Ульянов сын Ремезов родился в 1642 г. В 1682 г. по приговору воеводы А.А. Голицына «неверстанному сыну боярскому» Семену Ульянову сыну Ремезову велено «быть в детях боярских» вместо убитого в бою Петра Заболоцкого «в том же хлебном и соляном окладе». Первичное («новичное») жалование на год ему положили 7 рублей, 7 четей ржи (728 кг), 7 четей овса (560 кг), два пуда соли (32 кг). К этому времени Семен Ульянович был женат и имел трех сыновей – Леонтия пяти лет, Семена младшего трех лет и годовалого Ивана (47, с. 26). Позже у Ремезовых родились еще дочь Марья и сын Петр.

С 1682 г. начались разнообразные трудные «посылки» сына боярского Семена Ремезова по центральной части Западно-Сибирской равнины и ряду районов восточного склона Урала для сбора оброчного хлеба и денег, доставки «великих государей хлебных запасов», сбора ясака с подвластных местных племен. С 1684 г. при «посылках» по Тобольскому уезду он привлекался к «описным земляным делам». В 1687 г. С.У.

Ремезов находился в посылке «вниз Иртыша на ировые плеса для рыбной ловли».

А в «разборной» книге 1689 г. С.У. Ремезов представлен как опытный чертежник, который «многие чертежи по грамотам городу Тобольску, слободам и сибирским городам в разное время писал». Ученые считают, что чертежная деятельность Ремезова началась еще ранее, с 1683 г. Видимо, уже с того времени он считался опытным чертежником, знаменщиком и иконником, то есть художником-иконописцем и рисовальщиком знамен. По словам самого С.У. Ремезова, известность его как иконника и знаменщика началась с августа 1694 г., когда он с другими мастерами за 4 дня расписал «золотом с красками» выносную часовню «для поставления на реке Иртыше иорданского освящения воды», а в начале 1696 г. «сработал, сшил и написал мастерски к конным и пешим полкам семь камчатых знамен» (47, с. 36, 37).

Отечественный исследователь жизни С.У. Ремезова Л.А. Гольденберг считает, что именно Семен Ульянович являлся составителем известной карты всей Сибири 1687 г., выполненной по данным на 1683–1685 гг, на основе известного чертежа Сибири тобольского воеводы Годунова, ему в «пополнок». Ремезов включил этот чертеж в свой атлас «Хорографическая чертежная книга» (1697–1711) (47, с. 33).

С апреля по сентябрь 1696 г. С.У. Ремезов в составе военного отряда участвовал в походе по степным районам за р. Ишим, во время которого воинам приходилось неоднократно вступать в схватки со степными наездниками немирных племен. Позже, в разъяснении к своему «Чертежу земли всей безводной и малопроходной каменной степи» он отметит главную цель своего участия в этом походе: «По указной грамоте великого государя, велено в Тоболску тобольскому сыну боярскому Семену Ремезову в 204 (1696 г. – М.Ц.) году, апреля в 17 день написать степи от Тобольска до Казачьи (Казакской. – М.Ц.) Орды, и до Бухареи Болшей, и до Хивы, и до Еика (Яика. – М.Ц.), и до Астрахани, куды ближе и сколь далеко днями в ход пути сухим и водяным, летом и зимою, и реки числом и величиною, и корм людям и скоту безскуден бы, и переправы преходны б, и каменные горы преходны б, и урочища ведомы,

и всему учинить наличной чертеж трех аршин длины, поперег двух, и на чертеже подписать именно» (49, с. 8).

Возвратившись из трудного похода по степным районам, С.У. Ремезов получил задание выполнить постановление Боярской думы и изготовить чертеж Тобольского уезда. В полученной им 28 октября 1696 г., в день отъезда из Тобольска для проведения съемочных работ, наказной памяти говорилось: «И ему, Семену, приехав Тобольского уезду в остроги и слободы по Исете и по Нице, и по Пъжме, и по Тоболу, и по Миясу, и по Туре, и по Тавде рекам, те остроги и слободы, и деревни, и ясашные волости описать со всякими урочищами и с малыми речками и озерами; и написать все на чертеже» (47, с. 38).

По проделанной Ремезовым в этот раз работе его можно считать первым исследователем Зауралья. Фактически, он создал схему изучения этого района Сибири, при которой густая речная сеть выполняет роль географической сети, облегчающей размещение остальных элементов карты. Им же впервые была создана схема научного изучения Зауралья – собирание данных по географии, этнографии и истории, которая оказалась настолько удачной, что была осуществлена позднее в расширенном виде при работе в Сибири академических отрядов экспедиции Витуса Беринга в 30-х гг. XVIII в.

Зимой 1697/1698 г. он с двумя помощниками обследовал бассейн Тобола. Ему удалось нанести на чертеж весь Тобол от устья до вершины (более 1500 км), заснять его крупные притоки (длиною от 600 до 1000 км) Туру, Тавду, Исеть и ряд впадающих в них рек, включая Миасс и Пъжму. Нанес он на чертеж и обследованные им ранее р. Иртыш от места впадения в Обь до устья р. Тары (около 1000 км) и три его притока, в том числе р. Ишим почти до истоков (длина 2450 км) (40, с. 82).

К 3 марта 1697 г. С.У. Ремезов завершил составление на холсте 3 × 2 аршина «Чертежа земли всей безводной и мало-проходной каменной степи» и выслал его в Москву в Сибирский приказ. А 18 сентября того же года был отправлен туда же чертеж Тобольского уезда, составленный им согласно постановлению Боярской думы.

Этот год был удачным для семьи Ремезовых. Сибирский приказ решил заменить в Тобольске деревянное строительство

казенных зданий каменным, и С.У. Ремезов возглавил всю сметную работу и подготовку производства по изготовлению кирпичей. А 11 октября Леонтий Семенович Ремезов, который уже не один год помогал отцу в чертежных делах, был поверстан в сыны боярские, и ему установили «новичное» жалование. Семен Ульянович привлекал к чертежным работам также Семена-младшего (поверстанного в дети боярские в 1699 г.), а позднее и Ивана (в детях боярских с 1702 г.).

Первая и особенно вторая работы Ремезова произвели в Сибирском приказе хорошее впечатление. Как отметил сам Ремезов в «Чертежной книге Сибири», «по описке явился похвален паче иных протчих в полности мастерства чертежей» (49, с. 7), о чем в Тобольск была прислана специальная грамота.

После этого Ремезов с детьми был вызван в Сибирский приказ, и там ему было поручено обобщить сведения со всех чертежей районов Сибири и составить общий чертеж всей Сибири размером 6 × 4 аршина. Как писал сам Ремезов, «И по вышеписанному приказу, вышеписанные чертежи Семен Ремезов, бывши на Москве с сыном Сенькою, снявши преводы (копии. – М.Ц.) с парчей со всех городовых чертежей 18, привезенных к Москве, и на вышеписанных полотнищах все вышеписанные сибирские городовые чертежи в меру убравши, по компасу, церкильным розмером, по приказу все вышеписанные урочища и ход всех сибирских городов и до Москвы путь вместил подобне сему образцу, бумажному чертежу, и написавши наготово, ноября 8 число 207 (1698. – М.Ц.) году подал в сибирском приказе (его главе. – М.Ц.) думному дьяку Андрею Андреевичу Виниусу, и за работу милостию великого государя пожалован выходом и пять рублей денег» (49, с. 9, 10).

Вероятно, С.У. Ремезов с сыновьями во время этого пребывания в Москве изготовили еще один или два общих чертежа Сибири. Так его чертеж на белой хлопчатобумажной ткани («китайке») сохранился и до начала XX в. висел в Екатерингофском дворце, а затем хранился в архиве Географического общества СССР и экспонировался в Государственном Эрмитаже. Сохранилась легенда о том, что Петр I, ради шутки, по этому чертежу проводил экзамены по географии (47, с. 47).

В 1698 г. одновременно с изготовлением копий и общих чертежей С.У. Ремезов прошел обучение в Оружейной палате по каменному строению. Там ему даже была вручена «строе-ния печатная книга фряжская в пример». А в Сибирском при-казе он прошел практическое обучение в том, «как сваи бить и глину разминать, и на гору известь и камень, воду и иные припасы втаскивать» (47, с. 49).

Грамотой 4 декабря 1698 г. С.У. Ремезов назначался руко-водителем всех архитектурно-строительных работ в Тобольске, и ему предписывалось «быть у всего каменного городского строения и всякие припасы ведать» (47, с. 51).

В 1699 г. в Тобольске С.У. Ремезов начал работу над самым известным своим атласом «Чертежной книгой Сибири». В пре-дисловии к атласу — «Писании до ласкового читателя» он от-метил, что по распоряжению руководителя Сибирского приказа А.А. Винюса «зачал работати сию книгу с 207 (1699. — М.Ц.) генваря с 30 со всяким прилежанием с детми» (49, с. 3), а за-кончил 1 января 1701 г.

Сама «Чертежная книга Сибири» имела на титульном листе следующую надпись: «ЧЕРТЕЖНАЯ КНИГА учинися по ука-зу великого государя царя и великого князя Петра Алексиеви-ча, всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержца, всей Сибири и городов и земель налично описанием с прилежащи-ми жителствы, в лето от сотворения света 7209-го от Рожде-ства Христова 1701-го году, генваря в 1 день» (49, с. 1).

Книга состояла из следующих 23 чертежей: чертежа г.То-больска с посадами, улицами верхней и нижней частей города, 18-и чертежей сибирских земель (Тобольского, Тарского, Тю-менского городов, Туринского острога, Верхотурского, Пель-ымского, Березовского, Сургутского, Нарымского, Томско-го, Кузнецкого, Туруханского, Енисейского, Красноярского, Илимского, Якутского, Иркутского, Нерчинского городов, то есть это были присланные из сибирских городов чертежи рай-онов — уездов Сибири, приписанных к этим городам, а также Маньчжурии), «Чертежа земли всей безводной и малопроезд-ной каменной степи» — чертежа района степей южнее р. Ишим, сводного чертежа всей Сибири — «Чертежа всех сибирских градов и земель», отдельного чертежа северных районов Ру-

си — «Чертеж вновь Великопермские и Поморие Печерские и Двинские страны до Соловецкие проливы со окресными жили-щи» и последнего чертежа Сибири с нанесенными на него све-дениями о проживавших на ее территории и в сопредельных странах народах, то есть этнографической карты Сибири.

С.У. Ремезов включил в атлас составленные им с детьми чертеж г. Тобольска и чертеж Тобольской земли, дополненные им копии присланных в Москву чертежей остальных 17 сибир-ских земель, составленные ими обзорные чертежи всей Сиби-ри, северных районов Руси и этнографический чертеж Сибири.

Таким образом, к началу 1701 г. Семен Ремезов обобщил все сведения, собранные русскими воеводами, послами, промыш-ленниками и казаками о самой территории Сибири и проживав-ших на этой территории и в сопредельных странах народах. Фактически, это был итоговый документ, освещавший деятель-ность русских властей, промышленников и казаков по присо-единению и освоению в течение всего XVII в. огромной терри-тории Сибири и Дальнего Востока.

При составлении «Чертежной книги Сибири» Семен Реме-зов использовал, естественно, не только присланные из сибир-ских городов чертежи сибирских земель, но и множество дру-гих чертежей XVII в. и рукописей, содержащих описание Си-бири и хранившихся в Тобольской приказной палате и в Си-бирском приказе в Москве. Это были различные писцовые, переписные и ясачные книги, «доезды», «статейные списки» посольств и другие документы. Несомненно, он использовал и непосредственные показания «всяких розных чинов русских людей и иноземцев, иностранных жителей, пришелцов в Тобо-леск, старожиллов, уроженцов, памятливых бывалцов, Казан-цов, Уфимцов, Пермьяков, Усолцов, Хевролцов, Яренчан, Ус-тюжан, Мезенецов, Колмогорцов, Корелцов, Пинежан, Новго-родцов, пословно выпрашивая меру земли и разстояние пути городов, их сел и волостей, про реки, речки и озера, и про Поморский берег, губы и острова и промыслы морские, про горы и леса и про всякие урочища, кои в прежних чертежах издавна не написаны» (49, с. 3).

Безусловно, все эти «чертежи» далеко не соответствовали тем критериям, которые сейчас предъявляются к картам. Они

не имели градусной сети. Составлены они были без использования инструментальных измерений. На них расстояния определялись в основном днями пути, и только в районе Тобольской земли – верстами.

Академик А.Ф. Миддендорф в описании своего путешествия по северу и востоку Сибири в 1842–1845 гг. анализирует «Чертежную книгу Сибири» Ремезова. Он указывает на то, что «всего наивнее передана граница Сибири, омываемая морем: очертание страны приравнивается здесь к рамке самой карты... В начертании берегов Ремезов шел вдоль горизонтального края листа, пока не встретился на правом конце его с другим краем в перпендикулярном направлении, по которому он и поворотил под прямым углом и продолжал идти до новой встречи с горизонтальной линией третьей стороны листа» (50, с. 38).

На этом чертеже Камчатка показана в виде острова, на самом северо-востоке тянется огромный перешеек в Ледовитое море. Все это так. Но тот же академик А.Ф. Миддендорф указывал на тщательность, с которой у Ремезова показаны «поселения по Енисею, его изображение Амурского края и тогдашнего этнографического положения Сибири».

Более того, путешествуя почти через 150 лет после окончания составления «Чертежной книги Сибири», академик утверждал, что «Еще и ныне через два столетия кому придется странствовать в тех местах, описываемых казаками по следам их, отмеченные ими привалы довольно определенно могут служить к распознаванию местностей, чтобы не потеряться в глуши пустыни» (50, с. 39, 43).

Исследователи истории развития географических знаний отмечали, что «Чертежная книга Сибири» Ремезова выгодно отличалась от западноевропейских географических атласов той эпохи наличием на чертежах множества сведений экономического характера. К атласу приложен перечень условных знаков: лесов, лугов, болот, острогов, церквей, монастырей, мельниц, рыболовных промыслов, волоков между реками. Встречаются надписи, указывавшие на наличие песков, пашен, колодцев, дорог, солеварен и т.д.

С.У. Ремезов прекрасно представлял важность для Российского государства богатств Сибири. Об этом свидетельствует

хотя бы одна из его записей, приведенная в эпитафе, в которой он четко выражает свое отношение к этому вопросу.

Можно утверждать, что «Чертежная книга Сибири» явилась сборником рабочих чертежей, которые могли быть практически использованы в Сибирском приказе в Москве, а также тобольскими воеводами в повседневной практике административной и хозяйственной деятельности. Безусловно, жаль, что два других ценнейших атласа, составленных Ремезовым и его детьми, «Хорографическая чертежная книга» 1697–1711 гг. и «Служебная чертежная книга» 1702–1730 гг., видимо, были менее известны и не использовались широко для научной и практической деятельности в XVIII в.

Большую историческую ценность представляют этнографические данные, нанесенные на чертежах Ремезова и свидетельствующие о расселении различных оседлых и кочевых народов на территории Сибири и сопредельных стран в XVII в., а также этнографическое сочинение «Описание о сибирских народах и граней их земель», известное нам в переложении сибирского самоучки – ученого ямщика И.Л. Черепанова.

В текстах, связанных с его знаменитыми атласами Сибири, Ремезов приводит некоторые сведения по истории изучения этого обширного региона Руси. Уже в тексте предисловия к «Чертежной книге» Сибири указано, что в лето 1567 г. были посланы в Сибирь по указу царя Ивана Васильевича Грозного атаман Иван Петров с подьячими и мурза Бурнаш Альшев с 20 спутниками «на восток и север, для проводывания земель соседских царств и язык, орд и волостей, в каком разстоянии от Москвы, и сколь далеко подлегли к Московскому государству» (49, с. 4).

Посланные по возвращении представили доклад об увиденном (правда, позднейшими исследованиями установлена малая вероятность посылки такой экспедиции до похода Ермака. Скорее всего, речь идет о путешествии томского казака И. Петлина в 1618–1619 гг.).

Затем Ремезов упоминает об описании и составлении первых чертежей всей Сибирской земли в 1667 г., проведенном под руководством стольника и тобольского воеводы Петра Ивановича Годунова. Причем, по свидетельству Ремезова, карта

1667 г. была «печати предаша». Он особо подчеркивает значимость этого первого чертежа Сибири, учитывая трудности в передвижении для жителей и огромные расстояния.

В тексте к «Чертежу всех сибирских градов и земель» Ремезов сообщил, что в «195 (1687) году, июня в 16 день по указной грамоте великого государя, тобольской сын боярской Любим Заяцев мерял государевой печатной саженью, клал в версту по 1000 сажень» (49, с. 12). Измерялись расстояния от Тобольска до Тюмени, Туринского острога, Верхотурья, Соликамской, Пельми (московская верста первоначально считалась 700 сажень, затем 1000 и в конце концов остановились на 500, то есть верста стала равной 1066 м) (28, с. 31).

Ремезов сообщил, что в том же году тобольский дворянин Борис Черницын измерял расстояния от Тобольска по Иртышу и Оби до Сургута. Более того, в «Чертежной книге Сибири» Ремезовым приведены расстояния в днях пути для маршрутов, пересекающих всю Сибирь в направлении запад-восток: Тобольск – Тара – Красноярск – Братск – Селенгинск – Нерчинск – Албазин – Китайское царство; с севера на юг: Тобольск – вершина Яика – Каспийское море; от Албазина по Амуру до моря.

Имеется множество признаков того, что «Чертежная книга Сибири» включала самые новые на период ее выполнения данные по географии Сибири. Это можно проиллюстрировать на примере данных о Камчатке. В «Чертежной книге» они связаны с сообщением, полученным в 1696 г. от казака Дмитрия Потапова, то есть до походов Атласова, приведших к присоединению Камчатки к России. Так что на «Чертеже земли Якутского города» полуостров Камчатка отсутствует. Имеется лишь р. Камчатка с надписью «а живут на ней неясашные камчадалы, платье на них собачье и соболе и лисье, а луки у них маленьки усовые на жилах». Около нанесенного близ устья Камчатки Ивановского погоста написано: «А на Камчатке приходят люди грамотны, платье на них азямы камчатые». Академик Л.С. Берг полагал, что эти сведения относятся к японским морякам, попавшим на полуостров Камчатка при гибели их судна в результате кораблекрушения (51, с. 4).

В надписях на чертеже и в надписях, расположенных по течению р. Камчатки, содержатся сведения о других реках полуострова, в том числе о р. Бобровой, то есть Озерной, протекающей на юге полуострова.

На сводном чертеже Сибири Ремезова, составленном в 1698 г. в Москве, нанесена не только р. Камчатка, но против устья р. Удь помещен «остров Камчатка».

Известно, что В. Атласов в 1700 г. по пути от присоединенной к России Камчатке в Москву проездом появился 16 декабря 1700 г. в Тобольске. Узнав об этом, С.У. Ремезов подал челобитную воеводе с просьбой списать «у того пятидесятника скаски, какову он дал в Якуцку о тамошних краях, где он был». Ремезов обосновывал свою просьбу тем, что для составления чертежа всей Сибирской земли ему нужны новейшие сведения, так как «не осведомлясь подлинно, в тех чертежах какой неправды не написать».

В отписке в Сибирский приказ воевода князь М.Я. Черкасский доложил, что он распорядился вскрыть ящик с документами, опечатанный печатью в Якутске, а «сказку списать, и тот список отдать ему, Семену, для письма и свидетельства чертежей» (47, с. 158). Историки считают, что Ремезов лично виделся и беседовал с Атласовым.

Именно поэтому уже в «Служебной чертежной книге» С.У. Ремезова, начатой им в первые годы XVIII в. и оконченной его сыновьями после кончины выдающегося картографа (которая произошла, вероятнее всего, после 1720 г.), на основании данных, полученных, видимо, от Атласова, Камчатка уже изображена в виде полуострова, очертания которого как-то можно сопоставить с действительными.

Некоторые историки, в частности член-корреспондент АН СССР А.И. Андреев, обнаруживший и первый изучивший в 1940 г. «Служебную чертежную книгу» в эрмитажном собрании Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, считали, что «в оригинале чертежной книги 1701 г., посланном Ремезовым в Москву, на общем чертеже всей Сибири Камчатка имела уже тот вид, который находим на чертежах ее в «Служебной чертежной книге». Он предполагает, что единственный известный экземпляр «Чертежной книги Сиби-

ри 1701 г.», который хранится в Российской государственной библиотеке в Москве и с которого сделаны фотокопии 1882 г., является не подлинником, а копией (28, с. 32, 34). Правда, сейчас соображения А.И. Андреева поддержаны не всеми исследователями жизни и деятельности С.У. Ремезова.

А вот еще один пример того, как Ремезов оперативно использовал сведения о новых открытиях для корректировки своих чертежей Сибири. На «Чертеже всех сибирских градов и земель», составленном в 1698 г., против устья р. Лены показан остров с надписью: «во 198 (1690–1691 гг. – М.Ц.) проведан». Наш авторитетный знаток Арктики и исследователь истории ее открытия член-корреспондент АН СССР В.Ю. Визе уточнил, что этот остров можно определить как о. Столбовой (Ляховские о-ва), открытый летом 1690 г. при плавании с Лены на Кольму якутского казака, а затем сына боярского Максима Мухомлева (10, с. 180, 181).

С.У. Ремезов отправил «Чертежную книгу Сибири» в Сибирский приказ 10 ноября 1701 г. Историки считают, что рукопись «Чертежной книги Сибири» по инициативе А.А. Виниуса готовилась на русском и голландском языках для печатного издания в амстердамской типографии И.А. Тессинга, но со смертью последнего в 1701 г. и уходом из Сибирского приказа в середине 1703 г. Виниуса работа по подготовке атласа Ремезова к изданию прекратилась (47, с. 93, 94).

Работа С.У. Ремезова по составлению чертежей всей Сибири оказала существенное влияние на развитие русской и западноевропейской картографии. Австрийский посол Гвариенти в 1699 г. получил от Виниуса копию карты Сибири 1698 г. с немецким текстом. Многое из этого чертежа попало в карту И. Идеса, изданную в 1704 г. в приложении к голландской публикации описания его путешествия, а на карте 1707 г. французского географа Г. Делиля обозначен на крайнем северо-востоке Сибири именно по Ремезову «Необходимый нос». Известно о знакомстве С.У. Ремезова с путешественником по Сибири Д.Г. Мессершмидтом и пленным шведским офицером Страленбергом, книга о Сибири и карты в ней которого несомненно содержат сведения, полученные от общения с С.У. Ремезовым (47, с. 195).

Из всего этого следует, что «Чертежная книга Сибири» сына боярского, а в конце жизни тобольского дворянина Семена Ульяновича Ремезова является не только замечательным итоговым документом, отображающим колоссальную работу по изучению и освоению Сибири, сделанную русскими людьми в течение XVII в., но и включает самые новые сведения по географии Сибири и Дальнего Востока на время составления атласа. Именно поэтому этот атлас сыграл огромную роль не только в истории русской, но и всемирной картографии.

Несомненна ценность сочинений С.У. Ремезова – первого историка Сибири – его «Истории Сибирской» и «Летописи Сибирской краткой Кунгурской» 1697–1710 гг. Эти работы позволяют уточнить многие факты по истории присоединения Сибири к Московскому царству. Работа Ремезова по составлению чертежей Сибирской земли и изучение в связи с этим документов в архиве Тобольской съезжей избы (в первую очередь подробные статистические сведения о столице Сибири начиная с 1683 г.) и библиотеке Сибирского приказа в Москве позволили ему накопить множество сведений по истории Сибири.

Важно, что он помимо письменных источников провел опрос, по его словам, всяких «старожилых, памятных бывальцев», «ведомцев», «бывальцев в непроходимых местех и каменех безводных, на степях и на морях, по различным землям подлежащих жительств языков», не только «разных чинов русских людей», но также «иноземцев, бухар, татар и калмыков и новокрещеных», и русских, побывавших в плену у кочевников, «выходцев и полоняников русских». Собирая географические данные, он узнавал многое по истории и археологии Сибири в части «древних чюдских и кучумовских жилья, мольбища и городища, крепости и курганы» (49, с. 2, 3, 7, 8, 14).

Поэтому в его знаменитых атласах среди географических названий имеются и краткие заметки по истории. Так у р. Серебрянки он сделал надпись: «лежат суды Ермаковы» в соответствии с легендой, приведенной в Кунгурской летописи, о том, что будто Ермак оставил на Серебрянке тяжелые струги: «и те старые (суда. – М.Ц.), где они лежат, сквозь их дна дерева проросли». А возле устья Амура, там, где, по представле-

нию Ремезова находилось Гилянское царство, им написаны фантастические сведения о том, что «до сего места доходил царь Александр Македонский, ружья спрятал и колокол оставил» (6, с. 34).

В своем последнем атласе — «Служебной чертежной книге» Ремезов на карте Среднего Урала сделал пометку «Волок Ермаков» и красным пунктиром обозначил путь Ермака по р. Серебрянке, по одному из ее притоков, названному им «Чуй», и далее за волоком по рекам Журавль, Баранча и Тагил (12, с. 518).

Свое сочинение «История Сибирская» Ремезов полностью посвятил истории первого «Сибирского взятия». Он использовал Тобольские летописи, составленные при дворе Тобольского архиепископа Киприана, а затем Нектария, дополнил эту информацию из других источников и создал целое историческое сочинение значительно большего объема, чем Тобольские летописи.

В обеих своих исторических работах, особенно в Кунгурской летописи, Ремезов, как глубоко религиозный человек, наряду с многими живыми фактами о ходе первого «сибирского взятия», приводит легендарные примеры чудесной «помощи божией» христианам в борьбе с «неверными». Несомненно, он страстно желал, чтобы Ермак был причислен к лику святых православной церкви как совершивший подвиг и принявший смерть во имя распространения христианства среди язычников и мусульман Сибири.

В тексте «Истории» приведены чудеса, которые будто сопутствовали походу казаков: и на Тоболе казакам явился святитель Николай Чудотворец, и в трудный момент похода казачье знамя с ликом спасителя поднялось из струга и самостоятельно продвигалось по берегу Тобола. И даже сам Господь с небесным воинством явился в облаках и оборонил казаков от стрельбы татар...

Вместе с тем в его летописи даны многие важные подробности похода, хотя некоторые сведения, сообщенные им, были явно легендарного характера. Так, например, невероятно, что казаки, двигаясь в Сибирь, ошиблись и свернули вначале не к

р. Серебрянке, а к Сылве и там перезимовали, то есть заблудились еще в Приуралье. И это при наличии строгановских «вожей»!

Профессор Р.Г. Скрынников считает, что легенда о зимовке Ермака на Сылве возникла в Кунгуре в конце XVII в. в среде местных церковнослужителей, чтобы обосновать утверждение о том, что именно Ермак построил часовню в окрестностях Кунгура, сохранившуюся до их времени (12, с. 516).

Легендарны и многие другие обстоятельства походов Ермака, приведенные Ремезовым. Запутанна и противоречива у него вся хронология Ермаковского похода. Но критический анализ Ремезовской летописи много дал ученым для выяснения истинной картины похода Ермака.

Множество живых картин, связанных с походом, приведено в Кунгурской летописи. Причем, по мнению члена-корреспондента С.В. Бахрушина, «наиболее характерной чертой Кунгурской летописи является ее чисто народный стиль, проникнутый грубоватым народным юмором... Отдельные эпизоды рассказаны почти сказочным языком»: «...было у Ермака два сверсника — Иван Кольцев, Иван Гроза, Богдан Брязга и выборных есаулов 4 человека, тож и полковых писарей, трубачи и сурначи, литаврщики и барабанщики, сотники и пятидесятники и десятники с рядовыми и знаменщики чином, да три попа, да старец бродяга, ходил без черных риз, а правило правил и каши варил и припасы знал и круг церковный справно знал; и указ на преступление чинили жгутами, а хто подумает ототти от них и изменить, не хотя быти, и тому по донски указ: насыпав песку в пазуху и посадя в мешок, в воду. И тем у Ермака вси укрепилися; а болши 20 человек с песком и камением в Сылве утружены».

Так же описано обращение Ермаковых есаулов к Максиму Строганову по поводу снабжения казаков припасами для сибирского похода. Строганов хотел выдать хлебные припасы казакам, не иначе как займы под проценты, «испрося у них кабалы». Но возмущенные есаулы едва не убили его: «о мужик, не знаешь ли ты и тепере мертв, возьмем тя и ростреляем по клоку. Дай нам на росписку по имяном на струти, поартельно 5000 (такова фантастическая численность казацкой дружины

согласно этой летописи. — *М.Ц.*), по именов на всякаго человека по 3 фунта пороху и свинцу и ружья и три полковые пушки, по 3 пуда муки ржаной, по пуду сухарей, по два пуда круп и толокна, по пуду соли и колико масла пудов» (6, с. 40; 12, с. 511).

Черпая многие сведения из других сибирских летописей, Ремезов внес в свою историческую работу ряд словесных преданий, как русского, так и местного происхождения. Он сохранил для потомства собранные им легенды — «бусурманские истории» и «бусурманские повести» — и часто на них ссылался. Это были причитания в форме песен, которые «татары поют с плачем при беседах в песнях». В их числе были «повести», в которых оплакивалось завоевание Сибирского ханства русскими и в которых говорилось о Ермаке: «И тако чуден и страшен, егда глаголати им и в повестех между собою, без слез не пребудут». Именно такие причитания в виде «Царицына плача» даны в Кунгурской летописи. По словам Ремезова, именем Ермака татары «и до днесь божатся и кленутся» (6, с. 35). Таким же источником местных легенд служили проповеди некоторых мусульманских духовных лиц — шейхов.

Передал Ремезов и татарские легенды о памятных урочищах и курганах. Так урочища Сузгун и Паний бугор близ Тобольска связывались с памятью о местонахождении дворцовых шатров двух жен Кучума. На Саусканском мысу, также под Тобольском, по татарскому преданию, находилось «царское кладбище», а по казацким там были могилы соратников Ермака, павших в боях.

Ремезов тщательно внес в свою летопись ряд поверий, связанных с походами Ермака. Так в летописи описано северное сияние, которое служило якобы предзнаменованием гибели Кучумова царства: «огненный столб от земли и до небеси, и в том огне многи видения различны... людие-же видеша в столпе ужасное видение различное, и битвы, и звук». Все это соответствовало магометанскому представлению о северном сиянии, как о сражении небесных воинов. Ведь недаром сибирские татары объясняли появление северного сияния так: «будто бы это поклонники дьяволов и отвергающие их, которые сражаются каждый вечер» (6, с. 36).

Ремезов сообщает татарские легенды о панцирях Ермака и о посмертных чудесах на его могиле. Это вообще-то поразительно, что именно татары, против которых воевали Ермак и его казаки, создали подобные легенды. Их рассказал Семену Ремезову его отец. Ульян Ремезов в 1660 г. был в составе посольства, посланного к влиятельному калмыцкому князю Аблаю-тайша, кочевавшему со своим народом на берегах озера Зайсан-нор недалеко от русской границы.

Аблай-тайша просил прислать ему один из панцирей Ермака, который будто бы находился у служилого тобольского татарина Кайдаула-мурзы. Посольство доставило Аблаю панцирь, считавшийся Ермаковым, а Ульян Ремезов записал со слов тайши «скаску» о панцире: «како (Ермак. — *М.Ц.*) приехал в Сибирь и от Кучюма на перекопе побежа и утопе, и обретен, и стрелян, и кровь течаше, и пансыри разделиша и развезоша, и как от пансырей и от платья чудес было».

А затем Аблай рассказал о собственном исцелении: «егда же аз был мал и утробю болен, и даша мне з земли с могилы его (Ермака. — *М.Ц.*) пить, здрав явихся до ныне; егда же земли с могилы взято, и еду с нею на войну, побиваю; егда ж нет земли, тощ (без добычи. — *М.Ц.*) возвращаюся» (6, с. 37).

Видимо, из «скаски» Аблая в Ремезовскую летопись вошла легенда о том, что в трагическую ночь гибели Ермак «бе одяян двема царскими пансыри» — подарком царя Ивана Грозного, послужившими причиной гибели атамана в волнах сибирской реки.

Анализируя Ремезовскую летопись, член-корреспондент АН СССР С.В. Бахрушин метко заметил, что «рассказ Ремезова, в общих чертах подтверждаемый официальными документами Сибирского приказа, рисует, таким образом, совершенно конкретно самый процесс проникновения в русскую литературу местной легенды и приемы ее использования русской наукой того времени» (6, с. 38).



ЗАСЕЛЕНИЕ СИБИРИ РУССКИМИ ЛЮДЬМИ В XVII В.

За первопроходцами — казаками и промышленниками — во вновь открытые земли Сибири приходили служилые люди, а затем крестьяне и посадские. Существовало два пути заселения русскими людьми бескрайних просторов Сибири в XVII в.

С одной стороны, московские власти заселяли присоединенные территории для их обороны и в стремлении обеспечить регулярное поступление ясака. При этом власти привлекали для переселения в Сибирь как добровольцев из числа «охочих людей», так и переводя на новые места служилых людей, а также крестьян и посадских в принудительном порядке. Затем в Сибири появилось немало ссыльных, отбывавших наказание по приговору суда или просто сосланных в Сибирь по распоряжению властей.

С другой стороны, в Сибирь стихийно устремились крестьяне и посадские люди, которые переселялись во вновь открытые сибирские земли на волне «вольного народного» движения, «вольной народной колонизации», вдохновляемые поиском за Уралом «угожих пашенных мест», стремлением свободно захватить в отдаленных краях вне досягаемости воевод, приказчиков, целовальников и помещиков.

По мере продвижения первопроходцев на восток и присоединения к Московской Руси все новых сибирских земель, практиковался принудительный перевод на службу или на пашню из западных сибирских городов в расположенные далее на восток и на юг, например из Тобольских и Тюменских земель в земли Красноярского и Иркутского городов.

Особенно быстро осваивали русские крестьяне районы Западной Сибири, благоприятные по климатическим условиям для развития земледелия. Уже в последние годы XVI и первые годы

XVII в. русские крестьяне появились под Тюменью, Верхотурьем, Туринском, Пельмом. Среди них были выходцы из Казани, Каргополя, Вятки и Перми.

Как определил историк и антрополог В.А. Александров, «К 30-м гг. XVII в. в бассейне р. Туры и ее южных притоков (по Тагилу, Нице и их притокам) сложился основной русский земледельческий район Западной Сибири. Образование там сельских микрорайонов шло весьма интенсивно уже в первом десятилетии XVII в. В 1612 г. появились селения Тагильской слободы по р. Тагил; на протяжении 1620-х гг. по р. Нице — Чубарова и Ницянские слободы, в начале 1630-х гг. — Ирбитская, Киргинская и другие слободы» (52, с. 11).

И все это проходило, несмотря на реальную угрозу постоянных нападений с юга кочевых тюркоязычных племен. Эта угроза все же задерживала создание новых сел и слобод в бассейне р. Пышмы, в районе Тарского острога на Иртыше. Тем не менее стихийное заселение русскими людьми Западной Сибири и развитие там земледелия уже в 1620-х гг. проходило настолько интенсивно, что поставки местного хлеба для сибирских властей резко возросли.

Уже с середины XVII в., несмотря на сохранявшуюся угрозу нападений с юга, русское население продолжало заселять земли к югу от Верхотурья, Туринска, Тюмени и Тобольска. Заселялись берега самого южного притока Туры — Пышмы; под прикрытием Ялуторовского и Исетского острогов русские поселенцы продвинулись на плодородные земли вверх по среднему Тоболу, его притоку Исети и по Миасу, притоку Исети, на берегах которых во второй половине XVII в. появилось более 50 слобод.

Так возник самый земледельческий район Сибири XVII в. Это означало, что русское сибирское земледелие распространилось на более удобные для его развития, более южные районы. Возникшие там в это время слободы — Шадринская, Ялуторовская, Царево Городище превратились впоследствии в города Шадринск, Ялуторовск, Курган.

О степени заселенности всего этого района свидетельствует хотя бы такой факт: в 1680-х гг. в ведомстве одной Невьян-

ской слободы Верхотурского уезда было 49 деревень, в ведомстве Арамашевской слободы – 22 деревни (52, с. 12, 13).

По мнению историка В.И. Шункова, к концу XVII в. четыре уезда Западной Сибири – Тобольский, Верхотурский, Тюменский и Туринский – являлись основной житницей Сибири, а в них проживало три четверти всех сибирских крестьян-дворянохозяев (52, с. 14).

С выходом первопроходцев на Средний Енисей и основанием Енисейска там появились и русские крестьяне. С 1620-х гг. в районе этого острога начались образовываться крестьянские слободы и деревни. На протяжении XVII в. сельскохозяйственным районом стали побережья Енисея от устья Пита (Усть-Питские деревни, Анциферово и др.), далее вверх по Енисею, вокруг Енисейска и до устья Ангары. С середины XVII в. крестьяне освоили берега левого притока Енисея – р. Кеми и ее притока р. Белой. Множество деревень возникло в районе устья Ангары.

К 1710 г. крестьянское и посадское население Енисейского уезда составляло более трех четвертей всего русского населения уезда (то есть служилые люди составляли всего одну четверть).

В 1630-х годах русские крестьяне начали пахать земли в бассейне р. Лены. Ранее других мест они распахали земли вокруг Братского (на Оке, притоке Ангары) и Илимского (на Илеме, притоке Ангары) острогов, то есть на основных южных путях с Енисея на Лену, на путях в глубь Восточной Сибири. Непосредственно на Лене первые сельскохозяйственные поселения возникли в устьях ее притоков р. Куты, затем Киренги и Чечуя, а далее в устьях Витима, Пеледуга, Олекмы.

Уже во второй половине XVII в. русские крестьяне стали осваивать земли к востоку от Якутска (на р. Амге) и к югу от устья Куты вверх по Лене, где образовались Илгинская и Тутурская слободы с многочисленными заимками. Эти селения примыкали к прибайкальским поселениям в районе Верхоленского, Балаганского и Иркутского острогов, Биркульской и Банзорской слобод.

По мнению историка В.И. Шункова, именно «в этом юго-западном углу Ленского района к концу XVII в. сосредото-

лась большая часть земледельческого населения района. Здесь создавалась житница Якутии» (52, с. 19). Но к началу XVIII в. ленское и прибайкальское крестьянство еще не стало преобладающей частью русского населения и уступало по численности служилым людям в том районе.

Многие рядовые служилые люди, заселяя первые сибирские остроги и города, не рассчитывали особо на государево жалование и были вынуждены параллельно с выполнением своих обязанностей по службе заниматься земледелием. В результате этого значительные площади земли обрабатывались в Сибири служилыми людьми и их семьями и немало хлеба поступало от них на местные рынки.

Отмечалось также активное участие служилых людей в различных промыслах. И наконец, «командировки» в ясачные волости и поездки «по государевым делам» в Москву и в соседние азиатские страны давали возможность командному составу служилых людей принимать участие в торговле.

В числе сибирских ссыльных были участники крестьянских и казацких восстаний, которых власти называли «ворами». Так, например, в 1635 г. в особо опасный для проживания из-за постоянных нападений «немирных иноземцев» Красноярский уезд направили «Смоленского уезду из Рославльского... крестьяне, которые были в воровстве в Рославле и украинских городах с донскими атаманами и казаками, 3 человека, да симбирятенин Федька Васильев». Тогда же было предписано из колодников, посланных в Тобольск также за «воровство» в Рославле с донскими казаками, направить в Красноярск 24 человека. В том же году в Сибирь были сосланы «воровские» казаки 21 человек, из них шестерых велено было отправить в Красноярский острог и устроить там в пашенные крестьяне (27, с. 61).

Но ученые считают, что количество ссыльных в Сибирь в течение XVII в. было незначительным по отношению ко всему количеству переселенцев. Да и ссыльные в отличие от массы переселенцев были люди разных национальностей. Историк П.Н. Буцинский в конце XIX в. проанализировал национальный состав ссыльных и установил, что за 1593–1645 гг., по явно неполным данным, в Западную Сибирь было сослано 1500 чело-

век, не считая их жен, детей и разных свойственников, из них 650 человек были военнопленными (поляки, литовцы, немцы, «черкасы» — то есть украинцы) и около 850 — русскими подданными (из них около 400 русских, свыше 350 украинцев) (52, с. 29).

Основной обязанностью сибирских пашенных крестьян по отношению к государству была обработка государевой десятинной пашни, размеры которой устанавливались воеводскими распоряжениями. По мнению члена-корреспондента АН СССР С.В. Бахрушина, эти крестьяне «фактически находились на положении крепостных, с той только разницей, что они были крепостными не частного владельца, а феодального государства в целом» (27, с. 84).

Частновладельческих крепостных крестьян в Сибири было очень мало. Обычными душевладельцами там были монастыри, крепостные которых пахали монастырскую пашню, но от запахивания государевой десятинной пашни были освобождены.

Правда, при обзаведении хозяйством на новых местах казна выдавала пашенным крестьянам «подмогу» инвентарем (лошади, сошники, серпы, косы), семенами и в ряде случаев небольшой суммой денег. Но не везде такая помощь оказывалась своевременно. В ряде случаев воеводские власти задерживали выдачу помощи, а то и вовсе не производили ее.

Именно в Сибири XVII в. среди переселенцев появляются основатели крестьянских слобод из среды богатых предпринимателей, чаще из торговых людей («сибирских слободчиков»), которые добивались разрешения от властей на основании заимок на свободных землях, ссужали деньгами поселенцев для приобретения последними лошадей, сельскохозяйственного инвентаря и семян. Именно таким предпринимателем был известный первопроходец Ерофей Хабаров.

Таким был и первый «посадчик» пашенных крестьян на р. Ангаре близ Нижнего Братского острога — пашенный крестьянин Распуга Степанов сын Потапов. По его словам, распашка обошлась ему в 300 руб., значительную по тем временам сумму. Он «прибирал» охочих людей на пахоту «без государева подмогу и без ссуды, изо льготы». В 1654 г. он сумел поселить

около своей заимки 70 пашенных крестьян из ссыльных, посланных туда властями. Во время походов на Амур Петра Бекетова и Афанасия Пашкова он давал им «хлеб на семена» из своей «пахоты». В 1658 г. за заслуги Потапов был пожалован в дети боярские с высоким годовым окладом в 10 руб. (39, с. 214, 215). И таких примеров успешной деятельности «сибирских слободчиков» по заселению Сибирской земли можно привести несколько.

Помимо сдачи хлеба в казну пашенные крестьяне выполняли различные хозяйственные работы по заготовке сена и дров для воеводы и его подьячих «съезжей избы». Суд и расправа над крестьянами лежали на приказчиках, назначаемых воеводами из состава служилых людей. Обычно приказчик жил в деревне или крестьянской слободе на особом «приказном дворе» и имел свою «съезжую избу», куда собирал крестьян, чтобы распределить среди них натуральные повинности.

Кроме того, у крестьян каждой деревни было и свое собственное самоуправление: из их среды выбирались «мирской староста» и «земский дьячок». Для решения всех общественных дел собиралась мирская сходка, а в селах, как и везде на Руси, местом собрания «мира» являлась церковь.

Из числа крестьян выбирались «житничные целовальники», которые хранили собранный с государевой десятинной пашни хлеб и доставляли его в город по требованию воеводы, а также выдавали его по воеводским памятям.

В сибирских городах, как и везде на Руси, посад являлся их необходимой составной частью. Посадские люди платили налоги: денежный посадский оброк и оброки с промыслов. При обработке посадскими пашни с них брали налог на урожай натурой — выращенным хлебом. Кроме того, посадские выполняли ряд повинностей, а в случае нападения «немирных иноземцев» обязаны были помогать служилым людям в обороне города.

Посадское население было довольно многочисленно в таких торгово-ремесленных центрах, как Тобольск, Томск, Енисейск, Иркутск, но в целом к концу XVII в. составляло небольшую часть от общего количества русского населения в Сибири — не более 7 процентов.

В XVII в. на вновь присоединенных сибирских землях русские люди старались сразу же строить церкви и часовни. Возникали в Сибири и монастыри, в которых помимо братии жили «вкладчики». Обычно это были мирские люди, преимущественно служилые, внесшие в монастырь известный денежный «вклад» и получившие за то право пострижения в нем на старости лет.

А вот с направлением церковнослужителей во вновь построенные храмы не везде успевали. Так красноярский воевода Михаил Скрябин писал в Москву про Покровскую церковь в Красноярском посаде и церковь в деревне Ясауловской: «У тех у двух церквей священников нет и призвать неоткуда; в такую дальнюю Украину священники не заходят, и то твое государево богомолье обе церкви стоят без пения и служить некому... Многие люди, государь, в Красноярском остроге и в уезде во всех ближних и дальних деревнях умирают без покаяния, и родильницы лежат без молитв, и младенцы некрещены живут долгое время, и умирают младенцы без крещения» (27, с. 90, 91).

И такое положение складывалось во многих отдаленных сибирских уездах. Так что правительство вынуждено было принимать на себя содержание духовенства. Так по штатам в главном Красноярском храме — Преображенском соборе содержались два священника, дьякон, дьячок, пономарь и просвирница; при трех других церквях Красноярского уезда — по одному священнику, дьячку, пономарю и просвирнице. Из монастырского духовенства казна содержала игумена, пономаря, дьячка и просвирницу (27, с. 91).

Историки Сибири выяснили, что в XVII в. подавляющая часть переселенцев направлялась в Сибирь из Поморских волостей Руси. На протяжении всего века Восточное Поморье, которое включало тогда районы Средней и Верхней Камы и Вятки, а также Кунгурский уезд, интенсивно заселялось за счет притока населения из бассейнов Северной Двины и ее притоков, а также Онеги и Мезени. А уже из Восточного Поморья крестьяне и промышленники переселялись в Сибирь.

Сохранились так называемые записные книги Уткинской и Чусовской слобод Верхотурского уезда, содержащие любопытные сведения о переселенцах в Сибирь. Согласно записям

в этих книгах, через эти слободы в 1699 г. проследовало в Сибирь «для работы» 405 «гулящих» людей, из них было 250 поморян и 127 кунгурцев. Поморяне проникали далеко в Сибирь. В Томском уезде большая часть пришедших туда в 1705–1707 гг. переселенцев были родом из Поморья (Кайгородка, Соли-Камской, Устюга, Устьянских волостей) и прилегающих к нему областей (Вологды, Тотьмы, Юрьевца Поволжского, Галича и др.), остальные переселялись из Кунгура и различных слобод Тобольского уезда.

Также обстоит дело и с другими сибирскими городами. За Уральский хребет в Сибирь переселялось главным образом северорусское население (52, с. 26). Так что в Сибирь в XVII в. направлялись в основном поморяне, русские, не знавшие крепостного права, закаленные жизнью в районах с суровым климатом, умевшие и землю пахать, и промышлять зверя в тайге, предприимчивые и рискованные.

Результаты заселения и освоения Сибири в XVII в. наглядно отображаются в данных табеля Сибирской губернии 1710 г. В пределах собственно Сибири (без Кунгура, Яренска, Соли-Камской, Чердыни, Кайгородка и Вятки, которые в то время входили в состав Сибирской губернии) проживало русских 312 872 человека, из них 157 040 душ мужского пола и 155 832 души женского пола, причем почти 4/5 русского населения проживало в Западной Сибири. Таким образом, в 1710 г. уже не менее 65–70 % населения Сибири составляли русские поселенцы (17, с. 55).

РУССКИЕ НА КУРИЛАХ. КТО ПЕРВЫМ ОПИСАЛ КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА?

Простые русские люди почти всегда пролагали пути научным изысканиям. Вся Сибирь с ее берегами открыта таким образом. Правительство всегда лишь присваивало себе то, что народ открывал. Таким образом присоединены Камчатка и Курильские острова. Только позже они были освоены правительством.

*Академик Карл Максимович Бэр.
1839 г.*

Первые собранные на Камчатке расспросные сведения о Курильских островах сообщил якутскому воеводе, а затем в Москве дьякам Сибирского приказа «камчатский Ермак» пятидесятник Владимир Атласов, хотя на них он и не побывал. Об этом рассказано в предыдущем очерке.

В своей книге об описи Курильских островов и пребывании в плену у японцев, изданной в 1816 г., выдающийся русский моряк Василий Михайлович Головнин утверждал, что Курильские острова прозваны так за «курящиеся вулканы». Но оказалось, что это не так.

Название «куриль» было заимствовано казаками, по словам академика С.П. Крашенинникова, от камчадалов, которые называли обитателей южной Камчатки кушин (куши), или кужин. В языке камчадалов (ительменов) нет звука «р», и там, где другие народы употребляют этот звук, камчадалы произносят «ж». Вот казаки и переделали, как и ряд других ительменских слов, кужин – в кури.

Историк академик Г. Миллер писал в XVIII в., что жители южной Камчатки (курилы – потомки от смешанных браков

жителей Курильских островов айнов и ительменов), как и сами ительмены, называют островитян kuride. На языке же курилов и айнов – кур или куру означает «человек». Гиляки (теперь их называют нивхи) называли айнов кути, а китайцам и маньчжурам, которые о сахалинских айнах знали со слов гиляков, они известны как кую.

Сами айны называли Курильские острова Курумиси, то есть людская земля. Значит, название островов связано с айнскими понятиями «человек», «земля людей». Правда, айны так и называют себя «айну», что на их языке означает также человек (видимо, в значении конкретно человек племени айнов, а не вообще человек) (43, с. 134, 135).

Сами айны являлись древнейшими обитателями не только Курильских островов, но и о. Хоккайдо и Южного Сахалина, их особенность – сильно выраженная растительность на лице, и не только, недаром казаки называли их мохнатыми. Ученые много спорили по поводу происхождения этого древнего народа.

Известный антрополог член-корреспондент Академии наук СССР Л.Я. Штернберг высказал гипотезу, которую поддержал ряд ученых, о происхождении айнов с островов в южной части Тихого океана: «По физическому типу, – писал он, – айну представляют вариацию той первичной австралоидной длинноголовой бородатой расы, разновидности которой мы одинаково находим и в Австралии, и в южной Индии, и в западной Океании, а особенности их культуры и языка мы находим у самых различных народов Океании, и особенно ясно – у ближайших из этих народов, живущих в Индонезии, на Филиппинах и на Формозе (о. Тайване. – М.Ц.)» (43, с. 136).

По поводу характера айнов можно привести высказывание академика С.П. Крашенинникова (XVIII в.) об их ближайших родичах – курилах, которое, по оценке позднейших путешественников, побывавших на самих Курильских островах, можно полностью распространить и на айнов: «Они несравненно учтивее других народов: а при том постоянны, правдоушны, честолюбивы (безусловно, в понятии честны. – М.Ц.) и кротки. Старых людей имеют в великом почтении. Между собою живут весьма любовно, особливо же горячи к своим сродникам» (43, с. 136).

В 1706 г. приказчик Камчатских острогов Василий Колесов (начальник над Камчатскими острогами) послал Михайлу Наседкина в «Курильскую землю» (то есть в самую южную часть Камчатского полуострова) «для умирительства на немирных иноземцев». Он должен был объяснить всех курилов – жителей юга Камчатки, которые еще не стали подданными России.

Наседкин на собачьих упряжках добрался до «Носа», то есть до самого южного мыса полуострова – мыса Лопатка, и убедился, что за «Носом» «за переливами» (за проливом) видна земля, «а проведать де той земли не на чем, судов морских и судовых припасов нет и взять негде, и потому что де лесу близко нет и снастей и якорей взять негде» (43, с. 137).

Якутский воевода, получив доклад о видимых за проливом землях, в 1710 г. поручил казачьему десятнику Василию Савостьянову, назначенному на Камчатку, «поделав суды какие прилично, за переливами на море земли и людей всякими мерами, как можно, проведывать», людей приводить в подданство, собирать с них ясак и «той земле учинить особый чертеж» (43, с. 137).

В августе 1711 г. в экспедицию на видимые в море острова были посланы казацкий атаман Даниил Яковлев Анциферов и есаул Иван Петров Козыревский. Они вызвались в экспедицию добровольно, желая загладить свою вину – участие в бунте казаков, в ходе которого был убит казачий голова В. Атласов и два приказчика.

С «Носа» на малых судах и байдарах они переправились на первый курильский остров Шумшу длиной около 30 км. На нем обитали курилы, тот же народ, что жил на юге Камчатки. Казаки имели с ними бой и по их донесению «курильские мужики к бою ратному досужи и из всех иноземцев бойчивее, которые живут от Анадырского по Камчатскому носу».

Академик Л.С. Берг считал, что эти слова из «скаски» Анциферова и Козыревского вряд ли соответствуют истине. Многие последующие описатели Курил свидетельствовали об обратном: о миролюбии, даже робости местных жителей. Не удалось казакам и собрать на Шумшу ясак из-за того, что, по их докладу, «на том их острове соболей и лисиц не живет, и боб-

рового промыслу и привалу не бывает, и промышляют они нерпу. А одежду на себе имеют от нерпичьих кож и от птичьего перья» (40, с. 79).

Анциферов и Козыревский сообщили также о своем посещении второго к югу курильского острова Парамушир (по-айнски поромашири значит «большой остров»), где было много жителей. Но и там, по их словам, собрать ясак не удалось, несмотря на то, что казаки призывали местных айнов «ласкою и приветом» к подданству. Местные жители отвечали, что ясаку никогда не платили. «Соболей и лисиц, – говорили они, – не промышляем, промышляем де мы бобровым промыслом в генваре месяце, а которые де у нас были до вашего приходу бобры, и те де бобры испроданы иной земли иноземцам, которую де землю видите вы с нашего острова в полуденной стороне, и привозят де к нам железо и иные товары, кропивные, тканые пестрые, и ныне де у нас дать ясаку нечего» (43, с. 140, 141). Анциферов и Козыревский, по их словам, пробыли на Парамушире два дня, не решились из-за малого количества казаков вступить в бой с айнами и вернулись обратно.

Возвратившись в Большерецк, они представили чертеж, который, к сожалению, не сохранился. Правда, один из камчатских казаков Григорий Переломов, участвовавший в убийстве приказчиков, в том числе и Атласова, а затем в походе на Курильские острова, позднее под пыткой заявил, что казаки были только на первом острове. Безусловно, к показаниям, вырванным пыткой, можно относиться по-разному. Абсолютно твердо можно говорить о посещении казаками первого острова, а о втором они могли получить сведения от жителей первого.

В 1712 г. Анциферов погиб на р. Аваче, а Козыревскому приказчик камчадалских острогов Василий Колесов поручил измерить землю от р. Большой до мыса Лопатка, а также острова за «переливом» и «обо всем велел Ивану учинить чертеж и написать всему тому доезд» (43, с. 141).

Козыревский составил по расспросам, в том числе и японцев с потерпевших в 1710 г. крушение у берегов Камчатки японских судов, чертеж «Камчадалской земли» и Курильских островов – первую карту Курильской гряды. Он же сдал в

казну найденные на разбитых судах 22 золотника золота красного, в плашках (монетах) и кусках и все обнаруженные на этих судах письменные документы.

Летом 1713 г. Козыревский вновь был отправлен «для проведывания от Камчацкого носу за перелевами морских островов и Апонского государства». На изготовленных в Большерецке малых судах с ним отправились 55 казаков и промышленников и 11 камчадалов. В Верхнекамчатском остроге Козыревскому выдали две медные пушки, 20 ядер, пищали, порох, свинец и другие припасы. В качестве «вожа» (лоцмана) и толмача был взят японец Сана из команды потерпевшего крушение японского судна.

По сообщению Козыревского, на втором большом и гористом острове (длина его до 100 км) «курильцы были зело жестоки и наступали в кукяках (панцирях из деревянных или костяных пластин. — М.Ц.), имея сабли, копья и луки со стрелами» (43, с. 142). Казаки вступили в бой с местными жителями и захватили добычу. Третий остров был только «проведан», но на него казаки, вероятнее всего, не высаживались.

На Камчатке Козыревский представил приказчику Колесову журнал плавания и посещения островов, а также «тем островам чертеж, даже и до Матманского острова», то есть до о. Матсмай, или Хоккайдо. Это были первые достоверные материалы о географическом положении Курильской гряды, составленные в основном, по расспросным сведениям.

Академик Миллер, описывая Курильские острова, руководствовался отчетом Козыревского. От мыса Лопатка до первого острова Шумшу можно было в кожаных байдарках пройти на веслах за два-три часа. На этот остров приходят жители южных островов для покупки морских бобров, лисиц и орлиных перьев для стрел. На расположенный к западу от Шумшу в 80 км от побережья Камчатки вулканический о. Алаид (теперь о. Атласова) добирались в лодках жители побережья Камчатки и двух северных островов для промысла сивучей и тюленей, которых тогда там было множество.

У жителей южной Камчатки существовала поэтическая легенда о вулкане Алаиде «будто помянутая гора стояла прежде сего по среди объявленного озера (Курильского озера на юге

Камчатки. — М.Ц.) и понеже она вышиной своею у всех прочих гор свет отнимала, то оные непрестанно на Алаид негодовали, и с ней ссорились, так что Алаид принуждена была от беспокойства удалиться и стать в уединении на море; однако в память свою на озере пребывания оставила она свое сердце, которое по курильски Учичи так же и Нухгунк, то есть пупковой, а поруски сердце камень называется, которой стоит посреди Курильского озера, и имеет коническую фигуру. Путь ее был тем местом, где течет река Озерная, которая учинилась при случае одного путешествия: ибо как гора поднялась с места, то вода из озера устремила за нею, и проложила себе к морю дорогу» (43, с. 148).

Второй остров Парамушир находится от первого на расстоянии до двух верст. Жители его делают холст из крапивы. У приезжавших с южных островов (с о. Урупа) курильчан они выменивают шелковые и бумажные ткани, котлы, сабли и лаковую посуду. Оружие у них — луки, стрелы, копья и сабли. Они имеют панцири.

Следующий остров, по Миллеру, это Мушу, или Оникутан (теперь Онекотан, по-айнски — «старая деревня»). Жители острова — айны промышленляли морских бобров и лисиц, ходили на соседние острова для промысла, а иногда приплывали для покупки бобров на Камчатку: «многие знают камчатской язык, коим говорят на большой реке, потому что они с большерецкими камчадалами торгуют и женятся» (43, с. 150)

Следующий остров Араума-кутан (ныне Харамукотан, по-айнски — «деревня лилий»). На пятый остров Сияскутан (ныне Шикотан) съезжались курильчане с севера и юга для торга. Затем идут мелкие острова. На о. Китуй (ныне Кетой) растет камыш, употреблявшийся ранее курильчанами на древки стрел (имелся в виду, очевидно, курильский бамбук). Одиннадцатый остров Шимушир (Симушир) был населен. Далее перечислялся двенадцатый остров Итурупу (Итуруп) и тринадцатый — Уруп. Тут Миллер повторил ошибку — Уруп лежит севернее Итурупа.

Об Итурупе (самом большом острове гряды, длина его до 211 км) сообщается, что остров велик, на нем много жителей. По языку и обычаям они отличались от северных курильчан:

бреют голову и «поздравление отдают на коленях». На острове были леса, в которых водились медведи. Там есть реки, имелись удобные гавани, в частности на северо-восточном берегу в бухте Майоро, или Медвежьей.

Жители Урупа, по Миллеру, таковы же, как и на Итурупу. Они покупают ткани на Кунашире и сбывают их на первом и втором северных островах. Жители Урупа и Итурупа получают из Матсмая (о. Хоккайдо) через посредничество жителей Кунашира японские шелковые, бумажные ткани и железные изделия. А итурупцы и урупцы продают японцам ткани из крапивы, меха, сушеную рыбу и китовый жир.

Далее Миллер описывает о. Кунашир. Жителей его обогащает торговля с японцами. Затем он замечает, что относительно кунаширцев неизвестно, «вольной ли они народ или зависят от города Матмая», то есть от г. Хакодате на о. Матсмае (Иезо, теперь Хоккайдо). Они часто ездят для торговли на о. Матсмай. Миллеру стало известно от Козыревского о содержании на Матсмае, Кунашире, Итурупу и Урупу множества камчадалов, мужчин и женщин, в неволе, то есть в рабстве.

Что касается о. Хоккайдо, то сообщается о проживании на нем айнов, что японцы там построили г. Матмай (ныне Фукуяма на юге острова), куда ссылают людей с южных Японских островов и держат там японские войска. Именно из г. Матмая доставляют японские товары на Кунашир и там шелковые ткани, сабли, чугунные котлы, лаковую посуду меняют на морских бобров и лисиц. И в завершение сообщаются некоторые сведения о самой Японии.

Вместе с отчетом Козыревский представил приказчику найденное на Парамушире шелковое и крапивное платье, японские сабли, три золотые манеты, двух аманатов, взятых заложниками, одного дальнего курильчанина именем Шаптаной, зашедшего с Итурупа на Парамушир для торговли японскими товарами.

Козыревский собрал первые сведения о коренных жителях островов — айнах. Он выяснил, что до появления казаков айны, заселявшие не только северные острова гряды, но и южные — Итуруп, Уруп и Кунашир, не признавали над собой ничьей власти.

Он сообщил, что японцам в то время было запрещено плавать севернее о. Хоккайдо и торговля японцев с жителями островов Курильской гряды ведется только через посредников айнов. Эти сведения поощрили Петра I к продолжению исследований Курильских островов.

Любопытна дальнейшая судьба Ивана Козыревского. Дед его, поляк, взятый в плен во время войны с Польшей, был сослан в Сибирь. Иван Козыревский стал казаком и принимал деятельное участие в их восстании на Камчатке в 1711 г. Правда, сохранилось свидетельство его сына, что отец имел лишь косвенное отношение к убийству В. Атласова. В 1717 г. Козыревский постригся в монахи и принял имя Игнатия.

В 1720 г. он, будучи на постоялом государеве дворе, повздорил с одним служивым, укорявшим его за убийство камчатских приказчиков. На что Игнатий ответил: «которые люди и царевубийцы, и те живут приставлены у государевых дел, а не великое дело, что на Камчатке прикашиков убивать». За эти слова Игнатий был отправлен под караулом в Якутск с сопроводительным письмом, где было сказано: «А от него монаха Игнатия на Камчатке в народе великое возмущение».

Но в Якутске он был отпущен и даже одно время замещал архимандрита Феофана в Якутском монастыре. В 1724 г. его вновь взяли под стражу по делу о камчатском восстании 1711 г. Он бежал из под стражи и подал Якутской воеводской канцелярии челобитную, что знает путь до Японии и просит отправить его по этому делу в Москву, но получил отказ.

В 1726 г. он явился в Якутске к В. Берингу с чертежом Камчатки и Курильских островов и просил принять его на службу для плавания к берегам Японии. В записке, переданной Берингу, Козыревский указывал метеорологические условия в проливах в различные времена года и расстояния между островами. Беринг также отказал ему.

В следующем году Игнатий был включен в отряд казачьего головы Афанасия Шестакова, направившегося на северо-восток Сибири «для изыскания новых земель и призыву в подданство немирных иноземцев». Игнатию было поручено плыть до устья Лены, выйти в море для открытия земель к северу от устья. Он построил за свой счет (а может, за счет монастыря)

судно «Эверс» и на нем в августе 1728 г. поплыл вниз по Лене. Добравшись до Сиктяха (селение на Лене почти под 70° с.ш.), он там зазимовал. В январе 1729 г. Игнатий вернулся в Якутск, а весной «Эверс» был изломан при подвижке речного льда.

В 1730 г. Игнатий появился в Москве. По его челобитной Сенат выделил немалую для того времени сумму 500 руб. на обращение камчадалов в христианство. Он был возведен в сан иеромонаха и начал готовиться к отъезду. В «Санкт-Петербургских ведомостях» от 26 марта 1730 г. была напечатана статья о его заслугах в деле открытия новых земель к югу от Камчатки: «И о пути к Япану и по которую сторону островов итти надлежит, такожде и о крайнем на одном из оных островов имеющемся городе Матмае или Матсмае многие любопытные известия подать может» (43, с. 145).

Но опять последовал донос на него как на участника бунта против Атласова. Игнатий был по приговору синода лишен сана и монашеского чина, помещен до прибытия документов из Сибири в тюрьму, где и скончался 2 декабря 1734 г.

После того как был налажен «морской ход» между Охотском на западном побережье Охотского моря и Камчаткой царь Петр I решил организовать экспедицию для поиска расположенных к востоку и юго-востоку от Камчатского полуострова земель.

В 1719 г. он приказал геодезистам Ивану Михайловичу Евреинову и Федору Федоровичу Лужину, обучавшимся в Морской академии в Петербурге, дострочно сдать экзамены за полный курс обучения и отправиться во главе отряда из 20 служивых на Дальний Восток с поручением: «Ехать вам до Таболска и от Таболска взять провожатых ехать до Камчатки и далее куды вам указано. И описать тамошние места, где сошлась ли Америка с Азией, что надлежит зело тщательно сделать не только сюд и норд, но и ост и вест, и все на карту исправно поставить» (29, с. 148).

Правда, некоторые историки считали, что геодезистам была дана еще и устная секретная инструкция. Так историк-моряк капитан 1-го ранга Александр Степанович Сгибнев в 1869 г. обоснованно, на наш взгляд, писал о том, что задание узнать,

сошлась ли Америка с Азией, было дано лишь для того, чтобы замаскировать подлинную цель экспедиции, посланной для исследования Курил и собирания подробных сведений о пути в Японию. Некоторые полагают, что царь послал геодезистов на Курилы, чтобы проверить, нет ли там серебряной руды. Ведь Козыревский в отчете о Курилах сообщал, что японцы на шестом острове берут руду.

Пересекая Сибирь по маршруту длиной около 6 тыс. км, геодезисты выполнили измерение расстояний и определили астрономически координаты 33 пунктов. В мае 1720 г. они прибыли в Якутск, а затем отправились в Охотск. Летом 1720 г. в Охотске к ним присоединился кормщик Кондратий Мошков. В сентябре они на казенной лодии, которой управлял Мошков, отправились на Камчатку и через 10 дней пристали к берегу в устье р. Ичи. Оттуда перешли на юг к р. Колпаковой, где лодия и люди перезимовали.

В мае 1721 г. на том же судне они из устья Большой реки поплыли к Курилам. Идя вдоль гряды, они достигли «шестого острова» (С.П. Крашенинников, который в 1738–1741 гг. получил наиболее достоверные сведения об их плавании, считал, что это был о. Симушир).

У этого острова судно потеряло во время шторма якорь и было унесено ко второму острову Парамуширу. Там вместо якоря использовали орудие и наковальню, сошли на берег и запаслись водой и провизией. При подъеме доморощенного якоря канат лопнул. Тем не менее судно благополучно возвратилось в Большерецк в конце июня. Здесь были изготовлены два деревянных якоря, которые оковали сковородами, после чего судно направилось в Охотск.

Таким образом русские моряки впервые достигли центральной части Курильских островов, до Симушира включительно. Геодезисты нанесли на карту 14 островов. Из Якутска Евреинов, не сообщая никому о цели и результатах плавания, поспешил на запад. Он застал императора Петра I в Казани в мае 1722 г. и представил ему отчет и карту Сибири, Камчатки и осмотренных Курильских островов. Следует отметить, что это была первая русская карта Сибири, базирующаяся на точных

(для того времени) определениях широты опорных точек с помощью астрономических наблюдений.

В 1730 г. Василий Шестаков, сын казачьего головы Афанасия Шестакова, руководителя большой экспедиции на северо-восток Азии и убитого весной того же года в бою с чукчами, побывал с 25 служилыми на пяти северных курильских островах, собрал там, впервые после Козыревского, ясак и взял двух аманатов.

Во время вторичного пребывания на Камчатке после возвращения из экспедиции Беринга к берегам Северо-западной Америки адъютант Академии наук натуралист Стеллер посетил первые Курильские острова. В своей книге он дает, частью на основании собственных наблюдений, частью по расспросам описание Курильской гряды.

Пройти морем вдоль всей Курильской гряды до берегов Японии удалось российским морякам в ходе 2-й Камчатской экспедиции Витуса Беринга (1733–1743), один из отрядов которой и должен был описать Курильские острова и путь в Японию от принадлежавших России дальневосточных берегов.

О приоритетности именно этой задачи говорит то обстоятельство, что исследования в этом направлении начались за два года до начала плавания основного отряда экспедиции Беринга к берегам Северной Америки, то есть еще в 1738 г.

Начальником этого отряда был назначен капитан полковничьего ранга Мартын Петрович Шпанберг, родом датчанин. С 1720 г. он начал службу в российском флоте в чине лейтенанта. В 1727 г., еще будучи капитан-лейтенантом, Шпанберг командовал шитиком «Фортуна» (судно поморского типа, построенное по старинной технологии сшивания досок обшивки вицей), перебрасывая людей и грузы 1-й Камчатской экспедиции Беринга из Охотска в Большерецк, что на западном берегу Камчатки.

Затем он в 1728 г. был помощником В. Беринга в историческом плавании на боте «Святой Гавриил» в Чукотском море. Шпанберг деятельно участвовал во 2-й Камчатской экспедиции Беринга. В труднейших условиях он руководил речными и сухопутными караванами, перебрасывая через нескончаемые

просторы Сибири в Охотск людей, припасы, материалы, и обеспечивал строительство в Охотске на Дальнем Востоке экспедиционных судов.

В Охотске специально для отряда Шпанберга были построены и снаряжены бригантина «Архангел Михаил» и дубель-шлюпка «Надежда», а также отремонтирован бот «Святой Гавриил». Это были небольшие двух-одномачтовые парусно-гребные суда длиной 18,3–21,3 м, шириною 5,2–6,1 м с осадкой 1,52–2,3 м.

Командиром «Надежды» назначили лейтенанта Вилима Вальтона, ботом «Святой Гавриил» командовал лейтенант Алексей Шельтинг, а бригантинной – сам Шпанберг.

Вальтон, выходец из Англии, был принят штурманом на российскую службу в 1723 г., а затем определен лейтенантом в состав 2-й Камчатской экспедиции. Шельтинг, родом из Голландии, был в 1730 г. принят в российский флот мичманом, а в 1733 г. по личной просьбе зачислен в Камчатскую экспедицию.

18 июня 1738 г. три судна под общим командованием Шпанберга вышли из Охотска и взяли курс на Камчатку. На бригантине «Архангел Михаил» ушли в плавание 63 моряка, на остальных двух судах по 44 морехода. В открытом море им встретились льды, которые пришлось обходить в течение нескольких дней. Затем начался шторм, во время которого суда потеряли друг друга из вида и далее следовали в Большерецк самостоятельно.

В середине июля все три судна вышли из Большерецка и отправились на юг вдоль Курильской гряды. Из-за густого тумана суда снова потеряли друг друга. Шельтинг отстал от отряда и вернулся в Большерецк. Шпанберг прошел вдоль Курильской гряды, ни разу не высадившись на скалистые берега. В отчете о плавании он сообщил, что у островов «берега каменные, утесы весьма крутые, и в море великая быстрота и колебание жестокое, на якорю стоять грунтов не имеется и очень глубоко» (43, с. 173).

Он дошел, по-видимому до о. Уруп, который назвал Ольховым, и, обогнув его, возвратился в Большерецк, нанеся на карту гряду Курильских островов, коих он насчитал 32 боль-



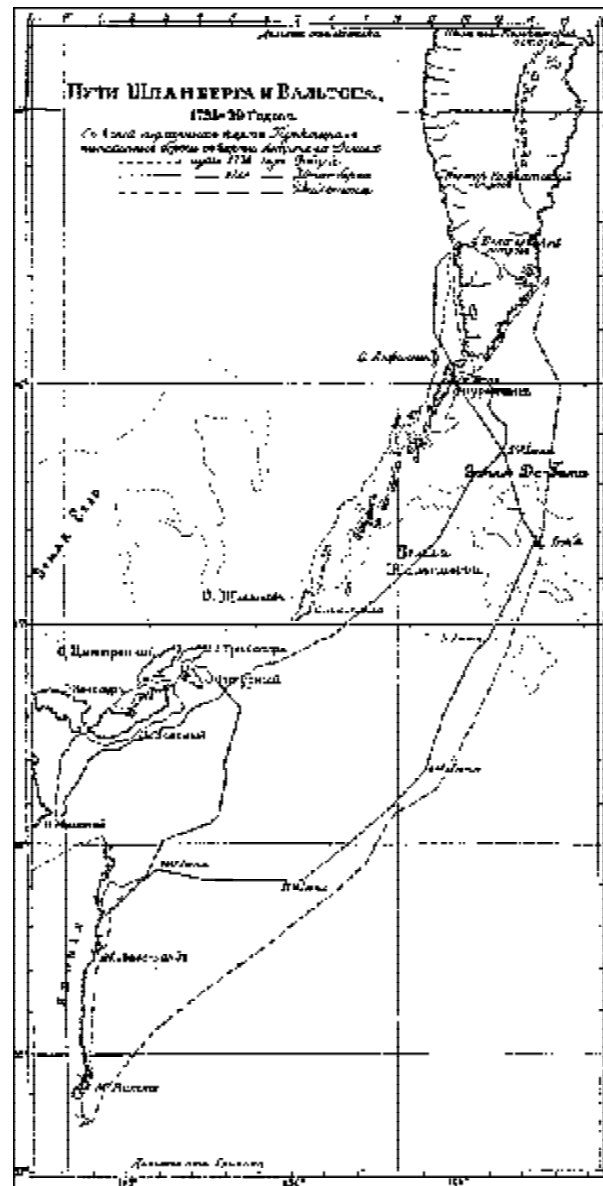
Бот «Святой архангел Гавриил»

ше, чем их числится ныне. Шпанберг считал чересчур рискованным плавать в «жестокое погоды». Кроме того, запасы продовольствия подходили к концу.

Вальтон, отделившись от Шпанберга, пошел вдоль Курильской гряды. Он зафиксировал на карте 26 островов, сумел почти до берегов о. Хоккайдо и только после этого вернулся в Большерецк.

Во время этого плавания были собраны новые сведения о Курильских островах: составлено несколько карт островов, в шканечные журналы занесены первые описания их берегов, а также отмечены глубины и течения вблизи них. Велись ежедневные записи о ветрах, несколько раз в сутки отмечались общая характеристика погоды и ее изменения. Все эти ценные для климатологии наблюдения хранятся в Российском государственном архиве Военно-морского флота в Петербурге.

Во время зимовки в Большерецке Шпанбергу удалось построить из березовой древесины так называемую «березовку» —



Плавание судов отряда капитана 1-го ранга М. П. Шпанберга к Курильским островам и берегам Японии в 1738–1739 гг.

18-весельный бот «Большерецк», отданный под команду боцманмату Василию Эрту.

22 мая 1739 г. все четыре судна отряда, выйдя из Большерецка, поплыли на юг и через несколько дней достигли первых Курильских островов. Здесь по приказу Шпанберга произошла смена командиров: Вальтон перешел на бот «Святой Гавриил», а Шельтинг — на дубель-шлюпку «Надежда». Видимо, таким образом командир отряда хотел ограничить самостоятельность Вальтона, поставив его во главе менее знакомой команды. Последний не раз пытался оторваться от отряда и проводить розыск новых земель самостоятельно.

Затем корабли Шпанберга продолжили плавание на юг, пытаясь найти гипотетическую Землю Хуана де Гамы, показанную на многих картах того времени в океане юго-восточнее Камчатки. Пройдя дальше на юг и не обнаружив этой земли, Шпанберг повернул на юго-запад к берегам Японии.

16 июня 1739 г. при подходе к японскому побережью Вальтон, вероятнее всего, умышленно отстал, а отряд Шпанберга подошел к самому берегу и направился вдоль него на юг. По пути российские моряки встречали множество небольших японских судов. С борта бригантины моряки вглядывались в берега и видели большие деревни, окруженные засеянными полями, и редкий лес. Только через неделю суда Шпанберга отдали якоря в версте от берега.

«Тогда, — писал в донесении о деятельности отряда Шпанберга Витус Беринг, — приезжали к нему, Шпанбергу, на лодках с тех японских берегов рыболовы, из которых многие были на судах его, шпанберговых, и привозили рыбу камбалу и прочие большие и малые рыбы». Жители ближних селений доставили «пшено сарочинское (под таким названием известен был россиянам рис. — М.Ц.), огурцы соленые и редис большой, и табак листовой и прочие овощи». «Вещи, в которых была нужда», моряки брали «со всякою дружескою ласкою». Японцы с удовольствием принимали ответные подарки, благодарно «прижимая их руками к груди». Затем бригантину посетили «знатные люди», которых одарили золотыми монетами (57, с. 180).

Итак, главная задача, поставленная перед Шпанбергом, была успешно выполнена: открыт путь к японским берегам от берегов Камчатки вдоль Курильской гряды, причем была определена протяженность самой гряды.

На обратном пути корабли отряда прошли мимо о. Шикотан и южного берега о. Итуруп. На о. Шикотан обнаружили удобный залив, зашли в него, на берегу моряки заполнили пресной водой бочки. Здесь от отряда отделился бот «Большерецк». Повернув на запад от этих островов, Шпанберг и Шельтинг высаживались и на другие Южно-Курильские острова, в частности на о. Кунашир, где от айнов — коренных жителей — удалось получить много новых сведений о близлежащих землях.

Правда, взятый на северных Курильских островах толмач-курильчанин не всегда понимал южных курильчан: «мы де их языку, — сообщал он, — не очень довольно знаем». Шпанберг так описал южных курильчан: они «сходны по персонам Курильским народам, носят долгое платье, портков и штанов не имеют, ходят босые, на платье у них нашиты лоскутки камчатые разных цветов; по ногам у них и по всему телу шерсть; бороды у них великие, продолговатые, черные, а которые престарелые, у тех с сединою как бороды, так и на теле; у некоторых имеются в ушах кольца серебряные. Лодки у них такие ж, как у наших курильских мужиков байдары; а язык у оных жителей походит на курильский». Миллер прибавляет к этому, что островные жители, увидев на судне живого петуха, пали перед ним на колени и «жжав руки, держали над головою и поклонялися до земли как перед петухом, так и за полученные подарки» (43, с. 178).

Затем бригантина и дубель-шлюпка подошли вновь к о. Хоккайдо, но на берег моряки не высаживались, так как на судах к этому времени было много больных. Шпанберг принял решение возвращаться в Охотск. На пути к Камчатке он специально пересек те места, где по картам того времени располагался большой остров Штатов, но ничего не обнаружил. По мнению современных историков, на месте о. Штатов (открытом в XVII в. голландцами) на самом деле были острова Иту-

руп и Кунашир, помещенные на карте совершенно неправильно. За время плавания на бригантине скончались от цинги 13 моряков.

Дубель-шлюпка «Надежда» под командой Шельтинга, разлучившись на обратном пути со Шпанбергом, возвращалась в Большерецк самостоятельно. Уже при подходе к Большерецку во время шторма судно едва не выбросило на берег. На следующий день Шельтингу все же удалось войти в устье р. Большой. Во время плавания несколько членов экипажа «Надежды» скончались, а многие были больны.

Вскоре «Надежда» вышла из Большерецка и поплыла в Охотск, но начавшийся шторм отбросил ее к югу. Через две недели, когда ветер стих, «Надежда» еще раз подошла к Охотску, но опять была отброшена штормом. Через неделю все повторилось. Измученному экипажу пришлось вернуться на Камчатку. В Охотск судно пришло лишь в следующем году.

Вальтон на боте «Святой Гавриил» также добрался до японских берегов и стал на якорь у селения Амацумура (о. Хонсю). Чтобы пополнить запасы пресной воды, на берег отправились штурман Лев Казимеров в сопровождении квартирмейстера Черкашенина и шести моряков с ружьями. Встретили их японцы приветливо, угощали вином, овощами, табаком, вареным рисом. Японцы выгрузили из ялбота две порожние бочки, налили их водой и доставили обратно на шлюпку.

Вальтон возвращался более южным путем, чем тот, которым плыл отряд Шпанберга к берегам Японии. Видимо, Вальтон все же не терял надежды увидеть Землю де Гамы.

Петербургские власти были довольны результатами плавания отряда Шпанберга в 1738–1739 гг. После получения донесения Беринга и рапорта Шпанберга в проекте указа кабинета министров отмечалось: «Особливо зело приятно нам из онога рапорту видеть было, коим образом вы во втором вояже не токмо многие острова Японские видели, но и к самим берегам японской земли приближались и тамошний народ и их суды видеть и с ними к ласковому обхождению початок учинить случай получили и благополучно оттуда возвратились» (57, с. 259).

В 1741 г. в Охотске для отряда Шпанберга был построен пакетбот «Святой Иоанн», а также отремонтированы бригантина «Архангел Михаил», дубель-шлюпка «Надежда» и бот «Большерецк». Из Петербурга в распоряжение Шпанберга были специально присланы два ученика Академии наук, обучавшиеся японскому языку.

В сентябре 1741 г. все четыре судна отряда Шпанберга перешли из Охотска в Большерецк. На следующий год в конце мая пакетбот «Святой Иоанн» под командой Шпанберга, бригантина «Архангел Михаил» под командой Шельтинга, дубель-шлюпка «Надежда» под командой штурмана Василия Ртищева и бот «Большерецк» под командой боцманмата Никифора Козина вышли в море в южном направлении. На первых Курильских островах взяли на борт двух толмачей из числа местных жителей. Стоял сильный туман, и суда потеряли друг друга. Когда через несколько дней туман рассеялся, около пакетбота оказался только «Большерецк». Однако через неделю плавания потерялся из вида и он.

Шпанберг прошел далеко на юг, но на судне открылась большая течь и ему пришлось возвращаться. У первых северных Курильских островов суда вновь соединились, и Шпанберг со всеми судами, кроме «Надежды», ушел в Большерецк, а затем и в Охотск.

Исследования продолжила только «Надежда», которая находилась, по мнению Шпанберга, в лучшем техническом состоянии. Шельтинг, назначенный на дубель-шлюпку командиром, спустился на ней к юго-западу вдоль Курильской гряды и подошел к Сахалину. Затем он поплыл к югу вдоль его восточных берегов почти до пролива Лаперуза, отделяющего Сахалин от Хоккайдо. Из-за туманов и неблагоприятных ветров восточный берег Сахалина, который Шельтинг отождествил по имеющейся у него карте с Землей Иезо, был осмотрен совсем поверхностно. Затем «Надежда» повернула на север и возвратилась в Охотск.

Так закончилась деятельность отряда Шпанберга по описи Курильских островов и розыску пути из Камчатки в Японию. По оценке видного океанолога и историка географических исследований профессора, контр-адмирала Николая Николаевича

ча Зубова «в результате плаваний 1738–1739 гг. Шпанбергом и Вальтоном была составлена карта Курильских островов, являвшаяся с географической точки зрения большим шагом вперед» (34, с. 94).

Российские моряки совершили важные географические открытия: был открыт путь от Камчатки к Японии вдоль Курильской гряды, были впервые нанесены на карту, хотя и неточно, а местами неверно, все Курильские острова от мыса Лопатка до Хоккайдо, западные участки побережья Охотского моря, включая восточное побережье Сахалина и часть Северной Японии, было доказано, что к востоку от Японских островов никакой суши нет, то есть что Земли де Гамы не существует, а о. Штатов и Земля Компании, показанные на многих картах западноевропейских географов, есть не что иное, как два крупных Курильских острова.

Карты Шпанберга и Вальтона были использованы при составлении восточной части «Генеральной карты Российской империи» в атласе, изданном Российской академией наук в 1745 г., а также карты в нем, на которой были изображены Курильские острова, часть Японии, Южная часть Камчатки, Сахалин и устье Амура (43, с. 182).

Все эти открытия сделали российские моряки ценою многих жертв и лишений, на судах, построенных в молодых дальневосточных форпостах Российской державы. Ведь походы судов отряда Мартына Петровича Шпанберга явились одними из первых плаваний российских моряков по океанским просторам.

Эти морские походы много дали для развития географической науки и подготовили условия для проведения описи Курильских островов в начале XIX в. с использованием новых технических средств, в частности хронометров, с помощью которых более точно определяли долготу географических объектов, чем это делали моряки в первой половине XVIII в.

Но это была уже новая страница в истории российских географических исследований, связанная с первыми кругосветными плаваниями российских моряков в начале XIX в., проведенными под руководством прославленных отечественных мореплавателей Ивана Федоровича Крузенштерна и Василия Михайловича Головнина.

Использование курильских промыслов и освоение Курильских островов русскими проходило в течение всего XVIII в. Вплоть до 40-х гг. того столетия сборщики ясака ходили не далее первых двух северных островов. В сороковых годах они проникли до Чиринкотана (против Сиашкотана). Из-за этого часть местных жителей ушла на южные острова. Для их возвращения в 1750 г. был послан тойон (старшина) Николай Сторожев, живший на первом острове. Он побывал на более южных островах, вплоть до Симушира, но не смог вернуть беглых курильчан.

В 1755 г. он представил в Большерецк донесение, где сообщил о жителях о. Ушишир: «курильцов 25, природою весьма мохнаты; губы, руки и ноги, для красы, черною краскою расписывают; платье у них японские азямы и из птичьих кож; в житии весьма необходимы; язык их мало походит на язык ближних, так что без толмача не понять; к приезжим весьма благосклонны; хвосты орловые покупают весьма дорого; владелец их, тоён, которому они оказывают честь и покорство, живет на 21-м острове (академик Л.С Берг предполагал, что речь шла об о. Итуруп. — М.Ц.); 10 человек из них уговорены в ясачный платеж» (43, с. 153). Тойон Симушира подарил Сторожеву саблю с ножнами, что у айнов означало великую честь и дарилось в знак вечной дружбы. Однако уговорить его принять подданство России не удалось.

Сибирский губернатор Соимонов поручил в 1761 г. полковнику Плениснеру, командиру Анадырского, Охотского и Камчатских острогов, собрать более подробные сведения о южных Курильских островах. Для этого в 1766 г. из Большерецка были отправлены туда тойон второго острова Никита Чикин и казначий сотник Иван Черный. Им предписывалось курильчан «уговаривать в подданство, не оказывая при том не только делом, но и знаком грубых поступков и озлобления, но привет и ласку» (43, с. 154).

Чикин скончался на о. Симушире, и с 1767 г. Черный оказался единственным старшим представителем российских властей на островах. Зимой 1767–1768 гг. он провел на Симушире, заставляя местных жителей работать на себя и нещадно наказывая провинившихся. Летом он добрался до о. Итуруп и

привел в подданство всех местных айнов и даже двух приезжих с Кунашира. Тойон Итурупа сообщил ему, что на Кунашире японцы основали крепость. Черный поселился на Урупе и занялся промыслом бобров, продолжая эксплуатировать местных айнов.

В 1769 г. Черный возвратился в Большерецк и подал свой отчет о плавании, в котором подробно и, по мнению академика Л.С. Берга, весьма толково описал острова. Поражает малая населенность Курильской гряды в то время. Так Черному на 19 островах (включая Итуруп) удалось привести в подданство лишь 83 взрослых «мушин-айнов». Любопытно, что все преступления Черного в части отношения с айнами стали известны российским властям, над ним было назначено следствие, прекращенное только из-за его смерти от оспы в Иркутске.

Преступные действия сотника Черного привели к тому, что в 1771 г. айны подняли восстание и истребили многих русских на Итурупе. Курильцы ночью похищали у русских оружие и затем набрасывались на безоружных. Пользовались они и отравленными стрелами.

В сентябре 1777 г. из Охотска на Уруп отплыла бригантина «Наталия», на которой в качестве переводчика находился иркутский посадский Шабалин. В мае следующего года Шабалин на трех байдарах пошел на Итуруп. Там у него произошла удивительная встреча с местными тойонами айнов: «в изъявление дружбы они сначала, держа в руках обнаженные сабли и копья, кричали с лодок; бывшие на берегу мохнатые, из числа сопровождавших Шабалина, в ответ ходили вдоль берега с копьями, ноги выметывая вверх, необыкновенно кричали нелепыми зверообразным голосом и скакали, а женский пол их, 32, ходили позади их и кричали также тонкими голосами». А затем все — и новоприбывшие, и береговые — соединились в одну толпу и с обнаженным оружием начали скакать; потом тойоны подходили поочередно к толмачу и держали над его головой сабли. Русские сначала подумали, не хотят ли айны напасть на них, но потом недоразумение разъяснилось. Видимо, эти церемонии встречи, описанные рядом других путешественников, основой своей имеют древние обычаи встречи представителей разных племен (43, с. 155).

С Итурупа Шабалин отправился на Хоккайдо. По пути, видимо на Кунашире, от айнов он выяснил характер их торговли с японцами. Оттуда айны получали топоры, сабли и пальмы (широкие ножи), а также платье-азямы. Шабалин сообщил, что айны готовят грубую ткань из лыка, имеют луки и стрелы, наконечники которых отравляют соком «лютика», носят деревянные панцири («куяки») из мелких дощечек и шлемы из лосок, строят крепостцы, питаются рыбой и привозным из Японии рисом. Также айны рассказали ему, что против о. Кунашир с северной стороны имеется земля, на которой живут люди, родственные айнам. Речь шла о Сахалине, по-японски Карафуто, а по-айнски Короска.

Дальнейшее интенсивное развитие промыслов на Курилах связано уже с деятельностью Российско-американской компании, которой в 1799 г. царское правительство передало права на промысловую и другую хозяйственную деятельность в обширном регионе — на островах в северной части Тихого океана и на Аляске.



ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Бейкер Дж. История географических открытий и исследований. М.: Гос. изд.-во иностранной литературы, 1950.
2. Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII в. М.: Наука, 1987.
3. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Наука, 1960.
4. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Наука, 1982.
5. Каманин Л.Г. Сибирь и Дальний Восток // Сб. История открытия и исследования Советской Азии. М.: Мысль, 1969.
6. Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. // Бахрушин С.В. Научные труды. Т. III. М.: изд.-во АН СССР, 1955.
7. Мавродин В.В. Русские полярные мореходы (с древнейших времен до XVI в.). Л., Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний, 1955.
8. История Сибири. Колл. авт. Т. I. Л., Наука, 1968.
9. Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. Т. I. М.: Просвещение, 1982.
10. Белов М.И. История открытия и освоения Северного морского пути. Т. I. М.: Морской транспорт, 1956.
11. Окладников А.П. Открытие Сибири. М.: Молодая гвардия, 1979.
12. Скрынников Р.Г. Далекий век (Иван Грозный, Борис Годунов, Сибирская одиссея Ермака). Л.: Лениздат, 1989.
13. Белов М.И. По следам полярных экспедиций. Л.: Гидрометеиздат, 1977.
14. Белов М.И. Крайний Север и Северный морской путь // Сб. История открытия и исследования Советской Азии. М.: Мысль, 1969.
15. Соловьев С.М. Сочинения. Книга III. Т. 5–6. История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1989.
16. Рылеев К.Ф. Думы. Л., Лениздат, 1984.
17. История Сибири. Гр. авт. Т. 2. Л., Наука, 1968.
18. Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. Т. II. М.: Просвещение, 1983.
19. Бахрушин С.В. Воеводы Тобольского разряда в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. Т. III. М.: изд.-во АН СССР, 1955.
20. Пушкирев Л.Н. Юрий Крижанич. М.: Наука, 1984.
21. Белов М.И. Раскопки «златокопящей» Мангазеи. Л., изд.-во Географического общества СССР, 1970.
22. Русская историческая библиотека. Т. II, Спб., 1875.
23. Белов М.И., Овсянников В.Ф., Старков В.Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. Ч. I. Л., Гидрометеиздат, 1980.
24. Сб. документов. Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в. М.: Гос. изд.-во географ. лит.-ры, 1951.
25. Бахрушин С.В. Мангазейская мирская община в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. Т. III. М.: изд.-во АН СССР, 1955.
26. Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М.: Наука, 1981.
27. Бахрушин С.В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. Т. IV. М.: изд.-во АН СССР, 1959.
28. Лебедев Д.М. География в России XVII в. М.-Л., изд.-во АН СССР, 1949.
29. Ефимов А.В. Из истории великих русских географических открытий. М.: Гос. изд.-во географ. лит.-ры, 1950.
30. Забелин И.М. Встречи, которых не было. М.: Мысль, 1966.
31. Сб. документов. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. М.-Л., изд.-во Главсевморпути, 1952.
32. Северин Н.А. Отечественные путешественники и исследователи. М.: Гос. учебно-педагогич. изд.-во Министерства просвещения РСФСР, 1956.

33. Полевой Б.П. Предыстория Русской Америки (зарождение интереса в России к северо-западному берегу Америки) // Гр. авторов. История Русской Америки. Т. I. М.: Международные отношения, 1997.
34. Зубов Н.Н. Отечественные мореплаватели – исследователи морей и океанов. М. Гос. изд.-во географ. лит-ры, 1954.
35. Крашенинников С.П. Описание Земли Камчатки. М.-Л., изд.-во Главсевморпути, 1949.
36. Демин Л.М. Семен Дежнев. М.: Молодая гвардия, 1990.
37. Урсул Д.Т. Николай Гаврилович Милеску Спафарий. М.: Мысль, 1980.
38. Бахрушин С.В. Андрей Федорович Палицын // Бахрушин С.В. Научные труды, Т. III. М.: изд.-во АН СССР, 1955.
39. Бахрушин С.В. Сибирские слободчики // Бахрушин С.В. Научные труды, Т. III. М.: изд.-во АН СССР, 1955.
40. Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. Т. III. М.: Просвещение, 1984.
41. Цит. по экстракту из сочинения профессора Г.Ф. Миллера «Известия о Северном морском ходе из устья р. Лены ради обретения восточных стран // Приложение к книге Ефимова А.В. «Из истории великих русских географических открытий». М.: Гос. изд.-во географ. лит-ры, 1950.
42. Лебедев Д.М. География в России Петровского времени. М.: изд.-во АН СССР, 1950.
43. Берг Л.С. Открытие Камчатки и экспедиция Беринга. М.-Л., изд.-во АН СССР, 1946.
44. Загоскин Н.П. Русские водные пути и судовое дело в допетровской России. Казань, 1910.
45. Распутин В.Г. Байкал // Отечество. Краеведческий альманах. М.: Профиздат, 1990.
46. Бахрушин С.В. Сибирь и Средняя Азия в XVI и XVII вв. // Бахрушин С.В. Научные труды. Т. I. М.: изд.-во АН СССР, 1959.
47. Гольденберг Л.А. Семен Ульянович Ремезов. М.: Наука, 1965.
48. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. III. п. 1532, Спб., 1832.

49. Приложение к «Чертежной книге Сибири», составленной тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. Спб, 1882.
50. Миддерндорф А.Ф. Путешествие по северу и востоку Сибири. Ч. I, вып. 1. Спб., 1860.
51. Берг Л.С. Первые карты Камчатки // Известия Всесоюзного географического общества. Т. 75, вып. 4. М.: 1943.
52. Группа авторов. Русские сторожилы Сибири. М.: Наука, 1973.
53. Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России. 1849–1855. М.: ОГИЗ, Гос. изд.-во географ. лит-ры, 1947.
54. Вадецкая Э.Б. Сказы о древних курганах. Новосибирск, Наука, 1981.
55. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. I. М.-Л., изд.-во АН СССР, 1950.
56. Райков Б.Е. Карл Бэр. Его жизнь и труды. М.-Л., изд.-во АН СССР, 1961.
57. Экспедиция Беринга. Сб. документов. М.: Главное архивное управление НКВД, 1941.
58. Деревянко А.П. В поисках оленя «Золотые рога». М.: Совет. Россия, 1980.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ПЕРВЫЕ ПОХОДЫ ЧЕРЕЗ «КАМЕНЬ»	8
СТРАНИЦЫ ДРЕВНЕЙШЕЙ ИСТОРИИ СИБИРИ	25
ЕРМАК В СИБИРИ. ИСТОРИЯ ПЕРВОГО «СИБИРСКОГО ВЗЯТИЯ»	105
ВТОРОЕ «ВЗЯТИЕ»	135
СУДЬБА «ЗЛАТОКИПАЮЩЕЙ ЗЕМЛИЦЫ» МАНГАЗЕИ	156
ПЕРВОПРОХОДЦЫ НА ЕНИСЕЕ И ТАЙМЫРЕ	189
КАК БЫЛИ ОТКРЫТЫ ВЕЛИКАЯ СИБИРСКАЯ РЕКА ЛЕНА И ЕЕ ПРИТОКИ ..	211
РУССКИЕ КОЧИ У СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПОВЕРЕЖЬЯ СИБИРИ	228
СИБИРСКИЕ КАЗАКИ В ЗАБАЙКАЛЬЕ И НА БАЙКАЛЕ	243
КАЗАКИ И ПРОМЫШЛЕННИКИ ВЫХОДЯТ НА ПОВЕРЕЖЬЕ ОХОТСКОГО МОРЯ	251
ОТКРЫТИЕ МОРСКОГО ПРОХОДА ИЗ ЛЕДОВИТОГО МОРЯ В ВОСТОЧНЫЙ ОКЕАН	266
ПЕРВЫЕ ПЛАВАНИЯ ПО АМУРУ	287
ЧЕРЕЗ СИБИРЬ В ДАЛЕКОЕ ГОСУДАРСТВО БОГДЫХАНОВ	310
РУССКИЕ ПЕРВОПРОХОДЦЫ НА КАМЧАТКЕ	327
ВЫДАЮЩИЙСЯ СИБИРСКИЙ КАРТОГРАФ XVII В. И ПЕРВЫЙ ИСТОРИК СИБИРИ	347
ЗАСЕЛЕНИЕ СИБИРИ РУССКИМИ ЛЮДЬМИ В XVII В. ...	364
РУССКИЕ НА КУРИЛАХ. КТО ПЕРВЫМ ОПИСАЛ КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА? ...	372
ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА	394

Ципоруха М.И.

Ц 67 **Покорение Сибири. От Ермака до Беринга.** — М.: Вече, 2004. — 400 с. («Тайны Земли Русской»)

ISBN 5-9533-0161-8

Книга М.И. Ципорухи посвящена освоению русскими людьми сибирских и дальневосточных земель, постепенному вхождению их в состав Российского государства. В доступной и увлекательной форме автор рассказывает о древних государствах на территории Сибири, о процессах этногенеза, об археологических открытиях отечественных ученых. Основное внимание уделено деяниям русских землепроходцев и мореплателей, прежде всего, в последней трети XVI и первой половине XVII в. однако путешествия и экспедиции рассмотрены вплоть до конца XVIII в. Нынешние Сибирь и Дальний Восток занимают более трех четвертей территории современной России. Бескрайние просторы Сибири таят в своих недрах колоссальные запасы нефти, газа, угля, золота, алмазов, железа, цветных и редких металлов. Без Сибири не было бы России как великой державы — такова главная мысль данного исследования.

ЦИПОРУХА Михаил Исаакович

ПОКОРЕНИЕ СИБИРИ

От Ермака до Беринга

Генеральный директор *Л.Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*
Главный редактор *С.Н. Дмитриев*
Редактор *Е.Д. Страхов*
Корректор *Г.Н. Страхова*
Верстка *М.Ю. Евдокимов*
Разработка и подготовка к печати
художественного оформления *Д.В. Грушин*

Гигиенический сертификат № 77.99.02.953.П.002268.12.02
от 09.12.2002 г.

129348, Москва, ул. Красной Сосны, д. 24.

ООО «Издательство «ВЕЧЕ 2000»
ЗАО «Издательство «ВЕЧЕ»
ООО «Издательский Дом «ВЕЧЕ»

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>,
www.100top.ru

Подписано в печать 15.04.2004. Формат 60S90 $\frac{1}{6}$.
Гарнитура «Кудряшов». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 25. Тираж 5000 экз. Заказ № .